

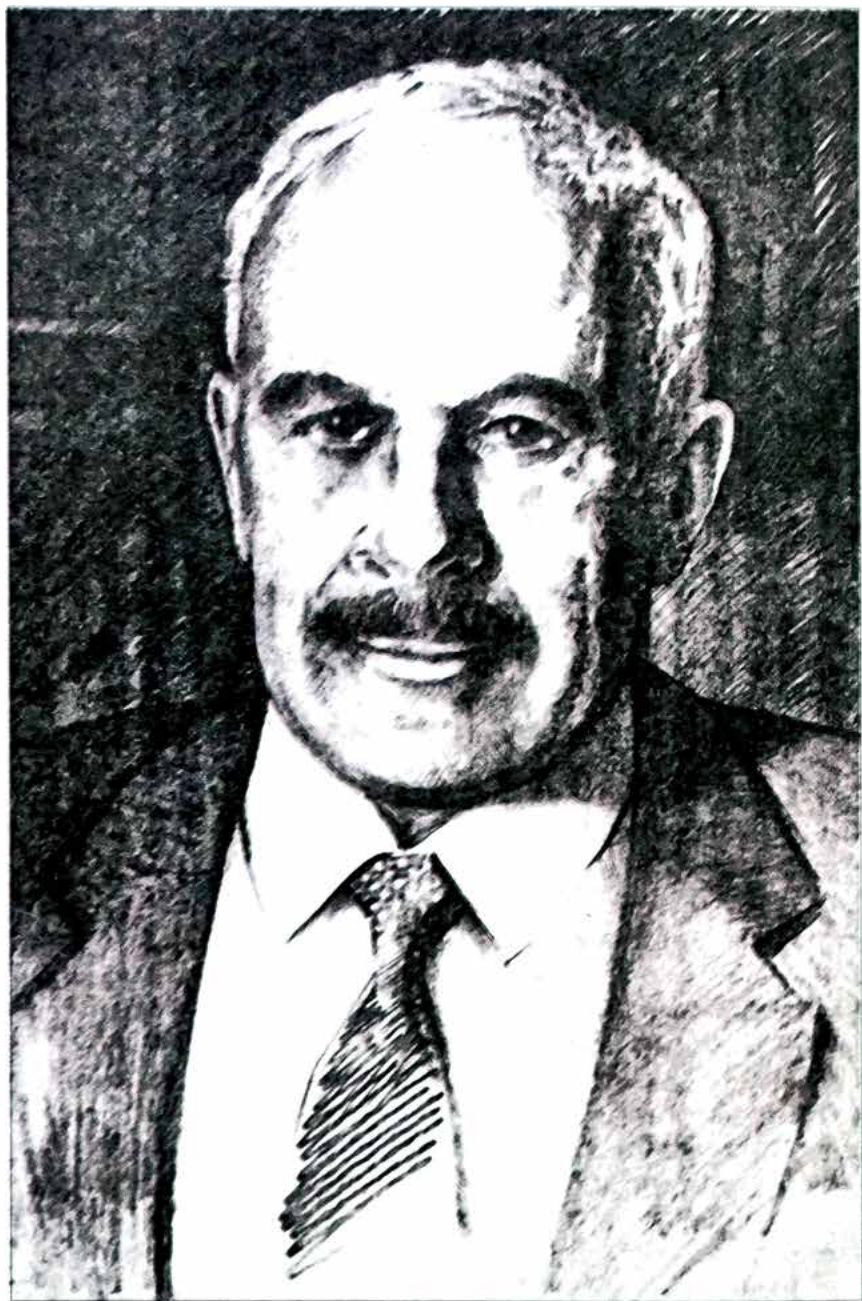
Хизгил Авшалумов

ПОХОЖДЕНИЯ
ХИТРОУМНОГО
ШИМИ
ДЕРБЕНДИ

*Светлой памяти моих рано ушедших из жизни
матери, Биче, и отца, Давида,
по которым тосковал всю жизнь*

*Хизгил
Авшалумов*

ПОХОЖДЕНИЯ
ХИТРОУМНОГО
ШИМИ
ДЕРБЕНДИ

*Юмористические
и сатирические новеллы*

Рассказы

МОСКВА 1998

*Автор выражает глубокую благодарность
Василию Власову, Ирине Леонтьевой,
Махтаю Махтаеву, Сергею Стулову и Илье Урилову
за помощь в издании книги.*

© Х.Д.Авшалумов, 1998
© С.Стулов, макет и оформление, 1998
© В.Власов, иллюстрации, 1998

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	IX
-------------------	----

НОВЕЛЛЫ

о хитроумном Шими Дербенди

“Поздоровавшись с водкой, попрощайся с умом”	1
Подарок жене	3
Будуар для невестки Шими	5
И она черная... ..	8
Как Шими с женой поменялись обязанностями	9
Человек и обезьяна	13
Радость Шими	14
Горе Шими	16
Шими в больнице	17
Шими откладывает свои похороны	18
Как Шими перевоспитывал свою невестку	20
Шими на службе у государя императора	22
Как Шими был певцом на “тайной свадьбе”	25
Кинжал и хлеб	28
Как Шими замещал Худо	29
Как Шими испытал своего сына	35
Как осел Шими отомстил своему хозяину за... критику	37
Шими в роли ревизора	39
Человек-загадка	41
Шими и великий Фирдоуси	43
Чтобы плакать, тоже нужно настроение... ..	47
Дружба наполовину с водой, наполовину с уксусом	49
Шими на свадьбе	50
“Похвальное” слово взяточнику	52
Петух-будильник	55

Осел на колодках	56
Любовь и борода (<i>Первое письмо Шими автору</i>)	57
Интересная идея	62
Как однажды волки в лесу приняли Шими за осла	63
Модная невеста	65
Импортный осел	66
Соломоново решение	68
Как Шими оправдался перед женой	71
Когда бедняк покупает курицу	73
Не всякую правду можно сказать жене	74
Ум и богатство	78
“Чужой покойник кажется спящим”	79
Как Шими ехал на осле задом наперед	82
Сердце	83
Как Шими стал наполовину мужчиной, наполовину женщиной	84
Баран на шашлык	85
Могила хана	88
Любовное приключение Шими	90
Как Шими провел своих кредиторов-ростовщиков	96
Азраил за рулем	99
Новое проклятие	100
Три коварных свойства вина	101
Почти как у Насретдина	103
Заграничный кунак Шими	105
Шими-охотник	108
Средство от ожирения	110
Шими в командировке	112
Как Шими вместо овцы всучили пса	113
“Верь глазам, а не ушам”	115

“Счастливого конца”	117
“Не всякий выпачкавшийся мукой — мельник”	118
Нет лекарства от глупости	119
“Электронный дьявол”	120
Как Шими приняли за сумасшедшего	121
Как Шими поймал председателя в железный капкан	126
Шайтан	128
Взгляд в будущее	130
Вылечился от слепоты	132
Как Шими “разводился” со своей старухой (<i>Второе письмо Шими автору</i>)	133
Каждый сам себя лучше знает	137
Ослон поехал, ослон приехал	138
“На брыканье осла не обижаются”	139
“Один лает, другой кукарекает”	140
“С волком овцу съел, а с хозяином плачет”	142
Как Шими получил золотой червонец за то, что поцеловал великую княгиню	144
Как “Бог” подшутил над бедняком Шими	147
Бог велик... ..	149
Как Шими давал “взятку”	150
Кровь жены	152
Осел с дипломом	153
Как Шими отказался от незаслуженной славы	154
“Покойник” с лошадиным храпом	155
Новогодняя индюшка	158
“Еще одно такое счастье...”	159
Как Шими враз проглотил две чубайсовские “Волги”	162
Обида	165
“Вторая свадьба” Шими (<i>Третье письмо Шими автору</i>)	166
Гнев царя царей Хосрова Ануширвана	170

РАССКАЗЫ

Как я воскрес	173
“Жених” бабушки Фатьмы	177
Встречи у родника	183
Как я писал диссертацию	190
Фанфарон, или Жертва одного поцелуя	196
Хабар и хинкал	201
Муж двух жен	207
Как Муза стала Марусей	212
Каверзные шутки проказницы весны	217
Совбол	224
Черные слезы	230
“Бриллиантовый мужчина”	235
“Проклятая история”	239
Мастер красоты	243
Телефон	248
Сосед мой — враг мой	253
Как я стал “неисправимым пьяницей”	258
Опасный гость	263
Пружины любви	271
Последний бокал	277
На белом коне — в Берлин (<i>Рассказ-быль</i>)	282
Каинова печать (<i>Быль</i>)	287
Сказание о любви (<i>Татская легенда</i>)	293

ПРЕДИСЛОВИЕ

В ряду известных деятелей дагестанской культуры народному писателю Дагестана, заслуженному работнику культуры Российской Федерации и Республики Дагестан, лауреату премии им. Сулеймана Стальского Хизгилу Авшалумову принадлежит почетное место.

Хизгил Давидович Авшалумов родился в 1916 году в селе Ньюди (Мюшгубр) Дербентского района, в крестьянской семье. Здесь же прошли его детские и юношеские годы. Будущему писателю выпала нелегкая судьба. Ему не было и четырех лет, когда умерла мать, а в 13 лет он потерял отца. Мальчик-подросток, чтобы прокормить себя, сестренку и двух младших братьев, был вынужден бросить учебу и вступить в колхоз. Работал подпаском, ходил за плугом, выращивал хлеб, рис, овощи.

Хизгил Авшалумов записывает пехлевийские сказания о Рустаме Зале, Бежоне и Менежон со слов 80-летнего знаменитого татского сказителя и ашуга Хизгия (Эмина) Дадашева, сохранившиеся только в татском фольклоре. 1938.

Классик дагестанской поэзии
народный поэт Дагестана Гамзат Цадаса
и Хизгил Авшалумов. 1940.

Хизгил Авшалумов —
офицер Советской Армии. 1946.

Как писатель Х. Авшалумов начал формироваться в эти же годы. Еще будучи колхозником, любознательный юноша становится активным селькором. Пишет в республиканскую газету “Захметкеш” (“Труженик”), издававшуюся в Дербенте, заметки и корреспонденции из жизни своего села, колхоза. Осенью 1935 года редакция приглашает его на работу в качестве штатного сотрудника. На страницах газеты появляются первые очерки, фельетоны и рассказы молодого автора.

Большое значение для духовного и творческого роста, расширения кругозора Х. Авшалумова имела его работа в Дагестанском научно-исследовательском институте истории, языка и литературы (ныне Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы), куда он был принят в мае 1938 года в качестве научного сотрудника. Работу в институте он сочетает с учебой (заочно) в Дагестанском педагогическом институте.

Во время работы в научно-исследовательском институте Х.Авшалумовым было собрано значительное количество произведений татского фольклора разных жанров, которые вошли в подготовленный им первый сборник татского фольклора, изданный в 1940 году. Значительная часть сказок, песен, пословиц, вошедших в этот сборник, была записана его другом, молодым, но уже известным татским поэтом и журналистом Манувахом Дадашевым, погибшим на войне.

Х.Авшалумовым была также составлена и издана русско-татская терминология (словарь идиом). В 1940 году в первом татском альманахе была напечатана его первая повесть "Влюбленные". В том же году Авшалумова принимают в члены Союза писателей СССР.

Работа молодого писателя и ученого над составлением первого русско-татского словаря была прервана Великой Отечественной войной, участником которой он становится с первых дней. Х.Авшалумов служил заместителем командира казачьего кавалерийского сабельного эскадрона. Был дважды ранен.

Демобилизовавшись после четырнадцатилетней службы в армии в 1955 году, он возвращается в Дагестан и десять лет работает корреспондентом республиканской газеты "Дагестанская правда". За это время он объездил на машине и верхом, исходил пешком все районы республики, включая самые высокогорные. Эти поездки

Народный поэт Дагестана Расул Гамзатов и Хизгил Авшалумов. 1966.

Народный писатель Дагестана Ахмедхан Абу-Бакар и Хизгил Авшалумов. 1967.

Народный поэт Дагестана Юсуп Хаппалаев
и народный писатель Дагестана Хизгил Авшалумов. 1995.

Хизгил Авшалумов с колхозниками,
Героями Социалистического Труда Гюльбоор Давыдовой
и Мардахаем Исаевым. 1965.

помогли ему глубже познакомиться с жизнью, трудом, обычаями и традициями мужественных и трудолюбивых жителей Страны гор, собирал материалы, сюжеты для новых рассказов, новелл и очерков, которые он пишет на родном и русском языках.

Хизгил Авшалумов является автором многих рассказов, главным образом юмористического и сатирического жанра, большая часть которых вошла в настоящий сборник. Он участник Всероссийского творческого семинара рассказчиков, состоявшегося в Малеевке в 1959 году, на котором, как свидетельствует газета «Литература и жизнь» от 3 июня 1959 года, его рассказы «получили заслуженное признание». А во время Декады дагестанской литературы и искусства в Москве в 1960 году председатель правления Союза писателей Российской Федерации Леонид Соболев назвал рассказы Хизгила Авшалумова «Встречи у родника», «Хабар и хинкал», «Жених бабушки Фатмы» великолепными, а рассказ «Как я воскрес» — написанным «по-твеновски» («Дагестанская правда», 12 июля 1960 года).

Хизгил Авшалумов также автор повестей: «Фамильная арка», «Возмездие», «Кушак бездетности», — получивших признание у читателя. В них отражены жизнь и труд, быт, обычаи и традиции, об-

Хизгил Авшалумов (в середине), лакский поэт Бадави Рамазанов (стоит слева) и лезгинский прозаик Меджид Гаджиев (стоит справа) с аксакалами аула Ничрас Табасаранского района. 1972.

ряды и поверья, борьба и чаяния народа. Его перу принадлежат: поэма об односельчанке и близкой родственнице, Герое Социалистического Труда, матери двух погибших на войне сыновей — Гюльбоор Давыдовой; четыре полноактные пьесы, в том числе первая татская музыкальная комедия “Кушак бездетности”, которую известный татский поэт Миши Бахшиев назвал “жизнеутверждающей комедией”; историческая драма “Толмач имама Шамиля”. Последняя ставилась на сценах Государственных кумыкского и лезгинского театров. Тема народно-освободительной борьбы героев решается автором на историческом материале, а также народных легенд.

Наиболее ярко талант писателя раскрылся в юмористических и сатирических новеллах о хитроумном Шими Дербенди. Разящий смех Х. Авшалумова, его умение выставить “жизнь лицом”, со всеми ее недостатками, во всем богатстве и многообразии ее типов, высоко ценили и ценят его почитатели и коллеги.

“Среди народных мудрецов-острословов мира Ваш герой Шими Дербенди займет не последнее место...” Это высказывание о герое новелл писателя принадлежит одному из его читателей, жителю Санкт-Петербурга. Его приводит в своем предисловии к книге “Фамильная арка” (Махачкала, Даггиз, 1984.) дагестанский ученый-литературовед С. Ахмедов.

Автор предисловия далее отмечает: “Шими Дербенди — художественная находка писателя. Он воплощает образ типичного представителя татского народа. Вместе с тем Шими Дербенди — фигура общедагестанская. Хизгил Авшалумов сумел показать через образ Шими прошлое и настоящее народа, выразить народный взгляд на те или иные животрепещущие проблемы современности. Он пользуется широкой популярностью у читателей”.

Новеллы о хитроумном Шими Дербенди печатались на страницах республиканских газет, вызывая неизменный интерес у читателей. Некоторые из них были опубликованы в журнале “Советская литература”, а также за рубежом, на немецком, английском, французском и испанском языках. Большой цикл этих новелл был напечатан в журнале “Наш современник” (1969, № 7).

Во введении к этому циклу народный писатель Дагестана Ахмед-хан Абу-Бакар писал: “Дербент — древний город, древняя крепость. В этом историческом городе живет одна из самых малочисленных народностей Страны гор — таты. Говорят они на одном из

Татские писатели Лазарь Амиров, Хизгил Авшалумов и Михаил Дадашев на книжном базаре в Дербенте дают автографы. 1965.

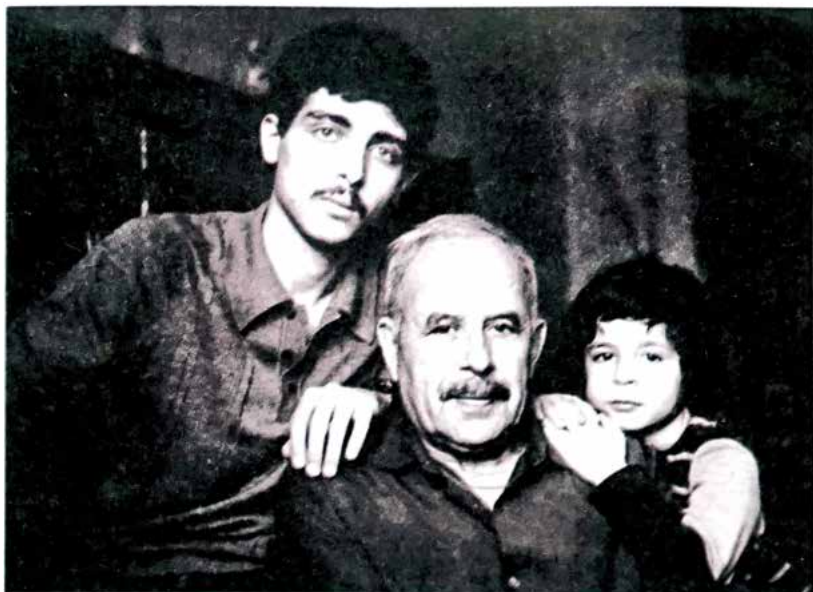

Хизгил Авшалумов с режиссером и артистами Государственного лезгинского музыкально-драматического театра, игравшими в его пьесе «Толмач имама Шамиля». 1996.

диалектов фарси, и герой предлагаемых читателю новелл дагестанского писателя Хизгила Авшалумова — один из представителей этого самобытного народа.

Благодатный климат, бодрящее вино, море, горы, неиссякаемый юмор народа, его жизнелюбие, добрый смех, являются залогом того, что здесь люди живут до глубокой старости, сохраняя бодрость духа и ясность ума. Этими качествами славится герой новелл Хизгила Авшалумова старик Шими Дербенди — в прошлом батрак на частных виноградниках, а ныне — старейший колхозник”.

Автор показывает своего героя веселым, насмешливым, неунывающим, лукавым, наделенным чувством юмора и острым умом. Будучи простым человеком из народа, он вместе с тем обладает зорким взглядом, житейской мудростью, знанием жизни. Его отличает трудолюбие, оптимизм, нетерпимое отношение к несправедливости, фальши, подлости, высокомерию, человеческой глупости, лицемерию, обману. При всем том автор не идеализирует своего героя. Шими Дербенди не лишен некоторых человеческих

Хизгил Авшалумов со своим внуком Маратом и внучкой Гюльнарой. 1991.

слабостей, показанных в новеллах: “Не всякую правду можно сказать жене”, “Как Шими всучили пса вместо овцы”, “Любовные приключения Шими”, “Как Шими враз проглотил две чубайсовские “Волги” и др.

Но эта неутомимая личность, прямодушная и веселая, порой по-детски наивная, смело вступает в борьбу с общественными и человеческими пороками, недостатками, хотя и не всегда выходит из нее победителем и часто попадает впросак, что побуждает героя с нескрываемой досадой на себя говорить словами известной пословицы: “Думаешь, поймал, а смотришь — сам попался”. Однако образ его не становится от этого менее интересным, привлекательным и цельным.

Впервые отдельной книгой на русском языке новеллы о хитром Шими Дербенди вышли в 1982 году (на татском языке они были изданы значительно раньше). 15 тысяч экземпляров книги разошлись в течение нескольких дней. Она получила высокую оценку в печати. Так, в рецензии, опубликованной в газете “Дагестанская правда” от 3 февраля 1983 года, вскоре после ее выхода, говорится: “Сила новелл Хизгила Авшалумова в том, что они не схема и не абстрактные рассуждения. Каждый жизненный факт или

Хизгил Авшалумов с дочерью Людмилой на воинском кладбище
в Махачкале 9 мая 1997.

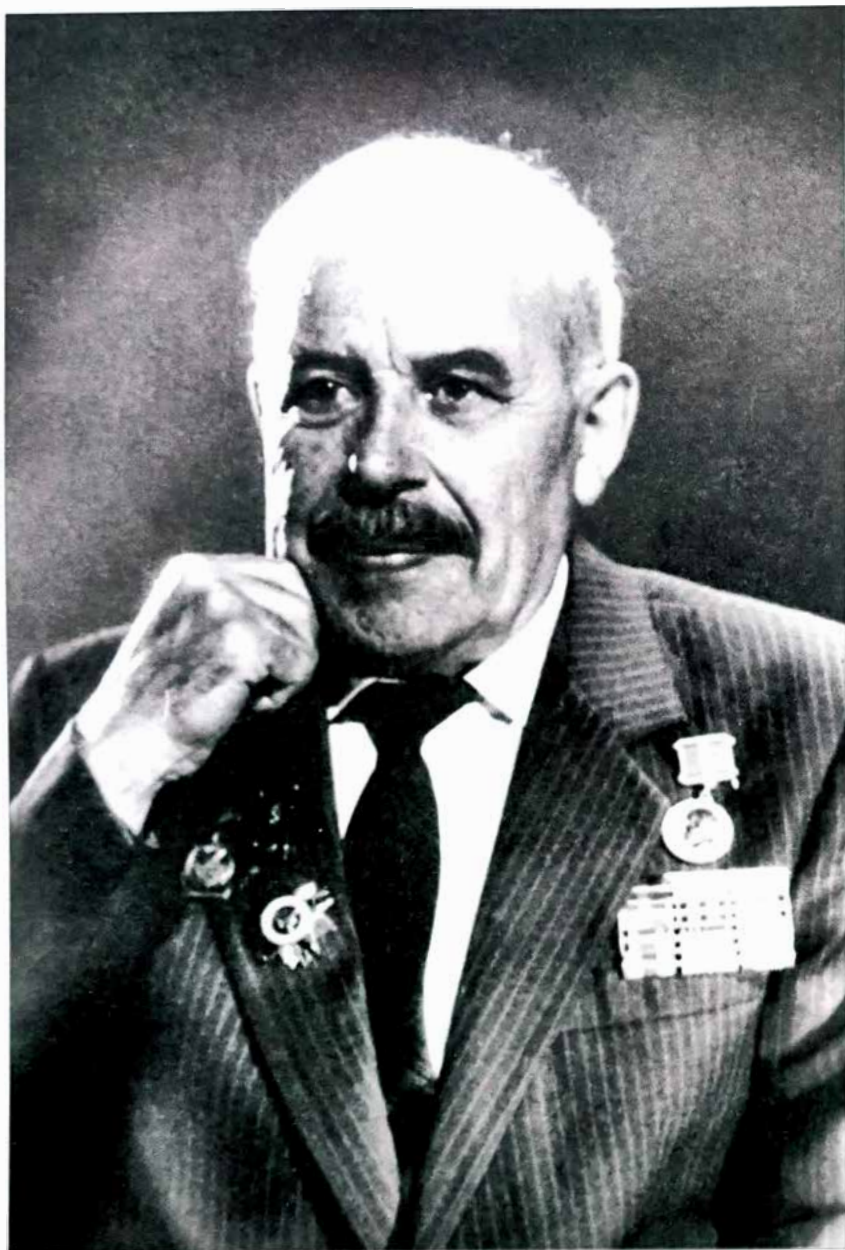
Хизгил Авшалумов со своей дочерью Наидой и зятем Нисоном Гилядовым
на воинском кладбище в Махачкале 9 мая 1998.

действующее лицо подается сочными мазками художника, образно, с обилием точных эпитетов, живым диалогом, работающим на ускорение развития сюжета, с тонким использованием фольклорного материала, сохранением национального колорита... Его новеллы рисуют широкую панораму жизни народа за многие десятилетия”.

Такая же положительная оценка дается книге и в другой рецензии, опубликованной в газете “Советская культура” от 26 марта того же года (автор Б. Нувахов). Рецензия начинается следующими словами: “Ходит по земле Дагестана веселый, неугомонный человек Шими Дербенди. Как доброму другу рады ему в каждом доме. Любят его за качества, издревле почитаемые в народе, — за честность и трудолюбие, прямоту и доброту, мудрость и смелость, с которыми он вступает с бой с носителями разноликого зла”. Нувахов называет Шими Дербенди современным татским (дагестанским) моллой Насретдином, “получившим фольклорную известность”.

Хизгил Авшалумов со своим внуком — маленьким Хизгилом.
9 мая 1998.

Хизгил Авшалумов. 1995.

Действительно, национально выраженный образ Шими Дербенди, своеобразный современный аналог моллы Насретдина, образ, своими корнями восходящий к фольклору, является художественным открытием Х.Д. Авшалумова.

Говоря о новеллах Хизгила Авшалумова, нельзя не указать и на такую их примечательную особенность. В целом ряде его новелл нашли свое отражение этнография, характерные детали быта, традиции, обычай народа, как, например, в новеллах: “Чем такая женитьба...”, “Вторая свадьба Шими”, “Счастливого конца”, “Как Шими “разводился” со своей старухой”, “Любовь и борода” и др.

В новеллах мы встречаем много народных пословиц и поговорок. Умелое, тонкое их использование автором не только обогащает содержание, но и помогает ярче раскрыть образ, характер и поступки героев. Вместе с тем оно как бы исподволь, ненавязчиво позволяет читателю ознакомиться с народной мудростью татов и других дагестанских народов. Не случайно в одном из своих интервью Расул Гамзатов называет Х.Авшалумова “интересным и наблюдательным прозаиком”.

С 1965 года до ухода на пенсию Х. Авшалумов работал секретарем Союза писателей Дагестана. Несмотря на преклонный возраст, он и сейчас полон жизненной энергии и творческих замыслов. Х.Д.Авшалумов награжден орденами Отечественной войны I степени, “Знак Почета”, Дружбы народов, многими боевыми медалями, в том числе двумя медалями “За боевые заслуги”.

Малик Гасанов,

кандидат филологических наук, доцент

Новеллы

“ПОЗДОРОВАВШИСЬ С ВОДКОЙ, ПОПРОЩАЙСЯ С УМОМ”¹

ОДНАЖДЫ Шими Дербенди, получив солидный аванс в счет своих трудодней в колхозе, в самом приподнятом настроении спешил к себе домой. Но когда он проходил мимо винницы, ему встретились двое случайных знакомых, любителей выпить и повеселиться за чужой счет. Узнав, что Шими сегодня при деньгах, они как банный лист пристали к нему и чуть ли не силком затащили в винницу. Пользуясь мягкостью Шими, они принялись заказывать бутылку за бутылкой, пока не обчистили его карманы до последней копейки.

Когда Шими вышел из винницы, было далеко за полночь. Он так опьянел, что уже ничего не соображал и забыл дорогу домой. Не в состоянии дальше двигаться, Шими прилег под деревом прямо на улице, положив папаху под голову, и сразу заснул мертвым сном.

Проснулся Шими от холода и, к ужасу своему, обнаружил, что он совершенно голый. Видно, уличные воры, пока он задавал храпака, раздели его догола, оставив лишь папаху под головой.

Шими поднялся с земли и, стыдливо прикрывая папахой нату, стал торопливо оглядываться вокруг в надежде увидеть кого-нибудь из знакомых, чтобы послать к жене за одеждой. Как раз в это время сосед Шими с корзиной в руке спешил на базар за покупками.

— Эй, сосед! — завидев его еще издали, крикнул Шими. — Будь добр, вернись, пожалуйста, домой и скажи моей жене, что я совсем голый: какие-то бессовестные люди раздели меня и, как видишь, оставили в чем мать родила. Пусть немедленно принесет мне одежду.

Сказав это, Шими бегом пересек улицу и забежал в баню, которая, к счастью, находилась неподалеку.

Весь день, томясь, ждал Шими в бане жену с одеждой, но так и не дождался. А жена в свою очередь, собрав в узелок одежду Шими, сбилась с ног, ища мужа повсюду, спрашивая о нем каждого встречного-поперечного.

Когда наступил вечер и стало совсем темно, Шими появился дома, закутанный в белый халат, в стоптанных чужаках на босу ногу — все это он одолжил у старухи банщицы. Узнав от жены, что она весь день искала его по городу, Шими очень возмущился.

— О женщина, да чтоб сгорел твой отец! — в сердцах закричал

¹Народная пословица.

Шими. — Где это ты видела или слышала, чтобы голого человека искали на базаре или на майдане¹?! Сколько лет прожила на свете, а не уразумела такую простую истину: “Пьяницу нищи в кабаке, голого в бане”. Ей-богу, не жена — одно недоразумение!

— Ай, муж, да чтоб лопнуло чрево той, которая родила, на мою разнесчастную голову, такого олуха, как ты, — в тон мужу воскликнула разгневанная жена. — Сколько лет ты прожил на свете, а не уразумел такую простую истину: поздоровавшись с водкой, попросишься с умом. Кто тебе виноват, если ты так усердно прикладывался к этому захриману², водке, что потерял не только ум, но и штаны!..

¹ *Майдан* — 1) площадь, где проходят сходки собрания, митинги, а также — в торговые дни — базары;

2) древняя могила; курган, обычно раскопанный сверху.

² *Захриман* — яд.

ПОДАРОК ЖЕНЕ

СГОДАМИ характер у жены Шими все больше портился. Из-за пустяка она сразу выходила из себя, принималась ворчать, браниться, портить мужу кровь. И так почти каждый божий день. Как ни старался Шими заставить ее замолчать, хоть немного придержать язык, ничего из этого не выходило.

Как-то Шими целую неделю провел на отдаленных колхозных виноградниках и там же ночевал вместе с другими колхозниками. Когда он вернулся домой, жена, вместо того чтобы обрадоваться, приветливо и ласково встретить мужа, сразу напустилась на него с упреками.

— Ай, жена, какая муха опять тебя укусила? — огорченно произнес Шими. — Зачем наш светлый день ты превращаешь в черную ночь? Я еще не успел переступить порог, а ты опять за свое?.. Скажи, чем ты недовольна, что тебе надо?

— Ай, муж, ты хоть бы постыдился! — еще пуще рассердилась жена. — Ведь завтра сорок лет со дня нашей свадьбы. Другой бы, порядочный, любящий муж отметил этот день как праздник, сделал бы жене памятный подарок. А тебе, видно, и в голову не пришло, что завтра ровно сорок лет, как я, несчастная, стала твоей женой. Сразу видно, как ты меня любишь, уважаешь...

Она так разошлась, что, казалось, ее невозможно остановить.

— Моя дорогая, что ты зря сердишься, портишь и себе и мне кровь? — миролюбиво произнес Шими, желая загладить свою вину и утихомирить супругу. — Если все дело в подарке, то я сейчас же побегу в магазин, куплю тебе такой памятный подарок, какой, клянусь душой твоего отца, тебе и во сне не снился.

Жена, услышав эти слова и решив, что муж действительно хочет сделать ей необыкновенный подарок, сразу повеселела. Накормив Шими и угостив его вином, она ласково проводила мужа за обещанным подарком и стала с нетерпением ждать его возвращения.

Но прошло несколько часов, пока Шими наконец вернулся, запыхавшийся, весь мокрый, держа в руке огромный тяжелый замок, покрытый столетней ржавчиной.

— Ай, муж, что это? — с удивлением и досадой спросила жена, подозрительно косясь то на Шими, то на диковинный замок.

— Я же обещал тебе ради такого памятного дня — сорокалетия нашей свадьбы — купить такой подарок, который тебе вообще не снился. Вот он! — произнес Шими с довольным видом, гремя перед ней пудовым замком. — Правда, достался он мне нелегко. Я обошел все магазины в городе, но нигде такого замка, какой мне хотелось

купить, не нашел. Тогда я, несмотря на усталость, на мои почтенные годы, поднялся на Джалганскую гору, к старинной ханской цитадели — Нарын-Кале, сорвал этот замок с ее железных крепостных ворот — и еле притащился с ним домой. А ты еще говоришь, я такой-разэтакий...

— Ай, муж, камень на твою глупую башку, зачем мне твой замок, в своем ли ты уме? — воскликнула жена, испуганно пятясь назад, думая, что ее муж, который всегда казался ей странным, теперь и впрямь свихнулся.

— Как — зачем? Чтобы ты вешала его на свой длинный язык и молчала хотя бы час-два в сутки, — с отчаянием и мольбой произнес Шими.

БУДУАР ДЛЯ НЕВЕСТКИ ШИМИ

В ОДИН из безрадостных дней наш почтенный Шими, надев на голову новую папаху, облачившись в атласный праздничный бешмет¹ и захватив обручальное кольцо, пошел сватать невесту для своего младшего сына. Родители девушки, отец которой работал на торговой базе и слыл большим мошенником, а мать корчила из себя барыню, больше всего ценили в человеке хватку, умение каким угодно путем “добывать деньги”. Честность, благородство, знания они ни во что не ставили: деньги, мол, как одежда наготу, все прикроют: и природную ту-пость, и отсутствие совести, и даже душевную нечистоплотность. И бедный Шими боялся, как бы эти новые мещане дурно не повлияли на его сына, выросшего в доброй трудовой семье, где в человеке больше всего ценили добропорядочность, намус², уважение к людям. Поэтому Шими шел на это сватовство, как вол под ярмо. И шел только потому, что его легкомысленный сын, на свою беду и на горе старого отца, безумно влюбился в их дочь.

Дом сватов, куда пришел Шими, был высокий, с садом и бассейном во дворе, с собственной “Волгой” в гараже. Сняв обувь и оставив ее у порога, старик тихо постучался в дверь и робко вошел в дом, в котором застал одну хозяйку, еще сравнительно молодую, но очень полную женщину, одетую в яркий разноцветный халат с широким воротом. Накрашенная и накрученная, подстриженная под мальчишку, она, сверкая бриллиантами, сидела в глубоком мягком кресле за низким полированным столиком, на котором стояла тяжелая хрустальная пепельница, доверху набитая окурками. Дымя сигаретой, хозяйка с увлечением рассматривала какой-то красочный журнал мод.

Когда Шими увидел эту курящую, размалеванную и по-мальчишески остриженную женщину, которую, если бы не ее выпуклые формы, с первого взгляда можно было бы принять за переодетого толстого мужчину, то первым побуждением его было, пока еще не поздно, дать задний ход. Но, опять-таки из любви к сыну, он заставил себя остаться. Стараясь как можно меньше глядеть на хозяйку, старик учтиво поздоровался, а затем коротко поведал ей о цели своего визита, не забыв при этом намекнуть, что их дети давно знают и любят друг друга.

Хозяйке в свою очередь не понравился сват, одетый старомодно, “по-азиатски”, наверное, с тощим карманом; очевидно, один из

¹ *Бешмет* — верхняя мужская национальная одежда.

² *Намус* — совесть, честь.

тех бедолаг, которые живут на скромную зарплату или маленькую пенсию. Она даже не предложила старику сесть. Не скрывая своего полного пренебрежения к нему, хозяйка в ответ, горделивым жестом указывая на богатое убранство своих комнат, сказала гостю, что ее девочка, которую он хочет сватать для своего сына, привыкла к красивой жизни и она сомневается в том, что он сможет обеспечить ей такую же. Затем, немного помолчав, с ехидной усмешкой добавила:

— У вас, наверно, нет даже будуара для невестки? А моей дочери, знаете, нужен будуар...

Старик Шими сроду не слышал такого слова, поэтому, понятно, не знал, что оно означает и что ответить хозяйке на этот счет. Но, чтобы не уронить себя в глазах спесивой женщины, Шими сказал, что подумает и самое большее через два-три часа вернется с ответом.

Выйдя от нее, Шими сразу вошел искать человека, знающего это загадочное слово, “будуар”, которое он всю дорогу твердил как заклинание, чтобы, упаси бог, оно вдруг не выскочило у него из памяти. Очень скоро Шими напал на нужного ему сейчас до зарезу человека — интеллигентного вида худого длинноногого мужчину средних лет в соломенной шляпе и круглых очках с двойными линзами. Он, видно, шел не то со свадьбы, не то только что побывал в виннице, так как был навеселе. Выслушав просьбу Шими растолковать ему, что такое “будуар”, и узнав, почему это так сильно интересует старика, мужчина в соломенной шляпе еще больше развеселился. Покатываясь со смеху, он кое-как объяснил Шими, что “будуар” — это французское слово, которое означает отдельную, хорошо обставленную дамскую гостиную или приемную. Затем он, пьяно качаясь на журавлиных ногах и сверкая двойными линзами очков, с едва скрываемой насмешкой добавил:

— Я бы на вашем месте, дядя Шими, зная характер и вкусы вашей сватья, пообещал бы ей не только будуар, но и писсуар.

Шими, решив, что это тоже, наверно, нечто вроде отдельной комнаты для невесты, не стал тратить время на расспросы и, от души поблагодарив земляка за консультацию и “добрый совет”, поспешил к сватье с ответом.

— Так вот, дорогая сватья, — прямо с порога громко и торжественно произнес Шими, предварительно опять сняв обувь и оставив ее за дверью. — Считайте, что в моем доме есть этот самый... будуар для твоей дочери, то бишь моей невестки. — И, желая еще больше обрадовать свою будущую родственницу и в то же время показать ей, что он, слава богу, не из тех, у кого ничего нет за душой, весело прибавил: — Если вы очень хотите и невеста не очень торопится, я выделю ей не только будуар, но и... писсуар.

Как только Шими произнес это слово, к его великому изумлению, хозяйка пришла в дикую ярость, и ее жирно подведенные глаза вспыхнули недобрым огнем. Она, тут же схватив со стола хрустальную пенальницу, со всей силы швырнула ее в ошеломленного Шими. Старик, едва придя в себя, пулей вылетел во двор, точно из горящего сарая, от потрясения забыв про свои башмаки, оставленные у порога. Он в одних носках бежал во весь дух по улице мимо удивленных прохожих, так и не поняв, что же привело сватью в столь великую ярость.

Сватовство, конечно, не состоялось...

И ОНА ЧЕРНАЯ...

ОДНАЖДЫ Шими купил баранью ляжку и решил приготовить шашлык. Он разжег во дворе мангал, принес вертела и, вооружившись острым ножом, только собрался нарезать мясо на куски, как его черный дворový пес, юлой вертевшийся возле Шими, уловив удобный момент, прямо из-под носа хозяина утащил ляжку.

Бросив нож, Шими тут же схватил палку и погнался за собакой. Но пес, крепко зажав в зубах добычу, выбежал со двора на улицу и помчался так, что и пуля не догнала бы его. Усталый, запыхавшийся и злой как черт, Шими вернулся назад. Но, увидев возле ворот своего дома другую собаку, такую же черную, как и его, набросился на нее с палкой, срывая на ней сердце. На визг собаки прибежала жена. Увидев, что он бьет чужую собаку, она сказала ему:

— Ай, муж, что ты делаешь?! Не она же унесла мясо, зачем ты ее бьешь?

— Ай, жена, ты всегда лезешь не в свое дело! — с досадой в голосе произнес Шими. — Разве ты не видишь, что она тоже черная?!

КАК ШИМИ С ЖЕНОЙ ПОМЕНЯЛИСЬ ОБЯЗАННОСТЯМИ

ШИМИ очень любил своих друзей и всегда был рад случаю увидеться с ними. Как-то раз, возвращаясь под вечер с работы домой, он встретил друга своей юности и пригласил его в гости.

— Я сегодня на ужин заказал хинкал¹ с курицей, — сказал Шими. — Прошу тебя, пойдем ко мне домой, тряхнем стариной, посидим, поговорим по душам, отведаем хинкала с чесноком и уксусом, выпьем по чарке вина на радостях.

Шими так настойчиво уговаривал друга, что тот, боясь обидеть его отказом, принял приглашение.

Предвкушая удовольствие от любимого блюда и приятного вечера в обществе старого приятеля, Шими, как только пришел домой, еще с порога весело возвестил:

— Ай, жена, да осенит радость наши дни, к нам пришел дорогой гость — друг моей юности! Встань, расстели скатерть, подай нам горячий хинкал, поставь кувшинчик вина.

Но когда жена с виноватым видом сообщила ему, что хинкала, к сожалению, не будет, потому что она не успела его приготовить, Шими сразу помрачнел и у него испортилось настроение. От стыда и неловкости перед гостем, которого он так настойчиво приглашал, Шими не знал, куда глаза деть.

Извинившись перед товарищем и едва выпроводив его за ворота, Шими, весь кипя от злости, поспешно вернулся в комнату и сразу набросился на жену с криком и бранью.

— Ай, жена, да чтоб сгорел твой отец! — в сердцах воскликнул Шими. — Что ты наделала?! Опозорила меня перед гостем!.. Весь день сидишь дома, бездельничаешь, даже хинкал на ужин тебе было лень приготовить. А я с утра до вечера тружусь в поте лица, копаю землю, а ты?!

— Хватит кричать на меня! — возмущенно, перебила Шими жена. — Я тоже не сидела сложа руки. Весь день вертелась дома как белка в колесе и устала так, что с ног падаю, а у тебя еще язык поворачивается упрекать меня.

То, что жена не хотела признать себя виноватой, да еще огрызалась, окончательно вывело Шими из себя.

— Хе!.. Да какая у тебя работа? Одно название! — с раздражением и насмешкой произнес он. — Всю твою домашнюю работу можно сделать в два счета. Это не то, что наша, мужская! Единственно,

¹ Хинкал — кавказское национальное блюдо.

когда вам приходится нелегко, так это при родах. Да и то, кто знает! Может, ваша сестра больше притворяется, чем на самом деле испытывает эти самые родовые муки. Говорится же: “Женское притворство положили на телегу, запряженную двумя волами, и они не могли сдвинуть ее”...

Жене Шими было обидно и больно слышать такие упрёки от мужа, с которым прожила много лет.

— Конечно, заставить тебя рожать вместо себя, чтобы ты почувствовал, испытываем ли мы, женщины, муки при родах или просто притворяемся, я не в силах, — с укором сказала жена, — но замечить своего хвастуна муженька на работе я вполне смогу. А вот ты попробуй справиться с моей женской работой, о которой так пренебрежительно отзываешься. Посмотрим, как ты запоешь!

— Давай, я согласен, — с готовностью воскликнул Шими, втайне радуясь прекрасному случаю проучить строптивую жену.

На следующий день жена встала рано утром и принялась будить сладко храпевшего мужа.

— Ай, муж, поднимайся и слушай меня внимательно! — приказала жена. — Первым делом подои корову, да смотри не опаздывай, а то не успеешь выгнать ее в стадо. Присмотри за ребенком, вовремя накорми и уложи спать. Прибери в комнате, подмети пол мокрым венником. Постирай и высуши пеленки. Сбей масло, приготовь дуг¹, а к моему приходу с работы свари хинкал на ужин...

Словом, перечислив по порядку все обязанности, которые надлежало выполнить Шими до возвращения ее с работы, жена, захватив узелок с чуреком² и сыром, села верхом на осла и бодро подъехала к воротам. Но вдруг, вспомнив о чем-то, она остановилась и, не слезая с осла, громко крикнула:

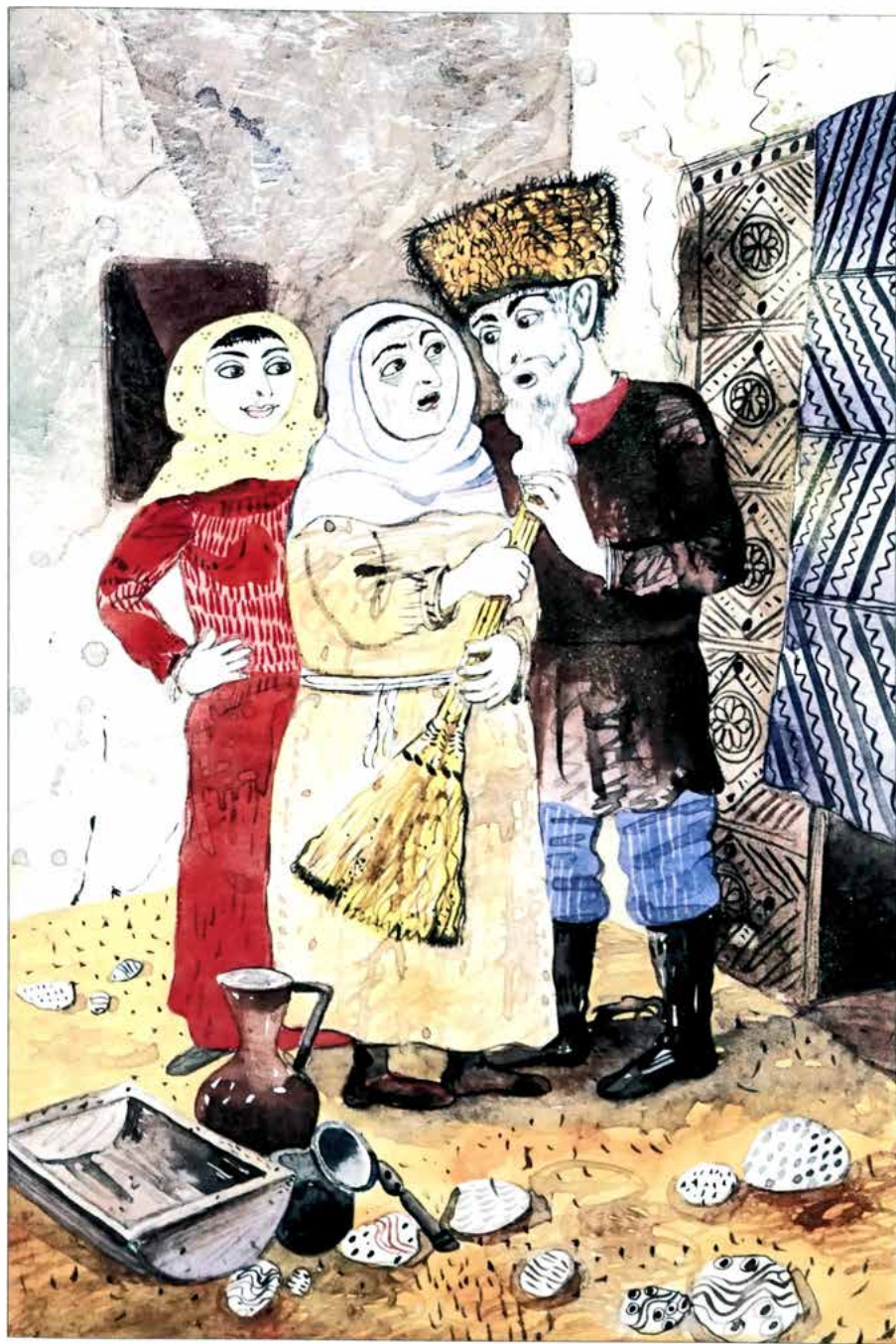
— Ай, муж! Чуть не забыла: смотри за наседкой, не давай ей вставать с яиц, чтобы они не остыли. Иначе, сам знаешь, цыплята не выведутся. Сразу, как она закудахчет, дай ей зерна и воды!..

Как только жена выехала со двора, Шими, быстро надев штаны и захватив подойник, побежал в хлев доить корову. Едва он опустился на корточки и первые струйки молока весело зазвенели о дно подойника, как в люльке проснулся ребенок и сразу поднял крик. Боясь, что, пока он будет возиться с младенцем, пастух угонит стадо, Шими, с досадой пнув животное ногой, выпустил его со двора, не выдоив у него утреннее молоко.

Кое-как успокоив и уложив ребенка, предварительно заменив ему мокрые пеленки чистыми и сухими, Шими решил сначала все

¹ Дуг — пахта.

² Чурек — лепешка, тонкий хлеб.

“Как Шими перевоспитывал свою невестку”

приготовить для хинкала: просеять муку, замесить тесто, нарезать курицу, которую жена перед уходом положила со связанными ногами возле печки, общипать и опалить ее.

С грехом пополам покончив с этим делом, Шими принялся за другое. Он принес нигре — пузатый глиняный кувшин с двумя ручками для сбивания масла и приготовления дуга — и поставил его посреди комнаты, возле люльки со спящим ребенком. Влив в кувшин несколько крынок кислого молока и столько же холодной воды, он, усевшись на пол, принялся, как это делала жена, обеими руками ритмично раскачивать кувшин. Но плач ребенка опять отвлек его. Шими не знал, что делать: качать младенца в люльке, пока он не уснет, или продолжать раскачивать нигре и не обращать внимания на плач? После короткого раздумья Шими, чтобы сэкономить время и успеть справиться одновременно с несколькими делами, привязал кувшин к спине, а люльку с ребенком повесил на шею и принялся подметать пол. Но не прошло и нескольких минут, как насадка в сарае, сидевшая на корзине с яйцами, громко, требовательно закудаhtала. Шими бросил веник и заспешил в сарай. Возвращаясь назад, чтобы опять заняться уборкой, он у самого порога столкнулся со своей дворовой собакой. Она, воровато и пугливо озираясь на хозяина, быстро прошмыгнула мимо него, держа в зубах ощипанную курицу, которую Шими приготовил для хинкала.

От охвативших его беспокойства и ярости Шими забыл, что у него за спиной кувшин, в котором болталась пахта, а на груди качается люлька с ребенком, и с криком кинулся на собаку, чтобы отнять у нее добычу, но, споткнувшись, растянулся возле двери. Кувшин с грохотом разбился, и все его содержимое разлилось по полу. Люлька с ребенком перевернулась, и малыш от испуга поднял такой рев, что его уже невозможно было успокоить. Тогда Шими занес люльку с плачущим ребенком в комнату и, тут же выскочив во двор, стал гоняться за спокойно разгуливающими курами, чтобы поймать одну из них и нарезать вместо той, которую унесла у него из-под носа собака. Но, вспугнутые его внезапным налетом, куры, хлопая крыльями, с шумом разбежались в разные стороны.

Некоторое время Шими в полной растерянности стоял посреди двора, не зная, как быть, а потом вдруг решительно направился в сарай. Схватив дремавшую на корзине насадку, он оторвал ей голову, чтобы ощипать ее и приготовить для хинкала. Но, тут же поняв, что натворил и что ему все равно не справиться с домашними делами до возвращения жены, Шими, махнув на все рукой, быстро спустил штаны и голым задом сел вместо насадки на осиротевшие яйца.

Вечером на закате жена вернулась с работы веселая, доволь-

ная, улыбающаяся. Но едва она въехала во двор, как ее изумленному взору предстала невообразимая картина. Теленок сосал только что вернувшуюся из стада корову. В люльке, всхлипывая, тихо плакал совершенно обессиленный ребенок. На веранде, залитой дугом и измазанной маслом, лежали осколки разбитого кувшина. А куры во главе с красноперым петухом, словно на веселом пиру, окружив корыто, усердно клевали тесто, приготовленное для хинкала. Самого Шими нигде не было видно. Жена застала его в сарае, сидевшего без штанов на корзине с яйцами, с потухшим кальяном во рту и дремавшего от усталости.

— Ай, муж, накажи тебя Бог, что я вижу?! — горестно воскликнула жена. — Почему такой содом в доме? И почему ты сидишь на яйцах вместо наседки?

— Ай, жена, ты только, пожалуйста, не горячись и не ругайся, я сейчас тебе все объясню, — моргая сонными глазами, миролюбиво произнес Шими, не вставая с корзины. — Знаешь, пока я был занят делом, курицу, приготовленную для хинкала, утащил наш проклятый пес. А я вместо другой курицы по ошибке взял да зарезал наседку. А потом, когда спохватился, боясь, что яйца остынут, сам сел на них вместо нее. Ты же сама, уходя на работу, предупредила меня: не давать остынуть яйцам...

— И сколько же времени ты думаешь сидеть вот так на корзине вместо наседки? — с трудом сдерживая подступающие к горлу слезы, дрожащим от гнева голосом спросила вконец расстроенная жена.

— Да уж посижу сколько потребуется, недели две, а может, и три, пока цыплята не выведутся, — с покорным видом произнес Шими, печально вздыхая. И, чтобы как-то успокоить жену, прибавил бодрым голосом: — Зато цыплят, можешь мне поверить, я обязательно выведу. А ты за это время, моя дорогая, постарайся как-нибудь управиться за нас двоих: на работе, в колхозе и дома по хозяйству...

ЧЕЛОВЕК И ОБЕЗЬЯНА

ЗИМНИМ вечером старик Шими сидел у горячей печки и попыхивал кальяном, а его двенадцатилетний внук-школьник, раскрыв перед собой книги и тетради, готовил уроки.

— Деда! А дед! — отодвинув книгу, обратился внук к Шими. — А правда, что человек произошел от обезьяны?

— Вах! Что за чушь?! — возмущенно воскликнул Шими, сурово нахмутив седые брови. — Тогда выходит, по-твоему, что блаженной памяти мои деды и прадеды были этими самыми длиннохвостыми и длинноволосыми маймунами¹? И как только такая дурная мысль могла прийти тебе в башку, харамзаде²? По тебе, видно, палка плачет!..

— А при чем тут я?! — обиделся мальчик, чуть не плача. — Я, что ли, это выдумал? Учитель нам говорил.

Услышав это, Шими промолчал, а про себя подумал: “Муалим³ хоть и ученый человек, но, конечно, спорол чушь, наверно, был под мухой, а спьяну всякое может взбрести человеку на ум”. Внуку Шими сказал, что завтра непременно пойдет поговорит с его учителем насчет маймуна...

В тот же вечер случилось Шими вместе с членами своей многочисленной семьи смотреть по телевизору какую-то певицу. Старик был явно шокирован ее внешностью и поведением на сцене. Платье на ней было чуть ли не до пупа, грудь и спина совсем открыты, а растрепанные волосы торчали во все стороны как иглы на дикобразе. Свое пение гостя сопровождала разными ужимками, кривлянием и непристойными телодвижениями. Да и пение ее как-то неприятно резало слух. Оно напоминало Шими то рев бешеного быка, то крик лесного зверя, то мяуканье дикой кошки.

Шими приказал домочадцам немедленно выключить телевизор. А сам, отправляясь спать, невольно подумал про себя: “Да-а... Действительно, у этой женщины много сходства с бесстыжей и безобразной обезьяной”.

Наутро внук, собираясь идти в школу, на всякий случай спросил у Шими:

— Дед, ты и вправду хочешь идти со мной к учителю?..

Шими, вспомнив вчерашнюю певицу, нахмурился, почесал затылок, потом твердо сказал:

— Нет, сынок, я раздумал. Твой учитель, видно, все-таки прав. Я теперь понимаю, каких людей он имел в виду, когда говорил вам, что человек произошел от обезьяны...

¹ Маймун — обезьяна.

² Харамзаде — негодник.

³ Муалим — учитель.

РАДОСТЬ ШИМИ

В ПЕРВЫЕ годы после вступления в колхоз Шими все еще жил в старом ветхом домишке, который кишел клопами, блохами и прочими паразитами. Жена его, то ли по лени, то ли по беспечности, нисколько не заботилась о том, чтобы вывести насекомых и очистить от них дом. Зато каждый вечер, когда уставший за день Шими, потушив свет, ложился спать, она тут же будила мужа и, жалуясь на то, что эта пакость не дает ей спать, заставляла давить клопов и блох. И так каждую ночь.

Из-за этого бедняга Шими обычно приходил на работу с больной головой, сонный и вялый и во время коротких перекуров, как только садился, начинал тут же с кальяном во рту клевать носом. Колхозники, не зная причины такой сонливости Шими, нередко подшучивали над ним:

— Ай, Шими, ты, видно, вместо того чтобы вовремя ложиться спать, слишком долго милуешься с женой?!

— Честное слово, никогда бы не подумал, что ты, немолодой уже мужчина, а такой женолюб!

— Хе-хе-хе, про таких, как ты, наверно, говорится: “Седина в бороду, бес в ребро”!..

Степенному Шими были не по душе эти скабрзные шутки, вгонявшие его в краску, но он молча сносил их, скрывая от товарищей свою беду.

И вот однажды перед заходом солнца Шими, усталый, понуро возвращался с колхозных виноградников, неся на плече бил¹. Вдруг в самой людной части города он увидел жену, с плачем и воплями бежавшую ему навстречу. Шими страшно испугался, думая, что дома произошло что-то непоправимое.

— Ай, жена, что случилось?! — с тревогой спросил Шими, едва они приблизились друг к другу.

— Горе нам, о муж! По моей вине сгорел наш дом и мы остались без крова! — заголосила жена в ответ.

У Шими сразу отлегло от сердца. Он сбросил с плеча бил и, щелкая пальцами, принялся на виду у всех плясать, то и дело громко и весело восклицая:

— Охош²! Охош! Джан охош!..

¹ Бил — лопата из кованого железа с острым узким концом и длинной деревянной ручкой.

² Охош — восклицание, выражающее чувство большого удовлетворения.

Изумленная жена, глядя на него, перестала причитать и накинулась на него с упреками и бранью:

— Ай, муж, камень на твою голову! Что ты делаешь?! Дом наш сгорел, нам негде приклонить голову, а ты радуешься, танцуешь посреди улицы на виду у всех людей, как все равно на свадьбе или словно клад шаха Аббаса нашел. Охош, говоришь?

— Ай, жена, — продолжая прищелкивать пальцами и плясать, со смехом произнес Шими. — Как же мне не радоваться, не веселиться: пусть сгорел наш дом, зато вместе с ним сгорели эти проклятые клопы и блохи!..

ГОРЕ ШИМИ

У ШИМИ Дербенди околел осел, объевшись люцерной. Шими очень любил своего вислоухого, поэтому его неожиданная смерть сильно расстроила Шими. Охваченный неутешным горем, он опустился на землю посреди двора возле своего мертвого четвероногого друга и принялся бить себя в грудь, громко причитая, как плакальщица на похоронах:

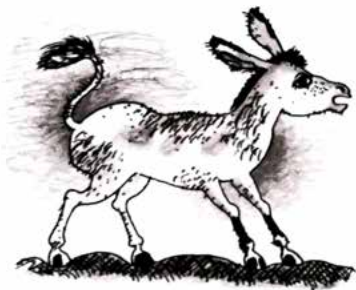
— О ты, златокудрый, ясноокий и быстроногий мой джейран!.. Зачем ты так рано покинул этот белый свет, вверг нас в пучину скорби и печали!..

Соседи Шими, услышав его плач, решили, что у него, наверное, умер кто-нибудь из близких, поэтому сразу поспешили к нему во двор, чтобы выразить свое сочувствие и разделить его горе. Но когда они увидели, что Шими сокрушается по околевшему ишаку, то, в душе посмеиваясь над ним и над его “безутешным горем”, стали дружески наставлять и успокаивать его. Один из соседей, чтобы заставить Шими перестать плакать и не делать из себя посмешище, сказал ему:

— Ай, Шими, ты голову, что ли, потерял? Разве можно из-за того, что подох осел, так убиваться? У меня, к добру будь помянута, недавно померла теща, а я и то не плакал, крепился, как подобает мужчине, а ты распустил нюни... И не стыдно тебе?

Шими, который пуще всего на свете не любил свою тещу за то, что она ни в грош не ставила его, считая шутом гороховым, пустомелей, и все время натравливала на него свою дочь, услышав слова соседа, разрыдался еще горше.

— В том-то и дело, дорогой сосед, — вытирая папахой слезы, произнес Шими. — У такого счастливца, как ты, теща умирает, а у несчастливца вроде меня осел поддыхает...

ШИМИ В БОЛЬНИЦЕ

ШИМИ, несмотря на свой преклонный возраст, очень редко болел. Но однажды он почувствовал себя так плохо, что решил лечь в больницу: спазмы в желудке не давали старику покоя. Однако в приемной ему сказали, что сейчас в больнице мест нет, пусть подождет. Огорченный и расстроенный, Шими вышел из приемной, чтобы направиться домой, но один из работников больницы наемкнул ему, что он может, если согласен, за сто рублей “купить” себе место в больнице. И Шими недолго думая согласился.

Войдя в палату, где лежало шестеро больных, Шими тепло поздоровался с ними, затем, прежде чем раздеться и лечь в постель, несмотря на колики в животе, внимательно, оценивающим взглядом осмотрел свою койку, которую нашел почти новой, пощупал двойные простыни, потрогал подушку, провел рукой по мягкому шерстяному одеялу и остался вполне доволен.

Через месяц, когда Шими поправился, его выписали домой. Но перед тем как выйти из больницы, Шими велел внуку принести ему длинную веревку, “на которой бабушка вешает белье во дворе”.

Когда мальчик вернулся, Шими спокойно, не спеша убрал с койки шерстяное одеяло, простыни и матрац, а затем на глазах удивленных больных принялся разбирать койку. Все это он сложил в кучу и крепко перевязал веревкой.

Как раз в тот момент, когда Шими с помощью внука хотел взвалить себе на спину разобранную койку и постель, чтобы унести домой, в палату вошли врачи и медсестры во главе с заведующим отделением, совершавшие обход. Узнав о намерении Шими, они, ни сном ни духом не ведавшие о том, что ему пришлось выложить сто рублей, чтобы попасть в больницу, были, конечно, крайне удивлены этим поступком и в один голос принялись упрекать и стыдить старика.

— Ай, Шими, как только тебе не стыдно?! — запальчиво произнес его лечащий врач. — Мы здесь тебя целый месяц лечили, ходили за тобой как за ребенком, беспокоились о твоём здоровье, а ты вместо благодарности хочешь захватить больничное имущество?..

Шими спокойно выслушал их, затем, почтительно сложив руки на груди, от души поблагодарил за лечение и заботу.

— А что касается постели и койки, — добавил он, — клянусь вам, это все мое собственное. Я за них расплатился в тот же самый день, когда меня положили в больницу...

И чтобы его не сочли неблагодарным, Шими, не ломаясь и не торгуясь, “продал” больнице свою койку и постельные принадлежности за ту же самую цену, за которую он “купил” их, поступая сюда месяц назад.

ШИМИ ОТКЛАДЫВАЕТ СВОИ ПОХОРОНЫ

ОБЫЧНО всегда бодрый духом, несмотря на преклонные годы, веселый и насмешливый, Шими однажды в полдень вернулся домой очень расстроенный и, не сказав никому ни слова, лег в постель.

Подошло время обеда — Шими наотрез отказался от пищи. То же самое произошло во время ужина.

— Ай, муж, да буду я жертвой тебе, скажи, что у тебя болит? Может, вызвать врача? — спросила встревоженная жена.

— Ничего не болит, я вполне здоров! — буркнул Шими. — Оставь меня в покое!

— Почему же тогда ты ничего не ешь?

— Хочу умереть, вот что! — сердито воскликнул Шими. — Я разочаровался в жизни, в людях! К черту все в этом живом и безумном мире! — И он повернулся на бок, не желая больше ничего объяснять жене.

Старуха, привыкшая за много лет совместной жизни к странным выходкам и причудам своего беспокойного супруга, не стала больше у него ничего допытываться, но на следующий же день сообщила о решении Шими детям и внукам. Те, встревоженные, собрались возле его постели и стали умолять старика отказаться от решения, уморив себя голодом, добровольно уйти из жизни.

Но Шими продолжал хранить упорное молчание.

Тогда один из его сыновей не выдержал и в запальчивости ска- зал:

— Ишь ты, отец, нашел тоже время умирать, когда все так ужасно дорого! Иные люди сейчас страшатся не столько смерти близкого, сколько расходов на его похороны и поминки. Откуда у нас, простых людей, такие деньги! Ты об этом подумал?..

И все остальные дети дружно поддержали его.

Слушая детей, Шими невесело усмехнулся. Он невольно вспомнил, как давно, много лет назад, когда был еще сравнительно молодым, вдруг тяжело заболел. Дети, мал мала меньше, боясь, что отец умрет, рыдая, в один голос умоляли его:

— Папа, не умирай, пожалуйста! Мы пропадем без тебя! Кто будет нас кормить?

И тогда они беспокоились не за него, а за себя. Сейчас, слава Богу, сыновья и дочери взрослые, семейные, но никто не скажет: “Отец, мы тебя очень любим. Ты самый дорогой для нас человек. Спасибо за то, что ты дал нам жизнь, за все, что ты сделал для нас.

Мы, твои дети, в неоплатном долгу перед тобой и готовы сделать для тебя все, только бы ты жил и здоровствовал...”

Шими приподнялся в постели, молча оглядел своих детей и, печально вздохнув, грустно промолвил:

— Все не так на этом свете... Верно говорят: родители для детей, а дети — для себя. Так уж и быть, мои дорогие, чтобы не причинять вам излишние хлопоты, я откладываю свои похороны до лучших времен... — И, обращаясь к своей старухе, прибавил: — Иди, гэри¹, накрывай на стол!..

¹ Гэри — старуха.

КАК ШИМИ ПЕРЕВОСПИТЫВАЛ СВОЮ НЕВЕСТКУ

ШИМИ и его старуха, поженив и выдав замуж всех своих детей, сами на старости лет стали жить с младшим сыном и его молодой женой. Но сноха ничего не делала дома, жила на всем готовом и относилась к старикам без всякого внимания и уважения.

Как-то рано утром Шими, выйдя во двор, решил зайти в хлев и задать ослу сена, но, увидев жену, сиротливо сидевшую на камне, подперев рукой подбородок, подошел к ней.

— Ай, жена, что с тобой? Почему ты так пригорюнилась? — участливо спросил ее Шими.

— Ай, муж, как мне не горевать? — грустно промолвила жена. — Привела в дом невестку, думала: вот на старости лет будет помощница мне. А она, как ты знаешь, пальцем о палец не ударит: не может, не стирает, не убирает. Вот двор захламлен, а убирать некому, все приходится делать самой. Не повезло нам со снохой.

Шими стало жаль свою старуху. Он тоже задумался, не зная, что делать, а потом, точно осененный счастливой мыслью, бодро сказал:

— Ай, жена, не падай духом. Клянусь прахом твоего отца, я придумал верный способ, чтобы исправить нашу невестку-бездельницу.

— Что еще за способ? — с сомнением спросила старуха.

— Вот послушай! — с воодушевлением принялся втолковывать ей Шими. — Как только наша невестка проснется и выйдет во двор, ты сразу возьми веник и делай вид, что собираешься подметать. А я в это время подскочу к тебе, схвачу веник и скажу нарочно: “Отдай мне веник! Ты старая, усталая, больная, пятое-десятое, я сам подмету вместо тебя!..” Но ты, гэри, смотри не отдавай мне веник, а держи его еще крепче и отвечай мне: “Нет, муж, Боже упаси, я этого не позволю! Ты мужчина, папаху на голове носишь, мне стыдно” и все такое прочее. А невестка, увидев и услышав наш спор с тобой, устыдится, волей-неволей отберет у нас веник и сама, как миленькая, вместо тебя возьмет да подметет двор. Как говорится, лиха беда начало...

Старухе пришлось по душе эта идея. Как только невестка проснулась и показалась на пороге, свекровь тут же схватила веник и, охая и вздыхая, принялась понарошку подметать двор. А Шими тотчас же подскочил к ней и ухватился за веник.

— Ай, жена, ради твоих покойников, отдай мне веник, я сам вместо тебя подмету двор, — горячо, умоляющим голосом произнес Шими. — Ты женщина старая, хворающая, не дай Бог, свалишься с ног, что будет тогда с нами? Все в доме пойдет прахом. Отдай!

Но старуха, еще крепче зажав веник в руках, громко запротестовала:

— Ай, муж, клянусь твоей жизнью, что ни говори — не отдам, умру, но не отдам. Ты мужчина, борода уже седая, соседи увидят — позору не оберешься. Не могу же я на старости лет осрамить честь твоей папахи. Отстань!..

— Пусть говорят, кому что угодно, отдай мне веник, — настаивал на своем муж.

Одним словом, Шими и его старуха, шумно споря друг с другом, тянули веник каждый к себе. А невестка, уперев руки в бока, сначала удивленно и насмешливо наблюдала за этой сценой, а потом, когда ей надоел спор старика и старухи, подошла к ним и вырвала веник из их рук. Шими и его жена радостно переглянулись, думая, что их вынужденная хитрость удалась как нельзя лучше. А невестка, держа веник в руке, искоса смотрела то на свекра, то на свекровь, что-то решая в уме. Потом невестка, неожиданно повернувшись к Шими, энергично вложила ему в руки веник и, одобрительно кивнув головой, с ободряющей улыбкой сказала:

— Ты, папаша, мо-ло-дец! Умница! Наплевать на то, что будут говорить другие, — подметай сам!..

ШИМИ НА СЛУЖБЕ У ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА

КОГДА Шими был молодым и очень бедным, он, как это нередко случалось с ним, оказался без работы и без гроша в кармане. Как-то раз, узнав от одного знакомого, что дербентский полицмейстер ищет подходящего человека из местных жителей, чтобы назначить его надсмотрщиком на фэхле-базари¹, Шими недолго думая примчался к нему. Тот, оглядев его ладную коренастую фигуру и прочитав в глазах Шими беззаветную отвагу, остался им вполне доволен.

— Я вижу, ты подходящий для этого дела парень, — покровительственно похлопав Шими по плечу, с удовлетворением проговорил полицмейстер. И тут же, вручив Шими свисток и полицейскую дубинку, добавил: — Запомни, молодой человек, с сегодняшнего дня ты находишься на службе у его величества государя императора. Это большая честь, и ее надо оправдать. Вот мой наказ тебе: следи за порядком, гляди в оба и держи ухо востро. Если кто-нибудь из этого сброда, что каждый день слоняется на фэхле-базари, будет открыто или намеком оскорблять нашего царя и нас, царевых слуг, ругать власть или затеет галмагал², немедленно волоки ко мне.

Полицмейстер обещал Шими приличное жалование, а если он проявит должное рвение на службе — и награду.

Шими получил это назначение как раз за несколько дней до приезда в Дербент последнего русского царя Николая II³.

Местные жители этого небольшого, но очень древнего азиатского города, находящегося за тридевять земель от имперской столицы, где жил русский падишах со своим семейством и многочисленным тухумом⁴, мало что знали о его личности. И то, что было известно кое-кому из них, в том числе Шими, состояло из разных дурных хабаров⁵, изображавших царя в самом непривлекательном свете. Поговаривали, что он слабовольный и не очень умный. Жена, женщина злая и властная, держит его под каблуком, что недопу-

¹ *Фэхле-базари* — рабочий рынок в Дербенте, который существовал до революции и в первые годы советской власти вплоть до конца 20-х годов.

Здесь всегда было людно. Сюда приходили батраки и бедняки, чтобы наниматься на виноградники и рыбные промыслы, принадлежавшие дербентским богачам. Фэхле-базари служил также местом для встреч, обмена новостями, проведения досуга.

² *Галмагал* — скандал.

³ *Николай II* побывал в Дербенте в 1913 г.

⁴ *Тухум* — род, семейство; родственники.

⁵ *Хабар* — рассказ, сказка; слух.

стимо для мужчины, дорожающего честью своей папахи, а тем паче для падишаха. Больше того, в доме у него под видом святого безраздельно хозяйничает какой-то грубый, но очень хитрый, разгульный мужик с дремучей бородой, прозванный в народе Распутиным за его скандальные похождения и распутный образ жизни. А царь, вместо того чтобы отсечь ему башку или заточить в зиндон¹, чтобы его голоса и петух не услышал, боготворит этого пройдоху, во всем слушается его...

Тем не менее Шими, придя на фэхле-базари и желая сделать своему начальнику приятный сюрприз, решил, не откладывая дела в долгий ящик, сегодня же отличиться на службе у государя императора, какой он ни на есть. Заметив в одном месте скопление людей, он сразу насторожился. Крепко сжав свисток в одной руке и полицейскую дубинку — в другой, Шими ринулся туда, как бесстрашный солдат на вражескую позицию. Бесцеремонно расталкивая всех, он протиснулся сквозь толпу и выступил вперед. В середине круга Шими увидел почтенного седобородого старика с длинным кальяном во рту, в старом чохо и с большой бараньей папахой на голове. Он сидел на камне и, добродушно улыбаясь, смотрел на обступивших его со всех сторон земляков. Шими сразу узнал в нем известного в городе ашуга². Собравшиеся наперебой просили старика, чтобы он рассказал им какую-нибудь сказку или притчу.

— Ну что ж, друзья мои! Вижу, пока не расскажу, от вас не отвяжешься, — вынув кальян изо рта, шутливо проговорил он. — Так и быть, слушайте... В некоем царстве, в некоем государстве, — начал старик, — жил-был царь. Владения у него были бескрайние, сокровища в казне несметные, воины отважные, а сам он был глуп, как осел...

— Хоп! Дальше можешь не рассказывать — все ясно как Божий день, — сделав решительный шаг к сказителю, резко оборвал его новоиспеченный надсмотрщик. — Теперь не заставляй меня долго ждать, вставай и следуй со мной к моему начальнику — господину полицмейстеру!

— А что я такого сделал, сынок, чтобы тащить меня к полицмейстеру? — обеспокоенно произнес ашуг. — Побойся бога, оставь меня, старика, в покое.

Но Шими был непреклонен.

— Нет! Ты сейчас же должен следовать со мной, пока я не прибил силу! — потрясая дубинкой над головой старика, грозно предупредил Шими.

¹ Зиндон — глубокая подземная тюрьма, напоминающая колодец, прикрытый сверху тяжелым жерновом.

² Ашуг — певец, стихотворец, рассказчик.

Сказитель волей-неволей был вынужден повиноваться. Но следом за ним потянулась и толпа людей, возмущенных несправедливым арестом старого ашуга. Они громко кричали, ругали на чем свет стоит ретивого надсмотрщика, посылая проклятия в его адрес. И чтобы заглушить их негодующие голоса, Шими время от времени пронзительно свистел в полицейский свисток и грозил всем тюрьмой и Сибирью, если они не прекратят бунт против действий законных властей.

Когда возмущенная толпа подошла к зданию, где находился полицмейстер, Шими с видом человека, честно выполнившего свой долг, подбежал к начальнику, толкая перед собой насмерть перепуганного старика.

— Вы только полюбуйтесь на него, ваше превосходительство! — указывая на дрожащего от страха старого ашуга, гневно произнес Шими. — Он на фэхле-базари в присутствии всех людей — то есть сброда, как вы, давая мне наказ, изволили их назвать, — так обозвал, так оскорбил нашего обожаемого государя императора, что у меня язык не поворачивается повторить его мерзкие слова.

— Говори, не бойся, — приказал полицмейстер, довольный тем, что не ошибся, взяв Шими на службу, и тут же добавил: — Это нам нужно, чтобы установить степень вины этого преступника.

Шими немного помялся, а потом решительно, с готовностью произнес:

— Коли вы приказываете, мое дело — повиноваться. Он сказал, что наш царь — дурак и осел...

Но, увидев, как вытянулось лицо полицмейстера, а глаза полезли на лоб, Шими тут же стал успокаивать его.

— Вы, господин полицмейстер, ради бога, не волнуйтесь, не принимайте это так близко к сердцу, — произнес он, преданно глядя в глаза своему начальнику. — Пусть наш царь дурак и останется таким на всю жизнь: кривое дерево не выпрямишь, а горбатого могила исправит; зато, слава Богу, вы, господин полицмейстер, я и другие царевы слуги не дураки. И что бы ни случилось, мы всегда сможем полицейской дубинкой с Божьей помощью заткнуть глотки таким смутьянам, как этот старый баламут...

Говорят, по приказу господина полицмейстера, которого чуть не хватил удар от этой “ободряющей” речи Шими, в тот же день за рвение на службе у государя императора дали ему заслуженную награду — всыпали сто горячих по известному месту, а затем с почетом в сопровождении жандармского конвоя отправили в городскую тюрьму.

КАК ШИМИ БЫЛ ПЕВЦОМ НА “ТАЙНОЙ СВАДЬБЕ”

О ДНАЖДЫ, когда Шими еще был молодым и работал батраком, он пришел за расчетом к хозяину, на которого работал весь осенний сезон на виноградниках. Тот, то ли желая подшутить над батраком (говорится же: “Голодному — хлеб, богатому — причуды”), то ли решив наказать его, зная, что Шими остер на язык, любит высмеивать других, особенно богатых и знатных, прогнал его, не дав ему ни гроша за его труд. А в доме у Шими не было ни горсточки муки и ни копейки денег. Но ходить жаловаться на хозяина он считал бесполезным. “Хакимы¹ все равно будут держать сторону хозяина, хоть он и не прав, — с горечью и гневом думал Шими, — потому что у него есть чем подмазать, а у меня — нет. А пустую руку, как говорится, и собака не лижет”.

Шими был так удручен, что, вместо того чтобы пойти к себе домой, пошел с горя куда глаза глядят. Вскоре он очутился за чертой города, в заброшенном саду, у старого, покосившегося от времени темного деревянного сарая. Шими зашел туда, устало опустился на пол и, предаваясь своим невеселым думам, незаметно задремал. Поздно вечером он внезапно проснулся, услышав поблизости чьи-то голоса, которые показались ему подозрительными.

В углу сарая стояла старая пустая бочка со ржавыми обручами, без крышки, с отверстием в середине для пробки. Недолго думая, Шими поспешно встал, влез в бочку и, затаив дыхание, стал прислушиваться, прильнув глазом к дырке. Вскоре дверь в сарай отворилась, и вошел какой-то человек, неся за плечами большой узел, который он тут же опустил на пол. Вслед за ним вошел еще кто-то. В темноте Шими не мог разглядеть их, но появление этих людей в такое время и в таком месте сильно напугало его. “А вдруг они разбойники с большой дороги, забрались сюда среди ночи, чтобы поделить награбленное? — в тревоге подумал он. — Если они, упаси Бог, обнаружат меня здесь, для меня точно наступил ахир-заман²”.

Пока Шими в сильном волнении рассуждал так сам с собой, в сарае вдруг вспыхнул свет — ночные пришельцы зажгли свечу. И в ту же минуту Шими чуть было не вскрикнул от крайнего удивления и охватившей его бурной радости, когда увидел, что ночные раз-

¹ Хаким — начальник.

² Ахир-заман — конец света.

бойники — это (да чтоб он провалился!) его окаянный хозяин и какая-то пышнотелая молодая женщина, несомненно — ошне¹.

Хозяин, тяжело сопя, быстро опустился на колени и развязал узел. Сначала он извлек из него небольшой коврик, постелил его на полу, потом достал четверть красного вина, закуски, яблоки, гранаты — все это разложил на нем. Затем, поднявшись, богач радостно обнял свою возлюбленную.

— Моя пери², — смачно чмокнув ее в щеку, взволнованно произнес он, — прежде чем поужинаем, покойфую, давай-ка сначала разок станцую с тобой, вообразим себя женихом и невестой перед венчанием...

И вот, когда весело улыбающаяся “невеста”, жеманно раскинув руки, пошла плавно кружиться в танце, радостно возбужденный “жених”, несмотря на то что был уже в почтенном возрасте и грузноват, потряхивая большим животом, пошел выделявать такие кренделя, что задрожали стены ветхого сарая — вот-вот рухнут.

Глядя на их веселье, Шими решил, что, хотя у него голос как у человека, о котором говорится в пословице: “Верблюд по красоте, осел по пению”, он непременно должен для них петь и хлопать. Какая же это свадьба без музыки и пения?!

Чтобы его не узнали, Шими быстро вывернул наизнанку свою старую дырявую шубенку и низко надвинул на глаза лохматую папаху. Поднявшись из бочки, он принялся усердно хлопать и горланить свадебную песню кейвони³. Увидев его, “жених” и “невеста” с перепугу приняли Шими за шайтана, неожиданно вылезшего из пустой бочки. Первой с криком вылетела из сарая пышнотелая “невеста”. Тут же вслед за ней сломя голову бросился дородный “жених” и, сослепу ударившись лбом о дверной косяк, уронил на ходу высокую папаху.

На следующий день Шими, едва дождавшись утра, захватив папаху хозяина, явился к нему за деньгами. Тот было опять хотел прогнать его, как вчера, но, увидев свою папаху, которую Шими держал под мышкой, прикусил язык, сразу смекнув, что вчерашний “певец”, то бишь “шайтан”, был, оказывается, его батрак. И хозяин тотчас же, сменив гнев на милость, вынул из кармана толстый кошелек. Быстро отсчитав причитающиеся Шими деньги за работу, он отдал их ему и тут же протянул руку за папашой.

— Э-э-э, хозяин, так дело не пойдет! — еще крепче зажав папаху под мышкой, смеясь, шутиливо пригрозил ему пальцем Шими. — Ты

¹ *Ошне* — любовница, любовник.

² *Пери* — сказочная красавица.

³ *Кейвони* — повариха на свадьбе.

“Как Шими был певцом на “тайной свадьбе”

сперва заплати мне за то, что ночью я пел на твоей “свадьбе”, а потом я верну тебе папаху.

— Ты, сынок, скажи, сколько с меня причитается, я заплачу все, — с готовностью, ласково произнес хозяин, желая, пока жена и дети не узнали о цели такого раннего визита батрака, скорее отделиться от него.

— Лишнего, хозяин, я с тебя не возьму. Заплати мне столько, сколько платят обычно певцу на свадьбе, — скромно заметил Шими и тут же добавил: — Но поскольку твоя свадьба с ханум¹ была не такая, как у людей, а тайная, с тебя причитается двойная плата. Кроме того, хоть и говорят: “На голодный желудок не до песни и шуток”, мне, горемычному, пришлось петь и развлекать вас на пустой живот. А я, клянусь твоей головой, хозяин, был так голоден, что, попадись мне в тот момент свиная голова, забыв о грехе, наверно, откусил бы от нее. И последнее, — продолжал Шими серьезно. — Ты известный и уважаемый человек в городе и, конечно, захочешь, чтобы я эту историю о твоей “тайной свадьбе” не разглашал, не рассказывал никому. А хранить в себе долго такую тайну очень трудно, это стоит человеку здоровья...

Словом, Шими вернул хозяину его злополучную папаху лишь после того, как получил от него, кроме платы за работу, еще и четырехкратное вознаграждение: за то, что он пел им на “свадьбе”, за то, что она была не обычная, а тайная, за то, что пел на голодный желудок, и за то, что ему придется “в ущерб своему здоровью” держать эту тайну при себе до конца жизни.

¹ Ханум — госпожа.

КИНЖАЛ И ХЛЕБ

КОГДА Шими был бедняком и жил в крайней нужде, к нему однажды ночью забрался вор. Шаря в темноте, он нечаянно задел спящего Шими за ногу, и тот сразу проснулся. Вор, испугавшись, пулей вылетел наружу. Шими мигом вскочил с постели, поспешно взял из ниши в стене последний чурек, схватил старый ржавый кинжал и, как был, в одном нижнем белье, пустился вдогонку за вором.

— Стой! Стой! — кричал Шими среди ночи, гонясь за ним по пустынной улице, едва освещенной тусклым светом фонарей, одной рукой размахивая кинжалом, а другой — протягивая хлеб в сторону бежавшего во все лопатки вора.

Несмотря на то что Шими тогда был молод и силен, как он ни надрывал горло, как ни гнался за вором, не смог догнать его. Тот оказался очень резвым. Шими, с трудом переводя дух, усталый, злой, весь взмокший, вернулся домой. Положив хлеб обратно в нишу и повесив кинжал на стену, он лег в постель.

— Ай, муж, какой ты странный! Кто бежит за вором с хлебом? — спросила удивленная жена, которая с беспокойством ждала его возвращения.

— Ай, жена, ты ничего не понимаешь, — с досадой произнес Шими. — Все в городе знают, что я очень бедный человек и не то что ночью, в темноте, но и днем с огнем у меня ничего не найдешь, чтобы поживиться. Наверняка знал об этом и вор. Но даже несмотря на это, он все же забрался ко мне: видно, беднягу одолел голод. Вот я и хотел поймать его, накормить, а потом дать ему пару оплех: знай, мол, сукин сын, к кому лезешь, — и отпустить на все четыре стороны.

— Ну, допустим, это так, — вроде бы согласилась жена, — зачем же тогда ты взял кинжал?

— А кинжал я взял, чтобы он, дурень, не отнекивался и принял мое скромное угощение: чем богат, тем и рад. Ведь нет более тяжкого греха, чем отпустить человека голодным из дома...

КАК ШИМИ ЗАМЕЩАЛ ХУДО¹

ОДНАЖДЫ, когда Шими был молодым, он, из-за чего-то повздорив с женой и сильно рассердившись на нее, ушел из дому. Наступил вечер, а Шими все еще продолжал дуться на свою половину и не думал возвращаться. Бродя бесцельно по безлюдным уже улицам, Шими незаметно для себя очутился на окраине города, возле старого, давно не действующего нумаза² с невысокими ветхими стенами и плоской крышей.

Шими без труда взобрался на крышу, поискал место поудобнее и расположился спать, подложив папаху под голову. Только он сомкнул веки, как вдруг услышал чей-то жалобный голос, доносившийся снизу. Посреди крыши, над самым амвоном, откуда священник возносил страстные молитвы Худо, было круглое отверстие. Шими тихонько подполз к нему и глянул вниз. В пустом, полутемном помещении нумаза, на самом амвоне, перед зажженной восковой свечой стоял какой-то босой человек с испитым, заросшим лицом и голодным блеском в глазах, одетый в рваное чохо и облезлую овечью папаху.

— Внемли, о Худо! Внемли моей мольбе к Тебе!.. — молитвенно простерев руки вверх, громко, со стоном повторял бедняк одно и то же.

“Должно быть, у этого человека большое горе, поэтому он на ночь глядя пришел сюда искать у Бога помощи и поддержки”, — подумал про себя Шими, и ему стало от души жаль бедняка. Чтобы узнать, какая беда привела его в такое время в старый нумаз и попытаться как-нибудь утешить, подбодрить его, Шими решил, будь что будет, выдать себя за Всевышнего. При этом он был твердо уверен в том, что Бог, да святится имя Его, не только не разгневается на него за этот благомеренный поступок, наоборот, скорее всего, сочтет это за сугуб³. И Шими, воодушевленный этой мыслью, обращаясь к бедняку, таинственным голосом произнес сверху в отверстие на крыше:

— Я слушаю тебя, о Мое создание! Не бойся, говори, что ты хочешь от Меня, твоего Худо, всемогущего и всеблагого?!

— Ах, мой Худо! Слава Тебе во веки веков, аминь! Как я рад, что

¹ Худо — Господь Бог (*татск.*). В основу данной новеллы положен сюжет небольшой татской народной сказки

“Косиб э нумаз” (“Бедняк в моельном доме”),
по размеру и манере изложения близкой к анекдоту.

² Нумаз — моельный дом.

³ Сугуб — благодеяние, благочестивое и богоугодное дело.

Ты наконец услышал голос раба Твоего! — задыхаясь от радостного волнения, громко воскликнул бедняк. — Сколько раз я отсюда зывал к Тебе, а Ты все не откликался на мой зов. И я, грешным делом, начал было думать: Ты уже ничего не видишь, ничего не слышишь и ничего не помнишь.

Бедняк на минуту умолк, чтобы немного справиться с волнением и перевести дух, а затем с печальной ноткой в голосе продолжил:

— Конечно, шутка ли сказать: годы-то у Тебя какие! Ведь когда Ты сотворил нашу грешную Землю и всю Вселенную, и тогда, надо полагать, был далеко не юношей. А с тех пор прошло много-много лет. Ты теперь, наверно, очень стар, мой Худо. И как всякий древний старик, больше дремлешь, чем бодрствуешь, и нет той бывлой всемогущей карающей силы в деснице Твоей... И люди, грешные Твои создания, изменчивые, алчные и жестокосердные по природе своей, перестали бояться Тебя, слушаться Твоих священных заветов: не убий, не укради, возлюби ближнего твоего... Поэтому в мире, созданном Тобой, царит полная неразбериха — одному достался плов, другому только аппетит, один с жиру бесится, не зная ни стыда, ни страха, творит зло, другой принижен, задавлен горем и нуждой, белый свет ему не мил...

Слушая излияния бедняка, Шими с беспокойством подумал, что им не будет конца и края, поэтому, прервав его, заметил с мягким укором:

— О Мое грешное создание! Вережка хороша длинная, а речь короткая. Чем считать Мои годы и колоть Мне глаза Моими “недостатками”, ты лучше скажи коротко: что тебе от Меня надо? Ведь работы у Меня непочатый край, почесаться некогда. Один этот иблис¹ чего стоит: без конца шkodит, старается делать все Мне наперекор, совсем от рук отбил, окаянный!..

Бедняк согласно кивнул головой.

— Прости меня, о Худо, если я сказал что-нибудь лишнее, а может быть, и обидное для Тебя, — виновато произнес он. — Сказано же: “Голодный что попало ест, страдающий что попало говорит”... Я очень беден. Дома у меня куча детей. Сам знаешь: богачу везет на деньги, бедняку — на детей. И вот они, мои детки, сидят дома без куска хлеба, голодные, холодные, как осиротевшие птенчики в забытом гнезде. Я весь в долгах. Кредиторы грозят мне судом и расправой. Дети ноют — кушать просят. Жена как в трауре, не осушает глаз, плачет день и ночь. Прошу Тебя, сжался над рабом Твоим, дай мне денег, чтобы накормить голодных детей, расплатиться с моими безжалостными кредиторами, утешить горемычную жену.

¹ Иблис — дьявол.

Шими, услышав просьбу бедняка, почесал в затылке. Он не знал, что ответить ему. Сам он в то время жил в большой нужде.

— Не могу я тебе дать денег, у меня у самого в кармане ветер свистит, — забыв на какую-то минуту, что он Худо, и стыдясь своей беспомощности, извиняющимся тоном произнес Шими.

Бедняк, конечно, не поверил. Он решил, что Бог просто вздумал немного потешиться над ним, пошутить. А если сам Худо при всем Его величии и славе изволит шутки шутить, то это очень даже неплохо: видно, Он сейчас в хорошем настроении и, стало быть, дело его в шляпе. От этой мысли бедняк сразу повеселел и загорелся надеждой.

— Хе-хе, — скромно засмеялся бедняк, — Ты шутишь, конечно. Шути на здоровье, коли охота. Почему бы и нет! Даже мне, горемыке, когда у меня изредка бывает веселое настроение, хочется пошутить и спеть песенку, особенно если выпадает счастливый случай малость подвыпить и сытно поесть. А так веселое настроение всегда бывает у тех, у кого в кармане звенит монета, как праздничный колокольный звон на крыше армянского килисе¹, и у кого денег куры не клюют.

Бедняк вдруг запнулся, вспомнив предупреждение Худо о ревке... От досады он сердито хлопнул себя рукой по лбу и виновато промолвил:

— Ай, Худо, пожалуйста, прости меня, грешного! Непослушный мой язык, чтоб он отсох, занес меня опять не туда, куда следует... А я хочу Тебе сказать: Ты все можешь. На то Ты и Худо, Царь Вселенной. Если Ты смог одним лишь словом своим “Да будет!..” из ничего сотворить Землю и небеса, солнце и звезды, растения и животных, моря и реки, что Тебе стоит сделать меня богатым? Для этого Тебе не надо даже пальцем шевелить, скажи только: “Да будет сей бедняк богатым” — и я в миг стану таковым. И дело с концом!..

Слушая эти слова бедняка, Шими, при всем сочувствии к нему, его беде, чуть было не покатылся со смеху, но удержался.

— О Мое грешное создание, — произнес Шими, вновь обращаясь к нему. — Что Мне с тобой делать? В книге “Гэг-хисоб”², куда Я каждый раз перед Новым годом, пересчитав содержимое Своей казны, записываю: кому в этом году быть богатым, кому бедным, кому счастливым, кому несчастным, кто будет вознесен, а кто низвергнут, — для тебя Я не предусмотрел ни денег, ни счастья, ни славы. А сейчас, как ты знаешь, середина года, поэтому Я тебе ничем помочь не могу. Потерпи еще немного. На будущий год Я обязательно выполню твоё желание.

¹ *Килисе* — церковь.

² *Гэг-хисоб* — счет-расчет.

Бедняк, услышав это, сразу сник, печально опустил голову, потом, медленно подняв ее, сказал обреченно:

— О мой Худо, клянусь Тебе, терпеть у меня нет больше сил. Прошу Тебя, пришли Твоего ангела смерти Азраила, пусть возьмет мою душу — я не хочу жить...

“Богу” не понравились эти слова бедняка, и он стал журить его:

— О ты, Мое грешное создание, Я не могу выполнить и это твое желание, — произнес он. — В книге “Жон-дефдери”¹, которую Я тоже составляю в начале каждого года, записываю: сколько в Новый год родится, сколько погибнет, кто будет жить, кто умрет. А тебе Я в этом году смерть не назначил, поэтому отменить Свое решение и лишить тебя жизни раньше срока тоже не могу.

Бедняк на этот раз совсем пал духом и после долгого мучительного молчания произнес с отчаянием в голосе:

— О мой Худо! Коли Ты не можешь дать мне в этом году ни денег, ни смерти, то молю Тебя, яви Свою милость: до начала следующего года заведи меня к Себе. Мне страшно вернуться домой, к семье, страшнее, чем если бы неожиданно в темном переулке встретил меня на пути убийца с обнаженным кинжалом.

Шими, несмотря на свою молодость, в самом начале своего разговора с бедняком понял, что тот хоть и не глупый человек, но со странностями, у которого, можно сказать, не все дома. По всему видно, что бедняга твердо уверен в том, что разговаривает сейчас не с ним, незнакомым человеком, а самим Богом, который при желании может запросто взять его живым и невредимым к Себе на небо.

Поэтому последняя просьба бедняка сначала повергла Шими в сильное замешательство. Но не прошло и минуты, как бедняк в ответ на свою просьбу услышал сверху бодрый, решительный голос “Всевышнего”:

— Это можно! Живо забирайся ко мне.

Бедняк невольно усмехнулся, стыдливо прикрыв рот.

— Неужто, о Худо, Ты из-за Своих преклонных лет в самом деле, как я, грешный, уже говорил, стал совсем забывчивым? — робко, с мягким укором произнес бедняк. — Я же не ангел с крыльями и не птица, как же я могу подняться к Тебе?..

Шими понял свою оплошность, но тут же быстро поправился.

— Я знаю, что у тебя нет крыльев, — поспешно произнес он, — поэтому Я сейчас спущу тебе веревку, а ты, Мое создание, крепко обвяжи себя вокруг пояса, и Я прямехонько подыму тебя на крышу... Ай, прости! Я хотел сказать — на седьмое небо. Это опять дья-

¹ *Жон-дефдери* — Книга (тетрадь) о душах.

вол, пропади он пропадом, старается сбить Меня с толку, путается под ногами, окаянный...

“Худо” печально вздохнул, но тут же бодро продолжил:

— А в награду за твои земные страдания Я помещу тебя в рай. А рай у Меня — чудесный сад, какого нет нигде на вашей грешной земле. Круглый год плодоносит. В раю у Меня текут реки из меда, молока и вина, пленительными голосами поют Мои ангелы. Поверь мне, самые ваши лучшие певцы и ашуги им в подметки не годятся. А сколько чернооких полногрудных райских дев в нем! И все, клянусь Своей бородой, такие красавицы — глаз не оторвешь. Я бы сам, — нескромно хихикнул Шими, то бишь “Худо”, — не будь таким старым, охотно приударил бы за ними. Их у тебя будет столько, сколько у турецкого султана Абдул-Гамида¹ и сколько у Моего любимца царя Соломона Премудрого. Ешь, пей, ке́йфуй за Мое почтение!..

Сказав все это, Шими быстро развязал веревку, которую он всегда носил с собой в расчете на то, что кому-нибудь может понадобиться его услуга: отнести ношу, перетаскать тяжести, — и немного заработать на этом деле. Один конец веревки он опустил через отверстие вниз, а другой крепко держал в руке.

Поступая таким образом, Шими решил поднять бедняка к себе на крышу, а потом чистосердечно открыться ему и вдвоем подумать, как подсобить его горю. Хотя веревка была, как и латаные-перелатаные штаны на Шими, старой, со множеством узлов на оборвавшихся и перетершихся местах, но он был уверен, что с ее помощью без всякого риска для жизни и здоровья бедняка сможет поднять его на крышу, поскольку тот был такой худущий, почти невесомый, что, казалось, взмахни он руками, как крыльями, сразу взлетит. Но к большому огорчению Шими, все вышло не так, как он рассчитывал. Едва голова бедняка в облезлой папахе, в мыслях уже видевшего себя в раю, коснулась края отверстия на крыше, как вдруг веревка оборвалась, и несчастный с диким воплем полетел вниз. Шими испугался не на шутку: как бы бедняк после такого падения и впрямь не отправился в “рай”. Видя, что он жив, Шими очень обрадовался и решил вину за этот свой невольный промах взвалить все на того же дьявола.

— О Мое создание! — с горячим сочувствием воскликнул сверху “Худо”. — Я, честное слово, не хотел этого. Это дьявол, будь он трижды проклят, помешал Мне исполнить твое и Мое желание —

¹ *Султан Абдул-Гамид II* (1842–1918) — предпоследний турецкий султан; имел в своем гареме тысячу жен. Столько же жен, по библейскому преданию, имел иудейский царь Соломон (Сулейман).

забрать тебя к Себе на седьмое небо... Но ты крепись, старайся не падать духом, а Я обязательно выполню Свое обещание — дам тебе денег на следующий год.

Бедняк то ли догадался наконец, что кто-то над ним нехорошо подшутил, то ли, будучи действительно малость тронутым, все еще продолжал верить в то, что имеет дело с самим Богом. Злой и мрачный, он молча поднялся и неторопливо отряхнулся. Затем, осторожно потирая ушибленное место ниже пояса, голосом, полным обиды, горечи, разочарования и упрека, сказал:

— Ну тебя!.. Тоже мне Худо, “всемогущий и всеблагой”! Какой же ты всемогущий, если не можешь у себя под носом справиться с одним дьяволом, и какой ты всеблагой, если, кроме здорового синяка на заднем месте, ничего не можешь дать голодному бедняку?!

КАК ШИМИ ИСПЫТАЛ СВОЕГО СЫНА

КАК-ТО Шими косил траву в колхозном саду. Его сын, подросток, которого он взял с собой, в это время, взобравшись на высокое черешневое дерево, лакомился спелыми ягодами. Вдруг Шими услышал душераздирающий крик мальчика. Он сразу понял, что сын упал с дерева и, наверное, разбился.

Шими в сильном волнении, бросив косу, быстро прибежал на место происшествия. Увидев распластанного на земле мальчика, Шими от потрясения и горя чуть не лишился рассудка. Он распахнул ворот своего бешмета и, подняв голову вверх, со слезами на глазах и отчаянной мольбой на устах, трижды обошел вокруг лежащего в бесчувствии сына.

— О мой Худо! — громко воскликнул Шими. — Прошу Тебя, возьми мою душу, но спаси моего сына: пусть я буду жертвой за него¹.

Вскоре, к бесконечной радости отца, мальчик очнулся, пришел в себя, но стонал и плакал от боли и обиды. Шими осторожно поднял его и взвалил себе на спину, решив, что больному будет легче, если он понесет его на себе, чем будет везти на осле.

Всю дорогу до дому, несмотря на жару и усталость, Шими утешал, подбадривал сына, говорил ему ласковые слова, чтобы вызвать у него улыбку и облегчить этим его страдания.

С тех пор прошло около семи лет. Теперь его сын, чтоб не сгладить, стал крепким, цветущим молодым человеком, выше отца и шире его в плечах.

И вот однажды случилось Шими с сыном работать в том же саду в период созревания черешни. Может, это случайное совпадение и навело отца на мысль испытать его.

Чтобы осуществить задуманное, Шими, нарочно отлучившись, направился к тому самому дереву, откуда некогда упал его сын. Он лег на спину под деревом и, раскинув руки в стороны, принялся истощным голосом кричать, призывая сына на помощь. Тот сразу прибежал на его крик и очень испугался, увидев стонущего отца с закрытыми глазами.

— Отец! Отец! Что с тобой? — в волнении спросил юноша.

Шими, с трудом открыв глаза, указал пальцем вверх на дерево.

¹Суеверные таты верили: если отец с такой мольбой трижды обойдет вокруг постели тяжело больного, умирающего сына, Бог исцелит больного, а вместо него он вскоре лишит жизни родителя.

— Хотел, сынок, немного полакомиться спелыми черешнями, но боком вышло мне это — упал с дерева. А-ах-ах!..

Сын осуждающе покачал головой.

— Э-эх, отец. Беда с тобой! Тебе ли в твоём возрасте лезть на дерево, как мальчишке-сорванцу?! — произнес он с укоризной, а затем, тяжело вздохнув, добавил: — Ладно уж, потерпи немного, посажу тебя на осла, повезу прямо в больницу.

— Ой, сынок, не надо! На осле не смогу, — жалобно взмолился Шими. — Я, видно, позвоночник себе повредил. Неси меня лучше на спине.

Юноше ничего другого не оставалось, как посадить отца себе на спину и двинуться в путь.

Дорога была длинная, Шими все время охал, стонал, а сын, тяжело дыша, угрюмо молчал, но покорно нес свою ношу.

— Сынок, ты бы или рассказал, или спел мне что-нибудь, чтобы отвлечь меня от мучительной боли, которую я сейчас испытываю, — попросил старик.

Сыну это очень не понравилось, больше того, крайне возмутило его.

— Да ты бы хоть помолчал, отец! — вскричал он. — Мало того, что я тащу тебя, как ишак, на своей спине, ты еще хочешь, чтобы я развлекал тебя сказкой или песней!.. А может, еще прикажешь для твоего удовольствия сплясать лезгинку посреди дороги? И придет же такая блажь тебе в голову!..

Шими тотчас велел сыну остановиться, сославшись на то, что ему уже хорошо, он выздоровел. Когда Шими опустил на землю, сын, отирая пот с лица, недоверчиво, но с тайным облегчением спросил:

— Хм, как это ты ни с того ни с сего вдруг выздоровел?

— Почему “ни с того ни с сего”? — пряча горькую усмешку, сказал Шими. — Ты сам, сынок, своим ответом вылечил меня лучше, чем любой врач... Спасибо тебе за это!

КАК ОСЕЛ ШИМИ ОТОМСТИЛ СВОЕМУ ХОЗЯИНУ ЗА... КРИТИКУ

КАК-ТО раз на закате солнца Шими верхом на своем ослике, с кальяном во рту возвращался с работы домой. Накануне прошел сильный дождь, на дороге местами блестели большие лужи.

Шими был не в духе. Еще утром, отправляясь на работу, он поссорился с женой, а потом встреча с председателем колхоза окончательно испортила ему настроение. Дело в том, что на отчетно-выборном собрании, которое проводилось на прошлой неделе, Шими имел неосторожность подвергнуть его резкой, но справедливой критике. А сегодня вновь переизбранный председатель колхоза, человек мнительный и злопамятный, увидев его на работе, не только руки не подал, а прошел мимо, даже не поздоровавшись.

Сколько раз Шими давал себе зарок: держать свой непослушный язык на привязи, не вступать в пререкания с начальством, следовать известной поговорке: "Кто желает покоя, тот должен быть глухим, слепым и немым". Но Шими ничего не мог поделать с собой, со своим беспокойным характером.

Усталый, погруженный в свои невеселые думы, Шими не заметил, как начал клевать носом. Его осел, воспользовавшись этим, потихоньку свернул с дороги, залез в лужу и, низко опустив голову, по примеру хозяина тоже задремал.

Когда Шими проснулся и увидел, что осел его стоит посреди лужи и непролазной грязи, то с криком прищипорил его. Но животное и ухом не повело, продолжая как ни в чем не бывало стоять в той же позе. Тогда Шими вышел из себя и начал всю поносить и ругать твоего осла и весь его ослиный род на чем свет стоит.

— О распроклятый осел! — в сердцах воскликнул Шими! — Коли уж ты решил передохнуть и немного вздремнуть, почему ты для этого выбрал такое неподходящее место?.. Клянусь могилой своего отца, нет на свете животного глупее и безобразнее вашего брата. Не зря говорят: "Есть лекарство от всех болезней, кроме как от ослиной дурости", "Если бы осел знал, что он осел, он бы себе брюхо распорол", "Всевышний, на удивление и на смех всему миру, наградил осла великим срамом и ничтожным умом"...

Когда Шими, все больше распаляясь, продолжал распекал свою скотину, перечисляя его действительные и мнимые пороки и недостатки, в это время под самый хвост беспечно дремавшего осла забрался овод и стал нестерпимо жалить его. Животное сразу встрепенулось, хвост тотчас же поднялся дыбом, напряжился,

как у разъяренного льва в момент нападения на свою жертву. Задрав голову и оглашая округу неистовым ревом, осел начал бешено плясать на месте, то и дело высоко подбрасывая круп и бешено брыкаясь задними ногами. Перепуганный Шими сразу прикусил язык и, потеряв равновесие, тут же шлепнулся в лужу.

Весь перепачканный, Шими поднялся на ноги. Решив, что осел нарочно сбросил его, разозленный Шими, не найдя ничего подходящего под рукой, схватил свой кальян с длинным чубуком и принялся колотить им осла, сердито приговаривая:

— Да чтоб злые волки загрызли твою дурную голову, тварь несчастная!.. И тебе, проклятому, видно, не нравится, когда тебе говорят правду в глаза?!

ШИМИ В РОЛИ РЕВИЗОРА

ЭТО произошло в годы правления старого балагура, путаника и выдумщика Никиты Хрущева, прозванного в народе “Кукурузником” из-за его чрезмерной любви к кукурузе. Одной из мер, предпринятых им для уничтожения пережитков частнособственнической психологии у советских людей, которым он обещал не позже чем через пятнадцать-двадцать лет построить коммунизм, было запрещение на владение в городах и рабочих поселках на правах личной собственности коровами, козами и прочей скотиной, а в сельских местностях строгое ограничение их количества согласно уставу, принятому каждым колхозом.

И вот однажды в правление колхоза поступил сигнал о том, что один из колхозников, по имени Келе, в нарушение устава артели держит двух коров вместо одной, четырнадцать баранов вместо семи и вообще, раздувает личное хозяйство в ущерб общественному. Проверить этот сигнал правление колхоза поручило члену ревизионной комиссии, старейшему колхознику Шими Дербенди.

Шими явился к Келе вечером, когда, по его расчетам, всех четырнадцать овец и двух его коров можно будет застать на месте. Но хитрый Келе, догадавшись о причине неожиданного визита колхозного ревизора, прежде чем провести его в хлев и показать наличие скота, уговорами и лестью затащил его к себе домой.

— У меня дома накрыт стол. Хоть мы с тобой, дядя Шими, не близкие друзья, но ведь и не враги, — сказал он. — Прошу тебя, не нарушай наш добрый обычай, не пренебрегай моим хлебом-солью. А животные, клянусь твоей почтенной бородой, пока мы поужинаем, никуда не денутся.

И чтобы у Шими на этот счет не оставалось никаких сомнений, он даже вручил ему ключи от хлева.

Шими после некоторого колебания, положив в карман ключи, принял приглашение.

Как только хозяин и гость сели за стол, Келе налил ему и себе по полному рогу вина и провозгласил тост в его честь.

— Дядя Шими! — встав с места и почтительно приложив руку к груди, торжественно воскликнул хозяин дома. — Я очень рад и безмерно счастлив видеть тебя, всеми уважаемого и почитаемого аксакала, в своем доме. Для меня это большая честь. Пью за твое здоровье!..

Расточая лесть и похвалу в адрес гостя, расчетливый Келе, не давая Шими передышки, подносил ему один полный рог за другим, пока старик окончательно не опьянел.

— Слушай, Келе, пощади, я больше не могу, — еле ворочая языком, взмолился наконец Шими, выставя вперед, как щит, свою ладонь перед очередным рогом с вином, который протягивал ему хозяин. — У меня, будь я неладен, уже двоится в глазах. Вместо одного тебя вижу сразу двоих. И я не знаю, который из вас настоящий хозяин дома, а кто двойник его...

А Келе только этого и добивался. Поддерживая под руку шатающегося гостя, Келе провел его в хлев и зажег свет. Шими, еле держась на ногах, принялся считать вслух заплетающимся языком находящихся в хлеву животных и насчитал четырнадцать баранов и двух коров.

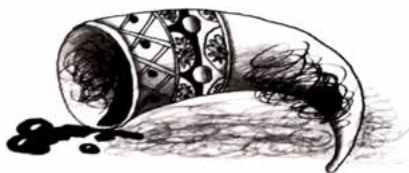
На следующий день Шими с больной головой после вчерашней попойки пришел в колхозную контору, доложил председателю о том, что на месте проверил количество скота, имеющегося в личной собственности колхозника Келе, насчитал четырнадцать овец и двух коров, как было указано в письме на имя правления колхоза.

Потом Шими, печально вздохнув, виновато добавил:

— Только чур! За точность этой цифры я не ручаюсь.

— Как это так — не ручаетесь? — удивился председатель. — Вы же сами говорите, что были, видели своими глазами, подсчитали...

— Да, все это так, — согласился Шими, — видел своими глазами, подсчитал. Но дело в том, что вино, которым так усердно потчевал меня гостеприимный и сладкоречивый Келе-хилле¹, так сильно подействовало на мои старые мозги, что я под конец вместо одного Келе видел перед собой сразу двух. Возможно, что и при подсчете тоже я одну баранью морду принимал за две, как и плутовскую физиономию хозяина, разрази его!..

¹Хилле — плут, пройдоха, коварный.

ЧЕЛОВЕК-ЗАГАДКА

ОДНАЖДЫ в летний жаркий день Шими вместе со своими товарищами, такими же седобородыми стариками, сидел в прохладной тени раскидистой чинары и вел непринужденную беседу. Кто-то из них, вспомнив про памятное для многих жителей нашей республики землетрясение, спросил его:

— Ай, Шими, как ты думаешь: а правду ли говорят некоторые, что землетрясение посылает Бог, как наказание за грехи людей?

Шими подумал немного, а потом твердо сказал:

— Нет, по-моему, Бог тут ни при чем. — Затем, немного помолчав, добавил: — Я знаю одного большого грешника, которому никакое землетрясение не страшно. Если бы Бог послал его как наказание за грехи, то этот человек должен был пострадать в первую очередь. А ему и во время землетрясения было все нипочем.

Старики, заинтригованные словами Шими, наострили уши, ожидая, что он скажет дальше.

— Во время этого землетрясения, — продолжал Шими, — я как раз находился в гостях у своего давнишнего кунака¹ в одном небольшом поселке, сильно пострадавшем от стихийного бедствия. Великолепный дом этого грешника, о котором я говорю, представьте себе, не дал ни одной трещины, тогда как стоящие рядом дома, в том числе и дом моего дорогого друга, получили сильное повреждение или разрушились совсем.

— А что у него, дом заколдованный? — недоверчиво спросил его другой старик.

— Ну, не заколдованный, но... особенный, — пояснил Шими. — Он его построил на мощных стальных каркасах, специально изготовленных по его заказу на заводе. Пусть земля ходит ходуном, а особняк его будет стоять как стоял, целый и невредимый. Да и он сам, должен сказать вам, друзья мои любезные, тоже какой-то особенный, прямо, что называется, человек-загадка.

— Хе! А может, еще скажешь, минежиб²?! — перебив Шими, пронычески заметил тот же старик, недоверчиво усмехаясь в бороду.

— Хотя и не волшебник, — возражая ему, серьезно произнес Шими, — но, живя “на одну зарплату”, он ухитрился отгрохать великолепный собственный дом, да еще купил себе машину — раз, сыну-студенту — два, дочери-невесте — три, любовнице-красавице — че-

¹ Кунак — гость. У кавказских горцев — лицо связанное с кем-либо обязательством взаимной дружбы, защиты, гостеприимства; друг, приятель.

² Минежиб (или тилисимчи) — волшебник.

тыре. Обстановка у него как у турецкого пашы. Жена вся горит в бриллиантах. А кое-кто даже восхищается им, говорит о нем: вот, дескать, мужчина-джигит, умеет жить!..

Изумленные старики начали возмущаться, заговорили наперебой:

— Какой он мужчина-джигит, порази его гром! Наверное, вор-казнокрад! И никакой загадки-магадки¹ тут нет!..

— Или бессовестный торговец левым товаром, как его... “дафиситом”!

— А может, взяточник-вымогатель. Да чтоб он провалился!

А один из стариков, с трясущейся головой, недавно проходивший курс лечения в психиатрической больнице, крайне взволнованный рассказом, вдруг схватил Шими за ворот его бешмета и, тряся изо всей силы, закричал так истошно, точно на него среди бела дня напали вооруженные грабители:

— Ай, Шими, скажи мне: почему наши законы лежат на печи?! Почему милиция не схватит его?!

Все присутствующие в один голос поддержали товарища.

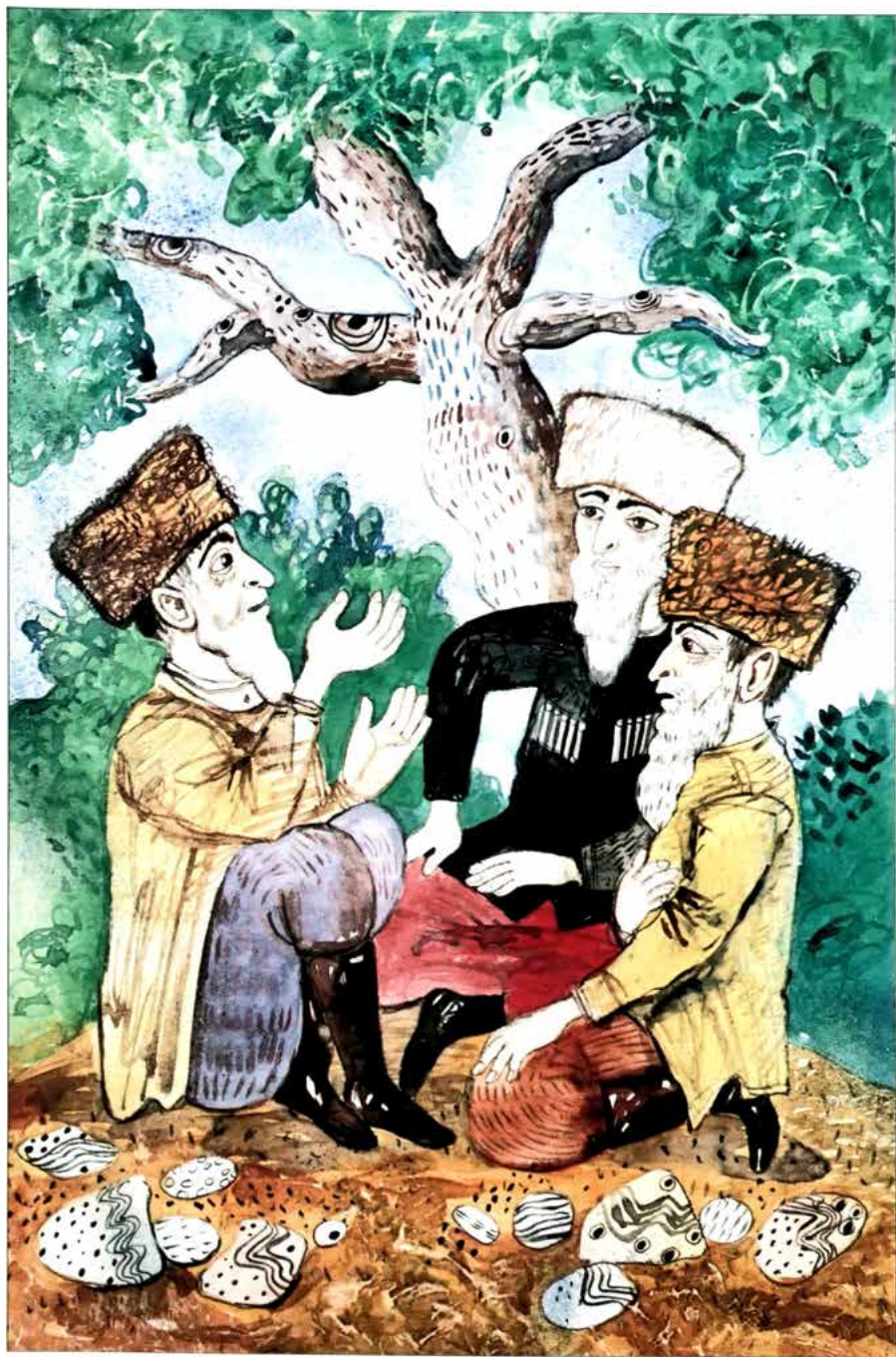
Шими с трудом оторвал от себя руки соседа, вцепившиеся в него как клещи, обвел всех недовольным, сердитым взглядом, а потом сказал:

— Астапирулла²! Какой вы, однако, бестолковый народ, старики! Ведь я только что сказал вам: этого человека даже землетрясение не берет, а что может с ним сделать милиция? Ну и на-а-арод!..

¹ Загадки-магадки — игра слов.

² Астапирулла — в данном случае выражение крайней степени недовольства, удивление.

“Человек-загадка”

ШИМИ И ВЕЛИКИЙ ФИРДОУСИ

КАК-ТО раз в руки Шими попала красиво оформленная книга с произведениями великих средневековых персидско-таджикских поэтов. С грехом пополам прочтя их, Шими сразу загорелся желанием попробовать написать стихи. Но прежде чем призвать Музу с горы Олимп, Шими решил вызвать из кухни свою покорную половину, где она раскатывала тесто для хинкала, и посоветоваться с ней.

— Знаешь, гэри, язык фарси и наш родной татский родственны между собой, — начал Шими издалека и в подтверждение своих слов добавил: — Вот, к примеру, когда иранцы или таджики говорят: “Занро муяш дураз, аглаш кутах”¹, мы эту мудрую поговорку воспринимаем и произносим почти так же, как они.

— Ну и что из этого? — обиженно произнесла жена, которая в душе считала себя намного умнее своего странного, чудаковатого мужа.

Но Шими, сделав вид, что не заметил ее недовольства, продолжал:

— Вот послушай. Великий Фирдоуси, как пишется в книге, с которой я только что ознакомился, оказывается, тысячу лет назад создал свой знаменитый дастан², а он, представь себе, до сих пор жив, вернее, сам Фирдоуси умер почти тысячу лет назад, но его доброе имя, стихи живут и поныне. Вот я сижу и думаю: если сей благословенный шаир³ на своем фарси создал чудесное ожерелье из драгоценных камней, которым до сих пор восхищается мир, то неужели я, твой верный муж, не смогу на своем татском языке создать что-нибудь наподобие такого же ожерелья хотя бы из обыкновенного серебра?

— Ай, муж, — сказала жена, — не знаю, о ком ты говоришь, но я прошу тебя, не делай глупости, не твоего ума это дело. Поэтом надо родиться: “Поддающий надежду птенчик и в яйце поет”⁴. Если ты дожил до старости и не написал ни строчки, как же ты можешь вдруг стать поэтом?

Но Шими был непреклонен.

— Ты не права, жена, — вежливо возразил он супруге. — Неважно, что я за все свои годы не написал ни одной строки, а важно другое. Слово “ашуг”, сама знаешь, на нашем языке означает и “поэт”,

¹“У женщины волос долог, да ум короток” (*фарси*).

²*Дастан* — поэма, сборник поэтических произведений.

³*Шаир* — поэт.

⁴Пословица.

и “влюбленный”. А любовь может нагряться к человеку любого возраста. Вот недавно в колхозном клубе какой-то лектор, дай бог ему долгие годы, читал нам, аксакалам (из молодых почему-то никого не было), лекцию “О любви и браке”. Хотя лектор был красноречив, как соловей, половина зала постыдно дремала. Но сейчас не об этом речь. Из всего того, что рассказал нам, старикам, лектор, мне особенно понравилось и больше всего запомнилось, когда он, ссылаясь на какого-то тоже знаменитого поэта, сказал: “Любви все возрасты покорны”. Учти: все возрасты! Теперь, жена, наберись немного терпения и послушай дальше. Из того, что сказал лектор, вернее, поэт, на которого он ссылался, можно заключить, что, начиная с моего годовалого внука-сосунка и кончая мной, старым дедом, каждый из нас может любить и быть влюбленным, а стало быть, и ашугом, поэтом.

Шими еще что-то собирался сказать в пользу своего довода, но, заметив на лице жены откровенную насмешку и явное нетерпение, сразу вспыхнул.

— Клянусь Богом, не зря блаженной памяти наши деды и прадеды говаривали: “Чем с женой советоваться, лучше положи папаху перед собой и советуйся с ней”, — закричал Шими на жену. — Иди, пожалуйста, на кухню и занимайся своей стряпней, а больше, я вижу, ты ни на что не годна.

Отослав жену и немного успокоившись, Шими уселся за стол, за которым его старший внук обычно готовил уроки. Водрузив на нос очки, взяв ручку и тетрадь, он принялся строчить. И как следовало ожидать, стихи получились бестолковые, что называется, курам на смех. Хотя Шими в душе сознавал это, однако назло своей старухе решил во что бы то ни стало добиться признания своего “таланта”. Для этого он, подхватив тетрадь со своей писаниной, уже собирался было пойти к своим друзьям-старикам, чтобы прочесть им свои стихи, когда к нему неожиданно появились гости — главный винодел колхоза, пожилой грузный мужчина с красным лицом и крупным сине-фиолетовым носом, и ветеринар, молодой человек с красивыми, спокойными, круглыми телячьими глазами. Оба они возвращались со свадьбы, были навеселе, но по дороге решились заглянуть к старине Шими.

Их приход был весьма кстати. Шими усадил гостей за стол, а жене велел поскорее подать горячий хинкал и поставить бутылку водки.

Как только гости опорожнили содержимое бутылки и еще больше опьянели, Шими решил, что теперь в самый раз познакомить их со своими виршами.

— О-о-о! Оч-чень хо-рошие стихи, дядя Шими, — похвалил ви-

нодел, обладатель сине-фиолетового носа. — В них есть аромат муската, бархатистость кагора, медовый привкус ликера и, что безусловно, прозрачность наших прославленных дербентских коньяков. Вы, дядя Шими, истинный талант.

— Я скажу больше, — ерзая на месте, проговорил ветеринар с красивыми телячьими глазами. — В ваших стихах, дядя Шими, мне слышится бойкая переключка петухов на рассвете, любовный призыв молодой кобылицы в разгаре весны среди зеленого луга, дружное блеяние сытых овец, возвращающихся к вечеру с тучных пастбищ в свои кошары... Вас, дядя Шими, мало назвать талантом. Вы — украшение и гордость нашего маленького народа, отец нашей, так сказать, пу-э-э-зии.

Гордый и польщенный похвалой гостей, Шими весело крикнул жене:

— Ай, жена, подавай дорогим гостям вторую бутылку!

Когда гости распили ее, они опять заговорили о стихах Шими.

— Я, знаете, получил огромное удовольствие от ваших стихов, — произнес заплетающимся языком Сине-Фиолетовый Нос. — Они действуют на человека опьяняюще, как старое вино многолетней выдержки. Вы, дядя Шими, просто чудо! Машаллах¹! Машаллах!

С места вскочил Красивые Телячьи Глаза. Приложив руку к сердцу, он почтительно отвесил хозяину дома глубокий поклон, точно падишаху, и, размахивая рукой высоко над головой, воскликнул:

— Я скажу больше! Как принято считать орла царем пернатых, так вы, дядя Шими, царь нашей пуэ-э-зи-и!

— Ай, жена, подавай третью бутылку! — крикнул торжествующий Шими, гордо подбоченясь перед своей старухой: мол, знай наших!

Когда была распита третья бутылка, гости опять вернулись к главной теме своего разговора.

— Ни-и-ничего подобного я не читал и не-е слышал, — еле бормотал Сине-Фиолетовый Нос, почти засыпая. — Все наши поэты вместе взятые не стоят и твоего мизинца. Вы, дядя Шими, одновременно и солнце, и Эльбрус нашей поэзии. Еще и еще раз: ма-а-шаллах!..

Как только Сине-Фиолетовый Нос умолк и, уронив голову на широкую грудь, тут же захрапел, Красивые Телячьи Глаза, резко отодвинув стул, упал на колени перед Шими и начал отбивать ему земные поклоны, как божеству.

¹ Машаллах — выражение чувства восхищения.

— Я скажу больше! — нечленораздельно, почти с мычанием произнес он. — Царь, дядя Шими, вам и в подметки не годится. Вы бог, бог нашей пу-э-э-зини. Вы заслуживаете того, чтобы вам пели осанну!..

Удивленная, но вместе с тем обрадованная успехом мужа, жена, на этот раз не дожидаясь, пока он позовет ее, сама подошла к нему.

— Может, подать четвертую дорогим гостям? — ласково шепнула она ему в ухо.

Шими, пряча хитрую улыбку в бороду и насмешливо косясь на в стельку пьяных гостей, тихо сказал жене:

— Ай, гэрн, клянусь душой твоего покойного отца, вряд ли сам великий Фирдоуси, о котором я тебе говорил, слышал в свой адрес такие восторженные похвалы, какие я сейчас слышал от них. Поэтому хватит, зачем зря переводить бутылку?

ЧТОБЫ ПЛАКАТЬ, ТОЖЕ НУЖНО НАСТРОЕНИЕ...

В СЕМЬЕ Шими случилось несчастье — умерла его старая теща. Жена, убитая горем, безутешно плакала, рвала на себе волосы, а сам Шими вел себя очень спокойно, не расстраивался, не проронил ни слезинки, словно ничего и не случилось, и, как жена ни была поглощена своим горем, это не ускользнуло от ее внимания. И она затаила обиду на мужа. Едва дождавшись конца траура, жена сказала Шими:

— Ай, муж, какой ты бессовестный и бессердечный человек! Когда моя бедная мама умерла, ты не горевал, не плакал, даже слезинки не проронил. А ведь она была теща тебе, бабушка твоих детей. Так стыдно мне за твое поведение не только перед моими родными, но и перед соседями и близкими знакомыми, что хоть сквозь землю провалишься.

Шими начал оправдываться.

— Ай, жена, клянусь прахом твоего отца, ты зря на меня обижаешься, — миролюбиво произнес Шими. — Ты знаешь, чтобы плакать, тоже нужно настроение: или очень плохое, или очень хорошее, можно сказать, восторженное, то есть я хочу сказать, что человек плачет или от чрезмерного горя, или от чрезмерной радости. А я в тот день, когда умерла твоя мать, то есть моя бедная теща, бабушка моих детей, не испытывал ни большого горя, ни большой радости. Кроме того, как ты знаешь, я был занят более важным делом — подготовкой похорон твоей матери, и у меня просто не было времени для этого.

Но жена нашла доводы мужа не только неубедительными, а восприняла их как насмешку. После этого разговора она, еще больше обозлившись на мужа, стала все время ворчать на него, портить ему настроение. И Шими не знал, как искупить свою вину, чтобы жена перестала пилить его. И такой случай представился.

Спустя год Шими, чтобы сделать жене приятное, решил отметить ее день рождения. Он не скупился на расходы и подарки жене. Пригласил в гости всех ее родственников, соседей и близких знакомых, которые почтили память его покойной тещи своим присутствием на ее похоронах. Жена была очень довольна и рада, зато у Шими на душе кошки скребли, оттого что слишком много денег пришлось ухлопать, чтобы “замазать” ей рот. Но он старался не показывать виду.

В самый разгар веселья, когда все ели-пили за здоровье именинницы, Шими не выдержал — он вдруг встал, сорвал с головы папаху и, прикрыв ею лицо, принялся плакать навзрыд. Гости воспри-

няли это по-своему и сразу умолкли. Они решили, что Шими, выпив лишку, совсем, видимо, расчувствовался, слушая много добрых слов и пожеланий в адрес именинницы — своей дражайшей половинки. Поэтому мужчины начали добродушно подтрунивать над ним, а растроганные женщины — всячески хвалить хозяина дома. Но Шими, слушая их и продолжая плакать, убрал папаху от лица и, бия себя в грудь, произнес прерывающимся голосом:

— Нет, мои дорогие гости, любезные мои, я плачу не из-за того, о чем вы сейчас говорите и думаете, нет, а по своей... покойной теще, бабушке моих детей, мир ее праху...

Гости, пораженные таким признанием Шими, пожимая плечами, с недоумением переглядывались, как бы спрашивая друг у друга: не рехнулся ли он случайно? Но Шими, не обращая на это внимания, то и дело вытирая папахой слезы, продолжал:

— Вы все, здесь сидящие, свидетели: год назад, когда скончалась моя бедная теща, — я в тот день не плакал. У меня тогда для этого не было ни времени, ни настроения. Поскольку сегодня у меня есть и достаточно времени, и самое подходящее настроение для этого, я, друзья мои, тяжко скорблю и, как видите, горько плачу по поводу дня рождения... то есть смерти моей тещи, царство ей небесное...

ДРУЖБА НАПОЛОВИНУ С ВОДОЙ, НАПОЛОВИНУ С УКСУСОМ

СОСЕД Шими каждый раз, встречая его на улице, по поводу и без повода любил уверять Шими в своей неизменной дружбе к нему, подкрепляя свои слова известной поговоркой: “Близкие соседи лучше дальних родственников”. И вот однажды у соседа Шими корова отелилась раньше, чем у него. И Шими попросил соседа, чтобы он прислал ему кувшин молока для детей, а сам обещал тому кувшин отличного вина, изготовленного им из своего винограда.

Но Шими был неприятно поражен и расстроен, когда узнал, что молоко, которое дал ему сосед, разбавлено водой. Ничего не сказав, Шими, захватив пустой кувшин, зашел в погреб. Он наполнил его наполовину вином, наполовину уксусом и велел сыну отнести его соседу.

На следующий день сосед, встретив Шими на улице, хватаясь руками за живот, бросился к нему с упреками:

— Ай, Шими, как тебе не стыдно?! Ведь ты обещал мне хорошее вино, а вместо этого подсунул уксус. Разве так поступают с соседом-другом?

Шими с грустью посмотрел на него, а потом промолвил:

— Ничего не поделаешь, сосед. Пока наша дружба будет только на словах, а не на деле, она будет наполовину с водой, наполовину с уксусом.

ШИМИ НА СВАДЬБЕ

ШИМИ пригласили на свадьбу. Когда Шими явился туда, она была в полном разгаре. В просторном дворе с небольшим, хорошо ухоженным садиком за накрытыми столами сидели гости, ели, пили, веселились, а музыканты то и дело играли танцевальные мелодии. Каждый, кто танцевал, бросал музыкантам деньги — ай шабаш — на разноцветный поднос, лежащий перед ними на узком столике, по рублю, по два, а иные и по три — смотря по своему карману.

Спустя некоторое время, сверкая золотыми зубами и большим бриллиантовым кольцом на указательном пальце, в круг вышел пузатый, краснощекий и лупоглазый человек ниже среднего роста, о котором говорили, что он работает где-то заготовителем шерсти; люди за глаза называли его золотым мешком. С видом человека, сознающего свою силу и превосходство, “золотой мешок” небрежно запустил руку в широкий карман штанов и извлек оттуда две новенькие хрустящие сторублевые купюры. Горделиво покрутив их над головой, чтобы все видели, толстяк, потряхивая грузным животом, не прерывая танца, подошел к музыкантам и с такой же небрежностью кинул их им на поднос: мол, такие деньги для него просто тьфу!

Щедрая подачка привела музыкантов в дикий восторг. Бубнист от переполнявшей его радости и почтения к танцору даже вскочил с места и, преданно пожирая толстяка глазами, принялся играть ему стоя, стараясь изо всех сил.

Но когда заготовитель “золотого руна” покинул танцевальный майдан, никто из гостей, несмотря на все усилия серпои¹, не решился заказать музыкантам танец. Гости, в большинстве своем люди простые, были шокированы, словно стали вдруг свидетелями какого-то грубого и непристойного зрелища: многие из них за целый месяц честной, добросовестной работы за станком, в поле или в учреждении не получали столько, сколько этот “непойманный вор” с легким сердцем швырнул музыкантам за здорово живешь. То же самое испытал и старик Шими. Но через несколько минут он с обычным для него спокойствием и чувством собственного достоинства первый подозвал к себе серпои и заказал популярный танец “Харц”.

Шими встал, степенно оглаживая на ходу свои пышные усы и бороду, и вошел в танцевальный круг. А когда серпои вывел танце-

¹ Серпои — распорядитель танцев на свадьбе.

вать с ним молодую и очень миловидную женщину, он, словно забыв о своих годах, залясал с таким живым темпераментом, что многие молодые могли бы ему позавидовать. Люди, бывшие на свадьбе, хорошо знавшие и любившие своего чудаковатого, но замечательного земляка — хитроумного Шими, снова воспрянув духом, сразу повеселели и принялись дружно хлопать в ладоши, подзадоривая танцующих. Перед тем как покинуть танцевальный круг, Шими сунул руку в карман и легкой, танцующей походкой подошел к музыкантам. Он на минуту остановился перед бубнистом и не спеша вынул из кармана монету в двадцать копеек. Послужив монету, Шими торжественно прилепил ее ко лбу бубниста, как это полагалось делать танцору по старинному, но уже вышедшему из моды обычаю. Заметив на постной физиономии музыканта выражение досады и откровенного недовольства, Шими нагнулся над его ухом, вроде собираясь сказать ему что-то по секрету.

— Ты, сынок, не обижайся на меня, старика, — произнес он нарочито громко, чтобы все услышали, и, указывая пальцем в сторону толстяка заготовителя, добавил: — Не обижайся, что я пожертвовал вам не такой жирный ай шабаш, как тот толстопузый, но зато у меня деньги, клянусь Богом, в отличие от его до единой копейки честно заработанные, трудовые...

“ПОХВАЛЬНОЕ” СЛОВО ВЗЯТОЧНИКУ

ВНУЧКА Шими, в добрый час, окончила среднюю школу и хотела поступить в институт, но не прошла по конкурсу. Девушка как большое горе переживала свою неудачу, ходила как потерянная. Чтобы вывести ее из такого состояния, вернуть душевное равновесие, решили по совету Шими устроить девушку на работу: на людях, мол, и горе не горе.

На другой день отец девушки пришел в швейную мастерскую, где работали одни женщины. Директор, рано облысевший мужчина лет сорока с аккуратной подстриженной густой смолистой бородкой и строгим начальственным взглядом, едва выслушав просьбу посетителя, энергично покрутил головой и сердито воскликнул:

— Нет-нет, не могу взять вашу дочь на работу! У меня и так людей больше, чем полагается... Не могу — и все!

Сказав это, он, как будто тут же забыв о просителе, погрузился в чтение каких-то бумаг, лежавших перед ним на рабочем столе.

Обескураженный и расстроенный категорическим отказом, отец девушки с минуту постоял в раздумье, с тоской и обидой глядя на гладкую, как полированная доска, лысину директора, не зная, что делать. Потом, медленно запустив руку в карман и также медленно, страдальчески морщась и напрягаясь, точно вытаскивая что-то непомерно тяжелое и не совсем безопасное, вынул... сторублевую ассигнацию и нерешительно положил на край стола. И, тут же стыдливо закрыв сотню широкой ладонью, начал робко и осторожно, весь покрывшись испариной, придвигать ее все ближе и ближе к директору, с волнением и тревогой думая только об одном: как бы он, разрази его гром, не стал брыкаться, возмущаться, прогонять вон, а еще хуже — не вызвал милицию. Но у посетителя точно гора свалилась с плеч, когда он, к своей несказанной радости, увидел, что директор, мигом накрыв рукой сотню, точно кошка когтитой лапой пойманную мышку, тихо придвинул ее к себе и тут же быстро сунул в ящик.

Спустя месяца три после того, как внучка Шими была принята на работу, она познакомилась с хорошим парнем и дала согласие выйти за него замуж. Поскольку жених был из другого города, то по уговору родителей парня и девушки на второй же день после свадьбы она должна была уехать вместе с мужем по месту его жительства. Поэтому за день до свадьбы отец невесты опять пришел к директору. Теперь он просил его, чтобы тот сегодня же освободил дочь от работы по семейным обстоятельствам и выдал ей трудовую книжку.

— Нет-нет, не могу, — покрутив головой, решительно произнес

директор. — У меня сейчас на производстве не хватает рабочих рук, срывается план. Мы только что обучили вашу дочь специальности, приставили к делу, а вы — увольняйте, да еще требуете, чтобы я ей выписал трудовую книжку, когда она у нас работает без году неделя. Одним словом — не могу.

Как и во время своего первого посещения, отец девушки молча положил перед директором сотню, на этот раз без какого-либо опасения, и вопрос сразу разрешился к обоюдному удовлетворению.

Шими узнал обо всей этой истории, когда сын, довольный и торжествующий, вернулся домой с трудовой книжкой дочери, в которую рукой директора ей была записана благодарность “за ударный труд”.

— Почему ты с самого начала не устроил ее в другое место, а пошел, осел ты этакий, на поклон к этому вымогателю? — возмутился Шими.

— А что мне оставалось делать, если у меня не было другого выбора? — начал оправдываться отец девушки. — В другом месте за прием на такую же работу берут, говорят, не меньше трехсот. Еще спасибо скажи, что он взял с меня всего лишь сотню... А ты меня — “осел этакий”...

Шими, услышав это, промолчал, а потом, вроде бы соглашаясь с сыном, сказал примирительно:

— В таком случае, сынок, извини меня, старого глупца. Завтра пригласи своего директора на свадьбу, как почетного гостя, а я, так и быть, обязательно скажу ему при всех “спасибо”.

На следующий день среди приглашенных на свадьбу на самом видном месте сидел директор. После первого традиционного тоста за здоровье молодоженов красноречивый тамада первым представил слово главе семьи — почтенному Шими Дербенди.

Сначала старик поблагодарил всех гостей за то, что они пришли на свадьбу его любимой внучки. Затем, обращаясь лично к директору, выразил ему особую благодарность за то, что в трудное для его внучки время он принял ее на работу, несмотря на то что в мастерской тогда не было лишних рабочих мест. А спустя три месяца после того, как она начала работать, опять-таки несмотря на то что на этот раз у него на производстве не хватало людей, он по просьбе отца невесты в тот же день уволил ее по семейным обстоятельствам, да еще выдал ей трудовую книжку с занесением в нее благодарности за ударный труд.

Веселые, празднично настроенные и после первого тоста слегка охмелевшие гости начали дружно, с преувеличенным энтузиазмом кричать в один голос:

- Молодец, директор!
- Баракалла¹, директор!
- Чтобы ты сто лет жил, директор!

Польщенный словами почтенного Шими и единодушной похвалой присутствующих на свадьбе людей, довольный, сияющий директор встал с места и принялся раскланиваться перед гостями, как актер, с блеском исполнивший свою роль перед восторженными зрителями.

Шими подождал немного, пока утихли возгласы и аплодисменты в адрес директора, а потом, как бы выражая свое полное согласие с ними, добавил:

— Конечно, молодец, конечно, баракалла, если учесть то, что другой начальник за прием на такую же работу берет, оказывается, не меньше трехсот, а этот взял за устройство моей внучки всего лишь сто рублей и столько же — ни рубля больше — за увольнение...

После этих слов Шими в настроении гостей сразу произошла резкая перемена. Одни начали громко возмущаться поведением директора, другие визжали от смеха, третьи, потупив глаза, загадочно молчали.

У директора лицо и вся лысина, на которой заблестели крупные капли пота, вдруг стали пунцовыми. Он вновь вскочил с места и открыл рот, чтобы не то возразить Шими, не то протестовать, но так и не смог выговорить ни слова — язык онемел во рту.

Говорят, после “похвального” слова Шими директор по сей день так и ходит с открытым ртом: все пытается что-то сказать, но не может...

¹Баракалла (баркалла) — спасибо; выражение благодарности.

ПЕТУХ-БУДИЛЬНИК

НЕЗАДОЛГО до начала массовой уборки урожая в колхозных садах и на виноградниках Шими, чтобы вставать с рассветом, купил будильник. Но не прошло и недели, как он перестал работать. Шими не особенно огорчился, поскольку часы были с гарантией. Но, побывав на ремонте, часы вскоре опять забарахлили: стрелки на них то ползли с невероятной медлительностью, то бежали, точно резвый конь на ристалище. Поэтому они звонили и поднимали Шими на ноги то слишком рано, среди ночи, то слишком поздно, когда люди давно на работе. Тогда вконец разозленный Шими, мысленно послав ко всем чертям и гарантийный лист, и часовщика-бракодела, решил купить новый будильник. Взяв у жены деньги, он вышел из дому. Но не прошло и часа, как Шими вернулся, держа под мышкой здорового огненно-красного петуха.

— Ай, муж, что ты за человек? Ходил за будильником, а купил петуха! — воскликнула удивленная жена. — Ты уж купил бы тогда курочку. Мясо у нее нежнее, вкуснее, а зачем нам петух?

Шими, услышав слова жены, недовольно нахмурился.

— О женщина, почему ты в петухе видишь только мясо для бульона или бугая для кур, а не видишь другие его природные качества? — произнес рассерженный Шими. — В далекую старину, если хочешь знать, когда еще и в помине не было часов, военачальники, говорят, отправляясь в поход со своими войсками, всегда брали с собой петуха. Привязав за ногу, они держали его в походной палатке возле своей подушки. Видно, они были не глупее, чем мы с тобой, коли поступали так?

— Ай, муж, горе на твою бестолковую голову! — в сердцах произнесла жена. — Я охотно верю, что они были намного умнее тебя, но скажи на милость, при чем тут древние военачальники и ты со своим злополучным петухом?

— Вот послушай, сейчас объясню, — наставительным тоном произнес Шими. — Когда мы будем держать этого петуха ночью у себя в комнате, сама убедишься, что лучшего будильника, чем петух, на свете нет. Он не нуждается ни в заводской гарантии, ни в ремонте таких недобросовестных мастеров-бракоделов, которые чинили наши часы. Притом петух своим громким криком точно вещает, когда полночь, когда рассвет и когда утро. А ты еще говоришь: зачем нам петух?..

ОСЕЛ НА КОЛОДКАХ

ОДНАЖДЫ Шими срочно понадобилась машина, чтобы отвезти в больницу беременную сноху, у которой раньше времени начались роды. И он обратился к соседу, у которого была своя машина.

— Ах, ах, какая досада! — с притворным сожалением воскликнул сосед. — Я со вчерашнего дня машину поставил на колодки, произвожу ремонт, извини, пожалуйста, не могу!..

Шими-то видел, как сосед всего час назад с шиком въехал к себе во двор на машине, но промолчал и тут же побежал искать другую машину.

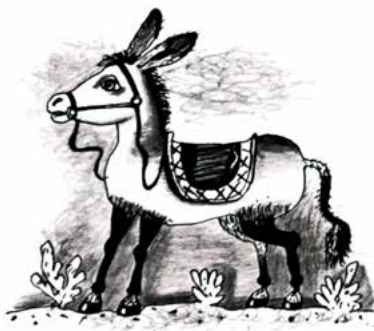
Случилось так, что спустя месяц сосед, у которого на этот раз машина действительно находилась на капитальном ремонте, попросил Шими “всего на часик” одолжить ему осла, чтобы перебросить на нем мешок муки из магазина домой.

Шими “с сожалением” покачал головой, а затем промолвил:

— Ах, ах, какая досада! Клянусь твоей головой, не только “на часик”, на целый день отдал бы своего осла в твоё полное распоряжение, но он у меня третий день стоит на колодках; извини, дорогой сосед, не могу.

— Ай, Шими, не принимай меня за дурака! Осел не машина, его на колодки не ставят, чего ты ерунду городишь?

— Ай, сосед, как ты не понимаешь, — с невозмутимым видом произнес Шими, — когда хозяин не хочет одолжить своего осла, он может и его поставить на колодки, как ты в тот раз свою исправную машину...

ЛЮБОВЬ И БОРОДА

(Первое письмо Шими автору)

МИР тебе и здравие, сын мой! Пишет тебе твой старый друг Шими Дербенди. Должен тебе сказать, сын мой, хоть ты в своих хабарах обо мне (дай Бог, чтобы твоих ушей касались только добрые хабары) и величаешь меня “хитроумным”, но, как ты знаешь, сам я очень часто попадаю в такие скверные истории, что ни мой ум, ни моя хитрость, которой у иного ребенка больше, чем у меня, не помогают мне выбраться из них, как говорится, целым и невредимым. Со мной нередко случается как в известной поговорке: “Думаешь, поймал, а смотришь — сам попался”.

Про свою новую беду, которая приключилась со мной, я краснея от стыда, все же решил, будь что будет, поведать тебе. И вот почему.

Знаю (не в упрек тебе это говорю, сын мой, а в похвалу), стоит мне, Шими, где-нибудь чихнуть, тебе сразу об этом становится известно. А уж про эту скандальную историю: как я, извини, будучи сильно под мухой, пел любовную песню на поминках своего старого друга (мир праху его) и как из-за этого (по правде сказать, не совсем из-за этого) рвали мне бороду — тебе наверняка уже рассказали. Но я не очень хотел бы, чтобы ты написал об этом в газетах и книгах. Не хочу на старости лет быть посмешищем в глазах твоих почтенных читателей (дай Бог им здоровья), потерять их уважение. А для человека с намусом, сам знаешь, лучше лишиться жизни, нежели уважения добрых людей.

Но как это произошло, лучше меня самого, конечно, никто тебе не расскажет. Другой если и расскажет, то наверняка с пятого на десятое или смешает быль с небылицей, наврет тебе с три короба.

Так вот, несколько дней назад я был на поминках своего друга (к добру будь помянут), с которым во времена нашей молодости мы батрачили на дербентских богачей — владельцев виноградников и рыбных промыслов, а потом многие годы работали в одном колхозе.

Пришел я туда с некоторым опозданием, когда все гости уже сидели за накрытым столом, на котором было всего вдоволь. Они с божьей помощью, приступив к траурной трапезе, охотно пили и закусывали, громко и оживленно разговаривая между собой.

Соседом моим за столом, на беду мою, оказался сторож винзавода, известный в нашем городе выпивоха и пустомеля, одним словом, дурак. Вот где, дорогой друг, я на своем горьком опыте познал глубокую истину другой нашей поговорки: “Лучше с умным камни таскать, чем с дураком плов кушать”.

И вот, едва я уселся, как мой сосед, чтоб у него рука отсохла,

сразу натил мне полный, как его... тилли¹ стакан захримана-водки и говорит мне заплетающимся языком:

– Дядя Шими, тебе полагается штрафное за то, что опоздал к трапезе. Если ты как надо чтить память покойного, то должен выпить этот стакан до дна.

Услышав это, я, конечно, сначала очень возмутился, хотел было как следует отчитать его: какое такое штрафное может быть на поминках, как будто здесь веселый пир или свадьба. Да и опоздал я, должен тебе сказать, не по своей вине. Перед тем как мне идти на поминки, жена хватилась нашей козы, а ее ни в хлеве, ни во дворе нет. И она, хорошо зная, куда я спешу, насильно отправила меня на поиски пропавшей скотины.

Когда ей, моей дражайшей супруге, взбредет что-нибудь на ум, ты хоть тресни, но возражать ей в это время так же без толку, как пытаться прошибить головой нашу дербентскую крепостную стену. Но если вместо ее любимой козы, пропади она пропадом, потерялся бы мой бедный осел, она и ухом бы не повела.

Но чтобы тебе долго не морочить голову, вернусь к моему соседу за траурной трапезой (чтоб собака его укусила). Я все же сдержал себя: чего, думаю, спорить с глупым человеком... И чтобы он не приставал ко мне, я, собравшись с духом, выпил этот захриман до дна. После этого, надо тебе сказать, я сразу опьянел, стал словно очумелый. Говорится же: “Кто пьет до дна, тот живет без ума”. А когда я уже был сильно под парами (может, под нажимом моего назойливого, как осенняя муха, соседа – разрази его гром вместе со мной – я опрокинул еще не один тилли стакан – не помню), к неслезанной радости своей, я увидел... А ты не будешь смеяться надо мной, стариком?

Ну ладно, слушай, что произошло дальше. Когда я увидел в дверях старуху Сенем – свою первую любовь – и наши взгляды встретились, у меня сразу захватило дух, и все в голове и перед глазами перепуталось, перемешалось. Я сам себя перестал узнавать. Я сразу забыл, что мы оба старые, седые, что наши внуки и внучки, дай бог им счастья, ходят в женихах и невестах и что мы давно чужие друг другу... Э-эх, друг мой, если бы ты знал, как я ее любил, эту Сенем!.. Но когда отец ее узнал, что я с согласия его дочери хочу послать илчи² сватать Сенем, он, говорят, точно ужаленный осой, вскричал: “За этого дуралея Шими? За этого пустого балагура, шута горохового?! Ни за что! Пусть даже не заикается!..” Но этот лукавый человек не захотел выдать за меня свою дочь-красавицу (чем нанес моему

¹ *Тилли* – граненый.

² *Илчи* (*илчиге*) – сват, сваты, посол; большая дорога.

“Импортный осел”

сердцу незаживающую рану) не потому, что я плохой и такой-разэ-такий. Все дело в том, что я был гол как сокол и не смог бы заплатить ему за дочь рэхь-пули¹.

Да ты, по-моему, должен знать старую Сенем, о которой я говорю. Она у нас в городе славится как лучшая кейвони на свадьбах, а теперь, не рядом будь помянуто, и на поминках. Кроме того, если я не ошибаюсь, она приходится троюродной сестрой твоей почтенной теще... Да, кстати, сын мой, скажи, пожалуйста, она жива еще, твоя теща, или умерла? Если умерла — царство ей небесное (ничего не поделаешь, все мы смертны — так уж устроена жизнь); если жива, скажи: старина Шими низко кланяется ей.

Но вернусь к тому, что дальше приключилось со мной. И вот, после того как я увидел здесь эту самую Сенем, мне вдруг показалась, что я сейчас не на поминках своего друга, а на его свадьбе (да простит он мне мое невольное прегрешение). И что я опять, черт меня возьми, как когда-то, давным-давно, молод и влюблен, как соловей в весеннюю пору. И такое, знаешь, у меня блаженное состояние, чудесное настроение, будто я выпил здесь не это чертово зелье, а райский напиток — зем-зем, возвращающий человеку молодость и силу. А коли ты молод и влюблен, и перед тобой стоит она, твоя любимая, и ты не на поминках, а на свадьбе своего друга, чего же тут не дать воли сердцу, которому тесно в груди?.. И я, широко раскинув руки в стороны, как птица крылья для полета, и пожирая Сенем глазами, запел во все свое хриплое горло песню одного из наших святых пророков, который любил песни, женщин и вино: “Пленила ты сердце мое одним взглядом очей твоих... Подкрепите меня вином, освежите меня яблоками, ибо я изнемогаю от любви!.. Сильна, как смерть, любовь, люта, как преисподняя, ревность, стрелы ее — стрелы огненные!..”

Я чувствовал себя как в чудесном сне, поэтому не помню, сын мой, сейчас, долго ли я пел эту песню, коротко ли. Но зато очень хорошо помню, как в самый разгар пения кто-то с возмущенным криком, точно злой жанавар², набросился на меня и обеними руками вцепился в мою бороду.

— Да чтоб отсох твой поганный язык, греховодник и безбожник! — орал он вне себя, дергая изо всей силы меня за бороду. — Как можно, — говорит, — вместо того, чтобы скорбеть и читать святую молитву, петь на поминках песню, как все равно в кабаке, покарай тебя Бог!..

Это, оказывается, был муж старухи Сенем. Может, он был бо-

¹ *Рэхь-пули* — калым (букв. выкуп за невесту).

² *Жанавар* — дикий, кровожадный зверь.

лее трезвый, чем остальные, поэтому быстро спохватился: петь на поминках любовную песню, если даже она принадлежит самому пророку, не только стыдно, но и оскорбительно для памяти покойного (мир его праху). А может, кто знает, он просто приревновал меня к своей старухе? Поистине: "...люта, как преисподняя, ревность..."

Ты думаешь, на этом все кончилось? Куда там! Этот старый ревнивец, все больше распаляясь, так безжалостно рвал мою бороду, что я думал: вот-вот отдам богу душу. Поверишь ли, когда еще в мои молодые годы дербентский полицмейстер (чтоб ему пусто было на том свете) всыпал мне сто горячих по известному месту за то, что я непочтительно отозвался о государе императоре (ты ведь, кажется, писал об этом случае), я, клянусь тебе, чтобы он не радовался, ни одного стона не издал. А тут, как ни стыдно признаться в этом, я взревел, как бык под ножом мясника. Если бы Сенем, спасибо ей, вовремя не подоспела на помощь, навсегда лишился бы ты своего друга или от моей бедной бороды ничего бы не осталось и я стал бы походить на кусе¹, о котором у нас говорят: "Лучше с утра встретить обезьяну, чем безбородого мужчину".

Вот, пожалуй, и все, что я хотел тебе написать.

Впрочем, знаешь, сын мой, так и быть: напиши обо всем, что я тебе рассказал. Хоть твои читатели и будут смеяться надо мной, как ты, наверное, сейчас смеешься, читая мое письмо (от этого никуда не денешься), но они, надо думать, все-таки меня поймут и, может, простят, потому что, положив руку на сердце, не один я виноват во всей этой некрасивой истории. А что касается того, чтобы поминки по усопшему превратили в некую свадьбу, пир с разнообразным угощением и обильным возлиянием, с той лишь разницей, что здесь не поют, не пляшут, не чокаются, пьют без застольных тостов, то этого не было в обычаях наших отцов. Об этом нигде не написано в Священном писании. Поверь мне, старику, слова "коньяк", "водка" вообще в нем не встретишь. Обычай этот, должен тебе сказать, введен у нас в последние годы с легкой руки тех, у кого карман туго набит шальными деньгами и кто с жиру бесится, а на остальных им, извини, начхать. Этот безобразный обычай не только тяжкий и разорительный для многих семей со скромным достатком, но и оскорбительный для памяти покойного. Человек навсегда, на веки вечные ушел из жизни, из мира, лежит в могиле, а тут выходит, что по этому случаю пируют...

И знаешь что? Мне кажется, тебе даже не надо особенно ломать голову, чтобы сочинить свой очередной хабар обо мне, то есть об

¹ Кусе – безбородый мужчина.

этой истории. Возьми мое письмо, приложи немного руку — не мне тебя учить, — поправь чин чином, где сочтешь нужным, — и, как говорится, делу конец!

Да! Не забудь, пожалуйста, передать от меня, старого Шими, низжайший поклон твоей теще, если, конечно, она еще жива; если умерла — царство ей небесное.

Остаюсь твой преданный друг по гроб жизни

Шими Дербенди

ИНТЕРЕСНАЯ ИДЕЯ

ОДНАЖДЫ жена Шими захворала, и у нее начался сильный жар. Что бы ни предлагал ей обеспокоенный и встревоженный муж, она от всего отказывалась.

— Не могу ничего есть, душа не принимает, — жалобно проговорила она. — Если бы ты принес мне арбуз с базара, я бы, наверно, поела, остудила бы жар, что мучает меня внутри.

— Не то что арбуз, клянусь прахом твоего отца, если потребуется, со дна моря тебе жемчужину достану, лишь бы ты поправилась, встала на ноги, — с готовностью отозвался сердобольный муж.

Через час Шими, обливаясь потом, уставший, но довольный, возвращался с базара, неся под мышками два здоровенных арбуза. Но когда Шими зашел к себе во двор, то, вдруг охваченный какой-то мыслью, остановился в раздумье прямо у порога своего дома.

— В народе говорят: “Как нельзя вместить две любви в одно сердце, так и невозможно удержать два арбуза на одной руке”. А что, если я проверю на деле, насколько верна эта народная мудрость? — принялся глубокомысленно рассуждать вслух Шими. — Правда, мне уже на склоне лет не удастся испытать, можно ли две любви вместить в одно сердце, но попробовать, можно ли два арбуза удержать в одной руке, я могу прямо сейчас, не переступая порога своего дома.

Едва Шими приступил к своему опыту, как оба арбуза, скатившись у него с руки, упали на землю и, точно пушечные ядра, с грохотом разбились у его ног, смешавшись с грязью и пылью.

Когда сконфуженный и расстроенный Шими робко вошел в комнату к больной жене, та, увидев его с пустыми руками, спросила:

— Ай, муж, где же твой обещанный арбуз? Неужели сейчас, в сезон арбузов, на базаре не было ни одного?..

Шими ничего не оставалось, как откровенно признаться жене в том, что произошло со злополучными арбузами, которые он купил для нее.

— Ой, горе мне с тобой нескончаемое! — простонала жена, чуть не плача. — Скажи, Бога ради: есть ли на свете дурнее тебя человек после этого?

Услышав такой упрек жены, Шими тоже рассердился.

— Ладно уж, я, допустим, такой, но и ты хороша, нечего сказать! — напустился он на больную жену. — Надо же было тебе заболеть и жаждать этого проклятого арбузного сока не раньше и не позже, а именно в то самое время, когда мне в голову пришла такая интересная идея!..

КАК ОДНАЖДЫ ВОЛКИ В ЛЕСУ ПРИНЯЛИ ШИМИ ЗА ОСЛА

ШИМИ, осуждая пьянство, не раз наставлял других: — Пьянство — зло, а пьяный сродни сумасшедшему. Он, может сам того не ведая, нести всякий вздор, а еще хуже — натворить такое, чего никогда бы не сделал, будучи трезвым. Да и с ним самим может произойти что угодно. Поэтому мой совет вам: держитесь подальше от греха — не употребляйте хмельного. Но если случится, что невозможно избежать этого, то знайте, где пьете, когда пьете, с кем пьете и сколько...

Но случилось так, что однажды вскоре после такого нравоучения Шими сам оказался сильно под мухой и, как рассказывают, потерял не только своего любимого осла, но и сам едва не распрощался с жизнью.

Как-то в разгар весны Шими по заданию своего бригадира отправился верхом на своем осле в лес, чтобы изготовить таркалы¹ для виноградных лоз, шесты и подпорки — для сторожевых шалашей.

Когда Шими подъехал к лесу, то на его опушке он встретил двух незнакомых молодых мужчин, которые только что приступили к трапезе. На разостланной перед ними маленькой скатерти стояла еще не початая бутылка не то с самогоном, не то с водкой, лежали хлеб и нехитрая закуска.

Поравнявшись с ними, Шими вежливо поздоровался и, пожелав им приятного аппетита, хотел было проехать дальше, но те сразу вскочили с места и начали уговаривать его оказать им честь разделить с ними хлеб-соль².

Шими благодарил, но всячески отнекивался, ссылаясь на неотложные дела. В конце концов, не желая показаться неучтивым, он уступил их настойчивым просьбам.

Незнакомцы посадили Шими как почетного гостя между собой и, “от чистого сердца” поднесли ему чарку, попросили его выпить “за знакомство”. После первой чарки сотрапезники показали Шими очень милыми и приятными людьми, поэтому, когда они предложили ему вторую, на этот раз “за дружбу”, он счел неудобным отказаться от такого тоста. После второго бокала быстро охмелевший Шими, потеряв над собой контроль,пил уже безотказно, сколько бы его ни угощали.

¹ *Таркалы* — опоры для поддержания растений.

² По обычаю приветствовать встречного должен тот, кто едет верхом.

Когда Шими, горячо обнимаясь и целуясь, расставался со своими новоприобретенными друзьями, он едва держался на ногах.

Как только Шими въехал в лес, где царили покой и тишина, а воздух был напоен лесными ароматами, он, уронив голову на грудь, сразу погрузился в сон, издавая громкий храп. А новые “друзья” Шими, оказавшиеся просто пройдохами, только этого и ждали. Бесшумно подкравшись к нему, они осторожно подняли его вместе с седлом и так же осторожно посадили на лежавший вблизи толстый ствол поваленного грозой дерева, а животное увели с собой.

Через некоторое время Шими проснулся, но продолжал еще находиться под винными парами. Уверенный в том, что сидит на осле, он открыл глаза — и тут же обмер, увидев себя верхом на... стволе, лежащем на земле. Хмель сразу выскочил у него из головы, и он тотчас же кинулся искать своего вислоухого. Думая, что он бродит где-то неподалеку и если услышит ослиный рев, то сейчас же отзовется и прибежит, Шими, не жалея глотки, начал изо всех сил реветь по-ослиному.

В то время когда Шими, надрывая горло, оглашал лес “ослиным ревом”, стая голодных волков, рыскавших в поисках добычи, прибежала на этот зов и окружила Шими со всех сторон, лязгая зубами. Увидев себя в окружении хищников, Шими онемел от ужаса.

Неизвестно, чем бы все кончилось для Шими, если бы по счастливой случайности в это время не оказался поблизости охотник. Увидев попавшего в беду старика, он выстрелами из ружья разогнал зверей, а потом, обратившись к нему, спросил:

— Скажите, пожалуйста, это вы ревели здесь по-ослиному?

— Да, я, -- нехотя признался Шими, пряча от стыда глаза и скорбно вздыхая.

— Честное слово, вы так естественно и неподдельно подражали ослиному реву, — подавляя смех, произнес охотник, — что не только волки, но и я, извините, грешным делом подумал, что это действительно ревет ишак...

— Э-эх, сынок, не надо извиняться, — с досадой на себя грустно промолвил Шими, — не будь я, разрази меня гром, настоящим ослом, разве стал бы так бездумно пренебрегать добрым советом, который я сам давал другим, чтобы потом на весь лес реветь по-ослиному!..

МОДНАЯ НЕВЕСТА

ВОТСУТСТВИЕ старика Шими Дербенди для его младшего сына сосватали какую-то модную девушку. Шими еще ни разу не видел в лицо свою будущую сноху, поэтому в один из воскресных дней он через сына пригласил ее в гости.

Невеста пришла не одна, а в сопровождении своего брата и родственника, таких же юных, как она сама. Узнав об их приходе, Шими в приятном волнении, захватив заранее приготовленный для невесты подарок — кольцо, поспешно вышел во двор, чтобы как глава семьи первым встретить ее, по-отцовски обнять, поздравить, а затем любезно пригласить в дом.

Но Шими с первого взгляда никак не мог различить, кто из пришедших молодых людей невеста, кто ее брат и кто родственник. Все они были одинаково причесаны, в мужских брюках и рубашках, с кулонами на шее, да и лицом, как показалось старику, были очень похожи друг на друга.

Шими долго стоял перед ними в полном недоумении и растерянности, силясь угадать, кто же все-таки из этих троих его невестка. Он даже сдвинул на затылок папаху и водрузил на нос очки, чтобы лучше разглядеть их и решить, кого из них признать своей будущей снохой и кому вручить кольцо. А молодые люди тем временем стояли в небрежных позах перед Шими и с насмешливыми улыбками смотрели на него.

Так и не сумев различить, кто из гостей парни, а кто девушка, вконец разозленный Шими безнадежно махнул рукой и, поглубже спрятав в карман подарок, не сходя с места, громко крикнул сыну, находившемуся в доме:

— Ай, сын, порази тебя гром вместе со мной! Какую головоломную загадку ты задал мне, старику! Откуда мне знать, кто из этих троих, чтоб они провалились, твоя невеста, кто ее брат, кто сват, если все они на одно лицо: с одинаковой лошадиной гривой, в одинаковой одежде и с одинаковой нахальной улыбкой на бесстыжих физиономиях! Не только я, валлах-биллах, сам шайтан их не разберет!..

ИМПОРТНЫЙ ОСЕЛ

ОСЕЛ Шими Дербенди, как почти все его собратья, был с придурью. Может, поэтому на родном языке Шими слово “хэр” (“осел”) одновременно означает и “дурак”. А что касается осла Шими, то этот, как казалось его хозяину, дуростью и упрямством превзошел всех своих сородичей. Дикими причудами он нередко доводил бедного Шими до слез. Стоило его ослу одной ногой увязнуть в грязи – считай, пропало. Ты ему хоть кол на голове теши, хоть разорвись – все без толку. Скорее гору Шалбуздаг можно было сдвинуть с места, чем заставить упрямое животное шевельнуться. В таких случаях Шими ничего другого не оставалось, как слезать с осла, покорно опускаться на четвереньки, залезать ему под брюхо и, призывая на его шальную голову тысячи бед и напастей, кое-как вызволять его из лужи.

А иной раз и того хуже. Вот едет Шими с кальяном во рту тихомирно на своем осле, не подозревая ничего худого. А его скотина, будь это за городом или посреди улицы на виду у всех, едва почуяв за версту другого осла, особенно ослиху, тут же срывается с места и пускается в бешеный галоп. Сотрясая воздух ликующим ревом, он мчится во весь опор, то и дело вскидывая вверх задние ноги, и сбрасывает с себя насмерть перепуганного хозяина.

Словом, не осел, а сущий дьявол, божье наказание!

Вконец измученный дикими выходками своего сумасбродного осла, Шими решил, пока по его милости он еще не сошел с ума и не свернул себе шею, распрощаться с ним.

Как раз в то самое утро, когда Шими собирался отвести его за город и отпустить на все четыре стороны (хоть волкам в зубы, лишь бы с глаз долой!), кто-то подсказал ему, что его сосед, работник плодоовощной базы, хочет купить себе осла для своих нужд. Отказавшись от первоначального намерения, Шими привел свою негодную скотину к соседу во двор. Но едва старик заикнулся о цели своего визита, как сосед, сердито косясь на Шими, с явным неудовольствием воскликнул:

– Нашел дурака! Твой сумасшедший осел мне так же нужен, как язва в печени!..

Однако категорический отказ соседа купить его осла не обескуражил Шими. Он не раз слышал, что сосед питает чрезмерную слабость ко всему импортному и что даже подштанники предпочитает носить только “заграничные”. И Шими, чтобы сплавить ему своего ишака, решил прибегнуть к хитрости. Он сказал, что его осел не отечественный, а импортный, которого он купил случайно

у одного чудаковатого фиренги¹-туриста, приезжавшего в их древний город, чтобы посмотреть на его исторические достопримечательности. И тот будто бы приезжал не один, а со своим четвероногим другом, ослом, к которому был так привязан, что даже во время своего недолгого путешествия не хотел с ним расстаться. А продал он его потому, что ему вдруг до зарезу понадобились деньжишки, чтобы скорее унести ноги, так как любвеобильный фиренги, не выдержав испытания недолгой разлукой с женой, попал здесь в сети к одной очаровательной пройдохе, обобрававшей простофилю до нитки. А то, что его осел якобы с причудами, так это вовсе не причуды, а прав у него такой — легкий, игривый, свойственный импортным ослам.

Короче говоря, Шими удалось задурить голову помешанному на всем импортном соседу и сплавить ему свою скотину.

И вот с тех пор все злоключения, которые прежде происходили с Шими, теперь происходят с его соседом. Бедняга, и раньше не отличавшийся крепким умом, став благодаря Шими владельцем “импортного” осла, говорят, совсем свихнулся. Когда земляки при встрече, жалея его, советуют ему расстаться как можно скорее со своей “безобразной скотиной”, тот каждый раз в ответ на их дружеские советы с бессмысленной улыбкой на осунувшемся лице ласково проводит по длинной, тупой и нахальной морде своего осла и, заливаясь тихим радостным смехом, заученно отвечает:

— Хе-хе-хе, знаете, хоть он у меня и безобразный, как вы говорите, зато не наш, не наш, а им-порт-ный!..

¹ Фиренги — европеец.

СОЛОМОНОВО РЕШЕНИЕ

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ колхоза, в котором с первого дня его создания работал наш почтенный Шими, неожиданно заболел и по совету врачей поехал в санаторий поправить свое пошатнувшееся здоровье. На время его болезни колхозники на общем собрании возложили обязанности председателя на Шими.

Став за председателя, Шими первым делом решил разделаться с двумя его родственниками — племянником и шурином. Оба они работали бригадирами и, пользуясь тем, что председатель — их родственник, держались с людьми заносчиво, на собраниях часто затыкали рты всем, кто высказывал критические замечания в его адрес. Многие колхозники были недовольны ими. Но как ни старался Шими найти подходящий предлог, чтобы наказать их, устранить от бригадирства, а когда придет председатель — поставить его перед свершившимся фактом, это ему не удавалось. Но вскоре, к большому удовлетворению Шими, совсем неожиданно подвернулся, как ему показалось, весьма подходящий для этого случай.

В то время в городе вели кампанию против совбола¹ как вредного пережитка байско-феодалного времени, который иные предприимчивые люди превратили в своего рода средство для наживы. В расчете на “большой совбол” они с купеческим размахом играли пышные свадьбы для своих сыновей и дочерей. Нередко эти свадьбы устраивались в рабочие дни, на них приглашалось как можно больше народу. Об одной такой свадьбе накануне как раз был напечатан хлесткий фельетон в местной газете. Шими каким-то образом узнал, что оба родственника председателя были на этой свадьбе и дали большой совбол.

Не откладывая это дело в долгий ящик, Шими на следующий же день созвал внеочередное заседание правления и вызвал на него обоих бригадиров. Первым стали обсуждать племянника председателя, который особенно задирал нос перед колхозниками.

— Ты был на свадьбе, о которой писали в газете “Филейтун”? — с плохо скрываемым торжеством спросил Шими.

— Был, а что?

— Совбол давал?

— Все давали, и я дал, а тебе какое дело?! — огрызнулся председательский племянник. — Не из твоего же кармана дал, а из своего!..

¹ Совбол — денежный подарок, подношение на свадьбе родителям жениха или невесты.

Шими довольно усмехнулся и, не обращая внимания на его грубый и заносчивый тон, спокойно сказал:

— Так-то оно так. Но ты же знаешь, что у нас ведется борьба против совбола как вредного пережитка. А ты, наоборот, поддерживаешь этот старый обычай. И как можно после этого держать тебя на должности руководителя и воспитателя целой бригады, если ты сам подаешь другим плохой пример?

И правление колхоза по предложению Шими единогласно решило: освободить председательского племянника от бригадирства за то, что он дал совбол.

Затем приступили к обсуждению вопроса о председательском шурине. Тот, быстро смекнув, в чем дело и чем все это пахнет, в отличие от родственника своего зятя не стал отрицать, что был на свадьбе, поскольку многие видели его там среди гостей. Но то, что он давал совбол, категорически отрицал, а доказать, что он говорит неправду, было очень трудно. И председательский шурин, уверенный в том, что оставил лукавого старика с носом, словно хвастаясь, продолжал:

— Если хотите знать, хозяину этой свадьбы я сто рублей должен. Он приносил их мне на свадьбу моей дочери как совбол. А я, будучи на свадьбе его сына, должен был по праву вернуть ему долг, но я этого не сделал.

— Почему? — вяло спросил Шими, поняв с огорчением, что на этот раз просчитался.

— Да чтобы потом не упрекнули и меня в том, что я поддерживаю этот, как вы здесь говорите, вредный пережиток.

Озадаченный Шими почесал в затылке. Он чувствовал, что бригадир хитрит, дурачит его, в душе посмеивается над ним, над его бессилием разделаться с ним. И это обстоятельство еще больше злило, расстраивало его.

Молчали и другие члены правления, в душе уже решившие, что, хочешь не хочешь, придется отпустить нахала с миром.

Вдруг Шими, прервав общее молчание, встал и гневно стукнул кулаком по столу, так что все поневоле вздрогнули от неожиданности.

— Ах ты бесстыдник! Ах ты нахал! Нашел чем похвастаться! — накинулся он на председательского шурина. — Где же твой мужской намус, яхь¹? Был на чужой свадьбе, ел-пил за тронх — я же знаю, какой ты обжора и не дурак выпить, — и не вернул человеку, кто бы он ни был, его долг, присвоил чужие деньги?! И как же можно тебя после этого держать на должности руководителя и воспитателя целой бригады?!

¹ Яхь — честь.

Словом, по предложению Шими председательского шурина тоже наказали — освободили от бригадирства, но в отличие от председательского племянника с другой формулировкой: за то, что он не дал... совбол на свадьбе.

КАК ШИМИ ОПРАВДАЛСЯ ПЕРЕД ЖЕНОЙ

КАК-ТО раз артисты местного театра решили поставить спектакль о похождениях своего чудаковатого, но любимого в народе земляка и назвали его “Похождения хитроумного Шими Дербенди”. На премьеру в качестве дорогих и почетных гостей они пригласили Шими с женой.

Ради такого торжественного случая Шими надел праздничный бешмет, новую папаху, нацепил на грудь свои медали, долго и старательно расчесывал и распушивал перед зеркалом усы и бороду.

Когда Шими пришел в театр, зал уже был полон. Самого Шими и его старуху посадили в первом ряду для приглашенных.

Шими был явно польщен тем, что о нем, простом человеке из народа, поставили пьесу и рядом с ним сидят почетные люди города. Однако, сохраняя степенность, старик старался ничем не выдать своего волнения и радости. Но это длилось недолго. Как только на сцене начали играть пьесу и Шими увидел “себя”, свою “жену”, “модную невестку”, “соседа”, помешанного на всем импортном, которому он сплавил своего “импортного” осла, едва не сведшего его с ума своими дикими выходками, “знакомых”, а публика стала от души смеяться и аплодировать, старик не смог усидеть спокойно. Поддавшись общему настроению, он резким движением сдвинул на затылок папаху, начал то и дело вскакивать с места, смеяться громче всех и, азартно хлопая в ладоши, издавать одобрительные возгласы и отпускать шутки в свой адрес:

— Ай да Шими!.. Бес тебе в ребро! Ай да черт!.. Машаллах!

Перед последним актом артисты и публика, усердно хлопая, стали требовать Шими на сцену. Глубоко растроганный и радостно возбужденный, Шими поднялся на сцену. Он сначала почтительно поклонился залу, а потом от избытка чувств принялся с жаром обнимать и целовать подряд всех артистов и актрис. Когда последней он целовал “модную невесту”, папаху у него вдруг слетела с головы и упала на пол, что вызвало всеобщий веселый смех и новый взрыв аплодисментов.

Шими вернулся домой в тот вечер, точно со свадьбы, где вдоволь веселился, кейфовал с друзьями, но, войдя в комнату и увидев, что у его старухи мрачный и надутый вид, сразу насторожился.

— Ай, жена, ради твоих покойников, скажи, что опять с тобой стряслось? — спросил ее Шими.

— Ничего! — сердито ответила жена, демонстративно отворачиваясь от него.

— Как — ничего?! Я по твоему лицу вижу, что ты недовольна!
Жена повернулась к нему и, глядя на него с обидой и укором, так же сердито сказала:

— Ай, муж, как тебе не стыдно?! Разве можно мужчине, да еще в твоих почтенных летах, подниматься на сцену и целовать чужих женщин? Ты собственную жену никогда не целуешь, а тут разошелся вовсю. Когда ты с жаром чмокал эту молодую артисточку, до того забылся, что даже папаху уронил на пол.

Шими, глядя на жену, тяжело вздохнул и с горечью подумал: будь она немного поумнее, не стала бы из-за этого дуться на него и портить ему праздничное настроение. Но он понимал, что говорить ей об этом так же бесполезно, как запретить его ослу не выпускать ветры, когда он с тяжелой поклажей поднимается на высокую горку.

— Ай, жена, ей-богу, стоит ли тебе из-за этого злиться, расстраиваться и портить настроение? Поверь мне, окажись ты в этот момент на сцене, может, я в запале и тебя бы поцеловал....

КОГДА БЕДНЯК ПОКУПАЕТ КУРИЦУ

КОГДА Шими был бедняком и перебивался, как говорится, с гроша на копейку, он как-то раз купил на базаре живую курицу. Шими и его дети давно не пробовали мяса, а куриного тем более, в лучшем случае обходились вонючей требухой. Поэтому он, возвращаясь домой, от радости не чуял ног под собой. Один из знакомых Шими, такой же бедняк-горемыка, увидев Шими, спешащего домой, спросил:

— Ай, Шими, у тебя, видно, чтоб не сглазить, завелись денежки, коли ты решил полакомиться в добрый час куриным мясом?

— Нет, — с улыбкой возразил Шими. — Видишь ли, курица очень больная, ее хозяин, боясь, что она вот-вот подохнет, продал мне ее не торгуясь, почти задаром.

Случилось так, что несколько месяцев спустя тот же знакомый встретил Шими, опять возвращающегося с базара с курицей. Хотя Шими тогда был еще молодым, но шел он на этот раз очень медленно, еле передвигая ноги, поминутно кряхтя и охая, с низко опущенной головой, точно немощный старик, которого уже клонит к земле.

— Ай, Шими, ты опять с курицей? — завидуя ему, с усмешкой произнес знакомый. — Зря таишься: у тебя точно появились деньги, иначе ты не стал бы опять покупать курицу. Куриное мясо не для тех, у кого в кармане пусто.

— Нет, — слабым голосом промолвил Шими. — Я сильно заболел, чувствую себя совсем плохо, меня еле ноги держат. Чтобы немного подкрепить свои силы, поправиться, доктор велел мне хотя бы несколько дней подряд пить куриный бульон.

Услышав это, знакомый Шими громко засмеялся, с сомнением покачав головой, и недоверчиво произнес:

— Странно! Прошлый раз ты говорил, что купил курицу потому, что она была больная, а сейчас утверждаешь, что сам больной, поэтому и купил. Не пойму я тебя.

Шими поднял на него печальные глаза и с грустью промолвил:

— А что тут странного и непонятного, друг мой?! Разве ты не знаешь: “Если бедняк покупает курицу, значит, или курица больна, или бедняк болен”!¹..

¹ Народная поговорка.

НЕ ВСЯКУЮ ПРАВДУ МОЖНО СКАЗАТЬ ЖЕНЕ

КОГДА Шими был бедняком и терпел крайнюю нужду, однажды, усталый и печальный, закутавшись в свою старую потрепанную шубенку, сидел он у себя дома, у тлеющего очага, предаваясь невеселым думам. Где-то в небе грохотал гром, во дворе лил дождь как из ведра, а через прохудившуюся глиняную крышу вода тонкими струйками лилась на голый пол, растекалась по стенам. В полутемном углу, ежась от осеннего холода, сидела, понурившись, беременная жена. Ей скоро рожать, а у Шими нет денег, чтобы купить немного муки, масла и меду на хашил¹, расплатиться с мому².

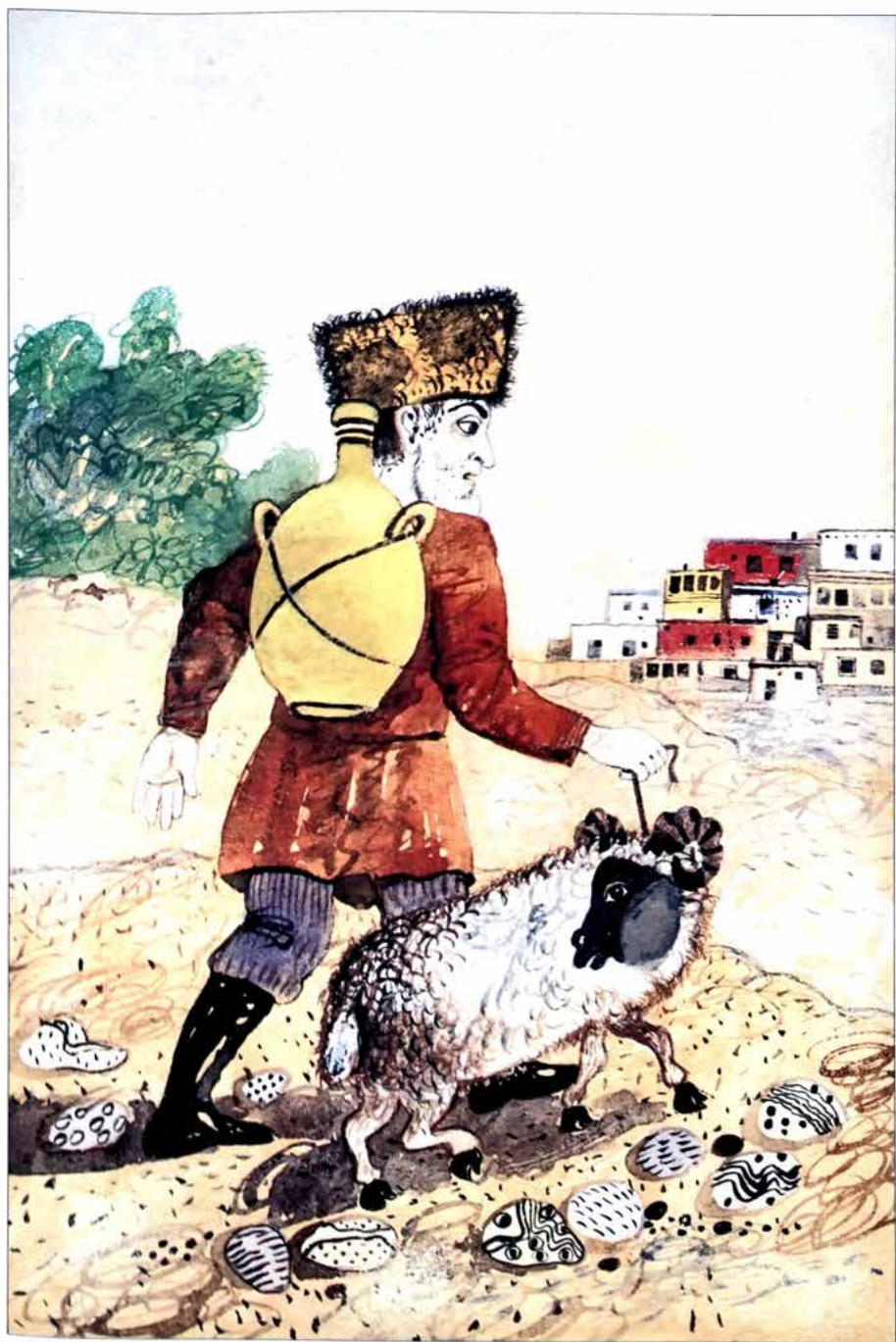
Погруженный в свои думы, Шими незаметно для себя заснул, и в это время ему приснился чудесный сон.

Копая лопатой в саду хозяина, у старого дуплистого орехового дерева возле ограды, он вдруг наткнулся на большой пузатый глиняный кувшин, полный блестящих золотых монет. Радости Шими не было границ. И первое что он сделал, став богачом, — обзавелся второй женой, которую взял из богатой и знатной семьи. Она была так юна и прекрасна, что Шими не пожалел заплатить за нее большой калым, который запросил за невесту ее отец. И то, что она оказалась смешливой и большой проказницей, тоже было ему по нутру. Жизнелюбивому и темпераментному Шими не нравилась вечно пасмурная, унылая физиономия жены, которая к тому же, несмотря на молодость, была какой-то холодной, бесстрастной, точно бесполое существо. Все это он по-настоящему понял и почувствовал только сейчас, когда ему неожиданно привалило богатство.

Шими теперь видел себя, как он живет в великолепном дворце, спит на высоких пуховых перинах в объятиях игривой, веселой молоденькой жены-раскрасавицы. Одевается как высокородный бек: в белую черкеску из тонкой шерсти с золотыми газырями, на поясе дорогой кинжал из серебряных ножнах, а голову его венчает лихо заломленная высокая каракулевая папаха. Он теперь даже по городу не ходит пешком, а ездит в собственном фээтоне, и все с почтением и завистью глазекуют на него. Сам полицмейстер, человек свирепый и надменный, щелкая каблуками и звеня шпорами, вытя-

¹ *Хашил* — традиционное кавказское блюдо, приготовленное из поджаренной муки, жира и мёда. Им обычно кормили роженицу в течение семи дней после родов, чтобы подкрепить ее силы.

² *Мому* — повивальная бабка.

“Баран на шашлык”

гивается перед ним в струнку и браво отдает честь, как все равно своему начальнику. А городской голова, который еще вчера не знал о его существовании, при виде Шими почтительно кланяется ему в пояс. Видные дербентские тузы: потомственный бек Сефтер Ахундов¹, которого сам царь Николай II удостоил высокой чести, побывав у него в гостях, именитые купцы, владельцы виноградных плантаций и рыбных промыслов Овроом Дадашев, Шомоил Ханукаев, Ханух-ага, на которых он батрачил, — встречают и провожают его с почетом и лаской, как равного.

Словом, Шими видел и чувствовал себя наверху блаженства. Неизвестно, сколько еще продолжалась бы такая райская жизнь у Шими, не случись с ним такая история.

Как-то раз под вечер Шими побывал в бане, которую обычно посещали богатые люди города. Пока его там под веселые звуки восточного оркестра и чарующие голоса певцов старательно парили, массировали и умащивали благовониями, у него разыгрался аппетит. Поэтому, как только он вернулся домой, сразу набросился на еду, как все равно человек, перенесший длительный, изнурительный пост. Покушав и подвыпив всласть, омочив усы в терпком вине, Шими в наилучшем настроении отправился спать с молодой женой. Едва губы Шими коснулись медовых уст прелестной ханум, как у той в самый неподходящий момент появилось желание попроказничать. И она принялась вовсю щекотать разомлевшего после бани полупьяного супруга. Шими, который очень боялся щекотки, начал метаться, закатываться громким, сумасшедшим хохотом, визжать, умоляя озорницу прекратить дурачество, пока он не лопнул...

Услышав громкий смех мужа во сне и крайне встревоженная этим, беременная жена Шими, кинулась к нему и принялась тормошить все еще спящего и хохочущего как безумный супруга. Шими с трудом открыл глаза и тупо посмотрел на “старую” жену и вокруг себя, плохо соображая: почему он здесь, а не в том прекрасном мире, в котором он только что жил, блаженствовал? Где его новая юная распрекрасная жена-проказница? Куда все вдруг подевалось?!..

¹ *Сефтер Ахундов* — один из самых богатых и известных людей в Дербенте, щедрый благотворитель. В 1913 г., когда царь Николай II был в Дербенте, С.Ахундов устроил в его честь великолепный пир с приглашением музыкантов, певцов и танцоров. Им в сотовариществе с О.Дадашевым и братьями Ханукаевыми был построен огромный архитектурный комплекс реального училища, названного именем Николая II. Кроме того, он на свои средства выстроил прекрасное здание городской больницы. Все это было передано в дар городскому управлению в честь трехсотлетия царствования дома Романовых.

— Увы мне! Ты, наверно, видел дурной сон, дьявол смешил тебя во сне?¹ — с сочувствием спросила обеспокоенная жена, ласково проводя рукой по его плечу.

Только сейчас, глядя на жену и слушая ее голос и слова, Шими понял: все, что приключилось с ним минуту назад, было лишь сном. И он вдруг почувствовал себя во сто крат печальнее и несчастнее чем до того, как ему приснился этот сон.

— Ай, жена, клянусь душой твоего отца, то был не дурной сон, как ты думаешь, а чудесный, поэтому я так весело смеялся, как никогда, может быть, в своей жизни, — тихо, с грустью промолвил Шими.

Услышав это, жена пристала к Шими, чтобы он непременно рассказал ей про свой “чудесный сон”. Она, как многие суеверные люди, верила в то, что иногда сны сбываются. Кто знает, может, на их счастье, сбудется сон, который только что видел муж.

Прямодушный и чистосердечный Шими привык говорить же-не всегда правду, что бы ни случилось. Но про свой сон он все же не хотел рассказывать, и понятно почему. Но в конце концов, уступив ее настояниям, он рассказал ей все как на духу.

— И ты, бессовестный, называешь это “чудесным сном”?! — возмущенно, с угрозой в голосе воскликнула жена, едва Шими закончил свой рассказ. — Стоило тебе на миг стать богачом, как ты, неблагодарный, сразу обзавелся новой женой — чтоб ты с ней лежал рядом в одной могиле! — и я стала тебе не нужна?!

Побуждаемая ревностью и жгучей обидой на мужа, она, вне себя от ярости, с криком кинулась на Шими, стала, как кошка, царапать его, молотить кулаками. Шими, спасаясь от гнева разошедшейся жены, поспешно вскочил и сломя голову выбежал на улицу, под проливной дождь. Промокший до нитки и продрогший, он вскоре был вынужден вернуться, но войти в дом, однако, не решился. Шими прошел в хлев и лег спать на сырой, провонявшей навозом и ослиной мочой соломе, возле своего ишака, а вместо одеяла накрылся его грязной попоной.

Вспомнив, как всего час назад, во сне, он был богат и знатен, окружен почетом, жил во дворце, лежал на пуховых перинах в обнимку с молодой красавицей женой, а сейчас, лишившись даже своей убогой постели, вынужден провести ночь в вонючем хлеву рядом со скотиной, Шими, тяжело вздыхая, принялся в сердцах ругать себя вслух.

— Так мне и надо, ослу безмозглому! — чуть не плача от досады

¹Суеверные таты верили в то, что если человек смеется во сне, то это смешит его дьявол своими проказами и что встреча с ним не к добру.

и обиды на самого себя, воскликнул Шими. — Сколько лет живу на свете, а до сих пор не постиг простую истину: не всякую правду можно говорить жене, если не хочешь провести ночь в хлеву рядом с ослом...

УМ И БОГАТСТВО

ОДНАЖДЫ в ненастный осенний день Шими, ежась от холода, вместе с такими же бедняками-горемыками, как и он сам, стоял на фэхле-базари в надежде на то, что кто-нибудь из владельцев виноградников или рыбных промыслов возьмет его на работу. Одежда на нем была худая: рваное чохо, облезлая папаха и истоптанные чарыки¹. Увидев Шими, к нему подошел разодетый, тучный, розовощекий и самодовольно улыбающийся богач, унаследовавший от своего отца несколько домов, обширный виноградник и много денег, известный в городе хвастун и пустомеля, Шими не раз отпускал по его адресу колкости и злые шутки, о которых знали многие в городе, да и сам богач тоже. Решив отомстить Шими, он, бесцеремонно оглядывая его с ног до головы и злорадно хихикая, заметил с ехидством:

— Ай, Шими, если ты такой умный, что позволяешь себе смеяться над нами, богатыми и знатными, почему же тогда ты такой бедный, что даже порядочных чарыков на тебе нет?

— Ты прав, господин: на мне даже порядочных чарыков нет, настолько я беден, — промолвил Шими, печально вздыхая. Потом, пристально глядя в самодовольное лицо богача, добавил: — Но мой ум, скажу тебе, тут ни при чем. Дело в том, что ум и богатство не всегда встречаются вместе. Зачем далеко ходить? Возьмем нас с тобой. У меня ум есть, а богатства нет, а у тебя, наоборот, богатство есть, а ума нет...

¹Чарыки — обувь.

“ЧУЖОЙ ПОКОЙНИК КАЖЕТСЯ СПЯЩИМ”¹

КОГДА Шими был бедняком, он как-то раз накануне какого-то праздника отправился на базар купить немного требухи, несколько пучков зелени, пару чуреков к праздничному столу, а на большее у него денег не было. Но, не доходя до базара, невольно остановился, увидев, как дюжий полицейский с огромными усищами гонит перед собой испуганного, худого, оборванного подростка с разбитым в кровь бледным лицом, то и дело подталкивая его пинками и ударами дубинки. Подросток упирался, как козленок, которого силой ведут на заклание, плакал, кричал истошно, повторяя одно и то же:

— У меня мама больная, отпусти меня! У меня мама больная!..

Шими подошел к полицейскому, спросил:

— Скажите, пожалуйста, чем провинился этот несчастный мальчик, что вы так обращаетесь с ним, и куда вы его ведете?

Полицейский неохотно остановился и, схватив на всякий случай подростка за руку, чтобы тот вдруг не вздумал бежать, когда он будет разговаривать, хмуро произнес:

— Он вор! Веду его в полицейский участок.

Шедшие на базар и возвращающиеся оттуда люди, привлеченные криками мальчика и грозной фигурой полицейского, собрались вокруг них, образовав целую толпу. Мальчик при виде столпившихся людей, многих из которых он знал в лицо, словно ища у них сочувствия и поддержки, стал кричать еще отчаяннее:

— Я не для себя украл!.. Не для себя я украл!.. Мама у меня больная, голодная!..

Из сбивчивой речи дрожащего от страха и волнения избитого мальчика Шими и другие дербентцы, присутствовавшие при этом печальном зрелище, поняли, что отца у него нет, а мать лежит тяжело больная. Дома уже который день нет ни куска хлеба, ни копейки денег. Подгоняемый отчаянием, мальчик, чтобы спасти больную мать от голодной смерти, решил стащить в хлебной лавке чурек, но его поймали, безжалостно избили и отдали в руки полицейского.

— Побойтесь Бога, какой он вор?! Отпустите мальчика! — произнес расстроенный Шиши, обращаясь к полицейскому.

Толпа тотчас же дружно, многогласно загудела, присоединяясь к просьбе Шими.

— Он вор! — повторил упрямый и неумолимый страж поряд-

¹Пословица

ка. — “Укравший верблюда и укравший иголку оба воры”¹. А теперь все прочь, вон с дороги, дайте пройти!

Но люди, точно по молчаливому уговору, не двигаясь с места, плотной стеной окружили полицейского с мальчиком. Это окончательно вывело из себя стража порядка. Забывшись от охватившего его гнева, он на какую-то минуту выпустил руку мальчика и, грозно шевеля усами, изо всей силы принялся кричать, размахивая дубинкой перед носами окружающих. А подросток, воспользовавшись моментом, сразу шмыгнул в толпу, как мышонок в норку, а потом со всех ног пустился бежать, только пятки засверкали.

Это зрелище так развеселило всех, что вызвало всеобщий хохот. Вконец взбешенный полицейский, желая сорвать свое зло, кинулся с дубинкой на Шими как на главного виновника этого происшествия и насмешек над собой. Но Шими, тогда еще молодой и крепкий, сумел вырвать из рук ретивого полицейского дубинку и с силой обрушил на его же голову. Тот как куль упал на мостовую, а испугавшиеся люди быстро разбежались в разные стороны.

Шими с огорчением понял, что его дело табак, тюрьмы или Сибири не миновать. И он от сильного расстройства уже не пошел на базар, а отправился прямо в духан, чтобы утопить свое горе и тревогу в вине. Вернувшись домой сильно пьяным, Шими кое-как растолковал жене о случившейся беде и предупредил: если за ним придут из полиции, то пусть она скажет им, что муж внезапно скончался...

Сказав это, Шими сразу кинулся в комнату. Собираясь “умереть”, он первым делом засветил лампу, поставил ее на пол в углу и завесил его белой простыней. Затем, быстро сбросив с себя всю одежду, Шими забрался за занавес и растянулся нагишом на полу, предварительно поставив лампу у себя в изголовье².

Не прошло и часу, как во двор стремительно ворвался, точно с цепи сорвавшись, полицмейстер в сопровождении того самого уса-ча полицейского, которого Шими бабахнул дубинкой по башке. Он был при форме, но без фуражки, вместо нее у него сейчас на голове белела большая повязка, похожая на чалму.

Услышав от безутешно плачущей “вдовы” Шими о том, что ее благоверный, как только вернулся с улицы, лег и тут же отдал богу душу, полицмейстер не поверил. Грубо оттолкнув ее, он вихрем влетел в дом. Подойдя к углу, где лежал Шими, он резким движением сорвал занавес и сразу приступил к осмотру “покойного”. Убедив-

¹Пословица

²По обычаю татов, покойного до того, как его обмоют и зашьют в саван, раздевают и кладут на голый пол, а у изголовья ставят зажженную лампу.

Угол с покойником занавешивают белой простыней.

шись, что перед ним лежит не мертвец, а живой, знакомый ему молодой мужчина с завидным здоровьем и во всей своей мужской красе (которому по его приказу уже однажды всыпали хорошую порцию горячих) и от него разит как от бочки, полицеймейстер пришел в еще большую ярость.

— Собака! Разбойник! — зло выругался он, в сердцах ударив Шими острым носком сапога в голый бок. — Натворил дел, набезобразничал, а теперь спит, как ни в чем не бывало, нализавшись как свинья!..

Шими, поняв, что просчитался, и боясь, как бы эти разъяренные господа не выволокли его за ноги в таком неподобающем виде на улицу на обозрение обывателей, если он сейчас же “не воскреснет”, сразу открыл глаза. Поднявшись со своего “смертного одра”, он искоса посмотрел на знакомое ему свирепое бульдожье лицо полицеймейстера. Несмотря на свое безвыходное положение и на печальную участь, которая ожидала его впереди, и тем не менее желая подшутить над своей неудачной попыткой притвориться мертвецом, а заодно и над словами полицеймейстера, Шими с горькой иронией промолвил:

— Э-э-эх, господин полицеймейстер, господин полицеймейстер! Будь я и на самом деле покойником, вы все равно приняли бы меня за спящего. Ведь “как чужое горе рассказывается навеселе, так и чужой покойник спящим кажется”...

КАК ШИМИ ЕХАЛ НА ОСЛЕ ЗАДОМ НАПЕРЕД

ОДНАЖДЫ земляки Шими, возвращающиеся на закате с работы домой, встретили его на дороге. Он ехал на осле, но почему-то сидел лицом к хвосту, низко опустив голову на грудь. И вид у него был невеселый, надутый. Люди, глядя на него, объясняли эту выходку Шими его странностями и от души хохотали над ним. Один из них любопытства ради подошел к нему и спросил:

— Ай, Шими, что это ты взял за манеру — ехать на осле задом наперед? Люди смотрят — смеются...

Шими, не подымая головы и не оборачиваясь, выкинул руку назад и, указав ею туда, где находилась голова осла, сердито пробормотал:

— Я с ним в ссоре и зол на него, поэтому не хочу видеть его противную морду. Так и объясни людям...

СЕРДЦЕ

ЖЕНА Шими, как-то отправляясь на базар, спросила мужа:

— Иду на базар покупать мясо. Какое мясо купить: говядину или баранину?

— Коли меня спрашиваешь, то купи, пожалуйста, сердце. Неважно какое: коровье ли, баранье, козлинное, лишь бы сердце.

Жена в тот день, как того хотел Шими, принесла с базара сердце, приготовила из него отличный соус с острыми приправами и угостила мужа. Но после этого случая всякий раз, когда она ходила за мясом, Шими наказывал ей купить только сердце. Наконец она однажды не выдержала и сказала ему:

— Ай, муж, какой ты странный человек! И чего ты так пристрастился к этому сердцу? Неужели оно нравится тебе больше, чем обычное мясо?

— Нет, не очень.

— В чем же дело тогда?

— А в том, моя дорогая, — со вздохом сказал Шими, — что ты своим вечным ворчанием, попреками, придирадками по поводу и без повода до того извела меня, что мое сердце стало никудышным. И я решил почаще употреблять в пищу сердце в надежде на то, что оно хоть сколько-нибудь поможет мне укрепить мое.

КАК ШИМИ СТАЛ НАПОЛОВИНУ МУЖЧИНОЙ, НАПОЛОВИНУ ЖЕНЩИНОЙ

ДОЧЬ Шими была замужем за человеком, который жил в соседнем селении. Шими и его жена решили съездить к ней и зятю, повидать внуков. Недалеко от того селения, где жила их дочь, протекала небольшая, но быстрая речка, дно которой было усеяно булыжниками. Чтобы не промочить штаны, Шими предусмотрительно снял их и взял под мышку. Лишь после этого он вошел в воду. Но когда дошел до середины реки, то неожиданно поскользнулся и упал, выронив при этом штаны. Течение сразу подхватило их и унесло, и Шими не смог угнаться за ними. Вышел он на противоположный берег в одной рубашке, огорченный и раздосадованный случившимся. Но, вспомнив, что в мешке, который несла жена за спиной, кроме подарков и гостинцев, были и ее запасные юбки и платье, немного успокоился.

— Ай, жена, при моих почетных летах и солидной бороде я, конечно, все равно не могу появиться в чужом селении без штанов, с открытым срамом, как все равно трехлетний несмышленный карапуз, — сказал он супруге. — Достань, пожалуйста, из мешка твою красную юбку, я надену ее вместо штанов.

Жена стала возражать.

— Ай, муж, не делай этого, прошу тебя, — забеспокоилась она. — Люди, увидев тебя в таком странном одеянии — в красной женской юбке и папахе, — будут смеяться над тобой, примут за ненормального. Ты в такой одежде будешь выглядеть наполовину мужчиной, наполовину женщиной, и все селение сбежится глазеть на тебя, как на шута. И детям нашим будет неловко и стыдно за тебя перед сельчанами.

— И что же ты мне предлагаешь делать? — недовольно спросил Шими.

— Ты лучше уж одевайся во все мое, а на голову повяжи платок и спрячь бороду. Тогда все подумают, что ты тоже женщина, и ты не будешь привлекать к себе лишнее внимание, — посоветовала жена.

Шими, который гордился, что он мужчина, носит на голове папаху, услышав слова жены, очень оскорбился.

— О женщина, горе на голову отца твоего! В своем ли ты уме?! — сердито воскликнул он. — Пусть уж лучше я буду наполовину мужчиной, но с папахой, чем целиком женщиной, без папахи!..

БАРАН НА ШАШЛЫК

СТАРШИЙ внук Шими носил имя отца своей бабушки. И та питала к нему из-за этого особенную нежность и называла его всегда почтительно-ласково “бебелей ме” (“мой папусик”). Постепенно все в семье и во дворе стали называть его этим прозвищем.

Но от бабушкиного Папусика, кроме нее самой, никто не был в восторге: учился он из рук вон плохо, задира в школе девочек, не слушался ни учителей, ни родителей, тайком баловался табаком, до позднего вечера пропадал на улице, вместо того чтобы сидеть за книгами, готовить уроки. А когда Шими или отец, недовольные и рассерженные его поведением, собирались задать ему взбучку, бабушка тут же заступалась за Папусика, не позволяя никому обижать своего любимчика.

И вырос Папусик лоботряс лоботрясом. Когда он кое-как, с грехом пополам, к большому облегчению всего коллектива учителей, окончил школу, Шими решил пристроить его к себе в колхоз, приучить к труду. Но сноха — мать Папусика — и жена подняли настоящий бунт.

— Ты что, хочешь, чтобы мой мальчик всю жизнь рыл землю, как ты?! — накинулась на него раздраженная сноха, подогреваемая свекровью. — Не будет по-твоему! Он должен получить диплом, неважно какой — доктора ли, юриста ли, лишь бы работа была легкая и он всегда был при деньгах.

Шими, оскорбленный ее словами и тоном, каким она позволяет себе разговаривать с ним, отцом своего мужа, хотел отругать ее как следует и приказать, чтобы она немедленно убиралась с его глаз, но сдержал гнев, решив по-хорошему втолковать ей и своей поглупевшей старухе, что всякий труд, в особенности труд земледельца, является почетным. Сам он, например, будучи рядовым колхозником, не раз был награжден, поощрялся денежными премиями, а портрет его и сейчас красуется на Доске почета. И что, если такие молодые люди, как его внук, не придут на смену старикам, кто же будет тогда выращивать хлеб, разводить скот, доить коров? Тем более у их Папусика нет ни охоты, ни способностей к умственным занятиям. От таких балбесов с дипломом потом бывает больше мороки и вреда для дела, нежели пользы. И если, не дай Бог, такой, как Папусик, станет врачом, то горе тому, кого он будет лечить. Вместо того чтобы излечить недуг, спасти тяжелобольного от смерти, сам того не сознавая, станет помощником Азраила, чтобы как можно раньше отправить несчастного на тот свет. Станет судьей — будет судить вкривь и вкось. Одним словом, время, потрачен-

ное им на учебу, все их заботы и расходы на него пойдут псу под хвост.

Однако сноха и старуха не вняли разумному совету Шими. Вопреки его воле мать Папусика, женщина энергичная и упрямая, отвезла своего сына в другой город и сумела “протолкнуть” в один из техникумов.

Но случилось, однако, то, о чем предупреждал старик Шими. Не прошло и трех месяцев, как на его имя поступила от Папусика тревожная телеграмма: “Дед! Караул!.. Нахватал двоек. Могут выгнать. Возьми барана и кувшин хорошего вина, приезжай немедленно. Хочу пригласить и угостить кого нужно. *Папусик*”.

Сноха и старуха, узнав о содержании телеграммы, страшно заволновались, подняли такой вой, точно кто умер в доме. Они слезами и мольбами заставили старика вывести из хлева самого жирного барана, взять кувшин красного вина и сразу же отправиться в дорогу, чтобы выручить “бедного Папусика”.

Через час Шими, с полным кувшином вина, привязанным к спине, и ведя большого барана с крутыми рогами за веревку, поспешно притащился на вокзал. В момент его прихода поезд уже стоял на перроне и с минуты на минуту ждал отправления. Шими, боясь, что не успеет на поезд, не стал заглядывать в кассу, тем более что там еще толпились люди в очереди, и подбежал к ближайшему вагону. И когда Шими, торопясь и волнуясь, хотел втащить в вагон свою скотину, женщина-кондуктор с сердитым лицом и мощной грудью, размахивая перед его носом свернутыми флажками в футляре, точно милицейской дубинкой, с возмущенным криком преградила ему дорогу.

— Вы что, дедушка, с ума сошли?! — раскричалась она. — Куда вы тащите своего вонючего барана!? Это вам не арба какая-нибудь, а пассажирский поезд.

Шими по-доброму хотел объяснить строгой кондукторше, что настоящий баран у него учится в техникуме, в другом городе, куда он должен поспешить как на пожар, а он хочет везти с собой просто живое мясо для шашлыка... Но только он открыл было рот, чтобы сказать все это ей, как вдруг взбунтовавшееся животное, у которого вся эта возня вызвала испуг и раздражение, начало пятиться назад, стараясь вырваться из рук хозяина. Когда же Шими еще сильнее зажал в руке веревку, чтобы удержать его, вконец разъярившийся баран тараном налетел на него, как на своего смертельного врага, и со всей силой ударил его рогатой головой в самый пах, отчего Шими, покачнувшись, упал со стоном на спину как подкошенный. Оглушенный грохотом разбитого кувшина и чувствуя острую боль в паху, Шими не смог сразу подняться. А баран, вос-

пользовавшись этим, сорвался с места и, заливаясь громким прерывистым блеянием, пустился наутек во весь дух. Как только обескураженный и расстроенный Шими прибежал домой, обладая всех встречных винным духом, который исходил от его насквозь промокшей одежды, он первым делом заглянул в хлев в надежде найти там беглеца. Видя, что там его нет, вконец расстроенный и разозленный Шими побежал на почту. Здесь он, с трудом переводя дыхание, продиктовал девушке-телеграфистке следующую весьма оригинальную, быть может, во всей истории существования не только отечественного, но и мирового телеграфного сообщения по содержанию и стилю телеграмму:

“Папусик, пес тебя укуси, караул! Кувшин с красным вином разбился... о твою глупую и разнесчастную голову. Баран для шашлыка убежал к чертям собачьим неизвестно куда. Беги и ты, сукин сын, от своих злополучных двоек, только знай куда. Дед”.

МОГИЛА ХАНА

ГОВОРЯТ, однажды утром старик Шими, как обычно, верхом на осле отправился за город, в колхозные сады. Но в одном месте через дорогу, по которой он ехал, была натянута веревка. Группа каких-то незнакомых ему людей, которую возглавлял интеллигентного вида парень в очках, вооруженная кирками, лопатами и прочими инструментами, усердно раскапывала, расчищала землю прямо посреди проезжей дороги.

Шими спешился, подошел к ним и, вежливо поздоровавшись, спросил:

— Какая была нужда копать здесь землю?

— Мы археологи, — произнес в ответ молодой человек в очках. — По нашим предположениям, на этом месте, где сейчас проводятся раскопки, должна находиться могила одного из дербентских ханов. Мы уже нашли кое-какие предметы, подтверждающие наши догадки.

Шими был очень удивлен. Всю жизнь он ходил-ездил по этой знакомой ему с детства дороге, но ничего подобного не помнил и не слышал. Ни отец, ни дед тоже никогда не рассказывали ему про могилу хана. Об этом он и сказал своему собеседнику.

— Ничего удивительного, — спокойно произнес тот. — Этот хан жил в такую далекую пору, когда не только вас, но и вашего отца и вашего прадеда на свете не было.

То, что сказал молодой человек, еще больше заинтриговало Шими.

— А скажи, пожалуйста, что за человек был этот хан? — спросил Шими. — Вы, ученые, должно быть, знаете об этом?

Его собеседник согласно кивнул головой и начал так:

— В отличие от многих своих предшественников, мудрых и справедливых правителей, которые пеклись о славе и могуществе древнего Дербента, благе его жителей, развитии ремесел, торговли, искусства, этот хан вел себя совсем по-другому. Казна его была полна сокровищами, а ему все казалось мало. И он, чтобы стать еще богаче, выходил во главе своих вооруженных нукеров¹ на караванные пути, безжалостно грабил и убивал купцов, приезжавших из чужеземных стран со своими товарами на знаменитый тогда во всем восточном мире дербентский рынок. Душил подданных непосильными налогами и поборами. Имея сто жен, он тем не менее отдавал приказ своим нукерам и сборщикам податей хватать каждую краси-

¹ *Нукер* — у горских народов Кавказа в XIX в.: воин личной охраны военачальника; слуга. В данном случае — охранники.

вую девушку или молодую женщину, которая приглянется им, и доставлять в его гарем. А все свое свободное время любил проводить в оргиях. Это был развратник и злодей на троне. Поэтому во время его правления исчезла былая мощь города, потускнела его слава, пришли в упадок ремесла и торговля, народ бедствовал, жил в тревоге и страхе, проклиная день и час его рождения.

Шими задумчиво покрутил головой, а потом спросил:

— Извини меня, старика, пожалуйста, сынок, за чрезмерное любопытство: может, ты еще что-нибудь знаешь об этом хане (чтоб черти съели его на том свете!)?

— Знаю, — скромно улыбаясь, с готовностью ответил молодой ученый. — Этот хан к тому же был одержим властолюбием и, чтобы удержаться на троне, шел на любое преступление. Он, как и известный в истории шах Джахан¹, истребивший всех своих братьев и родственников по мужской линии, чтобы не было претендентов на его трон, отравил отца, дядю сбросил с высокой башни в каменную пропасть, брата сгноил в зиндоне — подземной тюрьме, родному сыну выколол глаза, перерезал горло всем своим двоюродным братьям и племянникам, чтобы прочно чувствовать себя на престоле. И вот прошли столетия, могила его сровнялась с землей, время предало его забвению, а там, где покоились останки хана, проходит дорога, и никто уже не знает о том, что здесь когда-то была его могила.

Шими с минуту молчал, потрясенный услышанным, а потом, вдруг улыбнувшись, ласково похлопал по шее своего осла и, обращаясь к молодому человеку, весело сказал:

— То-то, сынок, я теперь догадываюсь, почему мой умница осел, не раз подходя к этому месту, где, как ты говоришь, погребены ханские кости, останавливался, а потом, прежде чем с божьей помощью двинуться дальше, как следует орошал и удобрял его... А ты говоришь — никто не знал...

¹ Шах Джахан — Великий Могол (1592–1666), при котором был построен знаменитый Тадж-Махал. Свергнутый в 1658 г. своим сыном, до самой смерти находился в заточении в своих покоях.

ЛЮБОВНОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ ШИМИ

ПРАВДА это или нет, говорят, в достопамятные времена НЭПа жил в древнем Дербенте некий богач средней руки по прозванию Хушбахд¹. Блаженной памяти его родители дали ему не только такое благозвучное, счастливое имя. Уйдя в лучший мир, они оставили своему единственному сыну виноградник, двухэтажный каменный дом и лавку в бойком торговом месте: живи — не тужи!

И Хушбахд, говорят, несмотря на то что непостижимая природа обошлась с ним не очень милостиво (при своем малом росте он имел тучное тело, на жирном, красном, точно охрой намазанном лице с приплюснутым носом фосфорическим светом блестящие круглые, как у совы, глаза), и вправду чувствовал себя человеком счастливым, довольным собой и всем миром. Ни малый рост, ни тучная фигура не мешали этому жизнелюбу воображать себя бравым мужчиной-джигитом. Поэтому с особым форсом носил он высокую папаху, белую с серебряными газырями черкеску нараспашку и блестящие, мягкие, со шпорами сапоги, которые при каждом шаге его грозной фигуры издавали мягкие ритмичные звуки: “зи-и-ирт!”, “зи-и-ирт!”. Такие сапоги с музыкой, сшитые по особому заказу, были в моде у тогдашних щеголей. На шарообразном животе нашего героя, упрямо выпиравшем из-под малиновой шелковой рубашки, грозно торчал длинный кинжал с узорчатой костяной рукояткой. Предмет особой гордости Хушбахда составляли усы — пышные, длинные, — которые он время от времени нежно поглаживал мясистой рукой или с надменным выражением лихо подкручивал концами вверх.

Ко всем своим достоинствам, Хушбахд самоуверенно считал себя еще и покорителем женских сердец. В доверительных разговорах или когда бывал в подпитии, он любил похвастаться приятелям своими любовными похождениями в больших городах, когда случилось ему ездить за мануфактурой и прочим товаром для своей лавки.

И все же нельзя сказать, что жизнь Хушбахда была совсем уж безоблачной. Ему перевалило за сорок, а детей у него все не было. Он был трижды женат, но ни одна из жен не осчастливила его не только сыном, но даже на худой конец дочерью. И потому, кровно обиженный на них, двоим он дал талог², а третья — сбежала сама.

Теперешняя, четвертая жена, с которой он живет почти три года, чтоб не сглазить, и молодая, и красивая, под стать своему име-

¹ *Хушбахд* — радостный удел, благоприятная доля, счастливая судьба.

² *Талогъ* — развод.

“Любовное приключение Шими”

ни — Гюльсебах¹, к тому же тихая и покорная, как овечка. Но и она, словно заговоренная, не рождает, хоть тресни. А жизнь уходит. В усах пробивается седина, как говорится: “На горных вершинах выпал снег — долго ли осталось до зимы, в бороду запала седина — долго ли осталось еще жить?”²

Но как и большинство мужчин в подобных случаях, виновниками своего несчастья Хушбахд считал прежних и нынешнюю жен. В последнее время его все чаще навещали неотвязные мысли: не пора ли подыскать себе новую жену, пока он еще, можно сказать, мужчина в полном соку, хотя и жаль, очень жаль расставаться с терешней.

Говорят, этот же вопрос, вернее, то, что у них с Хушбахдом нет детей, еще больше занимал и волновал саму Гюльсебах. Несмотря на то что она вышла за него замуж, покорясь своей участи (была круглой сиротой), не питая к нему никакой любви, все же прожить с ним молодая женщина собиралась до конца дней своих, оставаясь верной и послушной женой. Тем более Хушбахд, какой он ни на есть, относился к ней человечно: не грубил, не бил, не стремился власть проявить, как иные тогдашние мужья. Хотя он и не отличался ни ласковостью, ни нежностью, но и не был суров, придирчив и мелочен. При всей своей внешней павлиньей важности, был человеком незлобивым, доверчивым и благодушным, и Гюльсебах чувствовала себя дома полной хозяйкой, а нынешняя ее жизнь по сравнению с прежней казалась ей почти райской. Горькая сиротская судьба научила ее терпению, покорности, умению сдерживать, а порой и заглушать сердечные порывы и желания. Хотя муж гонился ей в отцы, имел если не отталкивающую, но все же смешную наружность, не выказывал сердечной теплоты, ей все равно и в голову не пришло бы думать о другом мужчине, если бы она наверняка не знала, что муж ею недоволен, что может поступить с ней как с прежними своими женами. О печальных последствиях подобной развязки беззащитная сирота боялась даже подумать. Притом как бы молода, наивна и неопытна она ни была, но начинала понимать: если Хушбахд до сих пор не стал отцом, видимо, в этом не виноваты ни прежние жены, ни она сама.

Как раз в это время, когда молодая женщина денно и ночно с тревогой думала о своей дальнейшей судьбе, случилось ей встретиться с молодым батраком своего мужа — Шими, нанятым им для рытья колодца на своем винограднике, расположенном недалеко от города.

¹ Гюльсебах — утренний цветок.

² Народная поговорка.

Никто не знает, при каких обстоятельствах произошла их первая встреча, о чем они говорили друг другу, но вскоре батрак повадился ходить тайком к жене своего хозяина, как лиса в знакомый курятник.

Да и Гюльсебах за короткое время так привязалась к Шими, что сильно тосковала, стоило ему день-два не появиться. Помимо желания иметь ребенка она нашла в Шими и то, чего недоставало ей в муже: ласку, сердечное тепло, молодой порыв. Но в то время ее не покидал страх: если, не дай Бог, о ее отношениях с батраком узнает муж – позора и изгнания ей не миновать, а возможно, и смерти.

А что до Хушбаха, он, напрочь разочаровавшись в Гюльсебах, настолько охладел к ней, что, несмотря на цветущую молодость и прелестную красоту жены, все больше чуждался ее. Последние два-три месяца молча, торопливо проглотив завтрак, отправлялся в лавку и возвращался лишь затемно, чтобы как можно меньше находиться дома.

Но случилось то, чего больше смерти опасалась молодая женщина. Однажды вопреки обыкновению Хушбахд пришел домой в середине дня за какой-то надобностью. И принесла же его нелегкая в то самое время, когда работник и молодая жена, уединившись, чувствовали себя наверху блаженства. Она первая услышала знакомые тяжелые шаги мужа, поднимающегося по лестнице, и от страха едва не лишилась чувств. Вскочив как угорелая, она в сильном волнении поспешно сгребла с ковра свое просторное цветастое поже¹, заодно нечаянно прихватив и перепачканные глиной шаровары Шими, и сломя голову побежала во внутреннюю комнату в ожидании самого ужасного.

Скрипя сапогами и тренькая шпорами, ничего не подозревавший Хушбахд, как обычно, спокойно, по-хозяйски, привычно закручивая усы, вошел в дом, но, увидев стоявшего как вкопанный посреди комнаты, в одних подштанниках, растерянного Шими, в первую минуту так и застыл на месте с раскрытым ртом. Едва он пришел в себя, как в одно мгновение его жирное красное лицо стало багровым, круглые совиные глаза вспыхнули зловещим огнем, мясистая крепкая рука судорожно сжала рукоятку кинжала.

— Это что за тамоше²?! — взорвался он, крича на своего работника дрожащим от гнева голосом. — Почему ты, негодяй, в одних подштанниках?! И почему ты в моем доме, когда меня здесь нет, а не там — на рытье колодца?!

Все больше распаляясь, Хушбахд в бешенстве выхватил кин-

¹ Поже — просторная длинная женская юбка из ситца или шелка.

² Тамоше — зрелище (в данном случае — безобразное).

жал из ножен, чтобы обрушить его на нечестивую голову осквернителя его домашнего очага. У Шими кровь отхлынула от лица, по спине пробежали мурашки. Но ему все же удалось пересилить страх и вовремя удержать поднятую руку разъяренного хозяина. И батрак, шумно дыша, принялся умолять разошедшегося ревнивца умерить свой гнев и выслушать, почему он сейчас оказался у него дома, да еще в таком непотребном виде. И когда Хушбахд, с трудом сдерживая клокочущую в нем ярость, все же согласился, Шими тотчас же начал отчаянно вкручивать мозги своему легковерному хозяину.

Мешая быть с небылицей, Шими, прерывистым от волнения голосом, рассказал хозяину о том, что как раз сегодня с Божьей помощью он наконец завершил рытье колодца. Но когда он дошел до самого дна и из-под стен колодца понемногу начала вытекать прозрачная, как хрусталь, прохладная вода — вышел курьез. Вдруг из самой его середины хлынул горячий, почти кипящий поток, да такой мощной силы, что грозил потопить его вместе с колодцем. Тогда он, Шими, недолго думая, стащил с себя шаровары и заткнул ими отверстие. После чего он с сознанием выполненного долга сразу поспешил к своему дорогому хозяину, надеясь застать его дома в добром здравии, сообщить ему обо всем этом, а заодно попросить у него в дополнение к плате за его добросовестный труд одни из его шаровар, поскольку те, которыми он заткнул то отверстие, были у него единственными.

Все это время, трясясь всем телом как в ознобе, Гюльсебах стояла за дверью, с тревогой вслушиваясь в напряженный разговор двух мужчин. Едва Шими закончил свою “защитительную речь”, как она, сразу осмелев, слегка приоткрыла дверь и как можно спокойнее и ласковее сказала супругу:

— Ай, муж, да чтоб твой конец был счастливым¹, батрак правду говорит. Но я не посмела дать ему шаровары в твоё отсутствие и без твоего позволения...

Хозяин не только поверил выдумке Шими и своей супруги, но и, покатываясь со смеху, одобрительно и дружески похлопывал батрака по крепкой спине, радуясь не меньше, чем они, такой неожиданно счастливой развязке. По сему случаю он приказал жене выдать Шими одни из лучших своих шаровар, накрыть стол, подать вино и закуски.

Случилось так, что в том же году, к несказанной радости Хушбахда, жена, в добрый час, родила ему долгожданного сына.

¹Обычно с таким пожеланием обращались к мужчине, у которого вовсе нет детей или только дочери, чтобы у него родился сын.

Возможно, что вся эта любовная история Шими с женой хозяина и тайна рождения ее ребенка так и остались бы тайной, если бы сам Хушбахд, известный своим легковерием, бахвальством и болтливостью, не разгласил ее. Он не раз, особенно когда бывал на веселе, самодовольно покручивая пышные седеющие усы, горделиво задвигая высокую папаху набок, к самому уху, с воодушевлением рассказывал эту историю. И каждый раз для пущего веселья прибавлял от себя что-нибудь новое, смешное. И начинал он ее обычно так:

— В тот самый год, любезные мои, когда у меня, в добрый час, родился мой сыночек, да сохранит его Всевышний вместе с вашими милыми чадами, я однажды застал у себя дома своего батрака, этого самого шельмеца и пересмешника Шими, забодай его козел, и в чем вы думаете? В одних подштанниках, без шаровар, хе-хе!..

Люди, слушая Хушбахда, смеялись от души, хватаясь за животы. Вместе с ними вовсю гоготал и сам довольный и счастливый рассказчик.

С той поры много воды утекло, многое изменилось в нашей быстротечной и переменчивой жизни. Давно нет в живых ни веселого, потешного Хушбахда, ни его жены-красавицы. Они покоятся рядом в своих могилах на старом кладбище, за городом, у подножия хмурой, молчаливой горы, далеко от повседневной суеты живущих своими узкими интересами и мелкими страстями людей. Хушбахд умер вместе с НЭПом, когда у него отобрали дом и отдали его под какое-то государственное учреждение. Вскоре конфисковали и его виноградник. Он стал собственностью колхоза, в котором работали вчерашние безземельные бедняки и батраки. Лавку закрыли-запечатали агенты финотдела — тогдашней грозы нэпманской буржуазии и крупных собственников. И сердце Хушбахда, привыкшего к спокойной, размеренной и веселой жизни, в одночасье потерявшего все, не выдержало такого удара судьбы.

Однажды, заметно похудевший, полинявший, с беспомощно повисшими, словно крылья раненой птицы, и изрядно поседевшими усами, Хушбахд, проходя медленным, усталым шагом мимо своей бывшей лавки, на минуту остановился, чтобы взглянуть на нее. Вдруг он почувствовал сильное головокружение и в то же мгновение, без крика и стога, точно подкошенный, замертво упал на черный асфальт тротуара.

Однако молва о любовном приключении Шими, которой Хушбахд, сам того не сознавая, дал начало, до сих пор живет среди его земляков. К тому же, говорят, в Дербенте и сейчас можно встретить как две капли воды похожего на почтенного Шими пожилого мужчину с бородой, родившегося “в тот самый год”... Когда Шими

случайно сталкивается на улице или еще где-нибудь нос к носу с этим человеком, то он с нескрываемым волнением смотрит на него и словно видит себя в живом зеркале. И каждый раз у Шими появляется неодолимое желание кинуться ему на шею, заключить его в свои отцовские объятия. И мысленно всякий раз Шими обнимает ту женщину, которую когда-то любил, — его мать. Но тот, чувствуя сердечные порывы седобородого Шими, испуганно шарахается от него и чуть ли не пускается в бегство, чтобы не дать лишний повод для подтверждения все еще живущей молвы о том, что его мать зачала его от чужого мужчины. Этим он по-своему пытается уберечь, защитить честь своей покойной матери, а не в меньшей мере и свою. Ведь нет более тяжкого оскорбления для слуха и чести мужчины, чем слово “биж” (“незаконнорожденный”, “не сын своего отца”), которое глубже кинжальной раны и злее змеиного жала.

...Вот такая история. Может быть, кому-то она покажется комической, кому-то драматической, а кому-то и вовсе трагической. Может быть. С другой стороны, если трезво поразмыслить, разве, дорогой мой читатель, вся наша жизнь, в сущности, не является сплошной трагикомедией, особенно та, в которой мы осуждены с вами жить сегодня, в 1935 году?..

КАК ШИМИ ПРОВЕЛ СВОИХ КРЕДИТОРОВ-РОСТОВЩИКОВ

ОДНО время, когда Шими был бедняком, нужда так прижала его, что он, чтобы не умереть от голода, решил обратиться к ненавистным ростовщикам¹, взять у них деньги под проценты. Поскольку все его достояние составлял единственный осел, да и тот от бескормицы так отошал, что из-под облезлой кожи выпирали одни ребра, Шими знал, что никто из ростовщиков, даже если он трижды сдохнет от голода и отчаяния, не даст ему ни рубля, и поэтому решил прибегнуть к хитрости.

И вот, придя к одному ростовщику, Шими, пуская пыль в глаза, в доверительном тоне рассказал ему о том, что в селении Мамрач² у него живет любимый холу³. А у этого холу есть мельница и каменный дом. Холу очень стар, к тому же бездетен, поэтому мельницу и дом он завещал ему, Шими, как своему единственному близкому родственнику.

— Но сейчас мой бедный холу, — продолжал Шими плачущим голосом, придавая своему лицу выражение бесконечной скорби, — находится при смерти. Вот я и пришел к тебе с просьбой: дай мне денег в долг под двойные проценты, я поеду в Мамрач, похороню его, как полагается по обычаю и обряду, справлю поминки, а как только продам мельницу и дом, честь честью верну свой долг. И от Бога будет тебе награда за это, и от меня.

Ростовщик сначала хотел наотрез отказать Шими в ссуде, поскольку последний ничего не мог предложить ему в залог. Но после некоторого колебания, соблазнившись большими двойными процентами, все же согласился, тем более что сумма, которую просил Шими, была хоть не такой уж и маленькой, но и не очень большой.

Воодушевленный первым успехом, Шими с подобными объяснениями и просьбой обратился ко второму, а затем к третьему кредитору и получил от них такие же суммы на тех же условиях.

На деньги, взятые у кредиторов, Шими первым делом купил обновки для своей молодой жены и себя и необходимые припасы

¹Ростовщики пользовались в народе дурной репутацией. Их ненавидели, считали живодерами. Простые люди верили, что на том свете им уготован ад за свою богопротивную профессию.

²Мамрач — бывшее татское селение в Касумкентском районе.

³Холу — дядя по матери.

на целый год: муку, рис, сахар и два чувала¹ отборного ячменя для любимого осла. А когда пришел срок расплачиваться с долгами, Шими притворился тяжелобольным, а жене сказал:

— Ай, жена, распускай по городу хабар: я, твой горемычный муж, тяжело заболел, не сегодня-завтра отдам Богу душу. Остальное тебя не касается.

Вскоре о “болезни” Шими многие узнали в городе. Его кредиторы, услышав об этом, сильно забеспокоились: как бы он не дал дуба раньше, чем расплатится с ними. И они, сговорившись между собой, поспешили к Шими, чтобы потребовать у него долги с двойными процентами.

Принял их Шими, лежа в постели, то и дело громко охая и стелая. Первым заговорил сам “больной”.

— Пути Господни, мои почтенные, неисповедимы: нередко переспелый плод продолжает висеть на дереве, а зеленый, несозревший — падает, — тяжело вздыхая, начал Шими замысловатым вступлением свою речь. — Я это говорю к тому, что мой холу, который лежал на смертном одре, не только выжил, поправился, да еще, старый хрыч, женился на молодой, от которой ждет ребенка. А я вот, несчастный, молодой, в расцвете сил, умираю, даже врачи на меня махнули рукой...

И как ни “тяжело” было Шими продолжать разговор, он старался убедить своих кредиторов в том, что он, умирая, мучается не столько от сознания, что раньше времени покидает этот суетный мир, сколько из-за того, что уходит из жизни, оставшись должником. И чтобы он отошел к Богу со спокойной совестью, просит, чтобы его кредиторы великодушно простили ему долги.

Ростовщики долго и угрюмо молчали. Но, в конце концов поняв, что плакали их деньги и что требовать от Шими вернуть долг так же бесполезно, как ждать от козла молока, они скрепя сердце пробормотали, что прощают. Но “больной” этим не удовлетворился. Чтобы он поверил, что его кредиторы делают это без сожаления, искренне, “умирающий” просил, чтобы каждый из них по обычаю и традиции своей веры поклялся ему в этом. А из трех его кредиторов один был иудей, другой — армянин-христианин, а третий — мусульманин-шиит.

Иудей, молитвенно воздев руки и очи вверх, со священной дрожью в голосе громко произнес:

— Клянусь нашим праотцем Авраамом, который первым среди людей совершил священный обряд обрезания и через которого Бог передал завет Своему избранному народу: я прощаю этому че-

¹Чувал — большой мешок из домотканой грубой шерсти.

ловеку, то бишь Шими Дербенди, причитающийся с него мне долг с двойными процентами. Пусть он ему будет халол¹, как материнское молоко². Аминь!

Вслед за ним заговорил армянин. Он вытащил нательный крестик, жарко поцеловал его и, трижды перекрестившись, в той же манере, как и иудей, воскликнул:

— Клянусь этим крестом и святым Григорием: я тоже прощаю этому человеку, Шими, его долг...

Мусульмани-шинит, который по закону своей религии вообще не имел права давать деньги в долг под проценты, поклялся халифом Абу-л'Аббасом³, что тоже от чистого сердца прощает "бедняге Шими" его долг.

Через месяц Шими, бодрый, в самом лучшем настроении, верхом на осле, ставшем за это время таким резвым и ухоженным, что на нем бархатом блестела шерсть, привязав к седлу лопату, отправлялся на виноградники некоего хозяина, нанявшего его на работу.

Кредиторы, увидев Шими, с радостью и надеждой кинулись к нему.

— Ай, Шими, дай Бог, чтобы ты всегда был на ногах⁴, — воскликнули они в один голос. — Ты теперь должен вернуть наши деньги, твои долги...

Шими сразу сделал вид, что крайне удивлен и возмущен их недостойным поведением.

— Какие деньги?! Какие долги? — закричал он на них. — Ведь вы все трое клялись именем своих святых, что прощаете мне мои долги. Кто знает, может, несмотря на ваши тяжкие грехи, ваши искренние клятвы, услышанные Богом, спасли меня от смерти. А вы, безбожники этикие, выходит, жалеете об этом?!

На этом вся история и закончилась.

¹ *Халол* (халол) — впрок, на пользу, на здоровье; здесь — в смысле "простить долг (в денежном или натуральном выражении) без возврата".

² Материнское молоко считается в народе священным. Им благословляли или проклинали человека. Молочный брат считался таким же родным, как и кровный.

³ *Абу-л'Аббас 'Абдуллах* — основатель Второй династии халифов.

⁴ Пожелание человеку после выздоровления, чтобы он никогда не болел.

АЗРАИЛ ЗА РУЛЕМ

РАНИМ майским утром старик Шими ехал на такси из Дербента в поселок Огни. Все вокруг цвело, благоухало и сверкало под ласковыми лучами весеннего солнца, радуя человека, настраивая его на праздничный лад. Но у самого Шими сейчас на душе было тяжело. У его старого кунака в автомобильной катастрофе погиб единственный сын, и Шими спешил к другу разделить горе друга.

Кроме Шими, в машине не было других пассажиров. За рулем сидел шустрый, вертлявый парень с приметным шрамом на лбу и с мухой в голове. Как только миновали древние городские ворота Кирхляр-Калы водитель так разогнал машину, что она у него как метеор понеслась по асфальту, обгоняя все другие машины, словно он совершал не обычный рейс, а участвовал в автомобильной гонке. Несколько раз птицы, пролетавшие над дорогой, ударялись о ветровое стекло и падали замертво.

Шими охватило беспокойство: как бы, не дай Бог, с ним самим не случилось несчастье. Водитель, заметив выражение крайней озлобленности и беспокойства на лице старика, решил развлечь его разговором. Он повернулся в сторону Шими и, обдавая его сивушным духом, шутиливо спросил о том, что первым пришло на ум:

— Дядя Шими, скажите, пожалуйста, вы верите в существование ангела смерти Азраила, который якобы отнимает у человека жизнь, или, допустим, в существование шайтана, который может покалечить людей?

— Ай, сынок! — словно обрадовавшись его вопросу, сразу воскликнул Шими. — Если ты хочешь знать мое мнение на этот счет, то сделай одолжение, останови, пожалуйста, на минуту твой аэроплан.

Недогадливый водитель решил, что старику, наверное, срочно захотелось по нужде, и он тут же направил машину к обочине дороги. Как только машина остановилась, Шими с силой толкнул дверцу и поспешно, точно из горящего дома, выскочил из машины. Затем, спокойно приблизившись к водителю и доверительно склонившись над ним, громко, точно глухому, прокричал ему в самое ухо:

— Верю, сынок, верю! И в существование Азраила верю, и в существование шайтана тоже. Но с тех пор как на больших дорогах место тихих арб, дорогих фаэтонов, неторопливых верблюдов, резвых лошадей и юрких осликов заняли быстроходные машины, а вместе с ними появилось немало таких безответственных лихачей, шальных голов и любителей спиртного, как ты, Азраил и шайтан ушли на покой, возложив на вас свои черные обязанности.

НОВОЕ ПРОКЛЯТИЕ

ГОВОРЯТ, в доме Шими Дербенди работники горжилуправления однажды начали делать капитальный ремонт, как положено у нас по закону, — за счет государства. Но он так затянулся, что ему не видно было конца и края. За это время силами тех же людей, которые больше прохлаждались и под разными предложениями выманивали у Шими деньги на выпивку и закуску, будто на “недостающие” у них материалы, можно было бы выстроить дом в несколько этажей.

Никто не знал, что пережил и испытал Шими, пока у него происходил этот злополучный ремонт (он никому на это не жаловался — какой толк!), но зато все близко знавшие Шими люди с недоумением стали замечать странную перемену, которая произошла в его характере и поведении. Он потерял свой былой веселый нрав и общительность, стал раздражительным, ходил мрачнее тучи. Раньше Шими, почему-либо рассердившись на свою покорную половину, срывая на ней сердце, кричал: “Ай, жена, да чтоб сгорел дом твоего отца!” Теперь же после этого печального события он ругался, правда, несколько длинно, но по-новому: “Ай, жена, да чтоб работники нашего горжилуправления произвели капитальный ремонт в доме твоего отца!”

ТРИ КОВАРНЫХ СВОЙСТВА ВИНА

КАК-ТО раз один из друзей Шими, такой же седобородый старик, как и он, пришел к нему поделиться своим горем, пожаловаться на своих сыновей. —

Ай, Шими, у меня три сына, и все они трое вместе взятые, клянусь тебе, не стоят в моих глазах одной плешивой, но умной и скромной девушки — вот какой я разнесчастный отец, — произнес старик, чуть не плача.

Шими с недоумением посмотрел на друга, а потом спросил:

— Чем же они уронили себя в твоих глазах, что ты так дурно отзываешься о них?

Старик низко опустил голову, потом, глубоко вздохнув, начал так:

— Они, мои сыновья, будь у себя дома или в гостях, когда начинают пить вино, совсем теряют голову, будто их подменили. Самый младший мой — зайка от рождения, поэтому он обычно молчит при людях, старается без нужды не вступать в разговор с посторонними и лишнего не говорить. Но как только вино ударяет ему в голову, у него сразу развязывается язык, он делается чересчур болтливым, надоедливym и не дает никому рта раскрыть. И люди не знают потом, как от него избавиться. Другой, средний, сам маленький, тщедушный (он в детстве много и тяжело болел), притом очень смирный и робкий. В трезвом виде, поверь мне, он и мухи не обидит. Даже собственная жена его не боится. А вот видел бы ты его, дурня, во хмелю. Ого-го! Сатанеет на глазах, бушует, как пламя на ветру, грозит каждому кости переломать. Один раз, будучи сильно пьяным, полез драться с известным пехливаном¹. Видно, про таких, как мой глупец, говорится: “Напоили зайца вином, он и пошел драться со львом”. К счастью, силач оказался человеком благоразумным и великодушным, не поддался гневу и не причинил ему никакого вреда. Больше того, он схватил его и нес на руках, как младенца, и в целости-сохранности вручил негодника его жене. А самый старший, — продолжал гость свои сетования, — франт, чистоплюй. Но стоит ему напиться допьяна, он тут же валится под стол и ведет себя, извини, как настоящая свинья. На чужих сыновей смотрю — радуюсь, на своих смотрю — плакать хочется, — с отчаянием в голосе заключил старик.

— Много ли пьют твои сыновья? — поинтересовался Шими.

— Как тебе сказать, — произнес старик вздыхая. — Младший

¹ Пехливан — богатырь, канатоходец; в данном случае — силач, борец.

мой, заика, не очень, пьет всего один кубок вина; второй, тщедушный, робкий, тот самый, который во хмелю пошел драться с пехливаном, пьет самое большее два кубка, а старший, чистоплюй, не меньше трех.

Шими чувствовал, что друг пришел к нему не столько для того, чтобы рассказать о своей беде, излить душу, сколько получить от него совет, что делать, как образумить своих сыновей-негодников.

Шими подумал, а потом сказал:

— Я не знаю, как и чем помочь тебе, но мне известна одна старинная притча, в которой словно о твоих сыновьях речь идет. Может, если они узнают, о чем в ней говорится, устыдятся своей дурной привычки, будут вести себя как нормальные люди...

Гость, с надеждой схватив Шими за рукав бешмета, принялся умолять его:

— Случается, мудрое слово помогает лучше, чем самое сильное лекарство. Расскажи, пожалуйста, мне эту притчу.

И Шими начал так:

— Говорят, первый человек, который посадил виноградную лозу, был пророк Ной¹. И чтобы она хорошо прижилась на новом месте и дала желанные плоды, он сначала окропил почву вокруг лозы кровью соловья, потом оросил ее кровью быка, а в третий раз щедро полил кровью свиньи. И вот с тех пор, — продолжал Шими, — у того, кто пьет один кубок вина, изготовленного из виноградного сока, развязывается язык, и он становится “красноречивым”, как соловей, у того, кто пьет два кубка, появляется самонадеянность и буйство быка, а тот, кто пьет три и больше, ведет себя как свинья. Вот и вся разгадка, почему твои сыновья, будучи в нетрезвом виде, один уподобляется неугомонному соловью, другой — разъяренному быку, а третий, как ты говоришь, — безобразной свинье.

¹ Ной — согласно библейскому сказанию, он первым из людей начал выращивать виноград и изготавливать вино.

ПОЧТИ КАК У НАСРЕТДИНА

В ОДИН прекрасный день Шими со своей старухой решили навестить старших сыновей, чтобы дать им родительское наставление и совет. Старикам не нравилось, что у их первенца один-единственный сын, которому уже шел девятнадцатый год, а у парнишки до сих пор нет ни братика, ни сестренки. Они хотели, чтобы сноха, пока еще не поздно, родила хотя бы еще одного ребенка.

Но когда Шими высказал это пожелание сыну, того сразу бросило в жар, он даже подскочил с места, точно ужаленный.

— Еще одного?! Боже упаси! — вскричал он, взмахивая руками, словно отбиваясь от какой-то надвигающейся на него опасности. — По милости одного только дитяти мне небо с овчинку кажется; если появится такое же второе, тогда мне хоть заживо в могилу ложись.

И первенец Шими начал жаловаться отцу на своего сына — что он у него большой лоботряс, совсем от рук отбился, учебу бросил, работать не желает, грубит родителям, вымогает у них деньги на разные сомнительные удовольствия. Но, видя, с каким удивлением и недовольством смотрит на него Шими, он еще больше забеспокоился.

— Ты, наверно, отец, думаешь, что я был недобр и невнимателен к своему сыну, поэтому он вырос у меня уродом? — угадав настроение Шими, с обидой воскликнул он. — Если бы ты только знал, что только я не делал для него, негодника, при моих скромных возможностях! Джинсы тебе, сынок? Пожалуйста! Дубленку? Дорогая штука, правда, но раз тебе хочется — будет тебе дубленка, носи на здоровье! Машину хочешь? Она мне совсем не по карману. Но я залезу в долг, куплю тебе машину, катайся в свое удовольствие... И купил, представь себе, остался, как говорится, без рубахи, но купил... Без него, если хочешь знать, я даже не садился за стол, чтобы выпить рюмку. Сам, собственноручно наливал ему, думал, пусть пьет на здоровье, почувствует себя мужчиной, выработает характер... А он? Э-э-эх!..

Голос у первенца дрогнул, стал плачущим. Он на минуту умолк, стараясь справиться с волнением, потом, шмыгая носом, заговорил опять:

— А он, нечего сказать, отблагодарил меня за все мои заботы и траты на него, вырос свинья свиньей, мучает нас с матерью. Бить, наказывать тоже не могу, боюсь: он выше меня ростом и шире в плечах... Нет, дорогой отец, ругай не ругай меня, а я для себя твердо решил: чем иметь еще одного такого сына-негодника, лучше для

утешения души заведу я себе барбоса. Он хоть и животное, но признательное существо, не то что мой сукин сын...

Шими долго молчал, печально кивая головой, с жалостью и укором глядя на поникшего сына. Затем, безнадежно махнув рукой, сказал:

— Ты прав! Заведи барбоса!..

Опечаленные и расстроенные, старики отсюда направились ко второму сыну. У того в отличие от старшего брата дом был полон детей. Шими и его жена в душе были очень довольны этим, но в то же время, хорошо зная, как нелегко сыну и невестке со столькими детьми, решили посоветовать им, чтобы они “остановились” на этом. Но когда сын и сноха начали говорить старикам о своих детях, о том, какие они у них все замечательные, раскрепасные и что они оба видят смысл своей жизни, свое счастье и богатство только в детях, поэтому будут рады им, пока “Бог дает”, растроганный их словами Шими пришел в восторг. Тяжелого чувства, с каким он пришел сюда от старшего сына, как не бывало. И он важно, с довольной и гордой улыбкой, степенно оглаживая бороду, радостно воскликнул:

— Вы правы, дети мои! Пусть будет по-вашему!..

Жена Шими, видя, что все произошло не так, как она заранее условилась с мужем, прежде чем посетить сыновей, и явно недовольная его поведением, сердито сказала:

— Ай, муж, горе твоему уму! Какой ты странный и непонятный человек! Нашему старшему сыну ты сказал, что он прав, лучше ему завести барбоса, чем иметь второго ребенка. Этим тоже говоришь, что они правы... А кто же тогда не прав, по-твоему?

Шими с лукавой улыбкой посмотрел на жену, а потом промолвил:

— Ай, жена, клянусь могилой твоего отца, на этот раз ты тоже права!..

ЗАГРАНИЧНЫЙ КУНАК ШИМИ

ОДНАЖДЫ в чудесную весеннюю пору в древний Дербент пожаловал какой-то журналист, представляющий одну из западных газет. Заморский гость, который оказался очень любопытным и подвижным человеком, с нескрываемым удивлением и восхищением осмотрел богатые исторические памятники города, его живописные окрестности, затем побывал на виноградниках колхоза, расположенных прямо за крепостными стенами. Здесь ему случилось встретиться и поговорить с нашим почтенным Шими Дербенди.

Гость был удивлен тем, что старик, несмотря на преклонный возраст, сохранил юношескую фигуру, выглядел бодрым и жизнерадостным.

— Не скажете ли вы, м... мистер Шими, в чем секрет вашей, так сказать, неувядаемой молодости? — шутливо спросил его журналист.

— Я всю жизнь работал на свежем воздухе, часто ел мое любимое блюдо — хинкал с чесноком и уксусом, пил наше доброе дербентское вино, кроме того, я по характеру человек не жадный, не завистливый, а добрый, веселый, — с улыбкой ответил Шими.

Шими, польщенный вниманием приехавшего из далекой страны интеллигентного гостя к своей скромной особе, охотно рассказал ему о житье-бытье, о том, что колхоз давно уже проводил его с почетом на пенсию, на заслуженный отдых. У него есть собственный дом, двор, личное хозяйство, одним словом, живет не тужит. Но ему, старику, не сидится дома, хоть и достается из-за этого от старухи. Он часто приходит сюда, на колхозные виноградники, чтобы повидаться, поговорить со своими старыми друзьями-товарищами, посмотреть, как идет работа, поинтересоваться видами на урожай, и бывает очень рад, если его опыт виноградаря оказывается полезен для молодых колхозников.

Репортер внимательно выслушал Шими, затем, взяв из рук у одного из молодых колхозников, копавших землю вокруг кустов, лопату, передал ее Шими с просьбой показать, как он сам выполнил бы эту работу.

Шими широким жестом гордо оправил седую окладистую бороду и, энергично поплевав на заскорузлые ладони, принялся бойко орудовать лопатой. Журналист тотчас же направил на него объектив и несколько раз сфотографировал его за работой.

После этого иностранец с удовольствием принял любезное приглашение старика отведать в его доме хинкала с чесночной приправой и уксусом, а также доброго дербентского вина и в самом хорошем настроении отправился к Шими в гости.

Расстались хозяин и гость весьма довольные друг другом.

Спустя месяц кто-то прислал Шими заграничную газету, в которой был напечатан большой очерк его заморского кунака о Дербенте и о самом Шими. Сверху очерка была помещена фотография весело и довольно улыбающегося автора, в середине красовалась величественная панорама древнего ханского замка Нарын-Кала, а внизу помещен снимок, на котором Шими был показан с лопатой в руках во время работы.

Обрадованный Шими, захватив газету, немедленно отправился к знакомому учителю, хорошо владеющему родным языком автора очерка.

К удовольствию Шими, его кунак, не скрывая своего восхищения, увлекательно рассказывал о замечательных памятниках седой старины, которые довелось ему видеть в Дербенте, древней ханской цитатели, подобной которой нигде нет в Европе, а может быть, и в мире, о гигантских крепостных стенах с башнями и бойницами, тянущихся “от самой горы до самого моря вдоль всего города, расположенного посреди живописной долины, в окружении бескрайних виноградников и садов”, о невиданном подземном водохранилище, “похожем изнутри на величественный раннесредневековый византийский храм”. Еще более подробно автор очерка посвящал своих читателей в тайны гаремов давно канувших в небытие сластолюбивых ханов, об их сексуальных увлечениях, о существовавшем у них обычае раз в неделю посещать дворцовую баню вместе со своими красавицами наложницами в сопровождении музыкантов и певцов...

Но Шими не дал учителю дочитать все, что рассказывалось о ханах и об их интимной жизни.

— Э-э, зачем мне, старику, сынок, — перебивая его, произнес Шими, — слышать, какие непристойности вытворяли ханы со своими женами и наложницами. Ты лучше опусти все это, а читай с того места, где пишется обо мне: доволен ли мой кунак моим гостеприимством, понравилось ли ему мое угощение — хинкал с чесноком и уксусом, наше славное дербентское вино?

Уверенный в том, что он сейчас услышит о себе похвальные слова, благодаря которым все земляки его кунака узнают о нем и что он за человек, старик, гордо подбоченясь, с довольной улыбкой выжидательно глянул на учителя. Но когда Шими узнал, что написал о нем его “дорогой заграничный кунак”, старика точно кто обухом ударил по голове.

“Встреча с Шими Дербенди, — говорилось в очерке, — неволью заставила меня с горечью подумать о том, что со времен наместников персидских шахов, арабских халифов, ширваншахов, в тече-

“Три коварных свойства вина”

ние долгих веков правивших древним городом и расположенными вокруг него селениями, мало что изменилось в положения его населения, простого люда. Чтобы убедиться в этом, я приглашаю вас, любезный читатель, посмотреть на этот печальный снимок, один взгляд на который не может не вызвать глубокое сострадание в ваших сердцах к человеку, запечатленному на нем. Этот несчастный старик с седой бородой патриарха, несмотря на свой преклонный возраст, вынужден из-за куска хлеба с восхода до заката гнуть спину, выполняя самую тяжелую работу. Если в его годы и при такой каторжной жизни он еще не отправился к праотцам, то только потому, что у мистера Шими Дербенди, как у всех прирожденных идиотов, всегда бодрое, веселое настроение. Кроме того, он ежедневно обжирается чесноком, который, несмотря на мерзкий запах, полезен как дезинфицирующее средство...”

Шими почувствовал себя оплеванным. Вырвав газету из рук учителя, он поспешил обратно домой. Но и дома он не находил себе места. И чтобы хоть сколько-нибудь отвлечься от тягостных мыслей и скверного настроения, вызванных вероломством его “заграничного кунака”, Шими, завернув в ту же самую газету мочалку, мыло и свежее белье, отправился в старую баню: авось на душе полегчает.

Мокрый, распаренный, Шими вышел в предбанник. Прежде чем одеться, он, подложив под себя газету, присел немного передохнуть, отдышаться. Но когда Шими встал, промокшая насквозь страница с очерком “заморского кунака” прилипла к его голому зад. Шими брезгливо оторвал газету и швырнул ее в угол. Но обрывок с портретом самодовольно улыбающегося автора очерка так и остался на том же месте, словно приклеенный. Шими не стал отрывать его и начал демонстративно ходить с ним взад-вперед на виду у людей, находящихся в предбаннике.

В это время какой-то молодой человек, с трудом скрывая невольную улыбку, подошел к нему и тихо, чтобы другие не слышали, сказал:

— Дядя Шими, у вас, извините, на самом неприличном месте прилип кусок газеты с портретом...

Шими, готовый сорвать сердце на ком-нибудь, услышав слова молодого человека, сразу вспылил.

— Зачем ты, дурья голова, говоришь “неприличное место”?! — напустился он с криком и бранью на ошеломленного парня. И, ткнув пальцем в то самое место, где прилип этот портрет, запальчиво добавил: — Если хочешь знать, для этого господина, который красуется у меня вот здесь, это самое приличное и подходящее место!..

ШИМИ-ОХОТНИК

В ОДИН из воскресных дней Шими решил поразвлечься охотой. Благо по соседству жил известный охотник. Одолжив у него ружье и патроны, Шими верхом на осле рано утром отправился за город, в лес. Привязав осла к дереву на опушке, Шими углубился в чащу. Весь день он с ружьем в руке, перевязанный патронташем, бродил по лесу, но нигде не встретил ни одного зверя.

Когда уже день клонился к закату, Шими, усталый, измученный, вернулся к опушке, где оставил осла. Но на том месте, где стояло животное, лежали лишь одни его обглоданные кости: пока старик рыскал по лесу, волки напали на осла и разодрали его.

Перекинув ружье через плечо, Шими понуро побрел обратно в город — без добычи, без осла: как говорится: “Пошел за бородой, лишился и усов”. Но прежде чем пойти к себе домой, Шими сперва завернул к соседу. Вернув ему ружье и патроны, он, как ни в чем не бывало, сердечно поблагодарил его и, тепло попрощавшись, хотел было уйти, но сосед, видя, что все патроны целы, с улыбкой спросил:

— Ай, Шими, ты что... не убил?..

Шими, не желая уронить себя в глазах бывшего охотника и обиженный, как ему показалось, его ухмылкой, гордо выпрямившись, воскликнул:

— Конечно, убил! Хм, зря, что ли, я охотился целый день!

— Кого же ты убил? — недоверчиво спросил сосед.

— Кого?! Своего осла! — произнес Шими и тут же хвастливо добавил: — Притом, клянусь твоей головой, без единого выстрела, даже не прицеливаясь... Это не то что вы, горе-охотнички: пуляете-пуляете в зверя — все без толку, а он убегает от вас целым и невредимым, пуская вам ветры навстречу..

Оставив соседа в крайнем недоумении, Шими с важным видом вышел от него. Но когда возле своего дома, у ворот, он увидел ожидавшую его жену, Шими сразу заволновался. “Если она узнает, что осел пропал из-за моей беспечности, мне от нее житья не будет”, — с беспокойством подумал он и сразу прикинулся больным. Нарочно хватаясь рукой за бок и сильно прихрамывая, незадачливый охотник принялся громко охать и стонать на всю улицу.

Увидев мужа в таком бедственном состоянии, жена в тревоге бросилась к нему навстречу.

— Горе мне, о муж! — воскликнула перепуганная женщина. — Ты же сегодня уходил из дому бодрым, здоровым; что вдруг с тобой стало? И почему ты идешь пешком, где твой осел?

— Ай, жена, заклинаю тебя памятью твоих покойных родителей, не напоминай мне сейчас о нем, не сыпь соль на мои раны, — страдальчески морщась, жалобным голосом проговорил Шими, а затем, застонав еще громче, добавил: — Это проклятое животное чуть было не отправило меня на тот свет, а тебя не сделало черной вдовой: оно лягнуло меня в бок, сломало ребро и сильно покалечило ногу, вай аман-аман!¹..

Услышав это и видя, как муж корчится от боли, жена в гневе принялась вовсю ругать и проклипать осла.

— О Боже! Да чтоб ему боком вышли все наши заботы о нем, тварь неблагодарная! Да чтоб злые волки загрызли его дурную голову! Да чтоб...

Шими, видя, что хитрость удалась и жена поверила его выдумке, тут же принялся “успокаивать” жену:

— Ай, жена, не расстраивайся. Бог внял твоей мольбе: злые волки не только загрызли его дурную голову, клянусь прахом твоего отца, — даже хвоста от него не оставили...

¹Выражение боли, горечи.

СРЕДСТВО ОТ ОЖИРЕНИЯ

СНОХА Шими так раздалась, что называется, лопалась от жиру. Поскольку она приходилась родной племянницей жене Шими, свекровь очень жалела ее и носилась с ней как курица с яйцом. Она не только не пускала племянницу на работу, но даже дома все делала за нее. А сноха, избалованная чрезмерным вниманием и заботой сердобольной тетушки, только и знала, что за тронх пила-ела и, ссылаясь на одышку и ломоту в пояснице, дрыхла целыми днями.

Но Шими, человек работающий и не терпящий безделья, смотрел с неприязнью на сноху-лежебоку. Вдобавок жена заставляла его водить нелюбимую сноху по разным врачам, чтобы они дали ей лекарство от ожирения и сняли боль в пояснице. Но сколько Шими ни пытался убедить жену в том, что самое лучшее и действенное средство растрясти жирок и вылечить поясницу — это заставить сноху-лентяйку работать дома, по хозяйству, да на колхозных виноградниках на свежем воздухе, — все напрасно. Да и бесконечные, бесполезные хождения по врачам осточертели старику, и он не знал, как от этой мороки избавиться.

И вот однажды после очередного визита к врачу Шими, как только вернулся домой, тотчас же пригласил в отдельную комнату жену и сына для тайного разговора. Но прежде чем промолвить слово, Шими, сняв с головы папаху, принялся бить себя в грудь и плакать навзрыд. Сын, почувствовав что-то неладное и тревожное, сразу побледнел, а перепуганная жена, схватившись руками за голову, горестно вопрошала:

— Ай, муж, горе нам! Скажи, какое несчастье обрушилось на наши головы?..

— Да еще какое несчастье — непоправимое! — еще громче рыдая и вытирая папахой слезы, произнес Шими. — Я сейчас был с нашей дорогой снохой у самого лучшего врача. Он сказал мне по секрету, что у нее очень тяжелая и неизлечимая болезнь. И что она — о горе нам! — не протянет даже и трех месяцев. Вот я и вызвал вас, чтобы предупредить: водить ее больше никуда не надо. Об одном только прошу вас: держите эту тайну про себя.

Не зря же говорится: "Тайна, известная троим, уже не тайна". Как ни старались скрыть от снохи ее роковую болезнь, тайна каким-то образом коснулась ее ушей. И от страха, что она скоро отдаст Богу душу, женщина совсем потеряла сон и аппетит и стала таять на глазах как свеча.

По истечении трех месяцев, когда Шими увидел, что сноха заметно спала с тела, очень похудела, он вновь пригласил к себе сы-

на, ее мужа, и свою жену для “тайного разговора”. На этот раз Шими, прежде чем промолвить слово, самодовольно улыбаясь, хитро посмотрел на них, а потом, что называется, поразил их в самое сердце своим неожиданным хабаром.

— Хочу обрадовать вас, мои дорогие, приятной новостью, — весело смеясь, произнес Шими. — Нашей снохе, слава богу, ничего не грозит. Это все я выдумал...

Старуха, услышав это, несколько минут не могла вымолвить ни слова, точно язык прилип к гортани, а потом, едва придя в себя, вся красная от ярости, кинулась на мужа.

— Ай, муж, гром и молния на твою безумную голову! Кто такими вещами шутит?! — с плачем произнесла жена. — О Боже! С кем свела меня судьба, разнесчастную?!

Шими, видя, что дело принимает плохой оборот, начал усовещивать разошедшуюся жену.

— Ай, жена, почему ты так несправедлива ко мне? — произнес он с обидой. — Вместо того чтобы похвалить, поблагодарить меня, ты язык распустила, ругаешь!

— За что же тебя, окаянного, хвалить и благодарить?! — еще пуще разозлилась старуха. — За то, что ты своей дурацкой выдумкой чуть не загнал на тот свет мою бедную племянницу, а нас не свел с ума?!

— А за то, моя дорогая, — запальчиво произнес Шими, строго посмотрев на жену, — что я этой, как ты говоришь, “дурацкой выдумкой” помог растряссти жирок нашей невестке и снять боль в пояснице, чего не мог сделать ни один доктор. А чтобы ее опять не раздуло, как бурдюк, пусть не гоняет лодыря, а трудится. Это, клянусь прахом твоего отца, самое лучшее средство от ожирения.

ШИМИ В КОМАНДИРОВКЕ

КАК-ТО раз Шими поехал по делам своего колхоза в командировку в один небольшой город, расположенный в часе езды от Дербента. Поскольку у него здесь не было знакомых, он остановился в гостинице. Комната, которую ему отвели, оказалась, как и вся гостиница в целом, запущенной, обветшалой: стены и потолок обшарпаны, доски на полу местами прогнили, между ними образовались широкие щели, в которых можно запросто вывихнуть ногу, кремовый абажур над тусклой лампочкой весь загажен мухами. Шими сразу почувствовал себя очень неудобно и тоскливо, да вдобавок номер кишел клопами и блохами. Стоило Шими потушить свет и улечься спать, как они целыми полчищами, точно мамаево нашествие, кидались на него со всех сторон, кусали безжалостно, не давая сомкнуть глаз. Так, всю ночь, без сна и отдыха, ожесточенно провоевав с проклятыми насекомыми, Шими встретил утро.

На следующий день Шими, закончив свои дела, поскорее расплатился за ночлег и уже собирался уходить, когда в номер к нему вошел сам директор гостиницы; грузный, неопрятно одетый хмурый мужчина средних лет, с колючей, как у ежа, щетиной на толстых щеках, с настороженно-подозрительным взглядом. Он при Шими начал проверять наличие простыней, одеял, полотенец и других вещей. Не обнаружив никакой пропажи, директор на всякий случай предупредил Шими:

— Вы извините меня, уважаемый: если случайно, по ошибке захватили из номера то, что вам не принадлежит, пожалуйста, верните.

Как раз в этот момент у Шими нестерпимо зачесалось на спине и на животе. Запустив руку под рубашку, он, точно человек, пораженный чесоткой, принялся неистово скрести себя.

— Поверь мне, почтенный, — в тон ему произнес Шими, продолжая яростно чесаться, — если я и захватил что-нибудь из вашей “прекрасной” гостиницы, то только ваших клопов и блох, которых я охотно вернул бы вам, если бы мог...

КАК ШИМИ ВМЕСТО ОВЦЫ ВСУЧИЛИ ПСА

ОДНАЖДЫ в воскресный весенний день Шими пришел на базар покупать овцу к празднику. Какой-то молодой человек, узнав об этом, волоча по земле тяжелый мешок, крепко завязанный сверху веревкой, подошел к нему.

— Дядя Шими, если вы, в добрый час, пришли покупать овцу, я могу продать вам, — произнес он, а потом, беспокоино оглядываясь вокруг, тихо добавил: — Только товар свой я не могу показать вам: я его тайком утащил из нашего сарая, а мой папаша, узнав об этом, сейчас ходит по базару и ищет меня.

Шими не хотел покупать овцу, предварительно не осмотрев ее, а тем более украденную. Но, услышав совсем недорогую цену, он не устоял. Опустившись на корточки, Шими, не раскрывая мешка, на всякий случай принялся ощупывать овцу. И она показалась ему вполне подходящей: достаточно упитанной, крупной и шерстистой.

Заплатив стоимость овцы, обрадованный удачной покупкой, Шими, взвалив мешок на спину, сразу поспешил домой. Но не успел он пройти и ста шагов, как его покупка начала проявлять явное беспокойство: дрыгать ногами, вертеться и, что самое странное, грозно рычать. А еще минуты две спустя “овца” с громким захлебывающимся лаем, вырвавшись из мешка, как разъяренный тигр, прыгнула через голову ошеломленного и насмерть перепуганного Шими и пустилась наутек. Как говорится: “И теленок сбежал, и веревку унес”.

Любопытные прохожие, невольные свидетели этого необыкновенного зрелища, среди которых было немало молодых людей, сразу окружили Шими и стали расспрашивать его: что, мол, ему, старому человеку, была за нужда таскать на себе с базара здоровенного, но обыкновенного пса в мешке?

Сконфуженный и расстроенный, Шими, не оправдывая ни себя, ни свой поступок, открыто, с горечью рассказал им, как его бесовестно надул какой-то незнакомый молодой человек, видно, базарный лоти¹, всучив ему пса вместо овцы.

Собравшиеся, выслушав эту историю, наперебой стали высказывать старику свои замечания и советы:

— Ай, Шими, как все-таки вы, при вашем уме и возрасте, могли дать себя так легко одурачить: соблазнившись на дешевку, купить “овцу” в мешке?

¹Лоти — мошенник.

— Ни в коем случае, дядя Шими, это дело нельзя так оставить. Сегодня этот пройдоха, невзирая на вашу почтенную седину, надул вас, завтра он с такой же легкостью то же самое сделает с другим человеком!..

— Если вы простите ему это дело, люди перестанут уважать вас!..

Возмущаясь наглостью обманувшего Шими пройдохи, никто из присутствующих, однако, не выражал ни желания, ни готовности помочь старику разыскать его. Зато советы, упреки и наказания так и сыпались со всех сторон на голову Шими, как из рога изобилия. И он уже сам был не рад, что сказал им правду, и не знал, как от них отделаться. Неизвестно, сколько еще ему пришлось бы выслушивать их бесполезную и надоедливую болтовню вокруг этой злополучной покупки, если бы один, самый молодой из присутствующих не высказал самое “верное” предположение. Недаром же говорится: “Ум заключается не возрасте, а в голове”.

— Вы, дядя Шими, слишком не расстраивайтесь. Этот молодой человек, о котором вы говорили, мне кажется, вовсе не мошенник, а просто шутник, — уверенно произнес юноша. — Ведь сегодня первое апреля. А на первое апреля — вы, наверное, слышали — существует обычай в шутку разыгрывать друг друга. Он пошутил с вами, поверьте мне. И теперь, довольный своей удачной шуткой, он непременно найдет вас и вернет вам ваши деньги.

Шими, услышав это, сразу почувствовал облегчение, у него словно камень свалился с души.

— Видимо, так оно и есть, сынок, — ухватившись за эту удачную мысль как за якорь спасения, с готовностью согласился он и, потрясая кулаком, с притворным гневом добавил: — Иначе, клянусь вам, молодцы, если бы эта история превращения овцы в пса не была “первоапрельской шуткой”, он черта с два ушел бы от меня безнаказанно!..

“ВЕРЬ ГЛАЗАМ, А НЕ УШАМ”

ОДНАЖДЫ поздно вечером сосед Шими, вернувшись домой на взводе, учинил скандал жене. Она принялась громко кричать, что муж бьет ее, и звать на помощь. Шими, услышав ее крики, сразу проснулся и быстро встал с постели. Но пока Шими впотьмах искал свои штаны, пока он оделся и выбежал во двор, драка между супругами, видно, прекратилась: не было уже слышно ни плача, ни криков соседки, ни тем более ее призыва о помощи. Шими, успокоившись, вернулся к себе в дом.

Но вскоре по жалобе соседки состоялся суд. И Шими был вызван свидетелем. На суде Шими подтвердил, что он действительно слышал, как сосед избивал жену и как она, крича, звала на помощь.

Но судья приходился родственником ответчику. И, как бы делая Шими выговор, он сказал, что для суда достоверно не то, что слышал свидетель, а то, что он видел своими глазами, поэтому, мол, и говорится: “Верь глазам, а не ушам”. Судья даже не посчитал нужным хотя бы для острастки предупредить ответчика.

Шими, сконфуженный и огорченный, вернулся домой и рассказал жене, как судья выставил на посмешище его свидетельские показания.

Через несколько дней случилось тому самому судье выступать с лекцией на тему “Человек и закон” в колхозе, где работал Шими. Как и все другие колхозники, Шими был заранее предупрежден об этом. Перед тем как пойти на лекцию, он попросил у жены, чтобы она дала ему темные очки, которые летом носит их младший сын.

— Ай, муж, на что тебе, старику, темные очки? — поинтересовалась жена. — Ты их никогда в жизни не носил, тем более на дворе сейчас не лето, а осень! Да и от людей как-то неудобно, смеяться будут над тобой.

— Ты, конечно, права, — согласился Шими. — Но дело в том, что сегодня вечером наш уважаемый судья собирается читать нам лекцию. Не знаю, может, как судья он толковый, но как лектор никуда не годится. Многие, говорят, от скуки спят на его лекциях — уткнется в бумагу и бубнит себе под нос, жует мочало.

— Может, все это и так, но при чем тут темные очки? — спросила жена.

Шими недовольно посмотрел на жену.

— Умная жена должна с полуслова понимать мужа, а тебе надо все разжевывать и в рот положить, — с досадой проговорил Шими, но тут же примирительно добавил: — Ладно уж, коли ты такая несообразительная, так и быть, объясню. Во время его лекции я как почув-

ствую, что и меня клонит ко сну, так я тут же надену эти темные очки, и судья не узнает, что я сплю.

Жена, поняв наконец, почему мужу понадобились темные очки, всерьез забеспокоилась.

— Ай, муж, неужели ты не знаешь, что стоит тебе смежить веки, как ты сразу начинаешь так громко храпеть, что покойник, не про нас будь сказано, и тот проснется? Судья сразу догадается, что ты постыдно дрыхнешь на его лекции. Кроме того, не во гнев тебе будь сказано, последнее время, когда ты спишь, сам того не замечая, частенько так сотрясаешь воздух, что хоть уши и нос затыкай. Так что, как только это случится, судья, не считаясь ни с твоим возрастом, ни с твоей седой бородой, заставит тебя продрать глаза и сделает выговор перед всем джамаатом¹...

Шими, озадаченный предупреждением жены, невольно задумался, а потом уверенно произнес:

— Ты, жена, не волнуйся. Пусть только он посмеет сделать мне за это выговор, я, клянусь могилой твоего отца, тут же осажу его.

— И как ты это сделаешь? — недоверчиво усмехнулась жена.

— А вот так. Я ему скажу: “Вы, почтенный судья, своими глазами не видели, да и не могли видеть, что я сплю, — на мне темные очки. Вы только слышали мой храп и то, как я сотрясал воздух. Разве не вы сами мне говорили на суде, отвергая мои честные показания по делу вашего милого родственника: “Верь глазам, а не ушам”?.. Нехорошо, тем более народному судье, говорить одно, а делать другое”.

Старуха как в воду глядела. Со стариной Шими произошло точь-в-точь то, о чем она предупреждала его накануне. И случилось это с ним тогда, когда он сидел в темных очках перед самой трибуной и клевал носом во время лекции. В зале сразу поднялся шум, дружный смех, хохот, слышались шутки, остроты. Говорят, на этой почве между разгневанным судьей и стариком Шими возникла горячая и продолжительная перепалка, из-за которой лекция почти в самом ее начале была сорвана.

¹ *Джамаат* — сельская община, собрание односельчан.

“СЧАСТЛИВЫЙ КОНЕЦ”

КОГДА Шими женился, у него несколько лет кряду рождались одни дочери, поэтому он, считался хъэмолом¹ — скорбным мужчиной, у которого нет сына. И он, согласно обычаю отцов, стал носить красный кушак — кишди хъэмоли, — чтобы Бог обратил внимание на его печальную участь и даровал ему сына. Родственники, друзья и просто знакомые в разговоре с ним говорили ему, как это принято в обращении к хъэолу: “Да чтобы твой конец был счастливым!” — что означало пожелание, чтобы у него родился сын.

И вот однажды Шими появился на улице без красного кушака. Обрадованные друзья, знакомые Шими, решив, что у него родился сын, кинулись к нему с вопросом:

— Ай, Шими, дорогой, тебя можно поздравить со счастливым концом?

— Друзья мои, если считать “счастливым концом” то, что моя благоверная вообще перестала рожать, можете поздравлять меня, сколько вам угодно, — с горькой усмешкой промолвил Шими.

¹ Хъэмола — мужчина, у которого есть дочери, но нет сына.

“НЕ ВСЯКИЙ ВЫПАЧКАВШИЙСЯ МУКОЙ – МЕЛЬНИК”¹

ОДИН из близких кунаков Шими, проживающий в селе-нии, пригласил его на свадьбу своего сына. Чтобы сде-лать кунаку приятное, Шими купил жениху в подарок дорогую каракулевую папаху с красным бархатным вер-хом и, взяв с собой сына, поехал на свадьбу.

Как только Шими вступил в селение, какой-то парень, у кото-рого сразу глаза загорелись при виде красивой дорогой папахи, не-ожиданно налетел на старика и, чуть не сбив его с ног, выхватил у него из-под мышки папаху и пустился наутек.

Шими и его сын, возмущенные наглой выходкой вора, погна-лись за ним. Похититель, заметив за собой погоню, пробежал че-рез все село, спустился в ложину, где стояла мельница, и скрылся в ней. Папаху он спрятал в бункер с пшеницей для помола, а сам вы-пачкался с ног до головы мукой, чтобы преследователи не узнали его. Но Шими, как только увидел вора, сразу разгадал его хитрость; вне себя от ярости, он схватил налетчика за шиворот.

— Или ты вернешь сейчас же папаху, или, клянусь небом, я вы-шибу из тебя дух вон! — замахнувшись на него кулаком, закричал Шими.

Но сын, тотчас же подскочив к отцу, схватил его за руку:

— Отец, не бей его! Разве ты не видишь, что перед тобой не вор, а мельник?!

Вор, воспользовавшись этим, вырвался из цепких рук Шими — и поминай как звали. Потеряв надежду вернуть папаху, взбешен-ный Шими кинулся на сына. Срывая на нем зло, он принялся коло-тить его, сердито приговаривая:

— Вот тебе, дурья башка, за то, что ты до сих пор не знаешь та-кой простой вещи: не всякий вымазавшийся сажей — кузнец и не каждый выпачкавшийся мукой, как этот проходимец, укравший наш подарок для жениха, — мельник!..

¹Пословица.

НЕТ ЛЕКАРСТВА ОТ ГЛУПОСТИ

КАК-ТО рано утром Шими, как обычно, зашел в хлев провести своего осла и подложить ему корму. Но, увидев, что осел раскрыл мешок с ячменем, просунул в него голову и за обе щеки хрукает зерно, Шими кинулся было, чтобы отстранить его от мешка, но осел, угадав намерение хозяина, развернулся к нему задом и с силой лягнул его копытом в бок. Шими, вскрикнув, упал и потерял сознание. На его крик прибежала встревоженная жена. Увидев распростертого посреди хлева мужа, она побежала к ветеринарному фельдшеру, который жил по соседству.

— Горе мне!.. Беда!.. Осел!.. На помощь! — только и смогла выкрикнуть с плачем взволнованная и растерявшаяся женщина.

Сосед, услышав ее голос, решил, что с ослом Шими случилось какое-нибудь несчастье. Захватив свои ветеринарные принадлежности, он поспешил во двор к соседям. Но, увидев, что с ослом все в порядке, а в помощи нуждается его хозяин, который лежит без чувств, ветеринар беспомощно развел руками и сказал жене Шими:

— Сестра, я бессилен помочь твоему мужу. Ослу его — пожалуй-ста, если бы с ним случилась беда, а ему, к сожалению, не могу. Пока не поздно, давайте вызовем “скорую помощь”...

Жена Шими, не выслушав до конца, почему он не может оказать ее мужу помощь, принялась в отчаянии рвать на себе волосы и громко причитать:

— О, горе нам! Для осла и то есть лекарство-чоре¹, а для моего бедного несчастного мужа — нет!..

Шими как раз в это время пришел в себя. Услышав причитания жены и узнав, чем они вызваны, он произнес с горечью:

— Ай, жена, да чтоб сгорел твой отец! Осла-то, если он заболел, действительно можно вылечить, но глупость твою, как я вижу, излечить невозможно, если даже с того света придет сам Лукман-ха-ким²...

¹ Чоре — средство для лечения, избавления от беды, преодоления какой-либо трудности, препятствия; для осуществления чего-либо.

² Лукман-ха-ким — легендарный врач и мудрец.

“ЭЛЕКТРОННЫЙ ДЬЯВОЛ”

ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЙ магазин, что находился в махале¹, где живет старина Шими, пользовался в городе дурной славой. Его работники, уверенные в своей полной безнаказанности, беззастенчиво обманывали покупателей, обвешивая и обсчитывая их. Больше всех отличался работник мясного отдела, недавний выпускник торгового училища, молоденький паренек с красивым, простодушным лицом, ясными, невинными, как у младенца, глазами, насмешливо прозванный посетителями магазина “ангелочком”.

Получив мясо, сей “труженик прилавка” не спешил с его реализацией. Он с обычным своим невозмутимым, благодушно-ангельским видом, скрестив руки на груди, ждал, пока соберется побольше народу. Делал он это далеко не с ангельским намерением: в толкотне и давке длинной и шумной очереди уставшего, затолканного и запарившегося покупателя легче надуть, обвешорить.

Но после бесконечных жалоб горожан руководство горторга решило в порядке эксперимента установить в этом печально знаменитом магазине имевшиеся в его распоряжении единственные, недавно приобретенные электронные весы, напроочь исключающие обвес и обмер. Они, в отличие от обычных торговых весов с резко колеблющейся стрелкой на шкале, отчетливо и ярко, точно на экране, высвечивали на табло не только вес покупки до единого грамма, но и ее стоимость до единой копейки.

Частые посетители магазина, в том числе и старик Шими, были в восторге от нововведения, чего нельзя было сказать о продавцах, у которых оно вызвало крайнее замешательство и тревогу. И они в сердцах прозвали новые весы “электронным дьяволом”.

Говорят, в первый же день, когда в магазине были установлены электронные весы, его работники, охваченные паникой, проклиная на чем свет стоит эту “бесовскую штуку”, разбежались все до единого, не дожидаясь даже конца рабочего дня. Первым, говорят, дал деру “ангелочек”, сбрасывая с себя на ходу замызганный халат, а за ним и вся компания.

Когда Шими узнал о поголовном бегстве работников магазина и то, чем оно было вызвано, он, говорят, особенного удивления не выразил, но многозначительно воскликнул:

— Побольше бы в наших магазинах таких “дьяволов” и поменьше бы таких “ангелов”, как эта продувная bestия мясник и иже с ним, чтоб им пусто было!..

¹ Махала — квартал.

КАК ШИМИ ПРИНЯЛИ ЗА СУМАСШЕДШЕГО

ПРАВЛЕНИЕ колхоза в торжественной обстановке вручило Шими за хорошую работу бесплатную путевку в один из лучших кисловодских санаториев. От нарзанных ванн и целебного горного воздуха за время приятного отдыха старик Шими заметно посвежел и помолодел. И он в наилучшем настроении уже собирался было выехать домой, как с ним приключилась удивительная история, которую трудно даже себе представить.

Поезд, на котором должен был ехать наш курортник, опаздывал. В ожидании его Шими бесцельно слонялся по привокзальной площади, дымя трубкой и томясь ожиданием. В конце площади, в одном из по-курортному красивых и нарядных киосков, продавали лотерейные билеты. Шими никогда не интересовался лотереей — не верил в лотерейное счастье, по крайней мере для себя. Но от нечего делать подошел к толпившимся возле киоска людям и с легкой усмешкой стал наблюдать со стороны.

Билеты, как заметил Шими, продавались здесь какие-то необычные. Они были закрытые, свернутые в маленькие тоненькие прямоугольнички, с крохотной пломбой на ниточке. Самое интересное то, что тот, кто приобретал билет, мог тут же, не сходя с места, узнать, выпал на его билет выигрыш или нет. Для этого надо было лишь дернуть за ниточку, развернуть билет и прочесть, что в нем написано. Заинтригованный этим, Шими, вопреки своему убеждению, с озорной улыбкой подошел к маленькому окошку, за которым сидела молодая белокурая симпатичная девушка, и тоже купил лотерейный билет. Заранее уверенный в том, что рубль, заплаченный за него, выброшен на ветер, Шими тем не менее с интересом развернул билет и... не поверил глазам своим: он выиграл! Притом выиграл не какую-нибудь безделицу, а целую машину — “Волгу”!

Присутствующие — всё незнакомые люди, — разбираемые любопытством, окружили Шими и принялись дружно поздравлять его с выигрышем. Тесня друг друга, каждый старался хоть краешком глаза взглянуть на счастливый билет. А один шумный, косматый, подвыпивший парень, без одного переднего зуба во рту, с татуировкой на правой руке, весело визжа и громко восклицая, радостно обнимал Шими, точно отца родного, то и дело усердно хлопая его по груди, спине и бокам.

Наконец, когда подошел поезд, Шими, счастливый и радостно возбужденный, побежал искать свой вагон. Билет на поезд он купил заблаговременно, когда еще отдыхал в санатории, и заранее со-

общил домой, в какой день, каким поездом выезжает и в каком вагоне следует его встречать. Подойдя к своему вагону, возле которого стоял толстый, огромного роста кондуктор со строгим начальственным видом, Шими полез в карман бешмета за кошельком, где должен был находиться билет, но, к своему большому огорчению, ничего там не обнаружил. Косматый парень без переднего зуба во рту и с татуировкой на руке, горячо обнимавший его в толпе, как потом догадался Шими, оказался ловким карманником. И старик поведом кондуктору о своей беде, о том, что у него пропал билет.

— Ничего, дед, — вдруг став приветливым, успокаивающе проговорил кондуктор, — не волнуйся, заплатишь — повезем, не оставим.

— В том-то и дело, товарищ начальник, — старик всех, кто носил форменную фуражку, независимо от чина, из уважения к их службе почтительно называл “начальником”, — билет-то у меня пропал вместе с кошельком...

И Шими тут же не без гордости начал объяснять ему, что пусть, пожалуйста, “товарищ начальник” не думает, что он какой-нибудь бродяга или непутевый человек. Он честный, порядочный гражданин, заслуженный колхозник, отец большого семейства. Его на вокзале будут встречать сыновья и внуки, которые знают, что он должен сегодня выехать этим поездом и этим вагоном. И что сразу по приезде на место он заплатит ему за билет, да еще в придачу отблагодарит.

Пока Шими ждал согласия кондуктора, лицо которого вновь приняло строгое и важное выражение, пассажиры, спеша и толкаясь, с чемоданами и узлами, а иные с детьми, стали подходить к вагону. Кондуктор, грубо отстранив Шими могучей рукой, недовольно предупредил:

— Не загораживайте дорогу пассажирам, гражданин! Не мешайте рабо-о-тать!

Шими не знал, что делать. Как только последний пассажир вошел в вагон, он сделал еще одну попытку уговорить кондуктора. Шими обещал отдать ему в качестве залога свою папаху. Правда, она у него простая, овечья, и далеко не первой свежести. Но она дорога ему: ведь мужчина носит папаху не для того, чтобы предохранять голову от жары или холода, а как символ мужской чести и достоинства...

— Да убирайся ты к чертям собачьим со своей па-а-пахой! — раздраженно крикнул на него кондуктор. — Вот еще! Пристал как баный лист!..

Шими с тяжелым сердцем отошел в сторону. До отправки поезда оставались считанные минуты. Он торопился скорее попасть

“Как Шими приняли за сумасшедшего”

домой, увидеть детей, обнять внуков, по которым за месяц сильно соскучился, и, конечно, обрадовать их приятной вестью о выигрыше. И вот вместо этого он вынужден топтаться тут и глядеть, как поезд уходит перед носом, оставляя его здесь, среди незнакомых людей, в чужом городе, без гроша в кармане... Кроме того, что подумают старуха, дети, если не встретят его этим поездом?..

Подгоняемый отчаянием, Шими, улучив момент, когда внимание кондуктора было отвлечено каким-то делом, с несвойственным для его возраста проворством прыгнул на подножку и быстро прошмыгнул в вагон. Спеша и волнуясь, он зашел в первое попавшееся купе. Там сидели на нижних полках сидя старушка с маленькой внучкой и молодой мужчина в очках, с раскрытой книгой в руке. Шими недолго думая, кряхтя и охая, с трудом взобрался на верхнюю свободную полку и, положив под голову папаху, притворился спящим.

Не прошло и минуты, как поезд тронулся. Вскоре в купе вошел кондуктор. Удивленно посмотрев на Шими, он подошел к нему и стал его тормошить. Но Шими нарочно начал громко храпеть, будто спит без задних ног. Кондуктор, разгадав его хитрость, все же заставил его подняться. Он предложил ему немедленно освободить полку и последовать за ним. Шими, не двигаясь с места, посмотрел на него с затаенным страхом и ненавистью, как на самого Азраила. Он боялся, как бы этот черствый и безжалостный верзила не высадил его, старика, среди дороги. Рука Шими, помимо его воли, потянулась к нагрудному карману за лотерейным билетом. Мучаясь и страдая, словно вытаскивал из кармана не билет, а отрывал от себя живой кусок с мясом и кровью, он протянул его кондуктору, чтобы тот отстал от него. Несмотря на то что у Шими в эту самую минуту на сердце кошки скребли, он все же заставил себя мужественно улыбнуться и с деланной бодростью и великодушием сказал:

— Возьми, начальник!.. Дарю тебе целую “Волгу”, пишкеш!¹..

Кондуктор, ничего не понимая, несколько раз изумленно посмотрел то на лотерейный билет, то на Шими, а потом вдруг, от злости покраснев как рак, закричал своим громовым голосом, потрясая перед носом старика его лотерейным билетом:

— Ты что это, старый плут, мошенник?! Посмеяться надо мной вздумал?! Одурачить?! А ну слезай сию же минуту!.. Я тебе покажу “пишк-пишк”!..

Недоумевающие пассажиры в купе, узнав от разгневанного кондуктора, что старик вместо проездного билета подсунил ему лотерейный билет с “Волгой” — наверняка фальшивый, посмотрели в свою очередь на Шими с удивлением и осуждением. На возмущен-

¹ Пишкеш — подарок.

ный голос кондуктора, продолжавшего греметь как иерихонская труба по всему вагону, прибежали люди из других купе.

Сосед по купе, бережно положив книгу на полку, с медлительной важностью поднялся с места. Он взял у кондуктора лотерейный билет и, внимательно осмотрев его со всех сторон, загадочно улыбнулся, в недоумении качая головой. Затем с видом все знающего человека, обращаясь к набившимся в купе любопытствующим пассажирам, глубокомысленно изрек:

— Я, товарищи, как юрист могу по этому поводу дать следующее заключение. Если этот лотерейный билет с “Волгой”, который я сейчас держу в руках, поддельный, фальшивый, то предьявитель его, — он энергично ткнул пальцем, точно копьём, в сторону Шими, — безусловно, мошенник, притом закоренелый и очень опытный, а потому подлежащий суровому наказанию по известным статьям уголовного кодекса о взломщиках, фальшивомонетчиках и прочих наиболее социально опасных преступниках... Но если у него этот билет настоящий и он вместо обычного десятирублевого железнодорожного билета с легким сердцем отдает лотерейный билет такого достоинства, то этот человек, вне всякого сомнения, сумасшедший...

При этом мужчина в очках, прежде чем произнести слово “сумасшедший”, сделал короткую паузу и, с самодовольным видом оглядев присутствующих, выразительно покрутил указательным пальцем у своего виска.

После речи юриста старуха, пугливо косясь в сторону Шими, поспешно поднялась с места и, схватив внучку за руку, сразу покинула купе — подальше от греха. А сам Шими весь покрылся холодным потом. Оставив в чужих руках свой счастливый, вернее, злочастный лотерейный билет, старик быстро схватил свою папаху и, прижав ее руками к животу, сделал такой страдальческий вид и скорчил на лице такую ужасную гримасу, которые ни у кого не должны были оставлять сомнения в том, что ему сейчас позарез нужно в туалет, иначе не миновать страшного греха со всеми вытекающими из этого последствиями...

Как только Шими удалось вырваться из купе, он побежал в конец вагона и заперся в туалете. Едва поезд остановился на ближайшем полустанке, где-то среди широкого пустынного поля, Шими тотчас же тихо, украдкой вышел из своего укрытия и через тамбур торопливо кинулся в соседний вагон. Спрыгнув через заднюю дверь на землю, он пустился бежать так, словно за ним гнались сами гьирхэрамбошигьо¹. Лишь когда поезд тронулся и вскоре

¹ Гьирхэрамбошигьо — сказочные сорок разбойников во главе с их атаманом.

скрылся из виду. Шими немного успокоился, потом, заново переживая только что случившееся с ним, сокрушенно спросил себя:

— Кто же из нас троих, в конце концов, действительно сумасшедший? Верзила кондуктор, “четыреглазый” мужчина, назвавшийся юристом, или же я сам, разрази меня гром вместе с ними?!

КАК ШИМИ ПОЙМАЛ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ В ЖЕЛЕЗНЫЙ КАПКАН

НЕКОТОРОЕ время Шими работал заведующим колхозной птицефермой. Местность, где находилась ферма, была очень живописна. Вокруг сплошной зеленой стеной стоял густой лес, а на краю изумрудной поляны сверкал кишачий рыбой зеркальный проточный пруд, с разнообразными полевыми цветами вдоль берегов.

Шими был очень доволен своей работой. Единственное, что причиняло беспокойство и огорчение старику, — это воровские вылазки лис и шакалов. Незаметно подкрадываясь к птицам, они внезапно нападали на них и похищали каждый день по несколько кур и петухов.

Чтобы обезопасить птиц, Шими расставил повсюду железные капканы. Многие хищники, попадая в них, расплачивались за любовь к курятине своей шкурой. Постепенно они перестали охотиться за колхозными курами. Зато не проходило и недели, чтобы председатель колхоза или его заместитель не заглянули на ферму “отдохнуть” на лоне природы, а заодно полакомиться птичьим мясом. Нередко они привозили с собой за компанию своих кунаков и друзей из числа местного начальства.

Как-то раз Шими передали, что сегодня после полудня председатель собирается приехать к нему в гости с районным прокурором, председателем райисполкома и вторым секретарем райкома партии. И что он велел, чтобы Шими не ударил в грязь лицом перед уважаемыми гостями, пусть постарается как следует: приготовит жареную и вареную курятину, наловит рыбки в пруде и сварит ароматную ушицу, поставит большой кувшин прохладного красного вина, словом, все, что надо...

Но Шими, вместо того чтобы приступить к исполнению указания председателя, недолго думая расставил несколько железных капканов вдоль дороги, перед входом на ферму, где обычно останавливалась председательская машина, и тщательно замаскировал их.

Но гости почему-то задерживались. Как только наступили сумерки и на небе неясно обозначился круглый диск луны, Шими загнал птиц в помещение, а сам прилег на топчан отдохнуть. Едва он, порядком уставший за день, забылся сном, как был разбужен громкими криками и воплями: люди за воротами фермы кричали так, словно с них заживо сдирали кожу, и на чем свет стоит ругали и поносили Шими. Громче и отчаяннее всех кричал председатель колхоза.

Шими, сонный, усталый, охая и зевая, медленно встал и не спеша направился к воротам. Как только он приблизился к непрошеным гостям, те, корчась от нестерпимой боли, стали в один голос орать на него:

— Кто на середине дороги ставит капканы, старый осел?!

— Куда твои глаза смотрели, слепец?

— Спятил, что ли, на старости лет, чтоб ты провалился!..

Шими молча выслушал их, а потом сказал:

— Клянусь вашей жизнью, почтенные, я установил капканы на дороге не потому, что я осел, слепой или спятил с ума на старости лет, как вы думаете. Дело в том, что четвероногих любителей даровой курятины с помощью этих капканов я, слава Богу, отвадил охотиться за колхозными курами. Теперь я их решил испробовать против двуногих... Вот и вся разгадка.

ШАЙТАН

ЖЕНА Шими была женщина суеверная и мнительная. Как-то раз ей приснился шайтан. Задрав вверх козлиную бородку и бойко вертя волосатым, длинным, как у мартышки, хвостом, он долго крутился у них во дворе: паясничал, приплясывая, строил всякие гримасы, ужимки. Но самое ужасное было то, что ее благоверный, сбитый с толку проклятым шайтаном, несмотря на свой почтенный возраст и седую бороду, тоже не отставал от него, подражая ему во всем. А между ним и шайтаном, подняв хвост трубой, радостно взвизгивая, прыгала на задних ногах их дворовая собака.

Проснувшись, жена долго не могла успокоиться: встреча во сне с шайтаном считалась дурным предзнаменованием. Она разбудила мужа и рассказала ему о том, что ей приснилось.

— Как бы этот дурной сон не принес нам беды, не произошло бы с тобой несчастья, — сказала она с тревогой.

— Э-э-э! Чепуха... — скребя волосатый подбородок, сонно пробормотал Шими и тут же равнодушно повернулся на другой бок.

— Нет, пока я не пойду к фолчи¹ и он не истолкует мне этот сон, пока не напишет своей рукой талисман и не отведет от тебя беду, я не успокоюсь, — продолжала твердить свое старуха, а потом, вздохнув, прибавила, точно рассуждая вслух: — Но к фолчи с пустыми руками не пойдешь, придется пожертвовать нашей индюшкой; жалко, конечно, но что делать?..

Как только Шими услышал об индюшке, которую он купил недавно и собственноручно откармливал, чтобы потом зарезать на праздник, у него сразу пропал сон.

— Ай, жена, клянусь прахом твоего отца, все эти сны сами по себе ничего не значат, — принялся он увещевать и вразумлять жену. — Сны видят не только люди, но и птицы и животные. Курице, например, обычно снится зерно, кошке — мышь, собаке — кость, а моему похотливому ослу — его подруга — у кого что на уме. А с чего тебе приснился шайтан — ума не приложу! Прошу тебя, не делай глупости — не ходи к этому шарлатану, не губи зря нашу индюшку.

Но жена не вняла доброму совету мужа. Она встала, оделась на скорую руку, захватила индюшку и поспешно отправилась за спасительным талисманом.

Часа через два жена вернулась довольная и веселая. Увидев

¹ Фолчи — гадалщик, гадалщица.

Шими, дожидавшегося ее во дворе, она с радостной улыбкой протянула ему маленький талисман, зашитый в пеструю тряпку.

— Надень его себе на шею, чтобы шайтан, чтоб он сгинул, не приставал к тебе, — произнесла жена.

Шими, не сказав ни слова, взял талисман и, тут же поймав собаку, привязал его ей на шею.

— Ай, муж, побойся Бога, что ты делаешь?! — закричала жена в ужасе. — Кто вешает на шею собаке талисман с заклинаниями, за который я заплатила целую индюшку? О горе! Скажи, где ты пропал, когда Бог раздавал людям ум-разум?

— Ай, жена, зря ты кипятишься, ей-богу, — возразил Шими. — Этот талисман ей, нашей собачке, нужнее, чем мне. В отличие от меня она день и ночь во дворе. Если шайтан еще раз вздумает пожаловать к нам, то собака первой увидит его. И он, заметив талисман у нее на шее, сразу убежит за версту. А что касается того, где я пропал, когда Бог раздавал людям ум-разум, то, наверно, был занят тобой, поэтому я лишился этого божьего дара. Будь я, несчастный, с умом-разумом, разве я женился бы на такой дуре, как ты!..

ВЗГЛЯД В БУДУЩЕЕ

Откуда мы пришли? Куда свой путь вершим?
В чем нашей жизни смысл? Он нам непостижим.
Как много чистых душ под колесом лазурным
Сгорает в пепел, в прах, а где, скажите, дым?

Омар Хайям

ВОДИН из воскресных дней Шими вышел погулять со своим тринадцатилетним сыном. Мальчик все время увлеченно, без умолку говорил что-то отцу жестикулируя, забывая при этом глядеть себе под ноги и по сторонам. Из-за этого он то и дело спотыкался, а один раз упал в придорожную канаву, испачкав себе одежду, в другой — чуть не угодил под колеса мчавшейся на полной скорости машины. Шими сердился на него, но молчал.

Когда отец и сын подошли к городскому скверу, куда они направлялись, то встретили одного дряхлого старика с согбенной спиной. Он шел медленно, опираясь на палку, с трудом волоча ноги и тяжело дыша. Лицо старика было серым, изборождено глубокими морщинами, воспаленные, выцветшие глаза все время слезились, словно он шел и беззвучно плакал над своей старческой немощью. Шими при виде его вдруг охватило глубокое волнение. Он, застыв на месте, долго смотрел ему вслед погрузневшим взглядом. Шими хорошо помнил этого старика, некогда знаменитого пехливана-богатыря, притом одного из самых красивых мужчин, каких ему довелось видеть за всю жизнь. Тогда его черные глаза горели радостным блеском и отвагой, вся его мощная и вместе с тем стройная фигура, точно отлитая из стали, дышала несокрушимым здоровьем и недожинной силой, а когда он ступал, гордо и твердо, казалось, земля звенела под его ногами.

— Пап, ты чего засмотрелся на этого старикана? — нетерпеливо дернув отца за рукав, произнес мальчик, которому хотелось поболтать. — Пойдем же!..

Шими вздохнул, а потом печально промолвил:

— Я, сынок, смотрю в свое будущее, если, конечно, доживу до возраста этого старика.

— Нет, пап, ты не прав! — весело возразил мальчик. — Будущее человека — это холмик с надгробным камнем, а за этим будущим есть еще и другое будущее — ни холмика, ни надгробного камня, ни памяти о нем — словом, ничего.

Шими был неприятно поражен замечанием мальчика. Он невольно подумал, что сын, видно, слышал эти слова от какого-нибудь умника или кто-то рассказал ему сказку, заключающую в себе

такую печальную мысль. И он вдруг, рассердившись, закатил сыну звонкий подзатыльник. Мальчик, который скорее ожидал от отца если не похвалы, то по крайней мере одобрения за такое “умное суждение”, потирая рукой шею, плачущим, протестующим голосом вскричал:

— За что?!

— За что? Ты лучше, негодник, смотри себе под ноги и вокруг, чтобы не спотыкаться на каждом шагу, как слепец, чем так далеко смотреть в... будущее, — произнес разозленный отец.

ВЫЛЕЧИЛСЯ ОТ СЛЕПОТЫ

СЫНА одного из близких знакомых Шими назначили каким-то большим начальником. Шими хорошо знал этого молодого человека. Держался он очень скромно, был уважителен к старшим, с большим почтением относился к друзьям своего отца, особенно к Шими. И Шими был рад его назначению.

Но после того как он стал хакимом, в характере и поведении молодого человека начали происходить явные перемены. А вскоре от его прежней скромности не осталось и следа. Он ходил важно, задирая нос, не замечая никого вокруг. Даже при встрече с Шими он делал вид, что не видит его, точно в такие минуты на него находила слепота. Шими в душе возмущался, но гордо молчал.

Зато молодой начальник сразу преображался при встрече с человеком выше себя “по чину”: рассыпался перед ним мелким бисером, подобострастно улыбался, сгибаясь в почтительном поклоне.

Но не долго пришлось зазнававшемуся выскочке оставаться на должности. За какие-то неблагоприятные дела и злоупотребления по службе ему дали, как говорится, по шапке.

На второй день после этого несостоявшийся начальник как-то вновь встретил старика Шими. На этот раз он сразу поспешил к нему с протянутыми для приветствия руками, всем своим обликом выражая почтение и радость по случаю встречи с ним, как это он делал всегда, пока не ходил в начальниках. Но старик Шими, не отвечая на его приветствие, тут же повернулся к нему спиной и, молитвенно воздев кверху руки и глаза, громко воскликнул:

— Слава тебе, Господи, что Ты вернул этому человеку зрение, вылечил его от слепоты!..

КАК ШИМИ “РАЗВОДИЛСЯ” СО СВОЕЙ СТАРУХОЙ

(Второе письмо Шими автору)

МИР и здоровье тебе, сын мой!..
Не знаю, как и с чего начать, — голова кругом идет. Такая беда со мной стряслась — хоть волком вой! Виновата во всем моя старуха, ой, да чтоб ее трясла болотная лихорадка! Сказано же: “От жены начало греха, и через нее все мы пропадем”, пропади она пропадом! Но я постараюсь взять себя в руки и рассказать тебе все как можно короче и по порядку. Вот послушай.

Последние два года, как ты знаешь, я работал заведующим колхозной животноводческой фермой. Хотя по закону я давно пенсионер, и, казалось бы, чего мне, старому, нужно? Сиди дома, копайся потихоньку в своем огороде, забавляйся с внучатами, дай бог им здоровья, болтай со своей старухой о всякой всячине и не суй свой нос куда не следует. Но мне, будь я неладен, не сидится дома, точно бес в меня вселился. Знаешь, с другой стороны, меня тоже можно понять. Всю жизнь привык на работе, с людьми, а со старухой я и раньше не находил общего языка. Люди мы совсем разные, хоть столько лет муж и жена... Но не об этом сейчас разговор. Я хочу сказать, что пенсионером я числюсь только на бумаге, а все эти годы продолжаю работать.

Ты, наверно, про себя думаешь: ну что, мол, тут плохого? При чем тут твоя старуха, “болотная лихорадка”, “начало греха” и все такое прочее?.. А я, сын мой, не говорю, боже упаси, что плохо. Наоборот. Я рад, что у меня, несмотря на преклонные годы, есть еще, как говорится, порох в пороховницах — могу работать. А что касается ее, моей старухи, вот о ней сейчас я и поведу речь.

Позавчера утром приезжаю верхом на своем осле с фермы домой, чтобы прихватить табак для кальяна, сменное белье и еще кое-что необходимое, поцеловать своих милых внуков и тут же, в добрый час, вернуться обратно на ферму. Открываю калитку, смотрю: что за черт? Никак моя старуха взбесилась или сошла с ума? Одной рукой размахивая железным вертелом, точно шпагой, а другой, извини, — своей просторной юбкой, она в сильном возбуждении гоняется за нашим красным теленком по двору и кричит как оглашенная.

Я подхожу к ней, с трудом останавливаю ее и спрашиваю:

— Ай, жена, что все это значит? Почему ты такой харман¹ устроила во дворе?!

¹ Харман — ток, где по кругу гоняют одну или несколько лошадей с молотильными досками для обмолота зерна.

Старуха моя, еле переводя дух, указывает своей “шпагой”, то бишь вертелом, на взмокшего теленка, у которого от долгого бега бока ходили как кузнечные мехи, и чуть ли не со слезами в голосе говорит:

— Да чтоб он сдох! Не теленок, а сущий разбойник и чудовище какое-то! — и, потрясая перед моим носом, извини опять, своей юбкой, добавляет: — Повесила на веревке свою новую праздничную юбку, а он, проклятый, половину ее съел...

Я только сейчас заметил изжеванные и изорванные края, извини, жениной юбки. Но не успел я и рта раскрыть, как она, моя благоверная, поставила мне, как сказали бы в таком случае вы, ученые люди, “ултибатум”: или я сейчас же пойду в магазин и куплю ей подходящий материал для ее новой, извини опять, юбки, или же она сживет со света эту “зловредную скотину”, то есть нашего красного теленка.

С моей старухой, ты знаешь, лучше не спорить — жизни рад не будешь. Наши женщины обычно такие послушные, сговорчивые, муж для них Бог и царь. А эта!.. Именно мне должно было выпасть “счастье” стать ее мужем... Одним словом, пока я шлялся по магазинам, а затем на своем ослике добирался до фермы (от города до нее как-никак десять километров), там произошло такое столпотворение, какое может присниться человеку только в кошмарном сне.

В то самое время, когда пастух собирался вести стадо на водопой, у него вдруг неожиданно прихватило живот. День был жаркий, хоть яичницу жарь на солнце. Пока пастух сидел в кустах и тужился, истомленные жаждой животные, не дождавшись его, сами, следуя друг за дружкой, поплелись к ручейку, что течет неподалеку от фермы. Поистине: “Когда волк забредает в отару, чабана тянет по нужде”. А перед этим, как на грех, на винзаводе соседнего совхоза из огромной цистерны хлынул, как вино из прорвавшегося бурдюка, коньячный спирт прямо в ручей, из которого животные пили воду.

Не знаю, одни говорят, что это произошло по чистой случайности, а другие — наоборот: содержимое в цистерне оказалось, мол, лишним, ни в каких документах не зарегистрированным и предназначено для продажи “налево”. Поскольку в это время в колхоз неожиданно нагрянули ревизоры, оказавшиеся в отличие от иных своих коллег на редкость честными и неподкупными, работники винзавода решили любым путем избавиться от этой “лишней” цистерны, подвели к ней пожарный шланг и весь спирт, содержавшийся в ней, без шума, шито-крыто, вылили в ручей.

И вот мои бедные животные после такого “водопоя” стали как очумелые. Козел сразу, возомнив себя Бог знает кем, пошел драть-

ся с буйволом. Быки сошлись между собой в яростной схватке и начали бодаться, с грохотом ломая друг другу рога. Коровы сбились в кучу и, задрав кверху пьяные морды, затеяли такой хоровод, что их разноголосое, но дружное мычание я услышал еще за версту не доезжая до фермы.

Как раз в разгар происшествия черт принес на ферму нашего председателя, который зол на меня как сатана, а почему — потом узнаешь. Приехав на ферму и увидев воочию такие чудеса, он сразу кинулся искать пастуха — пастуха нет (он все еще сидит в кустах, как несущка на соломе), ищет меня — и меня нет. Тогда председатель взялся сам, один на свой страх и риск наводит порядок. Схватив большую палку, он давай без разбору колошматить ею “пьяных дебоширов”, пытаясь загнать их в коровник и запереть там, пока они не протрезвеют, тем более что некоторые животные, воспользовавшись отсутствием пастуха, изрядно потоптали кукурузное поле, находящееся рядом с водопоем. А животные в свою очередь, то ли под винными парами, то ли вспомнив свою кровную обиду на председателя (что за обида — узнаешь потом), оставили свои затеи и, выставив вперед рога, с угрожающим ревом кинулись на него. А председатель, понятно, испугавшись не на шутку взбунтовавшихся быков и коров, бросил палку — и дай Бог ноги.

Теперь самый раз рассказать тебе, почему председатель, чтоб он провалился, еще раньше, до этой “пьяной свалки” животных на ферме, невзлюбил меня как своего врага и что за обида у животных на него, о которой я только что упомянул.

Но для этого сначала я должен, сын мой, поставить тебя в известность, что надоев от наших буренушек кот наплакал. Откуда же быть высоким надоям, если бедная скотина питается одним подножным кормом или сухим сеном и соломой: ни тебе силоса, ни комбикормов. Который год силосная яма на ферме пустует, как, извини, желудок правоверного в дни святого поста. А разговоров о силосе хоть отбавляй. Редкое проходит у нас колхозное собрание, чтоб наш председатель не заговорил о сочных кормах, о том, как надо повысить надои. Но он говорит одно, а делает другое. Хозяйство у нас, как ты знаешь, садово-виноградарское, а животноводство вроде сбоку припеку.

Я обо всем этом рассказал недавно на районном совещании животноводов. Наверно, там были и ребята из газеты. Вскоре в ней появилась эта самая “каркатура” на нашего председателя, как он, стоя на краю огромной пустой силосной ямы, засучив рукава, железными вилами швыряет в нее вместо зеленой массы ворохи бумаж со своими речами и решениями правления колхоза о заготовке силоса, увеличении надоев... А тут не прошло и двух недель после

того, как случилась эта самая “массовая пьянка” моих коров и быков, во время которой наш председатель едва спасся бегством.

В тот же день председатель, вернувшись в контору, первым делом распорядился отстранить меня от должности завфермой и обязать возместить ущерб, нанесенный колхозной кукурузе.

На следующее утро я выехал домой расстроенный и злой. Но больше всех я был зол на свою старуху, пропади она пропадом со своей злополучной, извини, выходной юбкой. Ведь приди я в тот день хотя бы на час раньше, вся эта кутерьма могла бы не произойти.

Чтобы облегчить душу и утрашить свою старуху, я решил нарочно дать ей талогъ по обычаю. Для мужчины дать жене талогъ, сам знаешь, пара пустяков. Объявил ей талогъ или написал от руки разводное письмо о том, что, я, мол, твой муж, увольняю, удаляю тебя, короче — даю по шапке, — и все тут. А она, моя старуха, женщина набожная, признает браки и разводы только по обычаю.

Когда я передал ей разводное письмо и сказал, что там написано, я-то по простоте своей думал, что она, узнав об этом, сразу испугается, будет просить, умолять меня не делать этого, не срамить ее на старости лет перед детьми и людьми. А она, едва выслушав меня, уперла руки в боки, как гуччи¹, и как пошла честить и бранить меня.

— Кого, говорит, это ты хочешь увольнять-удалять, рожа твоя бесстыжая? Я не прислуга в этом доме, а хозяйка! Коли, говорит, пришла тебе такая блажь в голову или на старости вздумал взбеситься — взять себе молодую жену, — сам убирайся на все четыре стороны!..

И она тут же бесцеремонно выставила меня за дверь и с того дня близко на порог не пускает... Одним словом, чего тут долго тянуть, со мной и на этот раз получилось как в известной поговорке: “Думаешь, поймал, а смотришь — сам попался”.

Прошу, молю тебя, сын мой, ради нашей многолетней дружбы, как получишь это письмо, оставь все свои дела и мчись сюда как на пожар, помири жену со мной. Старуха никого не слушает, а тебя она уважает, любит как родного. Может, тебе удастся уговорить, уломать эту строптивую женщину. Вся надежда на тебя.

До скорой встречи. Остаюсь твой преданный по гроб жизни

Шими Дербенди

¹ Гуччи — сорвиголова.

КАЖДЫЙ САМ СЕБЯ ЛУЧШЕ ЗНАЕТ

ОДНАЖДЫ в летний вечер, после короткого, но шумного проливного дождя, Шими вышел из дому прогуляться на свежем воздухе. Пройдя несколько шагов, он неожиданно натолкнулся на пьяного, который растянулся на мокром тротуаре, прямо среди лужи, и громко храпел во сне. Шими сразу узнал в нем известного в городе выпивоху, от которого вечно плакали его бедная жена и дети. Возле него озабоченно хлопотал молоденький милиционер. Склонившись над ним и тряся его за плечо, он просил, умолял его, чтобы тот проснулся и отправился с ним домой. Но пьяный был в таком бесчувственном состоянии, что, казалось, бухни сейчас из пушки над его головой, он и тогда не пошевелится.

— Ай, сынок, зачем ты его напрасно уговариваешь? — обратился Шими к милиционеру. — Если бы этот несчастный мог подняться и пойти на своих ногах, он это сделал бы и без твоей помощи. И дорогу домой сам бы нашел — не слепой и не маленький.

Милиционер выпрямился, посмотрел на Шими и растерянно произнес:

— А что делать?

— Ничего не надо делать, — твердо произнес Шими. — Как лежит, так пусть и лежит до утра. Ночь теплая, короткая; поверь мне, ничего с ним не сделается. Зато утром, когда он проснется с больной головой и увидит себя валяющимся в луже, ему, может, станет стыдно, в другой раз он этого не делает.

— Может, оно и так, как вы говорите, — озадаченно произнес молоденький милиционер, — но все-таки, все-таки человек же он, а не, извините, хрюшка какая-нибудь.

— Ему, сынок, видно, лучше знать, кто он такой, — с грустной усмешкой возразил Шими. — Иначе разве он предпочел бы мутную лужу на открытой улице мягкой чистой постели у себя дома?..

ОСЛОМ ПОЕХАЛ, ОСЛОМ ПРИЕХАЛ

ОДИН молодой парень, родственник Шими, с ветром в голове, на папины денежки отправился путешествовать по Европе. Когда он вернулся на родину, домой, то всех поразил своим внешним видом: на нем была пестрая рубашка с изображением каких-то ползучих гадов и диких зверей, короткие штаны выше колен, а длинные, косматые волосы как у странствующего дервиша.

Старик Шими, не скрывая своей неприязни к его наряду, все же решил спросить у него, как выглядят страны, где ему удалось побывать, каковы обычаи и нравы населяющих их народов, что он заметил там хорошего, достойного внимания и похвалы, а что плохого, заслуживающего сожаления. “Путешественник” так и не смог ответить толком на вопросы любопытного старика. Зато восторженно и многословно принялся рассказывать о ночных кабаре и других зланных местах, где он ел, пил, веселился, о новых тогда прическах и танцах: шейке, джерке, халли-галли. Не зря же говорится: “Умный скажет, что он видел, а дурной — что ел и пил”.

На следующий день один из знакомых стариков, встретив Шими на улице, спросил:

— Ай, Шими, говорят, твой родственник ездил в заморские края. Что он там видел, слышал?

Шими, нахмутив брови, сердито сказал:

— Ничего не видел, ничего не слышал: ослом поехал, ослом приехал, только сбрую сменил...

“Как Шими получил золотой червонец за то, что поцеловал великую княгиню”

“НА БРЫКАНИЕ ОСЛА НЕ ОБИЖАЮТСЯ”

ВОДНО ясное майское утро Шими один прогуливался в городском саду, дымя кальяном. Он с блаженной улыбкой на лице прислушивался к веселым птичьим голосам, радостно смотрел на синее чистое небо, наслаждался видом ярких цветов и изумрудной травы, что пестрым ковром расстелились вокруг деревьев, и, вдыхая их аромат, думал о том, как прекрасен божий мир. И как жаль, что жизнь человеческая очень коротка, поэтому тем более обидно, что, несмотря на эту очевидную истину, есть люди, которые забывают об этом и творят дурные дела, причиняющие другим боль, зло, огорчение. Нередко они это делают из эгоизма или из-за своего скверного характера, а то и просто от глупости.

В это самое время, когда под впечатлением чудесного весеннего утра лирически настроенный Шими рассуждал о высоких материях, предаваясь возвышенным мыслям, он вдруг почувствовал, как кто-то грубо ударил его ногой в зад, и тут же услышал за своей спиной чей-то громкий самодовольный смех. От неожиданного удара изо рта выпала трубка, а сам Шими едва удержался на ногах. Чудесное и вместе с тем слегка грустное настроение, в котором он только что пребывал, сразу покинуло его. Удивленный и рассерженный, Шими повернулся назад и увидел перед собой какого-то подвыпившего и весело хохочущего молодого человека. Но тот, взглянув на Шими, сразу обомлел и принялся просить у него прощения.

— Дядя Шими, не обижайтесь на меня, — со смущенной, виноватой улыбкой проговорил он, отдавая Шими сивушным перегаром, — я сзади принял вас за своего дружка-приятеля, с которым мы частенько подгуливаем. Я просто хотел подшутить над ним.

— А мне показалось, что меня брыкнул осел, — произнес Шими, едва скрывая досаду, и, немного подумав, добавил: — А на брыканье осла не обижаются.

“ОДИН ЛАЕТ, ДРУГОЙ КУКАРЕКАЕТ”

ШИМИ и его сосед, как и положено близким соседям, жили в дружбе и добром согласии, делились между собой своими радостями и горестями, нередко оказывали друг другу разные услуги. Но с некоторых пор между ними пробежала черная кошка, и этой злополучной “кошкой” оказалась собака, которую сосед завел у себя во дворе. В отличие от прочих дворовых собак она как начинала с вечера лаять, так и продолжала до самого утра. Больше того, пес взял за привычку по ночам забираться к Шими во двор и протяжно выть прямо под окнами его спальни, точно в доме находился умирающий больной или покойник. Разбуженный среди ночи, Шими как ужаленный вскакивал с постели и метался по комнате, не в состоянии уснуть, а потом весь день чувствовал себя разбитым и ходил словно в воду опущенный.

Несколько раз Шими жаловался соседу на его собаку, но тот, не желая расставаться с ней или просто считая сетования Шими обычным старческим брюзжанием, пропускал все мимо ушей.

Один раз ночью, окончательно выведенный из себя очередной собачьей “серенадой” под своим окном, Шими вскочил с постели, схватил на кухне швабру и, несмотря на ночную прохладу, выбежал во двор в одном исподнем, чтобы порядком наказать осточертевшую собаку. Когда Шими в гневе замахнулся шваброй на пса, тот, ловко увернувшись от удара, забежал сзади и укусил его за ляжку.

Сосед Шими на следующий день, узнав об этом происшествии, вместо того чтобы извиниться перед стариком, выразить сожаление, злорадствовал посмеиваясь, да еще и в разговоре с другими, не боясь греха, преподносил дело так, будто в этой злополучной истории виноват сам Шими, а не его полоумный пес.

После этого Шими, затаив обиду на соседа, перестал с ним разговаривать и решил отомстить ему. Орудием своей мести Шими избрал своего красноперого петуха, очень горластого, задиристого и любвеобильного. К ночи он поил петуха вином, затем забирался с ним на высокое дерево, что росло в углу его двора, возвышаясь над крышей соседского дома. Привязав петуха за ногу к ветке дерева, Шими оставлял его там до утра. И пьяный петух, под воздействием винных паров потеряв ощущение времени, без умолку кукарекал всю ночь над самым ухом соседа, не давая ему спать.

Петух за короткое время так пристрастился к вину, что стал горьким пьяницей. Устав до изнеможения, оттого что бодрствовал до утра, надрывая горло, он почти весь день обессиленно дремал возле курятника, потеряв интерес к своим многочисленным подру-

гам. Зато вечером, наевшись до отвала и напившись вдрезину, он с новой силой всю ночь напролет кричал как оглашенный над крышей соседского дома.

Однажды, спустя много дней после этого случая, между друзьями Шими, коротавшими время в городском сквере за непринужденной беседой, как-то зашел разговор о соседях. Каждый говорил что-то хорошее, приятное о своем соседе. Один только Шими молчал, точно воды в рот набрав.

— Ай, Шими, что ты молчишь, не скажешь, каков твой сосед, как живешь с ним, довольны ли вы друг другом? — спросил его один из друзей.

— Как живем? — переспросил Шими, сурово нахмурившись. — Жили когда-то как нормальные люди и добрые соседи, а сейчас живем так: один всю ночь до утра лает, а другой — кукарекает.

“С ВОЛКОМ ОВЦУ СЪЕЛ, А С ХОЗЯИНОМ ПЛАЧЕТ”¹

КОГДА Шими одно время работал заведующим колхозной птицефермой, с ним приключилась еще и такая история. Однажды ночью, когда он спал без задних ног и видел приятные сны, волк забрался в хлев и задрал его осла. Шими узнал об этом на следующее утро, когда пришел проведать осла и задать ему корму. Его дворовый пес, прозванный им за острую морду, рыжую масть и хитрые повадки Туьлки², в этот момент с красной от крови мордой жадно доедал то, что осталось от несчастной скотины.

Охваченный яростью, Шими забежал обратно в дом, схватил свое старое одностольное охотничье ружье с потрескавшимся прикладом и бросился на собаку. Та, заметив в руках хозяина ружье и видя свирепое выражение лица, сразу почуяла угрозу для своей жизни. Сорвавшись с места, Туьлки с жалобным визгом и хриплым лаем, поджав хвост, пустилась бежать во все лапчатки.

Шими, бегая за собакой, на ходу вскинул ружье, готовясь выстрелить, но жена, которая тоже в это время находилась на ферме, догнала мужа и в ту самую минуту, когда Шими должен был произвести выстрел, схватила его сзади за подол бешмета. Выстрел прозвучал, но пуля, как в шутку говорят солдаты, “пошла за молоком”.

Шими, злой, сердитый, со взъерошенными усами и бородой, резко повернулся к жене и принялся ругать ее.

— Ай, жена, да чтоб ты провалилась! — вскричал Шими в сердцах. — Почему ты не дала мне порешить этого проклятого пса, отмстить ему за нашего осла?!

— Ай, муж, волк съел осла, зачем из-за этого собака должна плачливаться своей жизнью? — ответила жена.

Ее слова еще больше разозлили Шими.

— А потому, глупая ты женщина, — возражая ей, запальчиво произнес старик, — если дерево перестает плодоносить, то его срубают на дрова, если кошка не ловит мышей, ее прогоняют, а если собака не сторожит добра своего хозяина, ее бьют или убивают. — И Шими, ударив себя кулаком в грудь, со злой решимостью добавил: — И я убью этого дрянного пса!

На следующее утро Шими, все еще удрученный и подавленный, вышел во двор и устало опустил на край веранды. Туьлки нигде не было видно. Да он и не искал ее, не думал о ней. Гнев на со-

¹Пословица.

²Туьлки — лиса, лис — воплощение хитрости.

баку уже почти остыл, но тяжесть от потери любимого осла, который умер лютой смертью, наполняла душу Шими щемящей болью и острой жалостью, на глаза навертывались непослушные слезы.

Вдруг недалеко показалась Тульки. Она, увидев хозяина, не повернула назад, не убежала, а сразу легла на живот и замерла в напряженном ожидании. Но, видя, что хозяин не кричит, не прогоняет ее, Тульки сначала робко, а потом смелее принялась ползти к нему, виновато, заискивающе глядя в глаза хозяину и приветливо махая хвостом. Поняв, что хозяин сейчас хоть и очень печален, но не настроен враждебно и ей ничего особенного не грозит, она подступила к нему вплотную и села напротив Шими. Подняв вверх острую лисью морду и время от времени соболезнующе глядя в печальные глаза хозяина, Тульки завывала громко, жалобно и тоскливо, с рыданием в голосе, точно оплакивала с ним его погибшего осла.

Даже Шими, хорошо знавший лисий нрав своего пса, был немало удивлен этим его нахальным и бесстыжим поведением. И он не злобно, но с обидой и упреком сказал псу, точно разговаривал не с бессловесным животным, а с человеком, полным хитрости, лицемерия и коварства:

— Ай, Тульки, да чтоб ты сдохла! Почему ты, окаянная, не выла, не лаяла вчера ночью, когда волк забрался к нам во двор, напал на осла? Про таких, как ты, видно, говорится: “С волком овцу съел, а с хозяином плачет”...

КАК ШИМИ ПОЛУЧИЛ ЗОЛОТОЙ ЧЕРВОНЕЦ ЗА ТО, ЧТО ПОЦЕЛОВАЛ ВЕЛИКУЮ КНЯГИНЮ

ЭТОТ небывалый случай произошел в разгар первой мировой войны, летом тысяча девятьсот шестнадцатого года, когда в древний Дербент пожаловал двоюродный брат царя – великий князь, генерал от кавалерии – для проверки боеготовности и инспектирования войск Дербентского гарнизона¹.

Очевидцы рассказывали, что это был человек картинной и внушительной внешности: высокий, осанистый, статный, с огромными, загнутыми, как бараньи рога, усами, длинными густыми бакенбардами, с надменным и чуть грозным лицом. Его богатырскую грудь, увешанную орденами, украшала широкая голубая шелковая лента поверх блестящего парадного мундира.

Приехал его высочество не один, а со своей супругой, немецкой княгиней, которая за много лет замужества за членом русской императорской фамилии так не научилась или просто не захотела выучиться более-менее сносно изъясняться по-русски. В отличие от великого князя, ее супруга, молодящаяся дама лет пятидесяти была невысокого роста, притом пышная, белолицая и разрумяненная, с мягкими чертами лица и приветливой улыбкой на алых губах. Ввиду очень жаркой погоды она была одета в тонкое белое шелковое платье без рукавов, с глубоким вырезом, обнажавшим ее высокую грудь, а белокурая голова с длинными локонами ничем не прикрыта.

От вокзала до центра города высокородные супруги шли под руку, под звон церковных колоколов, в торжественном сопровождении гарнизонного оркестра, генерал-губернатора Дагестанской области, группы офицеров, представителей городской власти и местной знати. За ними увивалась большая, беспорядочная любопытная толпа обывателей и зевак, среди которых был и молодой батрак Шими.

Весь облик и поведение жены великого князя вызывали у Шими искреннее изумление. Он первый раз в жизни видел, чтобы

¹ Из-за постоянных сложных отношений России со своими южными соседями – султанской Турцией и шахским Ираном, – нередко выливавшихся в кровопролитные войны, русские цари держали в Дербенте крупный гарнизон. Отсюда часто перебрасывались прошедшие хорошую военную подготовку полки и батальоны для участия в боевых действиях на русско-турецком или русско-персидском фронте. Поэтому Дербентский военный гарнизон находился под особым контролем и попечением военного министерства царской России.

женщина ходила под руку с женщиной, пусть даже этот мужчина — ее муж, с оголенными руками, открытой грудью и непокрытой головой.

Еще больше поразился Шими, когда кто-то в толпе начал с самым серьезным видом рассказывать, что ее высочество ест и пьет за одним столом с посторонними мужчинами. При муже она любезничает с ними, танцует в обнимку, позволяет им целовать свою руку и даже щеки, строит глазки. А он, как ни странно, несмотря на свое царское происхождение и грозный вид, не только не возмущается этим, не прогоняет бесстыжую жену, не дает ей талогь, но и весьма благосклонно относится к таким ее непристойным выходкам и причудам. И самое удивительное то, что ему все это как будто даже нравится.

“А что, если и я пойду поцелую эту ветреную мотишке!¹? Может, ее муж даже деньги за это заплатит мне, бедному человеку?” — с веселым озорством подумал Шими. И он тут же решил осуществить свое намерение.

Надо сказать, что при всем своем чудачестве и при том, что он сейчас увидел и услышал, Шими наверняка не рискнул бы так безрассудно поступить, если бы накануне, в духане, не пропустил несколько стаканчиков крепкого вина, которым угостил его один щедрый знакомый. Поэтому сейчас Шими был сильно под мухой, а пьяный человек, как говорится, сродни сумасшедшему.

Охваченный дерзостью, но заманчивой мыслью, Шими со всей энергией молодости, стремительно прорвавшись сквозь густую толпу, подскочил к пышнотелой жене великого князя и, схватив ее в объятия, с жаром поцеловал в обе щеки. Но в ту же минуту, увидев над своей головой обнаженные сабли разъяренных офицеров, угрожавших ему расправой на месте, Шими от страха моментально отрезвел и тут же, уронив голову на грудь женщины, принялся громко выть и причитать, приведя всех в еще большее изумление.

Из того, что говорил Шими сквозь рыдания, можно было понять, что у него была холе², которая недавно ушла в лучший мир. Она была такой же небесной красоты, как ханум-мотишке, и очень, как две половинки одного прекрасного яблока, на нее похожа; он, Шими, любил ее как родную мать. Поэтому, когда он увидел ханум-матушку, был так взволнован, что неудержимая сила потянула его к ней...

¹ Слово “*мотишке*” в татском и некоторых языках народов Дагестана, видимо, происходит от русского слова “матушка”.

² *Холе* — тетя по матери.

Немецкая жена великого князя — несмотря на присутствие рядом мужа, бравого генерала, и группы вооруженных офицеров, — которая еще минуту назад едва не лишилась чувств от страха и не задохнулась не столько от железных объятий этого дикаря, сколько от мерзкого запаха пота, прокисшего овечьего сыра, чеснока и уксуса, исходящего от грязной, рваной одежды Шими, и особенно от его лохматой бараньей папахи, тут же простила ему его проступок.

Будучи, видно, женщиной доброй, мягкосердечной, доверчивой и сентиментальной, она все же была растрогана и по-женски польщена словами отчаянно рыдающего Шими. И чтобы разрядить грозовую атмосферу, возникшую вокруг этого странного происшествия, и достойно выйти из этой неловкой ситуации, в которой она оказалась помимо своей воли, великая княгиня решила придать всей этой истории случайный и вместе с тем чрезвычайно забавный, безобидный и трогательный характер. Поэтому она, с присущей великосветской даме непринужденностью, мило улыбаясь окружающим ее с супругом офицерам, произнесла своим спокойным, мягким, певучим голосом:

— Какой карю-ши мучижок! Какой слафни! Как он, педни, любит свой тютюшка!..

И она тут же, обращаясь к мужу, попросила его выдать “педному, слафному мучижку” золотой червонец...

КАК “БОГ” ПОДШУТИЛ НАД БЕДНЯКОМ ШИМИ

ОДНАЖДЫ Шими привел своего осла пастись на зеленую лужайку, расположенную у подножия горы за дербентской крепостной стеной, возле овечьего источника знаменитого Шахбулага — источника с кристально чистой и вкусной водой¹. Как раз в то время, когда Шими стоял у дороги на краю лужайки и наблюдал за ослом, мимо него с шиком, обдав его облаком пыли, прокатил черный блестящий фаэтон, на котором в обнимку с юной и очень красивой женой проехал один из местных богачей, тучный мужчина с реденькой, жидкой бороденкой. Шими долго, с волнением и завистью смотрел им вслед, пока фаэтон не скрылся из виду. Потом он, подняв глаза к небу, принялся жаловаться Богу на свою безрадостную долю.

— О Боже! О Праведный Судья! Ты хоть раз в жизни обрадовал бы меня, бедняка, — громко взмолился Шими. — Ведь как-никак я тоже Твое создание, как этот богач, который только что проехал на фаэтоне с женой, подобной райской красавице. У него в самом центре города стоит такой великолепный дворец, что сам султан турецкий не постеснялся бы жить в нем, а сады и виноградники его раскинулись от горы до самого моря. У меня же, молодого, здорового и собой недурного, — продолжал Шими свои сетования, — кроме вот этого облезлого ишака, некрасивой и сварливой жены, жалкой лачужки, нескольких паршивых кур в курятнике и хромого одногоглазого петуха, ничего нет. Почему мне такая участь? Где же, о Боже, Твоя справедливость?

Высказав свою жалобу Богу, Шими подошел к своей скотине, опустился на мягкую, пригретую солнечным теплом траву, вздремнул. В это время трое гуляк-весельчаков кутили возле источника и слышали, как Шими роптал на судьбу, жалуясь Всевышнему. Они решили, потехи ради, разыграть старика. Неслышно подкравшись к его ослу, гуляки прямо из-под носа Шими утащили животное и спрятали его в кустах терновника, что росли недалеко от источника. Крепко схватив осла за хвост и длинные уши, чтобы тот не вздумал бежать к хозяину, они стали наблюдать за дремавшим Шими. А тому в это время приснился сон. Во сне Бог, похожий на сказочного великана в образе человека с аршинной бородой (Шими пред-

¹Одни предания открытие этого источника связывают с приездом в Дербент шаха Аббаса I (1571–1587), героя многих персидских, азербайджанских и татских сказок, другие — с приездом в этот город знаменитого багдадского халифа Гаруна аль-Рашида (766–809), героя ряда сказок “Тысячи и одной ночи”.

ставлял его себе именно таким), обращаясь к нему с неба, кричал:

— Ай, Шими, о Мое создание! Я внял твоей мольбе! Встань, процеди глаза, и ты увидишь, как Я тебя сейчас обрадую!..

А на самом деле это кричал, даваясь от смеха, один из гуляк, спрятавшийся в кустах.

Шими сразу проснулся и с радостью вскочил на ноги. Но первое, что он заметил, — это исчезновение осла. Забыв сразу о Боге и его громогласном обещании, он с тревогой в душе бросился на поиски своей пропавшей скотины.

Расстроенный и подавленный, Шими уже потерял было надежду найти осла, как вдруг из кустов терновника, мимо которых он сейчас шел, навстречу ему с ликующим ревом, задрав высоко морду, выбежал его вислоухий. Шими жарко обнял своего четвероногого друга, прижался губами к его лобастой голове, с волнением и нежностью гладил по тощей шее и костлявой спине. Но когда волнение его улеглось, Шими, вспомнив о своей просьбе к Всевышнему и его обещании, подняв опять глаза к небу и вызывая у беспечных гуляк неудержимый хохот, голосом, полным горечи и обиды, воскликнул:

— Ай, Бог, да святится имя Твое! Как так можно?! Неужели для того, чтобы обрадовать меня, бедняка, Тебе надо было сыграть со мной эту некрасивую шутку: сперва спрятать моего осла, а потом помочь мне найти его?!

БОГ ВЕЛИК...

КОГДА Шими был бедняком, он однажды в ненастный осенний день сидел дома у печки, задумчивый и печальный.

— Ай, муж, ты чего так загоревал, повесил голову? — спросила его жена.

— Ай, жена, как же мне не горевать, — грустно промолвил Шими, — денег у нас нет, муки дома нет, работы тоже нет, а долгов столько, что голова пухнет, когда об этом думаю.

И Шими начал перечислять имена тех, у кого он взял деньги в долг, но еще не возвратил. Оказалось, их довольно много. Но жена, желая подбодрить упавшего духом мужа, сказала:

— Ай, муж, не изводи себя напрасно. Бог келе¹, как-нибудь расплатишься.

Как только жена это сказала, Шими горестно воскликнул:

— Ай, жена, я совсем забыл сказать: я Келе тоже должен. Он даже, сукин сын, в суд подал на меня за то, что не возвращаю ему долг...

¹ Келе — большой, великий; также имя.

КАК ШИМИ ДАВАЛ “ВЗЯТКУ”

ДИРЕКТОР автотранспортного предприятия, где работал таксистом один из внуков Шими, был нечист на руку: вымогал деньги у подчиненных, занимался разными махинациями и жил по-княжески. Несмотря на это, он слыл за человека делового и уважаемого, был на хорошем счету у вышестоящего начальства, чувствовал себя счастливым и мечтал о более высокой и более “доходной должности”. Единственное, что омрачало его настроение, — это то, что был он чрезмерно худ и не вызывал с первого взгляда особенного почтения к своей особе, то есть “не внушал”, не имел хотя бы более-менее подобающей номенклатурной фактуры. Поэтому он серьезно опасался, как бы этот внешний “недостаток” не послужил препятствием на пути его продвижения по служебной лестнице. Да и жена, как на грех, была под стать мужу — гремела костями. Несмотря на то что они как сыр в масле катались, каждый год ездили на лучшие курорты, однако так и оставались “фараоновыми коровами”, нисколько не прибавляя в теле. Это крайне огорчало и расстраивало супругов.

Узнав об их беде, старик Шими решил прийти им “на помощь”, но небескорыстно. Машина, на которой работал его внук, была очень старая. На ней даже небезопасно было везти пассажиров. Сам директор не раз с пренебрежительной усмешкой называл ее “старым драндулетом”, но упорно не хотел закрепить за водителем новую, ждал, пока недогадливый подчиненный смекнет наконец “подмазать колеса”.

Узнав об этом от внука, Шими крайне возмущился вымогательством его начальника, но потом решил “полюбовно” договориться с ним.

На следующий день Шими, прежде чем отправиться к директору, взял небольшую плотную картонную коробку, вышел во двор, где у него между аккуратно побеленных известью стволов цветущих яблонь, груш и черешни было расставлено несколько ульев. Подойдя к одному из них, в котором содержался особый вид медоносных пчел, именуемых в научной литературе по пчеловодству “пчелами крупными, злобными”, он осторожно вынул из него раму. Переложив в коробку около сотни этих насекомых и плотно закрыв ее крышкой, Шими бодро отправился к начальнику своего внука.

Встреча Шими с директором (как это принято в таких случаях еще со времен египетских фараонов, римских императоров и древнеперсидских шахиншахов между тем, кто дает взятку, и тем, кто ее

берет) происходила с глазу на глаз, без свидетелей. Шими, многозначительным жестом показав на коробку, без обиняков сказал начальнику, что, зная об их нужде, он раздобыл для него и его супруги “чудодейственное лекарство” от худобы у одного приезжего индийского мага и врачевателя. И что больные, которые пользуются этим его поистине волшебным средством, прямо на глазах начинают поправляться, полнеть. И он, Шими, конечно, надеется, что и уважаемый директор со своей стороны ответит добром на добро — даст его внуку новую машину вместо “старого драндулета”.

Несказанно обрадованный услугой Шими, директор тут же при нем позвонил своему заместителю, чтобы тот сегодня же выделил внуку Шими новую машину. Но как, в каких дозах и сколько раз в сутки следует принимать это “чудодейственное лекарство”, он от радостного волнения забыл спросить у старика Шими. Директор вспомнил об этом, когда того уже не было в кабинете. Как только он приехал на обед, то быстро скинул с себя пиджак и обувь и, прежде чем приняться за еду, решил посмотреть, что собой представляет это “чудо-лекарство”, которое дал ему Шими, и хоть чуточку попробовать его на язык.

Едва директор снял крышку с коробки, как из нее с сердитым и угрожающим жужжанием вылетел рой больших свирепых пчел, которые как звери набросились на него и его легко одетую жену, хлопотавшую за столом.

Муж и жена, спасаясь от пчел, как ошпаренные, выскочили из дома на улицу. Вскрикивая от боли и страха, отчаянно размахивая руками, они бежали так, словно состязались в беге. Чем быстрее они удирали и чем сильнее размахивали руками, стараясь отбиться от насекомых, тем яростнее преследовали и жалили их злые пчелы. И бежала супружеская чета, никуда не сворачивая, вниз, прямо к морю, чтобы хоть там, в воде, найти спасение от этих проклятых насекомых.

Несмотря на то что была только середина весны и вода в море еще холодная, почти ледяная, директор и его половина, опухшие от множества пчелиных укусов, с раздутыми, сине-багровыми лицами, едва достигнув берега, очертя голову бросились в воду.

Шими был доволен. Внук наконец получил долгожданную новую машину, а директору за оказанную “услугу” и его жене, как и было обещано, “чудодейственное лекарство” за какие-нибудь считанные минуты помогло “вылечиться” от... худобы.

КРОВЬ ЖЕНЫ

ОДНАЖДЫ с нашим достопочтенным Шими Дербенди приключилось большое несчастье: машина, на которой он ехал, потерпела аварию. Сам Шими сильно пострадал. Жена его, узнав, что для спасения мужа нужно срочно сделать ему переливание крови, попросила лечащего врача разрешить ей дать для больного свою кровь. Но Шими, который всю жизнь страдал от вздорного и несносного характера “полоумной”, как он считал, жены, несмотря на то что находился в полубморочном состоянии, услышав ее просьбу, сразу забеспокоился. Он тут же привстал на койке и громко запротестовал.

— Ни в коем случае! Боже сохрани! — закричал он на всю палату. — Пусть лучше я умру, чем ее дурная кровь потечет в моих жилах!..

ОСЕЛ С ДИПЛОМОМ

ПЛЕМЯННИК Шими был ленивым, непослушным и глупым юношей. В школе он не вылезал из двоек, чем причинял много огорчений и хлопот своим учителям и родителям. Ругая лоботряса, Шими нередко в сердцах обзывал его ослом, на что племянник сильно обижался на дядю. Поэтому Шими был очень удивлен, когда в один прекрасный день узнал, что “осел” попал в институт и учится в каком-то далеком городе.

Приехав домой на первые летние каникулы, племянник Шими, едва повидавшись с родителями, сразу поспешил к дяде — не столько для того, чтобы проведать старика, узнать о его здоровье, выразить ему свое почтение, сколько показать себя: вот, мол, гляди, каков я!..

Приехал он не один, а со своим земляком-однокурсником.

Шими радушно принял гостей, усадил за стол, потом, обращаясь к племяннику, спросил, как ему живется на новом месте, как дается учение. Тот точно ждал такого вопроса и, тотчас же приняв горделивый и самодовольный вид, сказал:

— Хорошо! Двоек по крайней мере у меня нет и не будет. И у тебя, дядя, больше не будет причины называть меня ослом.

— Ого! — весело воскликнул Шими. — Если это так, ты молодец, я рад за тебя.

Земляку-однокурснику, знавшему племянника Шими как плохо успевающего студента, явно не понравилось, что его товарищ так бесстыдно хвастается перед уважаемым стариком, скрывая от него правду. И он, не удержавшись, сказал Шими:

— Не он молодец, дядя Шими, а руководство нашего института, которое под видом “обеспечения стопроцентной успеваемости студентов” запретило ставить им двойки.

— А если студент не занимается, лоботрясничает или просто ему не удастся учение, как тогда? — спросил Шими.

— Все равно, — произнес юноша, — за двойку у нас несет ответственность не студент, а... преподаватель. Поэтому, хочешь не хочешь, тот вынужден поставить ему минимум тройку.

Но племянник Шими, нисколько не смущенный разоблачением со стороны товарища, с вызовом глядя на них, уверенно произнес:

— Неважно, как я учусь, а важно, что получу диплом.

Шими, услышав все это, даже расстроился. Он грустно посмотрел на племянника, а потом промолвил:

— В таком случае, сынок, как я вижу, диплом ты действительно получишь, но от этого не перестанешь быть ослом, разве только будешь дипломированным.

КАК ШИМИ ОТКАЗАЛСЯ ОТ НЕЗАСЛУЖЕННОЙ СЛАВЫ

СЛУЧАЙ, о котором пойдет речь в этой истории, произошел в застойные времена, когда разные приписки и очко-втирательство приобрели большое распространение.

В окрестностях животноводческой фермы колхоза, где работал Шими, с некоторых пор начала орудовать стая волков. Нередко они забирались на ферму и причиняли урон колхозной скотине. Чувствуя безнаказанность, хищники до того обнаглели, что перестали бояться даже людей. Однажды один из них, видно, самый матерый, напал на председателя колхоза, когда последний, выходя с фермы, садился в машину. Правда, председатель успел вовремя захлопнуть за собой дверцу перед самым носом оскалившегося хищника и дать, как говорится, тягу, но от пережитого потрясения заболел и лег в больницу. Находясь там, он дал указание выделить на две недели специальную группу из трех человек для уничтожения хищников в районе расположения фермы. В “специальную группу” вошли Шими, его звеньевой и бригадир.

За две недели “охотникам” удалось выследить и убить лишь одного волка. Перед тем как вернуться домой, они решили сочинить нечто вроде письма-рапорта председателю, который все еще находился в больнице. Написать письмо попросили Шими.

В первых же строках Шими от имени группы пожелал председателю “скорого и полного выздоровления”, а затем указал, что за две недели ею уничтожен один волк.

Звеньевой взял у Шими письмо и, прежде чем поставить на нем свою подпись, добавил ноль к цифре “1”.

— Пусть будет десять! Так их!.. — сказал он. — Зачем жалеть этих серых и притом признаваться в своей неудаче?!

Когда письмо перешло к бригадиру, он к нулю, приставленному звеньевым, добавил еще один ноль.

— Пусть будет сто, — сказал он. — И председателю приятно, что мы “уничтожили” столько волков, и нам — польза: будем на хорошем счету у своего руководителя, а может, и премию отхватим.

Шими был явно смущен и недоволен их поступком, но открыто сказать об этом не решился: они его начальники. Но после короткого раздумья он все же взял у бригадира письмо и, изобразив на лице искреннее сожаление, промолвил:

— Любезные мои! Поскольку я, недостойный, не участвовал в уничтожении столько волков, сколько, может, нет во всей нашей округе, совесть не позволяет мне примазываться к вашей громкой “славе”, поэтому я рву это письмо, где стоит и моя подпись.

Что он и сделал.

“Как Шими отказался от незаслуженной славы”

“ПОКОЙНИК” С ЛОШАДИНЫМ ХРАПОМ

ДОЧЬ Шими Дербенди, в добрый час, выходила замуж. Когда до свадьбы оставался всего месяц, жена решила отпавить Шими в один из больших городов, чтобы купить дочери хороший импортный мебельный гарнитур. Но Шими всячески пытался отговорить жену, убеждая ее в том, что у них у самих нет заграничного гарнитура, но обходятся же без него. Зачем им нужно залезать в долги? Разве его отцовская любовь и забота о дочери измеряется этими “лакированными импортными досками” или от них зависит ее будущее счастье с мужем? С него, старика, достаточно, что он воспитал хорошую дочь, дал ей специальность. Даст, конечно, кое-что необходимое для дома и хозяйства. А чего еще? Пусть молодые сами потом купят то, что им нужно, и на свой вкус, и на собственные трудовые деньги. Но жена заупрямилась: поезжай за импортным гарнитуром для дочери, и все тут!

Вдобавок ко всему жена настояла на том, чтобы в этой поездке Шими сопровождал ее брат, пьяница, дебошир и бездельник. Шими его терпеть не мог и всегда старался держаться от него подальше, как от смертного греха, стыдился, что он приходится ему родственником.

— Ты старый, рассеянный и легковверный, — твердила супруга, — тебя любой запросто обманет. А мой брат хоть и пьющий, но молодой и себе на уме. Он никому не даст обвести себя вокруг пальца.

Как Шими ни убеждал жену в том, что братец ее будет лишь помехой, обузой в дороге, натворит спяна что-нибудь, она твердо стояла на своем.

— Он дал мне страшную клятву: пока не вернется из этой поездки, и капли в рот не возьмет, — сказала ему старуха в ответ.

Шими скрепя сердце был вынужден согласиться и на это.

Зять и шури́н сразу же по приезде на место первым делом устроились в гостинице, а покупкой гарнитура решили заняться на следующий день, тем более что время уже было вечернее. Шими, уставший с дороги, разделся и лег отдохнуть, а шури́н, сославшись на то, что у него “кончилось курево”, ушел за табаком, пообещав быстро вернуться.

Вскоре Шими уснул так крепко, что проснулся лишь к утру. Но когда он увидел, что шурина в номере нет, нет и его одежды, сразу понял, что братец жены как ушел вчера с вечера, так больше и не появлялся. Старик начал волноваться: что с ним? Куда он запропастился? Пытаться найти его в этом большом незнакомом городе все равно что искать иголку в стоге сена.

Одевшись на скорую руку, Шими уже собирался идти, и без всякой надежды на то, что найдет шурина, когда в номер вошел милиционер. Он, вежливо поздоровавшись со стариком, попросил его пройти с ним в участок. Шими сразу понял, что неожиданный визит милиционера в такую рань связан с “загадочным” исчезновением брата жены. Он послушно, даже с некоторым облегчением молча последовал за блюстителем порядка.

Здесь, в участке, Шими, сгорая от стыда и кипя от злости, узнал о вчерашнем походе своего непутевого родственника. Оказывается, он вчера вечером, как только вышел из гостиницы, сразу же отправился в винницу, где просидел допоздна, пока не пропил все денежки, которые дала ему сестра на “карманные расходы”. Возвращался он последним трамваем, который был переполнен пассажирами, пьяный в дым. Все сиденья были заняты. Ему пришлось стоять, еле удерживаясь на ногах. Сбоку около него сидела, устало прикрыв глаза, какая-то тучная, румянолицая женщина средних лет с широкой грудью. У одной остановки трамвай вдруг резко затормозил, и пьяный, покачнувшись, упал как куль на колени пышнотелой дамы и, положив лохматую голову на ее грудь, как на пуховую подушку, в то же мгновение погрузился в глубокий сон. Испуганная женщина, едва успев крикнуть, лишилась чувств, а пьяного так и не смогли добудиться.

Наутро, когда “весельчак” очнулся в отделении милиции и его спросили, кто за него может поручиться и заплатить штраф, если его выпустят, он назвал своего зятя.

Заплатив штраф и поставив свою подпись под поручительством, Шими, не задерживаясь нигде, привел шурина в гостиницу и больше от себя не отпускал ни на шаг. От расстройства и волнения у Шими окончательно пропала охота заниматься покупкой импортного гарнитура. И он в тот же день выехал обратно вместе со своим ненадежным спутником.

В поезде Шими старался не спускать глаз с шурина, чтобы он опять не напился и не выкинул еще что-нибудь. А тот, чувствуя свою вину перед зятем, держался как раскаявшийся грешник, молчал, потупив взор, шумно вздыхал и почти не слезал с верхней полки.

Но на второй день брат жены преподнес Шими новый сюрприз. Выждав, когда зять уснет, он бесшумно слез со своей полки и тихо подкрался к нему. Осторожно запустив дрожащую руку в карман его бешмета, он вытащил оттуда кошелек с деньгами и тут же с радостным нетерпением устремился в вагон-ресторан. Вернулся он оттуда уже не на своих двоих — его принесли в бесчувственном состоянии. А до места прибытия оставалось всего несколько часов. Зная, что шурина теперь до следующего утра не добудишься, хоть

из пушки пали, сильно обеспокоенный этим, Шими на первой же большой станции дал жене следующую телеграмму-молнию: “Вместо импортного гарнитура везу тело твоего несчастного брата. Не забудьте прихватить носилки. Поезд такой-то, вагон такой-то. *Шими*”.

Получив такую телеграмму, потрясенная жена Шими решила, что ее брат отдал Богу душу, и стала сильно убиваться: какой ни есть — родная кровь! Кроме того, теперь, хочешь не хочешь, надо откладывать замужество дочери на целый год, поскольку обычай запрещает играть свадьбу в течение года после кончины близкого родственника.

Одетая в траур, она вместе с родственниками, захватив погребальные носилки и черное покрывало, чтобы накрыть покойного, с громким плачем и воем пришла встречать поезд. Но когда из вагона вынесли на свежий воздух носилки с “мертвецом”, тот вдруг, к изумлению всех, надув щеки, принялся храпеть громко, по-лошадному.

— Ай, муж, горе твоему уму! — всплеснув руками, воскликнула жена Шими, не зная, смеяться ей от радости, плакать или возмущаться поступком своего непредсказуемого супруга. — С чего это ты взял, что он покойник?! Если он покойник — почему храпит?

Шими, нахмутив брови, сердито посмотрел на жену, а потом запальчиво произнес:

— Ну и что?! Только и разница, что храпит!.. А в остальном он что ни на есть — настоящий покойник, только не погребенный...

НОВОГОДНЯЯ ИНДЮШКА

НА НОВЫЙ год старина Шими имел обыкновение собирать всех своих сыновей, дочерей и зятьев с детьми, чтобы провести праздник в полном сборе, в семейном кругу, весело и торжественно. А в канун Нового года он купил большую жирную индюшку с крашеными перьями на хвосте и поместил ее в сарае.

На следующее утро Шими, едва продрав глаза, сразу направился в сарай, чтобы зарезать индюшку к празднику. Но старик был очень удивлен и расстроен, не обнаружив ее на месте. Он кинулся искать ее повсюду, но она точно сквозь землю провалилась.

В то самое время, когда Шими искал свою пропавшую птицу, со двора соседа доносился аромат жареного мяса. Шими подошел к забору, чтобы посмотреть, что там делается. В середине двора соседкин сын, парень лет двадцати, известный во всей махале лоботряс и бездельник, большой охотник лазить по чужим сараям и курятникам, довольно потирая руки и отбивая ритм ногами, весело хлопотал вокруг горящего мангала, на котором жарилась большая индюшка. По крашеным перьям, которые валялись вокруг, Шими сразу понял, в чем дело...

Ничего не сказав, Шими вернулся в дом. Захватив веревку, он направился к соседу во двор. Делая вид, что ничего особенного не произошло, он вызвал из дому соседа и соседку, вежливо поздоровался с ними, поздравил их с наступающим Новым годом, а затем тут же направился в их сарай. Через несколько минут Шими вышел оттуда, таща за веревку козу.

— Ай, Шими, куда ты уводишь нашу козу? — спросили у него изумленные муж и жена.

— Как — куда? Зарезать, в добрый час, на Новый год, — совершенно спокойно ответил Шими.

— Ведь это наша коза, а не твоя?..

— Правильно — ваша, — спокойно произнес Шими. — Зато индюшка, которую сейчас жарит на мангале ваш милый сыночек, — моя. Считайте, что мы с вами обменялись новогодними подарками: от меня вам индюшка, от вас мне — коза. — И Шими, немного помолчав, со сладкой улыбкой добавил: — Что и говорить: очень приятно, когда соседи на Новый год делают друг другу такие подарки...

“ЕЩЕ ОДНО ТАКОЕ СЧАСТЬЕ...”

СЛУЧИЛОСЬ это на четвертом году горбачевской “революционной перестройки и нового мышления”, когда в самой большой стране мира, с богатейшими природными ресурсами, неоглядными земельными и водными просторами, мощной индустрией и передовой наукой, трудолюбивым и непритязательным народом, в один прекрасный день, точно по воле злого волшебника, с прилавков магазинов исчезли почти все продуктовые товары. Исчезли даже такие, казалось бы, мелочи, как мыло и табак, не говоря о мясе, колбасе, рыбе, ставших “нескромной” мечтой обывателей.

Рано утром старина Шими, захватив авоську своей старухи, бродил по улицам родного города в поисках табака и мыла, то и дело яростно почесывая спину, грудь и судорожно посасывая пустой кальян (уже которую неделю он не мылся в бане, не выкурил ни одной трубки). Но, очутившись на окраине города, на углу одной из тихих улочек Шими вдруг, к своей несказанной радости, увидел, как возбужденные и счастливые люди выходят из ближайшего магазина с пачками махорки в руках. И он сразу поспешил туда.

Магазин был полон народу. Стоявшие в очереди люди одни угрюмо молчали, другие, вступая в разговор между собой, говорили о всякой всячине, но больше всего о том, что наболело, заботило, волновало. Одна молодая женщина, качая головой, скорбным голосом доверительно рассказывала другой, о том, что ее муж — опытный инженер, специалист, уважаемый человек на производстве — в последнее время чуть ли не каждую ночь, когда в городе прекращается транспортное движение и улицы становятся безлюдными, с карманным фонариком в руке собирает окурки на автобусных остановках. А собеседница в свою очередь поделилась с ней своей бедой: с ее братом, заядлым курильщиком, приключился “никотинный обморок”. Встревоженная жена вызвала “скорую”. И первое, что сказал, вернее, прокричал брат, когда пришел в себя и открыл глаза: “Дайте курева, сволочи!..”

Как только Шими выбрался на улицу с пятью горьковато пахшими желтенькими пачками махорки (больше не давали), он дрожащими от нетерпения пальцами быстро набил свой вместительный кальян душистой махрой и жадно закурил. После первой глубокой затяжки голова его приятно закружилась, и мир неожиданно показался ему не таким уж неудобным и недобрым, как тогда, когда у него в трубке было совершенно пусто.

Настроение Шими еще больше поднялось, когда несколько часов спустя в другом магазине и в другой части города он достал ку-

сок хозяйственного мыла и два куса туалетного. Ему сегодня определено везло, как в счастливом сне, где нередко происходят чудеса и где невозможное становится возможным, а невероятное — очевидным. Пройдя улицу, он наткнулся еще на одну очередь у какого-то продуктового магазина, где давали копченую колбасу, притом — шутка ли сказать — по две “палки” в одни руки.

Старик, хотя изрядно устал, весь покрывшись испариной, а давно не мытое тело нестерпимо зудело, все же решил “лечь костыми”, но без колбасы не возвращаться.

Очередь Шими уже приближалась, когда по ней, как сигнал бедствия, прошел тревожный слух: “Колбаса кончается!..” Люди стали волноваться. Началась давка, шум. Послышались громкие требовательные голоса, чтобы выдавали на руки только по одной “палке”... Стоявшая позади Шими худая беременная женщина с огромным животом и бледным, болезненным лицом, боясь, что ей не достанется колбаса, вдруг сорвалась с места и, отчаянно работая локтями, стала пробиваться через толпу людей, сгрудившихся у прилавка. Но те с шумом и бранью быстро вытолкали ее вон, точно пробку из бутылки. А один из них, крупный дородный мужчина с багровым лицом и мутноватыми глазами, продолжая яриться на беременную женщину, громко требовал, чтобы кто-нибудь из находящихся рядом с ней “для интереса” ткнул ей пальцем в живот.

Возмущенная наглым призывом багрянолицего верзилы, какая-то маленькая, усохшая, полусогбенная старушенция с большой волосатой бородавкой на кончике носа, с палкой в руке, потрясая ею в сторону очереди, шепеляво закричала гневным тонким голосом:

— Вы што, окаянные, совсем шеловешский облик потеряли?! Ожверели от такой у шизни? Вы же можете ей ребеношка исказать!..

— А может, у нее, бабуся, там вовсе не ребенок, — отпарировал багрянолицый.

И будто в оправдание своего сомнения на этот счет, он начал рассказывать, как одна пожилая женщина, которая уже лет пять на пенсии, чтобы обмануть очередь, привязала к животу спальную подушку, будто “беременная”. Выдала ее старая подруга, с которой она работала в городской бане, но которая теперь была с ней в ссоре.

Другой вспомнил не менее “комичный случай”, как некая женщина, “тоже нахалка этакая”, с закутанным в одеяльце младенцем пыталась взять без очереди мясо. Но в тот самый момент, когда ей отвешивали говядину, ее изголодавшийся “младенец” вдруг начал трепыхаться в одеяльце, как рыбка, попавшаяся в сетку, а потом с диким мяуканьем и свирепым выражением на своей кошачьей мор-

де выпрыгнул прямо на весы перед перепуганной насмерть продавщицей.

Люди, в том числе Шими, слушая эти “смешные истории”, невольно смеялись, а иные, более восприимчивые к юмору, хохотали вовсю. Но минуту спустя многие из них, словно опомнившись, почувствовали жгучий стыд за свое неуместное “веселье”. Они, как и Шими, с горечью думали о том, что, сами того не сознавая, смеялись, в сущности, над собой, над своей постыдной жизнью, сделавшей их мелочными, хитрыми, неуважительными, а то и вовсе враждебными друг к другу. И что старушка с бородавкой на носу права...

Еще более двух часов пришлось Шими стоять в тот день у автобусной остановки, чтобы добраться до дому. Из-за нехватки бензина автобусы теперь ходили редко, с долгими, казалось, бесконечными промежутками. Некоторые из них, совершенно порожние, не останавливаясь, на полной скорости проносились мимо толпившихся в томительном ожидании измученных людей. Другие подходили битком набитыми, как сельди в бочке, пассажирами; даже с риском для жизни и здоровья в такой автобус просто невозможно было протиснуться, особенно людям пожилого возраста, не говоря об инвалидах, беременных женщинах и детях.

Уже вечерело, а Шими все стоял в ожидании автобуса. Постепенно настроение у него начало опять портиться. Так и не дождавись автобуса, голодный, уставший как черт от долгого стояния в трех очередях, удрученный, оскорбленный и униженный всем увиденным и услышанным, он еле живой добрался домой пешком.

Едва войдя в дверь, Шими бессильно уронил на пол авоську и в полном изнеможении опустился на стул. Старуха, рассмотрев покупки мужа — полукопченую колбасу, мыло, табак, — пришла в восторг.

— Ай, муж, какая радость! — воскликнула старуха. — Какое счастье, что ты сегодня...

Но Шими не дал ей договорить. Досадливо поморщившись, он замахал на нее руками, чтобы она замолчала, и тут же, одной рукой вытирая мохнатой папашкой мокрое от пота лицо, а другой неистово почесывая под рубашкой волосатую грудь, грустно промолвил:

— Ай, жена, не надо радоваться! Еще одно такое счастье, клянусь могилой твоего отца, и ты останешься вдовой...

КАК ШИМИ ВРАЗ ПРОГЛОТИЛ ДВЕ ЧУБАЙСОВСКИЕ “ВОЛГИ”

ШИМИ никогда не слыл обжорой, но и отсутствием аппетита тоже, слава богу, не страдал. Впрочем, об этом он не только не сожалел, наоборот, даже радовался, считая его добрым признаком хорошего здоровья и жизнелюбия.

Но так он думал раньше, в канувшие в Лету “застойные-застольные” времена. В последние же годы его здоровый аппетит стал ему в тягость, и он не раз досадовал на себя за этот, как он сердито выражался, “волчий аппетит”.

Да и как было не досадовать, не злиться, если его скромной трудовой пенсии при нынешних баснословных ценах на все и вся хватало, только чтобы перебиваться с хлеба на воду. Вот почему этот завидный аппетит в немыслимых условиях переходного периода от “варварского социализма” к “цивилизованному капитализму” казался старикам тяжким испытанием.

Как-то раз Шими, охваченный своими невеселыми думами, отправился утром прогуляться по городу. На углу одной из улиц, перед массивным частным домом, напоминавшим нечто вроде средневекового дворца-крепости с арочными каменными воротами, построенного каким-то скороспелым сверхбогатом, он увидел большой раскаленный мангал, на котором на длинных шампурах жарились шашлыки. Одетый в длинный, белый, но засаленный и задымленный халат, словно жрец-огнепоклонник у священного огня в сени капища, колдовал у мангала кебабчи¹ — рослый толстый мужчина с круглым, влажным от пота пунцовым лицом. Позади мангала на длинной подставке красовались выстроенные в ряд разноэтикетные бутылки с коньяком, водкой, заморскими винами и ликерами. Там же возвышалась целая гора румяных круглых свежих чурчов домашней выпечки. Слева от кебабчи, в тени большого красивого раскидистого гранатового дерева с ярко-красными круглыми плодами, под разноцветным парчовым навесом стояли кухонный желтый стол и такого же цвета расписные табуретки.

Шими даже забыл, когда он в последний раз ел шашлык. Едва он ощутил дразнящий запах жареного мяса, как у него, как от хмеля, закружилась голова, и непреодолимое желание испробовать его охватило все существо старика. Шими, зажмурив глаза, сделал над собой усилие, чтобы поскорее проскочить место искушения, но ноги не повиновались ему. Какая-то неподвластная сила застави-

¹ Кебабчи — шашлычник.

ла его свернуть с дороги, подойти ближе к пышущему жаром и источающему умопомрачительный шашлычный аромат мангалу. Однако в кармане у Шими сейчас было так же пусто, как и в его желудке. Но он недолго думая снял с головы папаху и извлек хранившийся за подкладкой ваучер. Хотя поговаривали, что автор этого ваучера, господин Чубайс, сулит каждому его обладателю в приватизированном государственном имуществе по две машины “Волга”, но пока не было ни обещанной “Волги”, ни даже колес от нее. А на рынке за хваленый ваучер давали всего стоимость трех килограммов вареной колбасы “собачья радость”.

— Ладно, была не была, твоя взяла! Возьми, гачаг¹, мой ваучер и дай мне шашлыка, сколько тебе не жалко! — с деланной небрежностью полусуштливым тоном произнес Шими, протягивая свой ваучер.

Толстяк кебабчи повертел в руке ваучер, потом, приподняв его над головой, внимательно посмотрел на свет и, убедившись, что он настоящий, тут же гостеприимным жестом пригласил старика присесть за столик. Привычными движениями он быстро снял с мангала три шампура, выложил в широкую тарелку три большие порции шашлыка и поставил ее перед Шими вместе с целым чуреком и полным граненым стаканом водки.

Жизнь в какой-то момент показалась Шими раем. Для полноты ощущений не хватало только чернооких пленительных райских красавиц и чарующих песен небесных ангелов.

Забыв обо всем на свете, Шими, как волк на добычу, накинулся на еду. Вожделенные лакомые кусочки, окропленные уксусом, усыпанные перцем, душистой зеленью, мелко нарезанным луком, были горячими, сочными и жирными, чертовски вкусными, но недожаренными. А зубы у старика давно были не свои. Подстегиваемый голодом и не на шутку разыгравшимся аппетитом, Шими заглатывал шашлык целыми кусками, почти не пережевывая.

Когда отяжелевший от обильной и вкусной еды Шими возвращался домой, у него неожиданно начались резкие колики в животе, такие острые, словно в него вонзались раскаленные шампуры. Весь покрывшись холодным потом, Шими все же кое-как дотащился до дома. Согнувшись дугой и прижимая папаху к животу, он, переступив порог и едва добравшись до кровати, тут же рухнул на нее, взывая о помощи.

Приехавший на “скорой” молодой врач, хорошо знавший старика, сочувственно спросил его, на что тот жалуется, что болит.

— Живот сильно болит, — не открывая глаза, тяжело вздыхая, жалобно произнес Шими.

¹ Гачаг — разбойник.

Врач пытался выяснить, отчего стал болеть живот, что старик ел. Но Шими упорно молчал, делая вид, что не слышит или просто не в состоянии отвечать на его вопросы. Рассказать, почему приключилась с ним такая беда, было стыдно, к тому же Шими боялся жены. Узнает старая ворчунья, на что он пожертвовал свой “многообещающий” ваучер, будет браниться почему зря.

Врач, видя, что Шими молчит, тихо склонился над больным, но, тут же почувствовав, как от него несет целым букетом разнообразных острых запахов: жареного мяса, винного уксуса, душистого укропа, репчатого лука и сорокаградусной “Российской”, сразу понял причину внезапной болезни старика. Он предложил немедленно принять рвотные порошки и как следует промыть желудок.

Но пуще недомогания мучила Шими совесть. Ему не хотелось, чтобы тайна исчезновения злополучного ваучера вообще вышла наружу, а тем более таким наглядным и постыдным образом. Поэтому, тревожно покрутив головой, он тотчас же жалобно произнес:

— Сынок, я знаю, мне это не поможет! Надо другое, совсем другое.

— А что “другое”, дядя Шими? — в недоумении спросил врач.

В ответ Шими попросил доктора наклониться к нему, потом, осторожно коснувшись своего вздутого живота и морщась от боли, тихо, чтобы не слышала старуха, доверительно прошептал:

— У меня здесь, сынок, две чубайсовские “Волги”. Их оттуда можно извлечь только с помощью трактора с прицепом, а не тем, что ты предлагаешь...

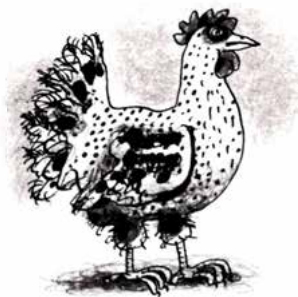

ОБИДА

ДАВНЫМ-ДАВНО, во время какой-то повальной эпидемии куриной чумы, у Шими подошли все куры. Выжила самая маленькая, рыжая курочка, которая приносила яйца чуть больше голубиных, но очень шустрая и голосистая. Стоило ей снести очередное яичко, как она тут же взлетала на забор и, высоко задрав голову, целый час без передышки кричала на всю махалу: ко-ко-ко!..

Однажды на рассвете Шими был разбужен криком рыжей курочки. Когда он вышел во двор, то увидел такую картину: его курочка, снеся яичко, опять забралась на забор и дерет горло. А в это время у соседа во дворе буйволица родила буйволенка. Шими видел, как новорожденный, еще весь мокрый буйволенок, поднявшись на тонких, длинных, раскачивающихся ножках, жадно тянулся к материнскому вымени. Шими начало разбирать зло на свою птицу. Он схватил палку и в сердцах швырнул в нее.

— Посмотрите-ка на эту паршивку! — с возмущением произнес Шими. — У соседа буйволица произвела на свет пудового буйволенка, и никто об этом не знает, никто не слышал ее голоса, а эта бесовестная хвастунья снесла одно ничтожное яйчишко величиной с орех и теперь будет целый час шуметь на всю округу: мол, знайте, кто не знает, слушайте, кто не слышал: я своему хозяину целое яйцо принесла! Вот, мол, какая я молодчина!..

“ВТОРАЯ СВАДЬБА” ШИМИ

(Третье письмо Шими автору)

МИР и здравие тебе, сын мой!
Как ни странно, я еще жив и даже, могу сказать, здоров. Валлах, не знаю, радоваться мне по этому поводу или огорчаться. Дело в том, что я, разрази меня гром, опять в отчании, опять хоть караул кричи. И вот почему: мне хотят справлять свадьбу. А я ни под каким видом не желаю. А моя старуха, чтоб черти ее съели, больше всех хочет этой свадьбы.

Ты, я думаю, догадываешься, о какой свадьбе речь идет, — о “второй свадьбе”. Если ты только слышал, но не знаешь или просто забыл, что это за штука, то я сейчас тебе расскажу.

Есть у нас такой обычай (правда, давно его никто не соблюдает, поэтому лишь немногие древние старики, оставшиеся в живых, еще помнят о нем). Если преставлялся, допустим, старый, как я, дед, которому лет сто и более, то провожали его в последний путь совсем иначе, чем других смертных. Родные по нему не плакали, слезы горькие не проливали, женщины на себе волосы не рвали. Наоборот, совсем наоборот.

На место вечного упокоения несли такого деда под веселые звуки зурны¹ и барабана, словно это была не печальная похоронная процессия, а свадебное шествие, только без свадебных факелов. А по возвращении с кладбища в одной из свободных комнат, обычно в кунацкой, собиралась молодежь. Вот тут начиналось настоящее представление. Какой-нибудь разбитной (вроде меня в юности) парень наряжался в одежду покойного, а одна из девушек — в платье его подруги. Так они, изображая “жениха” и “невесту”, то есть усопшего старика и его старуху, смешно подражая их стариковским манерам и ужимкам, танцевали и озорничали под дружное хлопанье, звонкий смех и шутки веселой компании.

Но ты, пожалуйста, не подумай, что родные и близкие старика играли ему “свадьбу” от большой радости, что их престарелый дед, обремененный целой дюжиной старческих недугов, наконец-то отдал Богу душу и тем избавил их от постоянных забот и хлопот о нем. Нет, сын мой, нет. Наши деды и прадеды, мир их праху, всегда свято чтили старость. Чем старше был человек, тем больше он был почитаем². Но не их вина, если они также свято верили в то, что

¹Зурна — восточный духовой деревянный музыкальный инструмент.

²Нередко строгие свекрови трижды прогоняли под погребальными носилками такого покойника своих невесток, которые не рожали или рожали недоношенных детей.

Бог по своей бесконечной доброте был очень милостив к их родственнику при жизни, коли в отличие от многих даровал ему такое завидное долголетие. Поэтому, считали они, родным такого счастливого долгожителя не подобает сетовать на судьбу за то, что Бог прибрал его к себе. Наоборот. Они должны выказывать ему свою благодарность и выражать ее ликованием, общим весельем. Иначе Всевышний, того и гляди, разгневается на них. Тогда, неровен час, он не только не даст долголетия никому из близких усопшего, но и сократит им всем жизнь.

Теперь, я думаю, ты догадался об истинной причине того, почему моя благоверная (вместе с негодными моими сыновьями) хочет непременно сыграть мне “вторую свадьбу”, когда я смежу веки. Но жена не хочет признаться мне в том, что именно по этой причине она решила устроить мне “зурна-барабан”, когда я протяну ноги. Лукавит, старая! Хотя она у меня от роду женщина преглупая, но что ей выгодно, хорошо соображает.

Старуха пытается убедить меня в том, что она с сыновьями хочет возродить этот уже забытый обычай отцов из уважения к их светлой памяти. Сейчас, мол, пошла мода возрождать все старые обычаи и вообще все старое. А того она, дурья башка, не может понять или притворяется, что не понимает: обычай обычаю рознь. Вот, к примеру, слышал я от одного ученого, вроде тебя, человека о том, что в Индостане в прошлом существовал обычай, когда на погребальном костре вместе с покойным мужем заживо сжигали и его несчастную вдову, даже если была она в цветущем возрасте. Нужно ли теперь им, индусам, воскрешать этот дикий обычай из-за того только, что у их дедов он существовал? Или (зачем далеко ходить?) возьмем обычай кровной мести. Он, как ты знаешь, существовал у нас до сравнительно недавнего времени. Из поколения в поколение шло из-за него смертоубийство между враждующими тухумами. У меня у самого дед и дядя пали жертвой этого кровавого обычая.

Ну ладно, оставим этот разговор, вернемся к моей “второй свадьбе”. Как бы то ни было, сын мой, я решительно против того, чтобы мои похороны превращали в шутовской праздник. И вот почему. Хотя и прожил я в этом грешном мире целый век, но не был любимцем судьбы, в моей жизни было больше горестей и напастей, чем радостей и удач (только от своей своенравной жены сколько я натерпелся). И все же, несмотря на это и на то, что наша жизнь не сахар, я люблю жизнь, не хочется расставаться с белым светом. Надо ли говорить, что безмерно тяжело умирать, не дожив до старости. Но у смерти, сын мой, в каком бы возрасте она ни застигла человека, цвет один — черный. Клянусь Богом, это никакой не праздник, не радость. Ведь живет-то человек только один раз.

Поверь мне, я еще скрепя сердце, может, дал бы согласие, чтобы после того, как дам дуба, сыграли мне эту самую “вторую свадьбу”. Шут с ними! Но я в одном не совсем уверен... Скажу тебе как на духу: я вовсе не безбожник, как обо мне злословят некоторые мои тупые и лукавые недоброжелатели, пес их укуси. Хотя сами они на словах с Богом, а в помыслах — с шайтаном. О таких, видно, говорится: “Не каждый вымазавшийся сажей — кузнец, не всякий носящий бороду — праведник”.

Я, сын мой, верю, что Бог есть. И он один для всех людей. Верю, что все люди произошли от одного прародителя. А вот насчет того, отлетит ли моя душа на небеса после моей смерти, скажу тебе честно, меня сомнение берет. Что делать? На то я и человек, а не ангел Божий или прорицатель какой: многое не могу постичь своим слабым умом. Должен тебе сказать, что сам библейский мудрец и поэт Екклезиаст (ах мне эти поэты!) заронил в мое сердце сомнение, сказав: “Кто знает: дух сынов человеческих восходит ли вверх и дух животных сходит ли вниз?..” И что, мол, вся наша короткая жизнь — суета сует, томление духа, а в итоге прах и забвение, короче говоря — ни шиша.

Вот это-то как раз, должен тебе сказать, меня очень смущает. Поэтому я назло своей старухе надумал дать ей, как говорится, по шапке, то есть талогъ, взять в жены не старую, добронравную вдовушку, справить себе вторую — настоящую свадьбу. И пока, благодарение Богу, живу и здравствую, провести с ней, с новой женой, остаток жизни в мире и любви.

А за то, что она согласилась выйти за меня, старого деда, перепису на нее свой домик с садиком во дворе, посаженным и выращенным моими руками, и, конечно, мои скромные сбережения в сберкассе, которые я с большим трудом, можно сказать, по крупицам накопил на черный день. Правда, они из-за реформ неугомонного толстяка-весельчака Гайдара ушли псу под хвост. К слову сказать, не лучшим образом поступил с нами и этот “чудотворец” Чубайс. Распродав с молотка народную собственность, созданную трудом и потом старшего поколения, наших людей, он, говорят, обещал каждому россиянину по две машины “Волга”. А вместо этого мы получили кукиш с маслом — бумажку с диковинным названием “ваучер”.

Поначалу, не скрою, узнав об этом его обещании, я радовался как мальчишка, думаю: наконец-то хоть на старости лет займею машину, притом не одну, а две сразу! Ай да Чубайс, сынок! Ай да молодец! Благослови тебя Бог!..

Но у нас быстро раскусили, чего стоит этот хваленый ваучер. На нашем дербентском рынке, например, за него не давали даже коляски для кукол, куда уж там говорить о машине!

Сам я, как ты знаешь, с голодухи отдал свой ваучер шашлычнику за три порции шашлыка, один чурек и стакан водки. Ты же ведь писал об этом случае со мной. А впрочем, должен тебе сказать, зря написал, выдал мой секрет. Старуха до сих пор пилит меня за это.

Но пока человек жив, он живет надеждой. А надежда все же есть. Я, конечно, не о ваучере, о другом. Президент (спасибо ему) обещал восстановить обесцененные вклады и на первых порах вернуть деньги тем старикам-вкладчикам, которым перевалило за восемьдесят и которые в отличие от своих ровесников каким-то чудом уцелели при нашей трудной и беспокойной жизни. Я это говорю к тому, что как только с Божьей помощью и согласно Указу президента получу наконец свои кровные денежки, то я их вместе с домом и садиком перепишу на молодую жену. Тогда после моей смерти, поверь мне, старая жена и мои неразумные сыновья от расстройств и досады, что потеряли все то, что по праву могло достаться им, зарыдают в три ручья и думать забудут, чтобы устраивать мне “вторую свадьбу”, то есть превратить мои похороны в веселое зрелище.

Почему я решил написать тебе это письмо? Ты знаешь, я человек от земли — бывший батрак, а при Советах — простой колхозник, не ученый, как ты, хотя с тех пор, как ушел на пенсию, прочитал немало разных умных книжек и поучительных историй. Много за это время передумал о жизни, ее смысле, о переменчивости человеческой природы, о возвышенном и низменном в человеке... Но тем не менее, прежде чем окончательно решиться на то, что я задумал, хочу посоветоваться с тобой, узнать твое просвещенное мнение об этом и других вопросах, которых я коснулся в письме. Прости великодушно, что оно получилось несколько длинное. Покороче не смог. Кроме того, кто знает, может, это мое последнее письмо к тебе.

Годы-то мои — сам знаешь, да и время, в которое живем, — сумасшедшее — всякое может случиться.

Только прошу тебя, сын мой, не тяни долго с ответом. Хотя и говорится: поспешить — людей смешить, но в моем возрасте, да при таких обстоятельствах, клянусь берекетом¹, и поспешить не грех.

Остаюсь твоим другом по гроб жизни

Шими Дербенди

16 октября 1996 г.

¹ *Берекет* — достаток в доме.

ГНЕВ ЦАРЯ ЦАРЕЙ ХОСРОВА АНУШИРВАНА

ОДИН из соседей Шими Дербенди, слывший самонадеянным хвастуном, возглавлял как специалист группу каменотесов, которые под его руководством проводили реставрационные работы по восстановлению полуразрушенных раннесредневековых крепостных ворот, расположенных у входа в знаменитую ханскую цитадель Нарын-Кала. Когда работы были завершены, он попросил Шими, как одного из старожиллов древнего города, посмотреть на результаты реставрации, ожидая от него одобрения и похвалы. Перед этим он хорошо угостил Шими и напоил его вином.

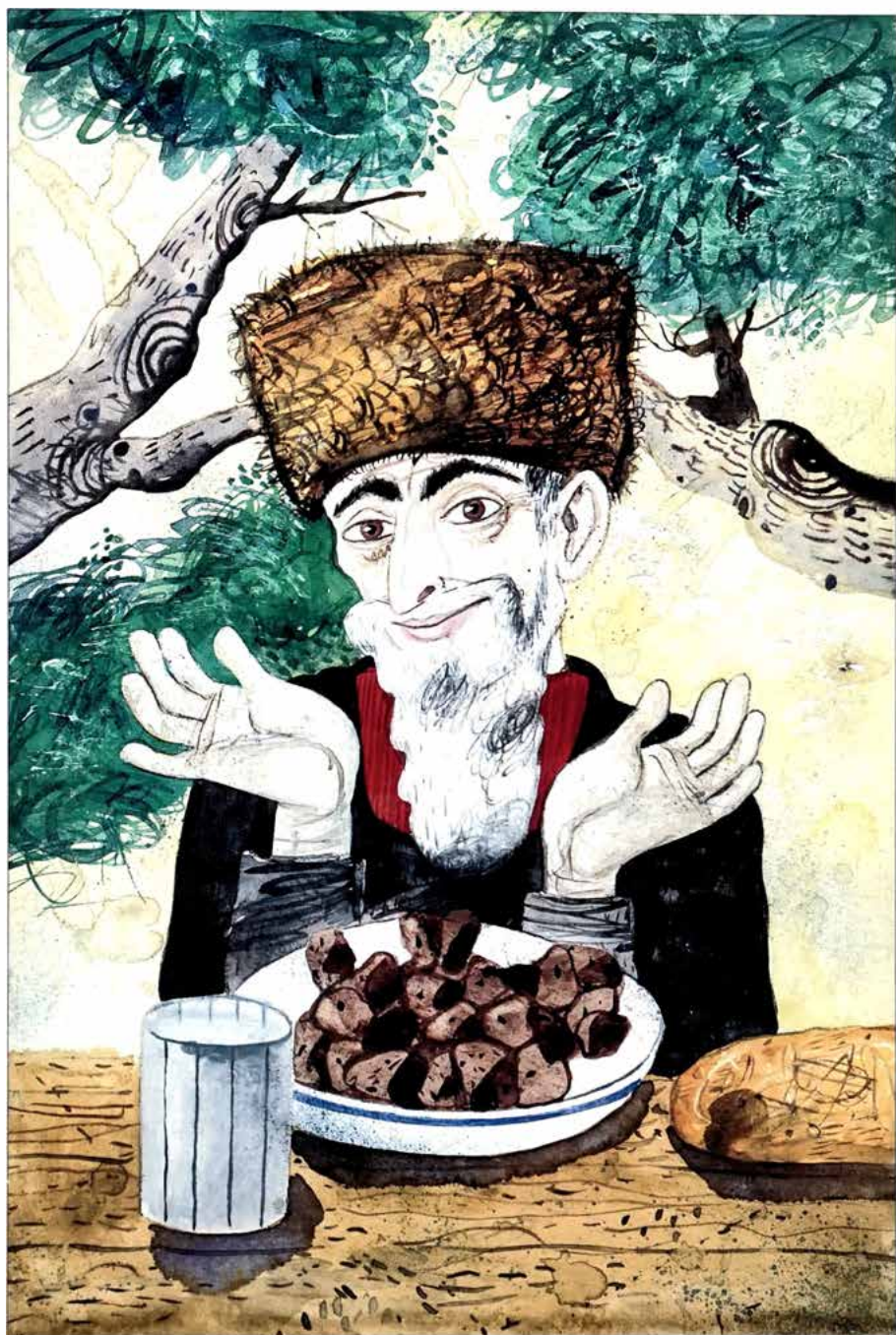
Но Шими, несмотря на то что был навеселе, глядя на старинные ворота, на возвышающиеся над ними каменные бойницы, угрюмо молчал. В отличие от сохранившихся старых бойниц, стоящих друг рядом с другом, точно неусыпные стражи, над гигантскими стенами, окружавшими бывший дворец-крепость наместников иранских шахиншахов, багдадских халифов и местных ханов шахристана¹, вертикальные отверстия на вновь созданных бойницах были сделаны с грубыми отклонениями и явно не соответствовали своему назначению. С наружной стороны они имели такую же ширину, как и с внутренней, что делало защитников ворот весьма уязвимыми для смертельных стрел нападающего противника. Бросались в глаза халтура, небрежность, неуважение горе-реставраторов к неповторимым величественным памятникам седой старины, овеянным легендами и составляющим украшение и гордость родного города и края.

Сосед, видя, что Шими упорно молчит, заговорил первым, беззастенчиво расточая хвалу в свой адрес.

— Э-эх! — мечтательно закатив глаза к небу, громко воскликнул он. — Если бы могущественный, грозный и вместе с тем великодушный царь царей Хосров Ануширван, по велению которого тысяча пятьсот лет назад был построен этот неприступный для своего времени замок, эти грандиозные стены с множеством сторожевых башен и несокрушимыми воротами, воскрес, он в отличие от моего уважаемого соседа непременно похвалил бы меня, да еще вдобавок по-царски щедро наградил золотом из своей несметной казны.

Изумленный беззастенчивыми словами самоуверенного хвастуна, Шими печально покачал головой, а затем решительно промолвил:

¹ *Шахристан* — страна шахов (видимо, Иран).

“Как Шими враз проглотил две чубайсовские “Волги”

— Нет, сосед, ты ошибаешься. Если бы царь Ануширван, о котором ты говоришь, воскрес из мертвых, он тут же без лишних слов повесил бы тебя под этими самыми воротами, да еще кое-кого за компанию с тобой...

Рассказы

КАК Я ВОСКРЕС

Я УМЕР, но не наяву, а во сне и поэтому видел и чувствовал все, что происходило со мной и вокруг меня.

Едва неумолимый ангел смерти Азраил вместе с последним вздохом отнял мою душу, меня тотчас же раздели догола и убрали с кровати (покойнику, мол, незачем валяться в постели). Тело мое еще не остыло, когда его положили на голый пол (теперь, дескать, все равно, никакая хворь к нему не пристанет). Угол, где я лежал, занавесили белой простыней (неприлично ведь взрослому мужчине, если он даже покойник, растянуться нагишом во всей своей красе на виду у всех). Потом меня с ног до головы тщательно обмыли горячей водой и завернули в белый чистый саван (видимо, на тот свет без предварительной “санобработки” не принимают).

После этих и других процедур, предусмотренных обрядом (знаете, иногда живому легче попасть к черствому начальнику-бюрократу, чем бедному покойнику в свою яму), меня положили на погребальные носилки и быстро, точно желая поскорее от меня избавиться, пока я еще не начал “благодарить”, понесли на кладбище.

Впереди процессии шли мои сестры, тетки. Жена с маленькими детьми осталась дома (от горя она сама была еле живая). Все мои родственницы, прыгая перед моими носилками, бия себя в грудь, царапая в кровь лицо, хором кричали “ай-вай!..”. Выше всех прыгала, несмотря на свой пожилой возраст, и громче всех причитала моя “любимая” теща: пусть, мол, люди видят, знают, как она тяжело переживает смерть своего зятя. Глядя на нее, я невольно с горечью вспомнил, как она постоянно совала свой нос в нашу личную жизнь, ела меня поедом. Теща не могла простить мне, что я — молчаливый, застенчивый и совсем невидный из себя человек, притом из какого-то глухого лесного селения, кругом сирота, без кола и двора и совсем не того сорта “доблестных” мужчин, которые на ходу подметки рвут, создавая все условия для жены и семьи, — стал мужем ее любимой дочери, достойной якобы лучшей доли.

Но я смотрел на все происходящее совершенно невозмутимо, с полным безразличием, как и полагается покойнику. Но когда я со своих носилок, мерно покачивающихся на плечах дружно шагающих друзей-земляков, бросил прощальный взгляд на город, освещенный лучами предзакатного солнца и ставший мне родным, меня вдруг охватила невыразимая тоска. Здесь, в этом городе, прошла моя юность, здесь я познал волнения первой любви. Город на моих глазах из года в год рос и хорошел. Многие здания в нем были выстроены при моем участии (при жизни я будто бы был брига-

диром строительной бригады), и я смотрел на них, как смотрит старый садовник на цветущие деревья, посаженные и выращенные его заботливыми руками.

Горькая, как полынь, и жгучая, как молния, мысль о том, что я на веки вечные расстанусь со ставшим милым моему сердцу городом, с детьми, женой и друзьями и что умираю совсем еще молодым, перевернула мне душу; все во мне восстало. И мне пришлось призвать на помощь всю свою волю, чтобы взять себя в руки и подавить эти земные, суетные мысли и чувства, покориться своей участи, памятуя, что покойник должен вести себя тише воды ниже травы.

Наконец похоронная процессия вступила на кладбище. Носилки с моими бренными останками поставили у свежевырытой могилы, откуда несло сыростью и тленом. Кругом возвышались безмолвные надгробные камни и безымянные холмики. Их вид навевал на меня тягостные думы, надрывая мне сердце. Невольно приходили на память печальные строки величайшего из поэтов — Омара Хайяма:

Друг, не тужи о том, чего уж нет,
Нам светит дня сегодняшнего свет,
Всем завтра предстоит нам путь безвестный
Вслед ушедшим за семь тысяч лет.

Я ждал: вот-вот снимут меня с носилок, положат в яму — и мир с голубым небом, мерцающими звездами, горячим солнцем, со всем, что было мне дорого в нем, навсегда захлопнется передо мной, исчезнет, как луч во мраке. Но в это время чей-то голос объявил об открытии траурного митинга по поводу моих похорон. От имени коллектива и профсоюзной организации нашего строительно-монтажного управления слово дали бригадире второй строительной бригады, с которой соревновалась моя бригада, старому Даде Бадаеву.

Боль моя немного смягчилась, когда я услышал об этом. Я не сомневался в том, что этот седой человек с задушевым голосом и добрыми глазами скажет обо мне людям, которые провожают меня в последний путь, несколько сердечных, трогательных слов.

Но какой же я получил удар, когда почтенный Дада Бадаев, деловито покашляв в кулачок, медленно, словно нехотя, вытащил из кармана пиджака напечатанный на машинке лист и, запинаясь, начал читать, впиваясь близорукими глазами в текст:

— То-ва-а-рищи! За последние годы у нас в республике и во всей необъятной стране широким фронтом развернулось жилищно-бы-

товое строительство... Наш боевой девиз — строить быстро, дешево и высококачественно, с честью выполнять взятые обязательства, не допускать простоев и штурмовщины, спячки и горячки...

Дальше оратор сообщил о производственных показателях нашей строительной организации, доложил, где и что она строила за последние годы, упомянул нескольких передовиков производства, в том числе и меня. Обо мне он сказал, что я, “ловко орудуя мастерком и свободной левой рукой, в одну смену перекрывал по две с лишним нормы...”.

Старик и сам, видно, чувствовал, что говорит совсем не то. Он поминутно дергал с досады головой, хмурился, неловко кряхтел, но продолжал читать речь, видимо, написанную для него каким-то административным сухарем. Перед завершением своего выступления он на мгновение взглянул в мою сторону печальными глазами, видно желая что-то сказать от себя, а не по написанному, но, боясь сбиться с текста, продолжал читать тем же монотонным голосом.

— Дорогой товарищ Хизгил! Пусть четырехэтажный сорокаквартирный дом со всеми коммунальными удобствами, с отдельным туалетом и отдельной ванной в каждой квартире, горячей и холодной водой, мусоровывбрасывателем и т.п. (он так и прочитал: “и т.п.”), который мы построили в тушике Шайтан-Базар и который мы в последнем квартале этого года должны сдать в эксплуатацию после устранения дефектов, обнаруженных приемной комиссией, будет памятником тебе за твой ударный труд в нашем коллективе. Спи спокойно, уважаемый товарищ, и до свидания.

Я незаметно обвел взглядом лица столпившихся на кладбище людей. Нарушая приличествующую моменту скорбь, они — о ужас! — весело улыбались. А один большеголовый пучеглазый толстяк, видно совсем не лишенный чувства юмора, без всякого стеснения хихикал так, будто его щекотали. Глядя на все это, я чуть не перевернулся на своих носилках от досады и возмущения. “Ну зачем, зачем доброму Даде Бадаеву нужно было выступать на моих похоронах с этим производственным отчетным докладом? — сокрушался я. — Неужели в дни большой радости или большого горя у каждого из нас не найдется нескольких простых и сердечных слов? Неужели я только и делал в жизни, что “ловко орудовал мастерком и свободной левой рукой”?.. Разве я не был любящим мужем, хорошим отцом, верным другом?.. Разве не было у меня радостей и горестей, мечтаний и стремлений, которым из-за моей преждевременной смерти не суждено было сбыться? Почему об этом не сказали ни слова?!”

Пучеглазый толстяк, придерживая обеними руками свой тугой живот, точно боясь уронить его, уже не хихикал, а, запрокинув го-

лову, без зазрения совести гоготал как гусь, точно жизнерадостный малыш в цирке во время выступления клоуна.

Вдруг, как это ни странно, и мне самому тоже стало смешно. Сперва тихо, а потом все громче я начал хохотать. Тело мое так и содрогалось от разбиравшего меня смеха. Как я ни старался сдержаться, вести себя прилично, как подобает покойнику, ничего не выходило. Я боялся, как бы мои друзья, собравшиеся на кладбище, не дай Бог, оскорбившись, не подумали, что покойник смеется над ними, живыми. От века веков такого еще не было...

От моего громкого смеха черное покрывало стало колыхаться, как листья от дуновения ветра. К изумлению всех, я вдруг ожил и, нетерпеливо сбросив с себя мрачное покрывало, вскочил на ноги... Я слышал, что смех излечивает от многих болезней, а на этот раз смех избавил меня от самой страшной штуки — смерти.

Проснувшись в то утро, я очень обрадовался, что жив, но, в ту же минуту вспомнив свои похороны во сне, на всякий случай предупредил жену:

— Знаешь, дорогая, если я умру раньше тебя, не позволяй устраивать митинг у моей могилы. — Но потом, подумав немного, сказал совсем другое: — А впрочем, пусть устраивают, может, это даже хорошо: вдруг я воскресну, как это было со мной во сне. Как говорится, чем черт не шутит...

“ЖЕНИХ” БАБУШКИ ФАТЬМЫ

АХ, БЫЛА не была, расскажу вам, что приключилось со мной, старухой, недавно. Валлах, помрете со смеху. Правда, я клялась и божилась никому не рассказывать об этом, но что делать, шайтан, чтоб он сгинул, так и тянет меня за язык...

А приключилось со мной вот что. Вчера вечером, когда я выходила из дома, двое дюжих молодцов разом налетели на меня, как коршуны на голубку, быстро завернули в бурку и, от радости не чуя ног под собой, во весь дух умчали куда-то. Но это еще что! Самый главный похититель стоял на коленях передо мной, как перед богиней, объяснял в любви, слезно умолял, чтобы я не отвергала его любви иначе, мол, он, как несчастный Меджнун из-за прекрасной Лейли, сойдет с ума и белый свет будет ему не мил... Вот как!

Что бы вы подумали, мои хорошие, если бы я вам сказала по секрету, что сама хотела, чтобы парни меня похитили? Ага-а! У вас, наверно, так и чешется язык: “Ах ты, мол, дура старая! С ума, что ли, спятила? Или кровь выиграла на старости лет?..” Вы, пожалуй-ста, не зная, что к чему, не беритесь судить, хорошо я поступила или дурно. Знаете поговорку: “Не дойдя до речки, штаны не скидывают”. А то, что я старая, — это мне не в укор, а в честь, не даром свой век прожила. Один мой сын — боевой офицер, день и ночь границу нашу охраняет, другой мой молодец — знатный чабан, его портреты в газетах печатали, а дочь моя, дай Бог ей много сил и здоровья, десятого ребенка носит под сердцем, скоро матерью-героиней будет. То-то!..

Если хотите знать, в свое время я была собой пригожа не меньше, чем самая красивая молодуха сейчас, не только в ауле, но и во всей округе. Дай Бог памяти, не помню точно, когда это было: то ли шестьдесят, то ли семьдесят лет назад к нам в аул приезжал один ашуг, веселый, голосистый такой, как соловей в весеннюю пору. Так он в своей чудесной песне сравнивал мои щеки с румяным яблоком, уста — со сладчайшим медом, а зубы — с аравийским жемчугом. Правда, от этого “жемчуга” у меня теперь остался во рту один только передний зуб. И стоит мне засмеяться, как мой годовалый внучек тут же поднимает рев, боится, паршивец, думает, я хочу укусь его или нарочно пугаю.

Да, я немного отвлеклась и уже забыла, с чего начала... Вот, вспомнила!.. Сижу, значит, я вчера одна у себя в сакле, качая люльку, а сама слегка дремлю. Вдруг слышу, кто-то вошел в комнату. С трудом открываю глаза, смотрю, это Микаил пришел, соседский парень. Лицо у него очень приметное: чересчур смуглое, скуластое,

брови черные, лохматые и улыбка до ушей. Я его за версту увижу – сразу узнаю. Он славный юноша: такой скромный, почтительный, и работник хороший.

Микаил остановился посреди комнаты, смотрит на меня и ничего не говорит, только чешет затылок и смущенно улыбается.

“Ну, Микаил, с какими добрыми вестями к нам пожаловал?” – зевая во весь рот, спрашиваю его.

Микаил подошел поближе и присел на корточки возле меня. “Знаете, бабушка Фатма, – говорит он мне доверительным тоном, – у меня к вам очень важное дело...”

Я, правду сказать, гляжу на него, еще сонная, и недоумеваю: какое у него может быть ко мне, старухе, важное дело? Я, что ли, хаким какой или этот самый... депутат Совета?

“Ну, говори, что у тебя за дело ко мне”, – безразлично отвечаю.

А Микаил, прежде чем сказать, внимательно огляделся по сторонам и потом чуть слышно говорит мне: “Только, бабушка Фатма, чур! То, что я вам скажу сейчас, – большая, очень большая тайна. Ни одна живая душа, кроме нас с вами, не должна знать об этом. Обещаете?”

“Эге! – думаю. – Коли он так серьезно предупреждает, стало быть, дело и впрямь нешуточное”. Я сразу повеселела. Сонливость мою как рукой сняло, любопытство начало разбирать меня. А я, скажу вам, ужас какая любопытная! Мой покойный муж, мир его праху, бывало, частенько ругал меня за эту мою слабость. “Тебя, Фатма, хлебом не корми, – не раз выговаривал мне мой блаженной памяти муж, – только дай волю ходить по аулу и собирать всякие хабары, а потом, подобно сороке в лесу, весь день трещать о них без умолку”.

“Ну ладно, не тяни, рассказывай!” – тороплю я Микаила, чуть толкая его в плечо.

Микаил, придвинувшись еще ближе, шепотом, точно боясь, что еще кто-нибудь другой услышит нас, говорит: “Мы, бабушка Фатма, сегодня вечером хотим украсть одну девушку...”

Вай! Как только я это услышала, кровь бросилась мне в голову. Схватив тотчас же с полу длинную палку (я ее всегда держу при себе, чтобы можно было, не вставая с места, прогонять кур и цыплят, которые забираются в саклю), в гневě замахнулась на Микаила. “Сейчас же разобью твою дурацкую башку этой палкой, негодник! – кричу на него, вне себя от возмущения. – Как это – украсть чужую девушку?! Я думала, ты хороший парень, а ты вон какой, оказывается, разбойник!...”

Ребенок от моего крика вздрогнул в люльке и так завопил, будто его сто чертей напугали во сне. Да и Микаил, вижу, тоже испугал-

ся не на шутку. Схватив мою руку, он начал умолять меня: “Бабушка Фатьма, ради Бога, успокойтесь. Я совсем не то хочу сказать... Послушайте же дальше!”

Я неохотно положила палку на место и, сердито косясь на Микаила, принялась опять качать люльку. “Пес тебя знает, Микаил, — ругаю его. — То говоришь, что хочешь украсть чужую девушку, а как увидел у меня в руках палку, запел совсем другое. Поди разберись...”

Короче говоря, мои любезные, из слов Микаила я поняла, что у него есть закадычный друг Ильяс. Этого Ильяса-балбеса я тоже знаю. Он так, видный из себя парень, но пьяница и бездельник, не работает, сидит у бедной матери-вдовы на шее. Словом, один из тех негодников, о которых говорят: “Вечером пьяница — утром лентяй”. Он, оказывается, по уши влюблен в девушку Рукият, день и ночь томится по ней. Легкомысленный, ветер в голове, а знает, шельма, в кого влюбиться. Она скромная, миловидная девушка, притом, как вы знаете, самая лучшая доярка на ферме. Если верить Микаилу, этот бездельник ей тоже нравится, но выйти за него она боится. И правильно делает. Кому нужен муж-пьяница? Кто пьяницу полюбит — свою жизнь загубит.

И вот этот самый Ильяс решил похитить нашу милую Рукият, а Микаила просит, как друга, помочь ему в этом нечистом деле. А Микаил словно между двух огней: отказать другу — духу не хватает, позорить девушку — совесть не позволяет. Но самое главное, что Микаил хотел сказать (о чем узнаете потом), он прошептал мне на ухо. Я, довольная, хитро посмотрела на Микаила и тут же с веселой улыбкой молча кивнула ему головой в знак согласия.

И вот поздно вечером, когда у нас все легли спать, я быстро накинула на голову платок, вышла из дому, незаметно и бесшумно пробралась во двор, где живет Рукият. Ночь была безлунная, темная, хоть глаз выколи. Как только я очутилась во дворе, кто-то (человек, видно, очень сильный и ловкий) внезапно набросил на меня тяжелую бурку, проворно завернул в нее, как младенца в пеленку, и, тут же взвалив меня на плечи, понесся куда-то со всех ног. Все это произошло так быстро, что я даже и пикнуть не успела.

“Куда ее теперь?” — слышу я сдавленный голос Микаила. “Забыл, что ли? — рыгая, строго отвечает Ильяс. — Неси, как мы давеча условились, в Пещеру любви, да скорее, пока нас никто не увидел”.

Про Пещеру любви все у нас знают, что она огромная и очень темная, находится в высокой скале за версту от нашего аула. Весной и осенью во время перегона овец чабаны укрываются в ней от дождя и гроз. А вот почему ее называют Пещерой любви, мало кто об этом ведает. Говорят, когда-то один из слуг хана похитил краси-

вую невольницу из его гарема, которую он очень любил. Скрываясь от ханского возмездия, влюбленные нашли здесь приют для своей любви.

“Ты, пожалуйста, осторожно, — раздается беспокойный голос Ильяс, когда мы отошли на почтительное расстояние от аула, как я поняла по отдаленному лаю собак, который доносится оттуда. — Ты случаем не задушил ее впопыхах? Я же знаю, какой ты медведь! Видишь, она даже звука не издает”. — “Да ты не волнуйся, Ильяс, — успокаивает его Микаил, который несет меня на своих широких плечах, как купец свой драгоценный клад. — Она, видно, с перепугу лишилась голоса. Ясное дело: слабый нежный пол! Но это пустяки. А что касается Пещеры любви, то я туда с закрытыми глазами пройду”. Но Ильяс, рыгая, продолжает недовольно ворчать. “Иди, пожалуйста, с закрытыми глазами куда хочешь, только не туда, куда мы сейчас направляемся с таким, можно сказать, бесценным грузом, — придирается он к словам Микаила. — Тут и с открытыми глазами не знаешь, куда ступить, чтобы не споткнуться, не сломать себе шею, а он, видишь ли, “с закрытыми глазами”...”

Теперь начинает сердиться Микаил. “Я не виноват, — говорит он Ильяс, — что ты опять залил глаза и тебя шатает, идешь как слепец. Мог бы хотя бы по этому случаю, черт возьми, воздержаться от вина, тем более знаешь: она не хочет за тебя выходить замуж только потому, что ты всегда под мухой”. — “Ни-и-ниче-го! Теперь, хочешь не хочешь, выйдет как миленькая, — самоуверенно произносит Ильяс. — Поэтому я и решил похитить ее”.

А я, прислушиваясь к разговору двух друзей — моих похитителей, представляю себе выражение лица дуралея Ильяса, когда он узнает, кого похитил, и меня начинает разбирать смех. Но я креплюсь изо всех сил, чтобы не рассмеяться в голос.

Теперь, мои любезные, приготовьтесь слушать самое интересное и самое смешное в этой истории с моим похищением. Даю голову на отсечение: подобного никто в жизни не видел и не слышал. Вот как только мы оказались в пещере, Микаил, пыхтя и отдуваясь, осторожно, будто хрупкий сосуд, кладет меня на землю и так же осторожно прислоняет спиной к стене. “Зажги фонарь!” — слышу я опять нетерпеливый голос Ильяса.

Едва фонарь осветил закопченные дымом чабанских костров голые стены пещеры, влюбленный Ильяс с жаром кинулся ко мне, упал на колени. “О моя дорогая! О моя ненаглядная!” — прижимая обе руки к груди и обдавая меня винным духом, громко и взволнованно говорит Ильяс. Он просит меня, чтобы я простила ему этот дерзкий поступок, умоляет, чтобы стала его женой, так как без меня он жить не может.

Я нарочно подождала, пока мой воздыхатель кончит изливать душу, а потом разом скинула с себя бурку и со злорадной усмешкой уставилась на него. “Ладно, разбойник, пусть будет по-твоему, — отвечаю ему. — Если ты и вправду так сильно любишь меня и без меня жить не можешь, так и быть, я согласна — выхожу за тебя, дураля, замуж”.

У Ильяса, видно, хмель сразу испарился, брови полезли на лоб. Он как ошпаренный вскочил на ноги и с минуту стоял точно вкопанный. А потом вдруг, рассвирепев, набросился на бедного Михаила. “Кого же ты прихватил, идиот?! Где были твои глаза?!” — кричит он так сильно, что голос дрожащим эхом раздается в пещере.

“Вай аман! — шлепает себя по лбу Михаил. — Волновался очень, да и темно было, ты сам видел, — начинает оправдываться Михаил и тревожно добавляет: — Что будет теперь с нами?..”

Ильяс видит, что дело скверно, хотел было дать драпака, но не тут-то было. Я, даром что старая, мигом вскочила с места и крепко схватила его за пестрый галстук, точно непослушного бычка за веревочку. “Я не позволю, — говорю, — со мной шутки шутить! Раз похитил меня, нанес урон моей женской гордости и чести, жарко объяснялся мне в любви при живом свидетеле, так изволь жениться. Иначе я сейчас же, на ночь глядя пойду к сельсовету жаловаться на тебя. Тюрьмы и позора тебе не миновать, так и знай!”

А Михаил, пряча хитрую улыбку, незаметно подмигивает мне: дескать, молодец бабушка Фатьма, страдай его, негодника, вгоняй в пот, выбей дурь из головы.

Я наступаю на Ильяса, а он пятится от меня, выставляя вперед руки, — боится, как бы я не заключила его, “милого женишка”, в свои нежные объятия. “Что вы, что вы, бабушка Фатьма! — со страхом говорит Ильяс бледнея. — Произошла ошибка... не по моей вине. — И тут же, указывая пальцем на своего друга, с горячностью добавляет: — Пусть в таком случае Михаил женится на вас. Это он виноват...”

А я продолжаю настаивать на своем. “Ты, говорю, хвостом не вилай и зубы мне не заговаривай! Объяснялся мне в любви не Михаил, а ты. И ты должен на мне жениться. К тому же, говорю, ты, глупец, мне больше нравишься, чем он”.

Но Ильяс принимает мои слова за чистую монету, пугается, волнуется, кричит как оглашенный: “Как я могу на вас жениться — вы старше моей бабушки! Я же сказал вам: произошла ошибка, ошибка произошла! Бывает же!..”

А я сделала вид, будто сейчас только поняла его, поэтому говорю ему: “А-а! Вон оно что! Выходит, что ты, пьяная рожа, сегодня в темноте подстерегал, как волк овечку, невинную девушку, чтобы по-

хитить ее, опозорить, а по ошибке сцапал меня, старуху?! Если бы так похитили твою сестру или мать, как бы тебе это понравилось?!"

Я продолжаю задавать ему жару, а Миканл, с которым я в заговоре, то и дело толкает его в бок и говорит тихо, но так, чтобы я слышала: "Падай сейчас же в ноги бабушке Фатьме, проси прощения, иначе пропали мы!.."

Одним словом, чтобы вам долго не морочить голову, кончилась вся эта история тем, что, пристыженный и напуганный до смерти, Ильяс встал опять на колени передо мной. На этот раз чтобы просить у меня прощения. Кроме того, поклялся мне памятью отца (он у него погиб на войне героем) бросить пить, не быть ярмом на шее у бедной матери и занозой в сердце, работать как все нормальные здоровые люди. А я со своей стороны обещала никому о моем похищении, о том, как он, Ильяс, стоял на коленях перед мной, объяснялся в любви, не рассказывать и, если он исправится, сдержать свое слово, помочь ему жениться на любимой девушке.

Как видите, первое свое обещание, разрази меня, я нарушила. Но клянусь вам, я обязательно выполню свое второе обещание. Дело только за Ильясом!..

ВСТРЕЧИ У РОДНИКА

ОМАР, прижимая к бокам пустые ведра и боязливо озираясь, осторожно спускался по узкой тропинке в ущелье, где из-под черной каменной скалы с веселым журчанием, точно радуясь, что удалось наконец вырваться на волю, пробивался родник.

Была ночь. На темно-синем небе крупными жемчужинами горели яркие звезды. Полная луна заливала мягким сиянием притихшую землю. При лунном свете прозрачная вода в роднике отливала серебром, а на дне его, точно мелкие монеты, блестели белые, круглые обкатанные камешки. Недалеко от родника росли сплошные зеленые кусты, откуда сейчас слышалось громкое шелканье одинокого соловья. Наверху, за ущельем, на фоне высокой горы, упиравшейся в близкое небо, отчетливо виднелись темные очертания саклей с редко освещенными в это позднее время окнами.

Подойдя к роднику, Омар поставил ведра на землю. Еще раз посмотрев по сторонам и убедившись, что ему удалось добраться сюда никем не замеченным, он облегченно вздохнул и, почесав в затылке, смущенно улыбнулся. Но, вспомнив, как жена только что почти насильно, со скандалом выпроводила его за водой, он сразу посуровел, нахмурился. Омар медленно опустился на замшелый камень у родника, задумался, и перед глазами его в то же мгновение отчетливо встала неприятная картина сегодняшней ссоры с женой.

Еще утром его жена Сакина, уходя в школу, сказала:

— Омар, дорогой, я приду поздно, сходи, пожалуйста, за водой. Прошу тебя!

Он потупил взор и сердито буркнул:

— Ладно, уже слышал!.. — Но, чувствуя на себе обиженный, осуждающий взгляд жены, поднял на нее глаза и, мученически улыбаясь, добавил: — Ну сказал же — пойду, чего пристала?!

Проводив жену, Омар взял ведра и по неширокой каменной лестнице спустился во двор. Он открыл калитку и вышел за ворота, но тотчас же, громяхая ведрами, вбежал обратно: невдалеке в высокой, лихо заломленной папахе стоял сосед — председатель сельсовета Мехти Бабаев, и будто нарочно смотрел в его сторону, с важной медлительностью покручивая пышные седеющие усы.

Омар быстро прикрыл калитку, крепко прижав ее спиной. Сердце его бешено заколотилось, а на лбу выступила испарина. Он чувствовал себя как человек, которому по счастливой случайности удалось избежать большой опасности. Отдыхавшись, Омар опять осторожно приоткрыл калитку, но тут же остановился в нерешительности. Ему сразу представилось, как он идет с пустыми ведра-

ми по улицам аула, а люди, показывая на него пальцем, зубоскалят, отпуская вслед ему язвительные шутки:

— Глядите-ка на него, ха-ха!..

— Ему остается теперь вместо папахи надеть на голову платок и доить корову!

— Они с женой, видать, поменялись ролями!

— Всегда так: дай жене волю, заведет молодца в неволю!

В душе Омара поднялась жгучая обида на жену. Пора бы ей привыкнуть к аульским обычаям. Мало ли, много ли, уже полтора года, как она приехала из города в их аул после окончания института, девять месяцев, как они поженились, а она все еще не перестает удивляться и возмущаться: как может, мол, мужчина считать для себя позором нести ношу вместо матери-старухи, сходить раз-другой за водой вместо жены, работать серпом!..

Это все, конечно, так. Но попробуй пойти наперекор обычаю — не только мужчины, но и женщины засмеют тебя, мужчиной считать перестанут.

Правда, до последнего времени жена только сокрушалась, но ни разу не принуждала мужа выполнять “женскую работу”, потому что его мать была дома. Она, по обыкновению, вставала раньше всех, разжигала огонь в очаге, доила корову, приносила воду. Но недели две назад старуха уехала в соседний аул, чтобы присмотреть за больной сестрой. Теперь вся тяжесть разнообразной и многотрудной, нескончаемой домашней работы легла на плечи невестки, которая к тому же была беременна. Ей было тяжело после дня, проведенного в школе с детьми, хлопотать еще и по хозяйству, а потом до позднего вечера проверять тетради, готовиться к занятиям. Омар все это понимал, в душе сочувствовал жене, жалел ее, но по-прежнему стыдился помогать.

Вечером Сакина, вернувшись домой и увидев пустые ведра, пришла в отчаяние.

— Омар, ты так и не сходил по воду?! Дома же ни капли воды нет, даже руки помыть нечем. Какой же ты, однако!.. — Голос ее дрогнул, и она, боясь, что вот-вот заплачет, стиснув зубы, замолкла. Грузно подойдя к столу, Сакина молча, с сердцем швырнула на него кипу тетрадей, которую принесла со школы. Но когда, тяжело опустившись на стул, горестно обхватила голову руками, то вдруг, не сумев совладать с собой, заплакала громко, навзрыд.

Омар, вместо того чтобы успокоить жену, нахмутив брови, угрюмо смотрел на нее, на ее вздрагивающую и расплывшуюся от беременности фигуру. Резким движением он отодвинул от себя настольную лампу, сердито захлопнул раскрытую книгу, лежавшую перед ним, встал и возбужденно зашагал по комнате.

Когда Сакина подняла голову и ее взгляд упал на обложку книги, которую только что читал муж, она пришла в негодование.

— Читаешь “Горянку” Расула, а ведешь себя по отношению к жене как столетний дед, напичканный предрассудками. И не стыдно тебе? А еще комсомолец, зоотехник, интеллигент вроде!..

На минуту в комнате воцарилась тягостная тишина. Потом вдруг жена с выражением злой решимости на лице вскочила с места и, схватив пустые ведра, подошла к мужу.

— Если ты сейчас же не пойдешь за водой, я уйду из этого дома — и навсегда!

Омар, хмурый, сердитый, молча, не глядя на жену, взял у нее ведра и поспешно вышел во двор. На небе ярко светила луна, поэтому он не отважился выйти за калитку: вдруг кто-нибудь увидит? Особенно он боялся встречи со своим соседом, председателем сельского совета Мехти Бабаевым, который, наверно, еще утром заметил его с пустыми ведрами. И он решил подождать у ворот, пока луна не скроется за тучами. Но луна, будто угадав его намерения, казалось, нарочно застыла на месте, продолжая заливать потоками света плоские крыши саклей, кривые узкие улицы, дорогу, ведущую к роднику.

Наконец, к несказанной радости Омара, со стороны большой горы, над которой начали громоздиться тучи, как птица от стаи, отделилась большая, лохматая, словно распростертая чабанская бурка, черная туча. Она, точно подгоняемая попутным ветром, поплыла прямо навстречу луне. Закрыв ее, как чадра лучезарное лицо красавицы, туча отбросила на землю густую тень, и все сразу потонуло во мраке. Омар мигом выскочил на улицу и во весь дух побежал к роднику. Но когда он подошел к источнику, луна вновь выглянула из-за тучи и озарила все вокруг своим ослепительным сиянием.

Набрав воды, Омар опять опустился на тот самый замшелый камень — после ссоры с женой он не очень торопился домой, — но вдруг, увидев чью-то приближающуюся фигуру, очень испугался. Мигом вскочив с места, он, оставив полные ведра, стремглав кинулся в кусты. Соловей, который продолжал выводить свои трели, сразу умолк.

К своему немалому удивлению, в спускавшемся к роднику чловеке молодой зоотехник узнал секретаря сельского совета Эмина Гайдарова, худого, хмурого мужчину лет сорока с узкими плечами, длинной журавлиной шеей и острым кадыком. В левой руке он держал ведро, а в правой — медный кувшин с изогнутым горлышком. Он шел спокойно, в полной уверенности, что в этот поздний час его никто не увидит. Но, подойдя к роднику и наткнувшись на вед-

ра с водой. Эмин тотчас же остановился и украдкой посмотрел по сторонам. Когда до его настороженного слуха донесся неясный шорох из кустов, он, встревоженный этим, быстро опустил на корточки. Загородившись кувшином и ведром, затанув дыхание и втянув голову в плечи, он уставился напряженным взглядом в сторону подозрительного куста.

Прошло несколько томительных минут. Кто-то в кустах захихикал, повергая Эмина в трепет. Он понял, что этот “кто-кто” увидел его, а может, даже узнал, поэтому смеется над ним. Омар в свою очередь тоже понял, что они могут так прождать до утра, хоронясь друг от друга, поэтому, отбросив все опасения и сомнения, встал во весь рост и, продираясь через кустарник, нарочито бодро крикнул на ходу ошеломленному Эмину:

— О, салам алейкум, дорогой секретарь сельсовета! Какая приятная встреча, а?!

Эмин, еще глубже вобрав голову в плечи, испуганно прошептал что-то похожее не то на проклятие, не то на молитву.

Подойдя к Эмину, Омар бесцеремонно похлопал его по плечу. Тот медленно поднялся — куда теперь денешься? — и посмотрел растерянно и враждебно на бесстыдно смеющегося молодого человека.

— Ну скажи, дорогой Эмин, только честно, — с трудом сдерживая разбивавший его смех, сказал Омар, — давно ли ты ходишь за водой по ночам вот так, точно на темный промысел или на тайное свидание?

— Замолчи, ради Аллаха! — вдруг вскипел Эмин, с опаской оглядываясь вокруг. — Чего ты хохочешь как сумасшедший, чему ты вдруг так обрадовался?

— Нет, ты все же скажи, давно?

— Вай Аллах! — шумно вздохнул Эмин, с досадой хлопнув себя по бедрам. — Ты бы лучше помолчал! Первым же сюда пришел ты, а не я. — И добавил с язвительной усмешкой: — Да еще прятался, как заяц в кустах...

Омар притворился обиженным.

— Ты что, Эмин, на самом деле шуток не понимаешь? — произнес он с укором и тут же дружелюбно добавил: — Ну ладно, не надо сердиться и расстраиваться, давай немного посидим покурим.

Несколько минут они сидели молча, дымя сигаретами, прислушиваясь к петушину перепеву и тявканью собак, доносившимся из аула. Встреча была настолько неожиданной и нежелательной для обоих мужчин, что за время их “перекура” ни у кого из них не возникло желания даже перемолвиться словечком друг с другом. Первым нарушил тягостное молчание секретарь сельсовета. Резким движением отбросив окурки, он с выражением крайнего бес-

“Встречи у родника”

покойства и озабоченности на лице повернулся к Омару и, схватив кончиками пальцев свой острый кадык, произнес с мольбой:

— Омар-джан, я тебя очень прошу, умоляю: не разболтай никому, даже своей жене, что ты видел меня, как я ночью ходил к роднику за водой. Знаешь пословицу: “Не передавай тайну другу, ибо у друга тоже есть друг”, то есть я хочу сказать, что у жены есть подруга, а у подруги — тоже подруга. Ты меня понимаешь?..

Эмин скорбно вздохнул, выжидающе глядя на молодого человека. Но, видя, что Омар ничего не говорит, а только смеется, еще больше встревожился. С трудом подавляя вспыхнувшее в нем раздражение и досаду, Эмин, однако, заставил себя через силу улыбнуться.

— Да! Ты же недели две назад просил у меня ружье для охоты на туров, — ласково произнес Эмин, — но я тогда был вынужден отказать тебе — сам собирался на охоту. — И секретарь сельсовета, заискивающе глядя в хитроватые глаза Омара, с деланным великодушием добавил: — Заходи, дорогой, завтра, возьми ружье и держи его у себя, сколько тебе надо.

Омар невольно с обидой вспомнил, как тогда свой отказ на просьбу одолжить ему на пару дней ружье Эмин объяснил не очень деликатной пословицей: “Ружье, коня и жену не доверяй никому”. Но сейчас он не стал напоминать об этом. А чтобы успокоить его, сказал:

— Не волнуйся, Эмин, не скажу никому, даже жене не скажу. Слово мужчины!

У Омара точно камень свалился с души. Успокоенный клятвенным обещанием Омара, он с довольной улыбкой встал и не спеша подошел к роднику, держа в руке кувшин. Только он собрался погрузить его в воду, как Омар быстро подскочил к нему сзади и резко шлепнул по худой костлявой спине.

— Эмин, гляди, еще кто-то из нашего брата направляется сюда, — чуть слышно произнес он, показывая рукой в сторону аула.

И они, стоя рядом, напряженно и с любопытством стали следить за приближающимся человеком.

— Вах! — с радостным удивлением воскликнул Эмин. — Это же мой начальник, твой сосед, почтенный Мехти Бабаев. Я его по папахе узнаю.

Председатель сельсовета шел медленно, поминутно оглядываясь по сторонам. Но вдруг, заметив людей у родника, он сперва застыл на месте, а потом, быстро повернув назад, бросился бежать, громыхая ведрами. Эмин сразу пустился за ним вдогонку. Но Мехти, несмотря на то что был человеком полным, грузноватым, к тому же в летах, продолжал бежать, как медведь, преследуемый роем разозленных пчел.

— Постой, Мехти, постой!.. Чего ты бежишь, как лань от охотника? — наконец догнав его, сдавленным голосом произнес Эмин у него за спиной. — Это мы, мы!..

Председатель остановился, с грохотом выронив ведра, медленно и не совсем уверенно повернулся на знакомый голос. Но, видя, что встретил действительно своего подчиненного, а не кого-нибудь другого, облегченно вздохнул, снял с головы папаху и старательно вытер ею мокрое от пота лицо.

— Ух, жарко как! — проговорил он, шумно отдуваясь, и тут же, к еще большему удивлению Эмина, принялся негромко и сочувственно окликать кого-то.

— Эй, выходи, дорогой, выходи, не бойся! Свои тут, свои!..

Из-за толстого ствола высокой раскидистой чинары, росшей неподалеку, вынырнула долговязая фигура Селима, секретаря партийной организации колхоза.

Омар встретил их чуть ли не с восторгом.

— О, добро пожаловать, почтеннейшие люди аула! — с преувеличенным энтузиазмом произнес он и тут же, указывая рукой в сторону родника, добавил: — Только чур! Давайте отныне ходить по воде днем!

— Да ты в своем ли уме, Омар?! — не на шутку испугался председатель, который еще не совсем справился с волнением.

— А почему бы и нет, — поддержал Омара Селим. — Видите, сама жизнь заставляет нас идти наперекор этому нелепому обычаю.

— Не сама жизнь, дорогой Селим, а наши с вами жены, будь они неладны! — запальчиво произнес Эмин, сердито вращая круглыми глазами. — Больно они хвост задрали! Надо бы им немного прижать его, накрутить!..

Председатель неодобрительно покачал головой и невесело усмехнулся.

— Смотри, Эмин, легче на поворотах! Как бы нам с тобой за это самое дело хвосты не прижали. Замане¹-то другое...— предостерегающе заметил он своему вспыльчивому подчиненному, быть может, вспомнив в эту минуту, как жена, страдающая мигренью, не считаясь с его возрастом и высоким положением в ауле, с боем вытолкала из дому, отправляя за водой. Поэтому он, безнадежно махнув рукой, наставительно добавил: — Лучше не связываться!..

Пока они не спеша набирали воду и продолжали жарко спорить между собой, Омар, стоя от них чуть поодаль, смотрел на бархатно-синее небо в золотой россыпи бесчисленных звезд, на ясную луну. Все, что произошло с ними, четверьмя мужчинами, здесь, у

¹ Замане — времена, эпоха.

родника, показалось ему сейчас очень смешной и несуразной историей. Он невольно засмеялся, вспомнив свои недавние сомнения и страхи, поведение каждого из этих людей, когда они украдкой пробирались сюда, точно шли не за водой, а на какое-то святотатство.

Как бы в ответ на игривое, веселое настроение Омара, в кустах вновь раздалась соловьиная трель. С улыбкой оглядев застывшие у родника фигуры мужчин, молча ожидавших его с полными ведрами и кувшинами, он, энергичным жестом указывая рукой на бескрайнее звездное небо и полную луну, щедро заливающую землю своим волшебным сиянием, с чувством воскликнул:

— Не правда ли, друзья, чудная ночь?!

КАК Я ПИСАЛ ДИССЕРТАЦИЮ

ПОЧЕМУ бы тебе, мой дорогой, не написать диссертацию, не стать кандидатом наук, а там, как говорится, Бог даст, и доктором будешь! — как-то говорит мне жена ласково.

Мы сидим дома одни за вечерним чаепитием. Вопрос жены показался мне настолько неожиданным, что я от удивления даже поперхнулся. Поставив стакан на блюдце, я в полном недоумении посмотрел на свою дражайшую половину.

— А с чего это вдруг пришло тебе в голову, что я должен написать диссертацию? — спросил я ее. — Зачем?

— Как — зачем? — теперь уже не ласково, а с упрямыми, раздражительными нотками в голосе говорит жена, нахмурившись. — А что толку от того, что пишешь свои хабары, особенно про этого странного и полоумного старика Шими, которого ты величаешь “хитроумным”? Знаю, люди читают — смеются, а мне, скажу тебе, плакать впору!

— Почему?

— Сама знаю почему, — вдруг ожесточается жена, пускаясь в длинные рассуждения. — С тобой почти невозможно по-человечески ни посидеть, ни поговорить, ни посмеяться. Когда ты дома, уткнешься в свои бумаги, никого не видишь, ничего не замечаешь, думаешь и думаешь, мучаешься, пока в твоей сумасбродной голове не сложится какой-нибудь очередной хабаришка. А если разговариваешь, то сам с собой, как помешанный — порой даже дети пугаются тебя. Если мы видим улыбку на твоей вечно озабоченной физиономии или слышим твой смех, так только тогда, когда ты пишешь эти свои злочастные хабары, будь они неладны. — Голос жены от волнения начинает дрожать, но она продолжает отчитывать меня и настаивать на ум: — Ну что нам, твоей семье, от этой бесполезной писанины? У тебя ничего нет за душой, с трудом сводим концы с концами. А иные люди думают, что мы как сыр в масле катаемся. Клянусь, не будь у меня детей, сбежала бы в родительский дом, — со слезами заключает жена.

Между прочим, эту песню я от нее слышу не первый раз. Но насчет диссертации — это что-то новое. Чтобы она на самом деле не расплакалась (когда женщина плачет, у меня сердце кровью обливается), я как можно мягче говорю ей:

— А что мне делать, если у меня такая профессия?

— Что делать?! Перемени профессию, стань кандидатом наук, доктором. У тебя будет устойчивый, постоянный заработок, на который мы наконец сможем жить если и не припеваючи, то более-

менее по-человечески. А свою проклятую писанину брось! Она у меня в печенках сидит, да и тебя мне жалко!..

Мне очень обидно, что жена, самый близкий человек с таким неуважением, недовольством говорит о моей профессии. Меня так и подмывает сказать ей в ответ что-то обидное, колкое, но, бросив взгляд на ее перламутровую коробку с набором разных склянок, пузыречков и таблеток от нервов, головной боли, давления, бессонницы и прочего, сдерживаю себя, пытаюсь как-то объяснить ей, что у меня нет никакого призвания к профессии ученого и что написать диссертацию для меня все равно что вырыть иглой колодец в пустыне.

— Чепуха! — громко и решительно возражает жена и тут же, понизив голос, добавляет: — Конечно, среди тех, кто пишет и защищает диссертации, наверное, много, очень много умных, талантливых людей, дай Бог им здоровья. Но кто не знает, что встречаются и такие, которых не назовешь ни умными, ни талантливыми...

И в подтверждение своих слов она ссылается на какого-то своего дальнего родственника, глупее и бестолковее которого она якобы никого еще не встречала в жизни.

— А вот поди ты, защитил кандидатскую, — с завистью и обидой говорит жена. — Глядишь, скоро и доктором станет. А ты что, хуже его?

Не скажу, чтобы жена убедила меня, но я тем не менее призадумался. С одной стороны, мне до смерти надоели постоянные сетования жены по поводу моей профессии и вечной нехватки денег на жизнь, а с другой — я поневоле с грустью вспомнил, сколько боли и огорчений доставляют мне порой мои “смешные хабары”. Некоторые люди в моих героях видят себя и при встрече косятся на меня, как бык на красный лоскут, а иные даже открыто бранятся. Сталкивался я и с такими, которые ничего не смыслят в том, что скрывается за той или иной шуткой, принимались толковать мои хабары вкряк и вкось.

Пораскинув умом, я решил, правда, без особого энтузиазма, последовать совету жены. Но передо мной тут же встал вопрос, как говорится, ребром: какую тему избрать для своей диссертации, какую область научной мысли обогатить своим вкладом? Я долго думал, но все напрасно. Какую бы тему я себе ни называл — тут же отвергал, чувствуя, что это мне не по зубам.

— А скажи, пожалуйста, на чем защитил кандидатскую этот твой самый бестолковый родственник? — озадаченно спрашиваю жену.

— Да на ерунде, на каких-то насекомых, — с готовностью отвечает жена и довольно улыбается, видимо решив, что благодаря ее

настоянию я хотя и поздновато, но все-таки надумал взяться за ум, то бишь за диссертацию.

Не скрою: услышав ответ жены, я почувствовал некоторое облегчение, можно сказать, почти обрадовался. Что-что, а уж насекомых-то, слава Богу, я очень хорошо знаю. Мое детство и юность прошли в глухом лесном селении (нас, нюгдинцев, гордые дербентцы иногда пренебрежительно называют “лесными людьми”). Наш дом всегда кишел комарами, мухами, блохами, клопами, тараканами и множеством других шевелящихся и копошащихся существ. Помню, однажды знакомый отца из соседнего селения, поздоровавшись с ним возле нашего дома, спросил:

— Ай, Довуд! Как живешь-можешь?!

— Валлах, друг, живу хлопотливо и блоховато, — с грустной усмешкой ответил отец, в этот самый момент прихлопнув на своем черном от загара, заросшем затылке блоху, неосмотрительно выползшую из-под воротника его шубы.

И вот я тоже, как и родственник моей жены, решил написать о насекомых, точнее, об одном из самых распространенных видов насекомых — комнатной мухе. Но когда я стал интересоваться нужной мне литературой, то оказалось, что о жизни, строении, биологии, вреде комнатной мухи написано немало трудов, и среди них довольно много солидных. Прочитав их, я даже изумился: у иного черствого человека или высокомерного чинуши и не угадаешь, где сердце, душа и есть ли они у него вообще, а ученые, оказывается, точно определили, что у малюсенькой ничтожной мушки и сердце на месте, и нервная система в полном порядке. Так что вовсе не “ерунда” писать диссертацию о насекомых, как кажется моей жене.

Но наличие богатой и разнообразной литературы о мухе не обескуражило меня и не поколебало мою решимость писать о ней. Наоборот. Наука, как и Вселенная, не имеет границ. Я избрал себе тему, никем до сих пор не исследованную: “Общие и отличительные черты характера городской домашней мухи и сельской и главная истребительная мера борьбы по их полному уничтожению”.

Чтобы придать больший вес и значительность моей работе в глазах будущих моих оппонентов, я во введении, ссылаясь на авторитеты, не преминул указать, какую большую опасность представляет комнатная муха, будь она городская или сельская, для жизни и здоровья граждан. И что поскольку она один из основных переносчиков возбудителей многих заразных болезней, таких, как холера, дизентерия, сибирская язва (я насчитал их около сорока), и распространена во всех обитаемых районах земного шара, то любая новая работа о домашней мухе и средствах борьбы с ней, в том чис-

ле и моя, само собой разумеется, является весьма ценной и полезной для науки, а стало быть, и для всего человечества.

Перейдя к изложению одной из основных глав работы, “Отличие характера городской комнатной мухи от сельской”, я напомнил, что хотя по биологическим признакам городская домашняя муха ничем не отличается от сельской, но... в их характерах все-таки наблюдается известное, если не сказать существенное различие, которое благодаря эволюционному развитию, смене бесчисленных поколений этого вида насекомых приняло устойчивое генетическое свойство, то есть признаки наследственности. Городская муха более шустрая, подвижная, нервная, импульсивная, впечатлительная. У нее быстрая реакция, она более назойлива, если не сказать нахальна. Когда гонишь ее через дверь, она без всякого стеснения влетает тут же через окно. Пытаешься прогнать ее в окно, она липнет к стеклу и бежит по нему с виртуозностью канатоходца, будто знает, окаянная, что как из-за блохи шубу не сжигают, так и из-за мухи ни один человек, будь даже он круглый идиот, не станет бить стекло в окнах, тем более когда спрос на него, как сейчас, очень высок и цена тоже.

Сельская же муха в этом отношении, можно сказать, является прямой противоположностью своему собрату — городской комнатной мухе. Она обладает более спокойным нравом. Она сонлива, малоподвижна, застенчива, склонна к меланхолии, созерцанию и не так надоедлива.

Я на обширном материале показал, что отличие характера городской домашней мухи от сельской домашней обусловлено социально-экономическими и геополитическими факторами, вернее, существенной разницей между обстановкой и условиями городской и сельской жизни, которая может быть ликвидирована только в результате полной победы коммунистического общества.

Наличие шума, постоянные сигнальные гудки, оглушительные сирены пожарных машин, раздражающая трескотня бесчисленных мотоциклов, всевозрастающая интенсивность транспортного движения, многоэтажные жилые дома, задымленная, загазованная атмосфера и, конечно, нехватка легкого “подножного корма” — все это наложило определенный отпечаток на характер и поведение городской комнатной мухи. В то время как чистый деревенский воздух, покой и тишина, обилие разнообразной пищи вокруг и т.д. делают сельскую муху более спокойной и уравновешенной.

Но главным достоинством диссертации и своей несомненной заслугой перед отечественной и мировой наукой я считал по праву то, что первым среди ученых указал на возможность использования бесчисленных воробьиных стай как самого мощного и эффек-

тивного в перспективе средства полного уничтожения этого древнего врага человека — мухи вообще и домашней в частности, хотя не отрицал и некоторых достоинств ныне применяемых профилактических мер борьбы с ней.

Почему я остановил свой выбор на воробье, а, допустим, не на ласточке или чижики, несмотря на то что все они принадлежат к семейству воробьиных, то есть произошли, надо полагать, от одного “праотца” и от одной “праматери”? Дело в том, что в отличие от этих птиц, которые, едва почуяв запах холода — приближение зимы, сломя голову удирают в далекие жаркие страны, а возвращаются лишь в разгаре весны, когда уже тепло и солнечно, воробей — птица оседлая. Он никуда не бежит. Но от него человеку больше вреда, нежели пользы. Он наносит огромный урон садам и посевам. Ежегодно в ненасытных воробьиных зобах исчезают сотни тысяч тонн народного зерна, содержащегося на наших токах, в элеваторах, зернохранилищах, что заставляет нас, при наличии бескрайних земельных просторов и неисчерпаемых водных ресурсов, ездить с мешком по заграницам, чтобы купить недостающий запас хлеба, который пожирает прожорливый воробей. В качестве конкретного примера (то есть, как принято писать в диссертации, полевого материала) я сослался на известный мне прискорбный случай. Один из колхозных зерноскладов после уборки урожая до самой крыши был засыпан первосортной пшеницей. Спустя три месяца пришли на склад члены ревизионной комиссии, чтобы проверить наличие зерна и условия его хранения. И что же вы думаете? Только колхозные ревизоры заглянули в помещение склада, они тут же ахнули. Им, конечно, было от чего ахнуть. За все это время со склада по колхозной разнарядке не было отпущено ни одного килограмма зерна, но его, как ни странно, осталось меньше половины. Видя крайнее изумление ревизоров, завскладом недолго думая проворно засунул два пальца в рот и пронзительно свистнул. Тотчас же испуганная стайка воробьев дружно поднялась с груды зерна и поспешно скрылась между пыльными балками потолка.

— Видите?! — обрадованно воскликнул завскладом, указывая рукой на воробьиную стаю. — Все они сожрали, проклятые!..

После того как удивленные и расстроенные ревизоры, словно на поминках, молча, без застольных тостов, не чокаясь, распили несколько бутылок водки и основательно закусили, был составлен акт, в котором указывалось, что причиной крупной недостачи зерна на зерноскладе, обнаруженной при ревизии, являются... воробы, порази их чума.

Проиллюстрировав, таким образом, на живом факте, сколь вреден воробей для наших хлебных запасов, я в своем научном тру-

де выдвинул блестящую идею: заставить воробья переключиться со злаков и ягод на мух, будь они городские или сельские, и, как говорится, убить одним выстрелом сразу двух зайцев.

Я не только подал идею, но и подсказал, как ее следует воплотить в жизнь. Предложил произвести скрещивание ласточки с воробьем, основываясь на том, что ласточка в отличие от воробья питается насекомыми, и главным образом мухой. Она развивает скорость до ста двадцати километров в час и обладает большой маневренностью. Я рекомендовал путем неоднократных скрещиваний и всевозможных экспериментов эти качества ласточки передать воробью и, таким образом, вывести новую породу — гибрид ласточки и воробья (“ластовороб” или “воробласт”), занимающийся исключительно склевыванием и истреблением мух...

Пока я писал диссертацию, жена была очень внимательна и ласкова, как в первые счастливые годы нашей супружеской жизни. Ходила осторожно, на цыпочках, кашляла в кулак. Если кто-нибудь из детей начинал громко шуметь, озорничать, она тут же одергивала шалуна и грозно покрикивала:

— Тише, дети! Папа пишет диссертацию!..

Когда я закончил свой труд, первым долгом прочитал его жене.

Она, никогда не хвалившая ни одного моего произведения, послушав мою диссертацию, пришла в дикий восторг, одним словом, осталась очень довольна.

Не откладывая дела в долгий ящик, я на следующий же день отправил свою диссертацию на кафедру биологии в один из крупных университетов страны. Но вот беда: до сих пор оттуда ни слуху ни духу, хотя с того времени прошел целый год. Я, понятно, очень волнуясь, всякое, знаете, приходит в голову. Но моя жена в отличие от меня совершенно спокойна. Она все ссылается на своего глупого и бестолкового родственника...

ФАНФАРОН, ИЛИ ЖЕРТВА ОДНОГО ПОЦЕЛУЯ

СКАЖУ, положи руку на сердце: нет на свете справедливости! Нету — и все! Я это на своем горьком опыте знаю. Вот я, к примеру, фигура! Притом — номенклатурная! Моей глупой жене радоваться бы и гордиться, что у нее муж — я то есть — не какая-то мелкая сошка, хапурчапур¹, а важное лицо — начальник! А она?.. Э-эх, горе мое, честное слово даю вам, и сказать стыдно, что она обо мне думает.

— У тебя, — говорит она мне, — кроме фигуры-то, ничего и нет!

Видали?! Конечно, по части фигуры я, можно сказать, выразился несколько иносказательно, но фигура у меня действительно внушает. Не то что иные мужчины, всякая хуярда-муьрдэ², мелочь пузатая, смотреть не на что. Скажу без бахвальства, и сейчас, несмотря на то что я мужчина не первой молодости, многие молодые барышни на меня поглядывают с интересом.

Но фигура фигурой, а я как человек с соображением понимаю: в наш век научно-технического прогресса, когда человек быстрее пули летит в космос, не хуже, чем любая рыбина, опускается на дно морское, шагает по Луне, как все равно что я по своей загородной даче, чтобы войти в список избранных, то есть номенклатурных, лиц, занимать руководящую должность, пусть даже в городском или районном масштабе, одной внушительной фигуры мало. Надо к ней иметь непременно и диплом. А я имею и то и другое — то есть и фигуру, и диплом. А попробуй это втолковать моей бестолковой жене — обыкновенной кухарке, домохозяйке, которая только и знает что стряпать и через каждый год, точно по заведенному графику, рожать детей, и главным образом женского пола. При этом она совершенно не понимает, что современная культурная и уважающая себя женщина не разводит детей, как кроликов. И она еще позволяет делать мне, номенклатурной фигуре с дипломом, всякие глупые замечания, учит, так сказать, уму-разуму.

— Подумаешь, говорит, диплом, эка невидаль! На кой он, твой диплом, говорит, если у тебя одна блажь в голове? Фанфарон ты — больше никто!

Некультурная женщина, а слово какое выискала — “фанфарон”! Я, человек с дипломом, и то сроду не встречал нигде этого слова. Про “фараона” слышал и даже где-то когда-то читал. Я сначала думал, что оно, это слово, просто случайно взбрело ей на язык,

¹ *Хапур-чапур* — всякая всячина, чепуха, вздор.

² *Хуярда-муьрдэ* — мелочь.

сама его придумала, а что оно для нее означает — шут ее знает. А вот когда жена и в шутку, и в гневе стала все чаще обзывать меня “фанфароном”, я пришел к знакомому учителю узнать, есть ли такое слово вообще, а если есть, то что оно выражает. Оказывается, как мне объяснили, такое слово действительно существует, не она его выдумала. Фанфарон — это человек, который выставляет напоказ свои мнимые достоинства, вроде того, как говорится в известной пословице: “Сам ворон, а изображает из себя орла”.

Не скрою, как только я узнал, каким уничижающим словом моя жена обзывала, оскорбляла все эти последние годы меня, своего мужа, притом номенклатурную фигуру с дипломом агронома-овощевода, я прямо-таки был потрясен. Первым моим побуждением было скорее вернуться домой дать ей как следует прикурить, а затем, не откладывая дела в долгий ящик, подать в суд на развод, хоть она мать моего единственного сына и восьмерых дочерей мал мала меньше. Но я с трудом превозмог себя, чтобы не сделать этого, только ради детей. Но обида на душе осталась.

Жена моя сердится на меня за то, что я, имея диплом агронома-овощевода в кармане, не могу удержаться на одном месте. Пусть даже так. А тебе, скажи, что за беда, если последние пять лет я побывал на должности заведующего городской овощной базой, директора городской мельницы, хлебопекарни, и.о. начальника городской пожарной охраны?

А ты, пожалуйста, знай свое дело: рожай и дальше себе на здоровье дочерей, вари свой хинкал, а в мои мужские дела нос не суй. Хотя мы с тобой по закону и равноправны, но не забывай, что ты все-таки женщина, папаху ношу на голове я, а не ты! Кроме того, пока я числюсь в номенклатуре, тебе нечего беспокоиться за меня, за наше благополучие: снимут с одной должности — назначат на другую.

Но я с огорчением должен сказать, что снимают меня отовсюду по одной и той же глупой мотивировке: превышение власти, грубое обращение с подчиненными, нарушение, так сказать, принципов де-мо-кра-ти-и! Не согласен я с этим — хоть режь! Только с должности и.о. начальника пожарной охраны — я признаюсь в этом чистосердечно — отстранили за дело. В тот день, когда на окраине города, на совхозной свиноферме, случился пожар и окрест распространялся аппетитный шашлычный запах, одна пожарная машина пожарным насосом поливала мой огород на даче. Я тоже, конечно, был там с двумя моими подчиненными, которые помогали мне. Положа руку на сердце, еще раз говорю: на этот раз я был виноват, показали меня за дело. Народ на противопожарной службе хороший, мужественный, чувствует себя в постоянной боевой готовности, в случае пожара нередко рискует и здоровьем, и жизнью. А я в тот

день в отличие от моих людей “тушил” пожарной машиной “огонь” на грядках с помидорами и огурцами на своей даче, поскольку они действительно горели из-за того, что кто-то перекрыл нам воду.

Но речь сейчас не об этом. Посудите сами: какой же я начальник, если подчиненные не будут беспрекословно выполнять мои указания и приказы, нравится им это или не нравится? Демократия демократией, а подчиненные должны делать то, что приказывает начальник. Даже в армейском уставе (а я год служил старшиной роты в пехотном батальоне. Служил бы еще, но попал под сокращение) недаром написано: “Приказ командира — закон для подчиненного”. К сожалению, надо сказать, не все это понимают даже среди руководителей. Вот взять хотя бы эту нашу шумевшую по всему нашему маленькому городу историю с поцелуем...

После отстранения от последней должности и.о. начальника городской пожарной охраны меня назначили директором межколхозного театра. Откровенно говоря, я никогда не питал почтения ни к театру, ни к актерской братии. Актерское занятие всегда казалось мне несерьезным, шутовским делом, а сами актеры — легкомысленным и ветреным народом, но зато я опять-таки не рядовой, а директор, начальник!

Аккурат приближался праздник уборки урожая, и театр в спешном порядке к этому времени готовил новый спектакль-комедию местного драматурга на современную колхозно-бытовую тему. За несколько дней до премьеры я распорядился, чтобы повсюду были расклеены плакаты, выставлены афиши, передали объявления по местному радио и в газете. Реклама — великое дело.

И вот когда в переполненном зале шла премьера, вдруг ко мне в кабинет с шумом вбегает мой режиссер. Испуганно вытаращив глаза и обхватив руками свою пышную шевелюру, которую он, казалось, в отчаянии собрался рвать, как несчастная вдова волосы на похоронах мужа, режиссер принялся кричать:

— Горим!.. Горим, товарищ директор!..

Я сам, признаться, не на шутку испугался, думаю: Боже упаси, как бы с нашим театром не произошло то же самое, что с совхозной свинофермой. И тут же кинулся к телефону, чтобы немедленно позвонить по известному номеру, но режиссер, страдальчески сморщив лицо и энергично замахав на меня руками, закричал еще громче:

— Да не-е-ет! Не от огня горим, а...

У меня, знаете, сразу отлегло от сердца. Раз, думаю, горим не от пожара, можно особенно не волноваться. Из дальнейшего объяснения режиссера я понял, что один из актеров неожиданно заболел расстройством желудка, заперся в туалете и ни за что не жела-

ет выходить на сцену, хоть наставляй на него пистолет. А дублера у него нет. И режиссер просит, умоляет меня, чтобы я в спешном порядке заменил заболевшего актера.

Правда, эта роль в спектакле маленькая, эпизодическая и совсем несложная. Чудаковатый старый холостяк, колхозный пастух, пригнав под вечер на ферму коров, заглядывает в коровник и, к своей несказанной радости, застает там молодую незамужнюю доярку, к которой он давно равнодушен. Пастух от радости, что встретил ее, поет и пляшет вокруг доярки, просит, чтобы она хоть разок “для утешения души” позволила ему поцеловать ее. И он трижды повторяет свою просьбу. Но она не соглашается, мягко отстраняет его рукой, — вот и вся роль. Я несколько раз был на репетиции, хорошо помнил все, что должен говорить и делать безнадежно влюбленный старый бобыль. И я согласился — не срывать же из-за этого спектакль. Только одно смущало меня: я совершенно не умею петь. Природа, наделив меня завидной фигурой, совершенно обделила голосом. И когда я начинаю петь, то мой голос даже мне самому напоминает утиное кряканье.

О своих сомнениях и опасениях я, конечно, сказал режиссеру. Но тот, весьма обрадованный моим согласием, тут же поспешил успокоить меня.

— Что вы, что вы! Это даже хорошо, — начал он уверять меня. — Внесет больше комизма в игру. Это же комедия!

Немедленно принесли мне в кабинет чабанскую бурку, длинную увесистую палку с загнутым концом, приклеили накладные усы.

Прежде чем выйти на сцену, я полез в ящик своего рабочего стола, вынул спрятанную там на всякий случай нашу дербентскую “пятизвездную”. Налив полный граненый стакан коньяку, я залпом выпил его, так сказать, для храбрости: как-никак первый раз выступаю на сцене, да еще без предварительной подготовки, и, конечно, волнуясь, боюсь, хотя я человек не робкого десятка.

И вот под разноголосое мычание “коров” и “телят”, только что пригнанных в село, я захожу в “коровник”. Увидев свою “симпатию”, я, понятно, как и положено мне по роли, сияю как медный самовар, лихо, самодовольно поглаживая накладные усы. Затем от охватившего меня волнения начинаю юлой кружиться вокруг доярки, петь, вернее, крякать по-утиному.

Смотрю, в зале зрители смеются, хохочут. Довольны, стало быть. И я доволен: спас спектакль от неминуемого срыва и моя игра нравится публике. Я вошел в раж и продолжаю свой номер. Кончив петь, куролесить, я в самом прекрасном расположении духа подхожу к предмету моего поклонения, прошу, чтобы она, пока не легкая не привела сюда кого-нибудь из ее подруг, позволила мне ра-

зок поцеловать ее в румяную щечку. А доярка, смущенная моим приставанием, отстраняет меня рукой и стыдливо прячет зардевшееся лицо. Но я, как следует мне по роли, не отстаю от нее, прошу, молю об одном-единственном поцелуе — все напрасно.

И вот тут, убей меня, не помню, не могу объяснить, как это получилось; то ли коньяк внезапно ударил мне в голову, то ли самолюбие начальника во мне взыграло. Забыв, что идет спектакль, что я на сцене и глаза зрителей устремлены на нас, что я всего-навсего “пастух”, а она “доярка”, я вдруг, разгневавшись за ее упорный отказ на мою неоднократную просьбу позволить мне разок поцеловать ее, мигом скинул с плеч бурку, отбросил в сторону палку, сорвал с головы папаху, а с лица — фальшивые усы и кричу ей:

— Набо-о-от! (Набот — это ее настоящее имя, а в пьесе другое — забыл какое.) Я же, черт побери, твой начальник! Как ты смеешь не слушаться меня, подрывать мой авторитет в глазах моих подчиненных?!

И я тут же сгреб ее в охапку и с силой поцеловал в ярко окрашенные губы. Но не успел я опомниться, как вместе с проклятиями разозленной “доярки” на мою башку с грохотом обрушилось ее пустое ведро. И хорошо еще, что оно было пустое. Вслед за этим я почувствовал, как кто-то изо всей силы так огрел меня между лопатками той самой увесистой палкой, которую я только что выбросил вон, что я от боли света Божьего невзвидел. Это, оказывается, был ее настоящий муж, тот самый актер, который давеча заперся в туалете и ни под каким видом не хотел выходить оттуда. Вслед за этим тут же на сцене вместо игры произошло, что называется, мамаево побоище... Сами знаете, народ у нас вспыльчивый, горячий, быстро загорается и медленно остывает.

Короче говоря, спектакль сорвался в самой середине действия, и эта веселая комедия обернулась для меня лично трагедией, то есть меня опять сняли с должности по знакомой уже вам формулировке... Беда, как известно, не приходит одна. Жена тоже выгнала меня из дому, несмотря на то что я отец ее единственного сына и восьмерых дочерей мал мала меньше. Когда я в тот вечер пришел домой, с ноющей спиной и больной головой, весь исцарапанный, со следами помады на губах, которую я от расстройства и волнения забыл стереть, да еще весь пропахший спиртным, жена накинулась на меня, словно разъяренная пантера, и выставила за дверь.

— Иди вон, говорит, фанфарон несчастный, — туда, где пил захриман и где целовался-миловался. Мне такой муж не нужен.

И все это, как видите, из-за одного злополучного поцелуя! Положа руку на сердце, разве можно говорить после этого, что на свете есть справедливость?!

ХАБАР И ХИНКАЛ

ДЕДУШКА Азиз вышел из сакли, остановился посреди двора и медленно огляделся вокруг. Землю уже окутывали теплые летние сумерки, в которых постепенно расплывались очертания высоких гор, окружавших его родной аул. На небе зажглись, точно сверкающие светлячки в темной густой ночной траве, первые звезды, а во многих окнах засветились огоньки.

“Пора идти”, — подумал про себя старик. И как только сделал первый шаг, навстречу ему из коровника вышла жена, долговязая старуха с постным лицом и большими натруженными руками. В правой руке она держала медную бадью с парным молоком. На минуту они остановились друг против друга: она — высокая, костистая, он — маленький, сухонький и чуть сутулый.

“Вот Аллах послал мне женушку — то ли в наказание за мои грехи, то ли в награду за мою доброту, — мысленно усмехнулся Азиз, оглядывая жену и задумчиво поглаживая рукой коротко остриженную белоснежную бородку. — Как я на ней женился — ума не приложу!”

Несмотря на свое врожденное добродушие, дедушка Азиз не выносил, когда жена становилась так перед ним и смотрела на него сверху вниз. Ему казалось, что это унижает его мужское достоинство.

Первой нарушила молчание жена:

— Вай, Азиз, ты опять куда-то идешь в такое время?

— Куда хочу, туда иду, еще буду тебя спрашивать! — сердито проговорил он, недовольно передернув узкими худыми плечами, и, тоже горделиво подняв голову, важно прошел мимо жены.

Старуха не нашлась сразу, что сказать своему своенравному и чудаковатому мужу; лишь после минутного молчания она крикнула ему вслед:

— Вот-вот дети должны вернуться с поля, хинкал уже сварился. Остался бы дома, натолок чесноку, поужинали бы вместе!..

Азиз, не задерживаясь, шел дальше, не обращая внимания на ее слова. Потом вдруг, словно вспомнив что-то, остановился, повернулся в ту сторону, где все еще стояла жена с бадьей в руке.

— Эй, жена! — громко произнес Азиз, чуть приподнимаясь на цыпочки. В голосе его сейчас звучали решимость и в то же время насмешка над ее словами. — Хоть и говорят: “Хинкал лучше хабара”, а по-моему, добрый хабар лучше твоего худого хинкала, хе-хе... Я иду слушать интересный хабар!.. Понятно тебе?!

Сказав это, дедушка Азиз ускорил шаг. Он мысленно выругался: из-за ее глупой болтовни как бы не опоздать в клуб, куда спешил

сейчас. Сегодня аульский радиоузел трижды оповестил джамаат о том, что приехал ученый лектор из города читать лекцию для верующих “О происхождении жизни и человека”.

...Из восьмидесяти лет своей долгой жизни шестьдесят лет дедушка Азиз ходил за отарой. Два года назад его чествовали всем аулом и с почетом проводили на заслуженный отдых. С тех пор не было почти ни одной лекции или вечера, на которых бы он, любопытный и словоохотливый старик, не присутствовал.

Правда, говорят, что лектор, который приехал сегодня из города, очень молод, совсем юноша. Многим верующим, которые будут слушать его сейчас, он не только во внуки, но и в правнуки годится. Ну и что же из этого? Есть пословица: “Ум не в возрасте, а в голове”. Иной человек долго живет, а без толку, только небо коптит. На другого посмотришь: молод-зелен, а умом всех превзошел.

Рассуждая так, старик не заметил, как очутился у дверей клуба. Азиз осторожно заглянул в зал. Он был полон народу — почти одни старики и старухи. На трибуне стоял бледнолицый юноша в ярком, пестром, как разноцветный попугай, галстуке и с гладко причесанными блестящими черными волосами. Все скамейки уже были заполнены, только в первом ряду, у самой трибуны, оставалось несколько свободных мест. Азиз тихо прошел и чинно уселся.

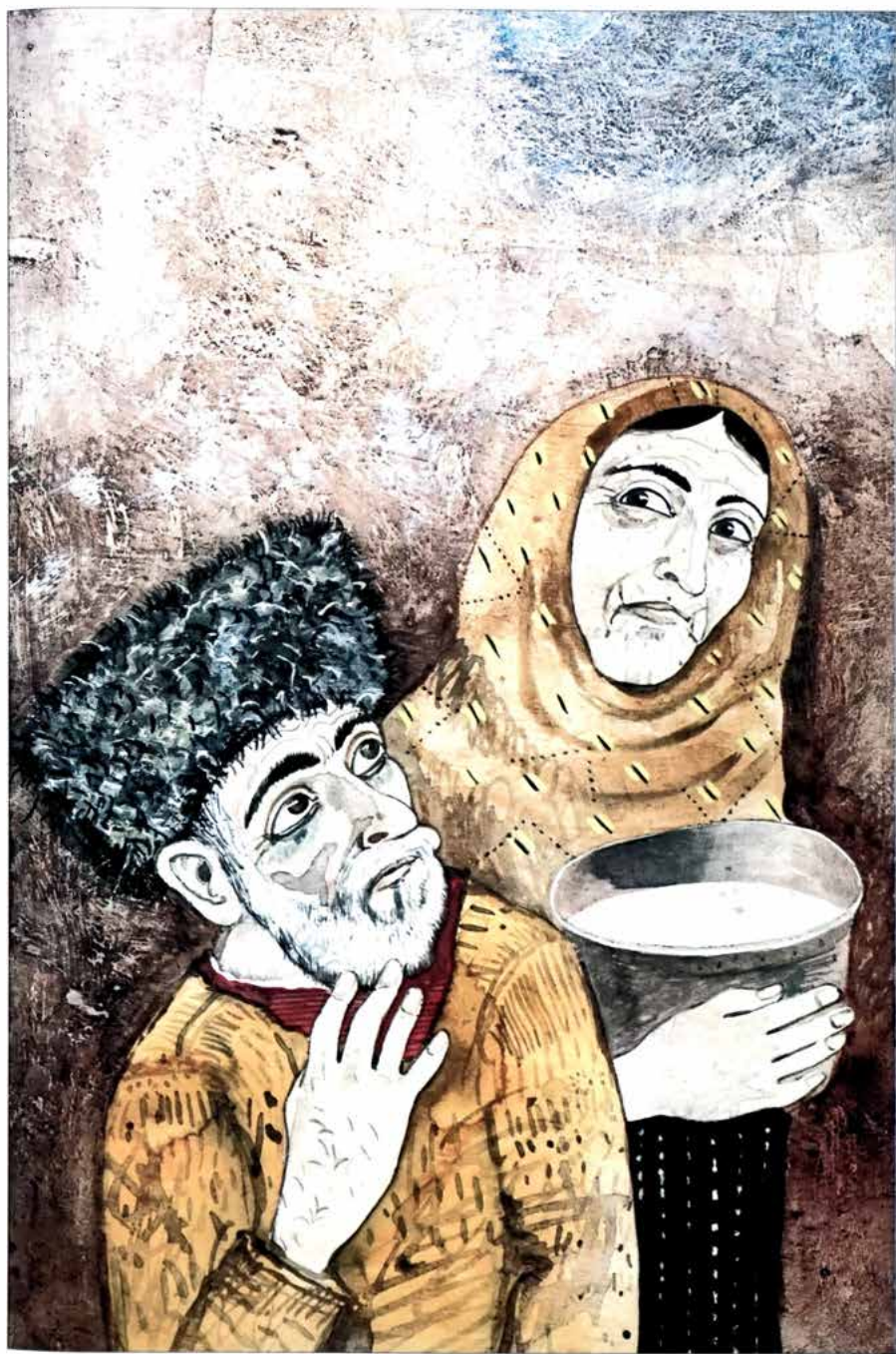
— Товарищи! Прежде чем рассказать вам, как произошла жизнь на земле и как появился человек, — уверенно начал молодой лектор, — я коротко объясню вам, что такое жизнь...

Дедушка Азиз нетерпеливо заерзал на месте и приставил свою маленькую морщинистую ладонь к уху: очень любопытно, что на этот счет собираются говорить им, старикам, прожившим жизнь.

— Жизнь есть способ существования белковых тел, — тем же уверенным тоном продолжал гость. — Сущность жизненного процесса заключается в непрерывной и одновременной ассимиляции и диссимиляции живого...

Дедушка Азиз зажмурил глаза и энергично покрутил головой, точно желая встряхнуть свои старые мозги, и, подавшись вперед всем телом, еще больше напряг несколько ослабленный с возрастом слух. Но и после этого все, что говорил лектор, не доходило до его сознания, оставаясь для него, как говорится, книгой за семью печатями. А лектор, словно забыв, перед кем он выступает, и будто нарочно щеголяя своей эрудицией, сыпал в зал высоконучные, совершенно непонятные Азизу и другим присутствующим термины: агностицизм, детерминизм, мистицизм, идеализм, материализм, дуализм, анимизм, панпсихизм, — делая ссылки на Платона, Демокрита, Аристотеля, Спинозу, Гегеля, Фейербаха, Дарвина...

“Вах! Что за имена, как горох из торбы, сыплет этот юноша? —

“Хабар и Хинкал”

искренне недоумевал дедушка Азиз. — Какие люди носят эти имена, мужчины или женщины, христиане, иудеи или язычники, здравствующие или давно усопшие?.. Может быть, у этого юноши жар, горячка и ему нездоровится?..” А в горячечном бреде человек может говорить не только все, что взбредет на язык, но и выкинуть самую неожиданную штуку. Ведь был же с ним, Азизом, случай, когда он однажды заболел двусторонним воспалением легких и в бреде принял собственную старуху, которая старалась напоить его теплым молоком, за самого черного Азраила — ангела смерти, пришедшего по велению Бога за его душой. Он тогда недолго думая разом вскочил с постели, сорвал со стены свой старый кинжал и в одном исподнем с яростной решимостью погнался за женой и чуть не совершил смертоубийство. Хорошо, что на ее крик вовремя подоспели люди, силой увели его, больного Азиза, уложили обратно в постель, иначе не миновать бы греха.

От этих размышлений отвлек дедушку Азиза богатырский храп, раздававшийся прямо за его затылком. Он невольно обернулся и увидел, что кузнец Сафар, сложив свои темные здоровенные ручищи молотобойца на животе, опустил кудлатую голову на широкую грудь, которая, как мехи в его кузнице, вздымалась и опускалась в такт храпу. Соседи его сидели тоже с безучастными, скукающими лицами, а иные скептически или насмешливо улыбались. Это окончательно вывело дедушку Азиза из себя.

— Можно? — громко произнес Азиз, вскинув руку, обращаясь к лектору.

— Нельзя! — тотчас же громовым басом произнес кузнец, который сквозь сон принял этот вопрос в свой адрес. — Я еще твоего ишака не подковал, подожди попозже!..

Но в тот же миг, проснувшись, кузнец беспокойно огляделся, растерянно моргая сонными глазами. Этот неуместный возглас сразу вызвал оживление и дружный хохот в скукающем и недоумевающем зале. Посыпались шутки, остроты. Наконец, когда все стихло, лектор, скрывая досаду, спросил Азиза:

— У вас вопрос ко мне? Но я еще не кончил. — Потом, немного подумав, добавил: — А впрочем, что вы хотели?

— Тебе здоровья, сынок, прежде всего, — любезно, но с нотками скрытого недовольства и насмешки произнес он, привычно трогая седую бородку. — Ты, сынок, прости меня, старика, что немного помешал твоей лекции. Ночь еще впереди, успеешь наговориться, — начал издали старый Азиз. — Если наступил момент снести курочке яичко, ты хоть пугай ее тапанжой¹, не остановишь. Так

¹ *Тапанжа* — пистолет.

и у меня. Если меня беспокоит, волнует какая-нибудь мысль, вопрос или одолевает сомнение, я их обязательно должен высказать, нравится ли это кому или не нравится. Такой уж меня характер...

— Вы, дедушка, пожалуйста, говорите по существу! — бросил с трибуны гость, жалея, что дал этому, как ему показалось, вздорному старику слово.

Но дедушка Азиз, пропустив мимо ушей его замечания, продолжал спокойно:

— Ты, наверное, сынок, не знаешь горскую поговорку: “Конь узнается по ходу, человек — по слову”. К чему я это веду? Вот ты сейчас сказал нам, что жизнь есть вроде... халам-балам¹, хапур-чапур. Услышав это, сынок, я невольно подумал, что ты еще не знаешь настоящей жизни, раз о ней так думаешь...

— Да я ничего подобного не говорил! — возразил удивленный лектор. — Откуда вы взяли?!

— Говорил, говорил, не глухие!... — с места подтвердили несколько человек.

Лектор, смеясь, недовольно покачал головой:

— Я говорил “ассимиляция и диссимиляция”, а не “халам-балам”, — настаивал на своем лектор.

— Это одно и то же: “Что Хужа-Али, что Али-Хужа”², — шутливо выкрикнул кто-то с задней скамейки.

— Вот видишь! — торжествующе взглянув на лектора, весело произнес Азиз. — Не зря говорится: “Сорвалось с языка — досталось всему миру”. Знаешь, сынок, неглупые люди выдумали пословицу: “Жизнь что соленая вода: чем больше пьешь, тем больше жажда”. Вот что такое жизнь. — Азиз на секунду замолк, задумчиво кивнул головой и тут же продолжил: — На своем веку я видел много хорошего и много плохого. Теперь я стар. Как сердцу ни молодиться, а телу не обновиться. А хочется, сынок, как хочется, чтобы оно обновилось. Жизнь-то нынче совсем не та, что была при моей молодости. Где ты сейчас увидишь, чтобы дети горцев с голыми пупами шлялись по аулу, а взрослые мужчины из-за куска хлеба скитались по чужим краям, а сахаром лакомились только на свадьбах?.. Ты бы лучше сказал нам, как сделать жизнь еще лучше, краше, чтобы человек жил долго и бодро. Вот до тебя здесь читал лекцию дохтур, дай Аллах ему здоровья! Много хороших слов он говорил, а хорошее слово — пища для души. Говорил, почему вредно пить водку, особенно молодому. Молодой и без вина как пьяный, а напьется, так совсем голову потеряет, натворит бед. Потому-то и говорили

¹ *Халам-балам* — всякая всячина, чепуха, вздор.

² Пословица.

наши блаженной памяти деды и прадеды: “Если бык опасен спереди, осел сзади, то пьяный человек опасен со всех сторон”...

— Хватит, дедушка! — страдальчески сморщив лицо, резко перебил Азиза лектор. — То, что вы говорите, к теме моей лекции не относится. Садитесь и не мешайте, пожалуйста, слушать другим!

Дедушка Азиз хотел дать ему еще несколько мудрых советов, но, с досадой махнув рукой, сел на место. Он решил до конца лекции больше не проронить ни слова, какой бы вздор ни нес этот юноша. Но, когда лектор коротко “ознакомил” слушателей с эволюционным учением Дарвина о происхождении видов и тут же, без всякого перехода заявил, что наши далекие предки произошли не от так называемых прародителей Адама и Евы, как утверждаетсЯ в Библии и Коране, а от человекоподобных обезьян, дедушка Азиз, как и другие старики, был поражен в самое сердце. И многие из них с сердитым, протестующим восклицанием “астапирулла!”¹ беспокойно задвигались на своих местах.

— Одним из видов этих обезьян, — продолжал молодой лектор, не обращая внимания на реакцию зала, — является орангутанг, что означает в переводе “лесной человек”. Орангутанг, как и человек, не имеет хвоста, а на конечностях у него, как и у нас, пять пальцев, а во рту ровно тридцать два зуба. Всем человекообразным обезьянам — горилле, орангутангу, шимпанзе, гиббону — свойственны чувства радости и гнева, печали и любопытства, и в отличие от хвостатых мартышкообразных обезьян, не говоря о других представителях животного мира, они, как и мы, смеются, хохочут, когда им очень весело, рыдают, плачут, когда им больно или очень горько на душе...

Дедушка Азиз, вопреки своему решению, опять собрался вступить в полемику с приезжим лектором, но его опередила одна старуха, сидевшая рядом с кузнецом Сафаром. Она, видно, тоже сочла слова лектора об обезьяне, хоть и бесхвостой и человекообразной, за оскорбление памяти своих усопших предков, поэтому, крайне возмущенная этим, вскочила с места и, как рассерженная гусыня, вытянув худую жилистую шею, прошамкала беззубым ртом:

— Шам ты обяжана, шин обяжаны! Каркаешь тут што попало!.. — И, продолжая ворчать и браниться, старуха демонстративно покинула зал.

После лекции Азиз сразу поспешил домой. Все уже спали, кроме старухи, которая терпеливо ждала возвращения мужа, чтобы подарить ему ужин. Увидев жену, Азиз, против обыкновения, приветливо и ласково улыбнулся ей.

¹ *Астапирулла* — выражение крайнего недовольства.

— Валлах, жена, зря я на этот раз не послушался тебя, — с сожалением проговорил он и, строго нахмутив брови, добавил: — Чем такой хабар, который мы только что слушали в клубе, в тысячу раз лучше твой хинкал. Бисмиллах!..

МУЖ ДВУХ ЖЕН

Многоязык, многокрасочен Дагестан! Много разных обычаев сохраняют его народы. Об одном обычае мне рассказал татский писатель Хизгил Авышалумов.

Если у горцев не рождаются дети, то муж опоясывает себя шерстяным поясом, чтобы Аллах заметил его среди других жителей гор.

В то же время горец молится:

— О Аллах, не обижай своего бедного раба, пошли ему сына.

Такие же пояса надевали и те, у которых рождались одни дочери...

Расул Гамзатов. Мой Дагестан

КОЛХОЗНЫЙ конюх дядя Эсеф, дюжий мужчина, выделялся среди своих односельчан не только саженым ростом, но и поразительно мощной бородой, которой могли бы позавидовать ассирийские цари или древние пророки — обожатели пышных бород. Но с некоторых пор с его царственной бородой стало происходить что-то совершенно непонятное и даже, можно сказать, роковое. На глазах у изумленных односельчан она начала таять с угрожающей быстротой, как ледяная сосулька на солнце. Сперва из нее загадочно стали исчезать только серебристые нити, а потом вместе серебристыми — и черные.

Односельчане, привыкшие видеть пышную бороду дяди Эсефа во всем ее роскошном великолепии, с явным недоумением и даже некоторой тревогой наблюдали трагическую перемену. Но спрашивать об этом никто почему-то не решался. Сам же он хранил на этот счет суровое молчание и даже делал вид, будто с его бородой ничего особенного не происходит. Поэтому между собой односельчане Эсефа стали высказывать самые различные догадки и предположения относительно его катастрофически редющей бороды. Одни считали, что она пострадала от сглаза, иначе, мол, и не могло быть — такая необыкновенная борода рано или поздно должна была стать жертвой дурного глаза. Другие, отвергая это утверждение как нелепое суеверие, считали причиной лихой беды, постигшей буйную растительность на лице дяди Эсефа, моровую язву, Бог весть откуда прилепившуюся к ней. А иные с самым серьезным видом уверяли, что жена Эсефа, страдающая суставным ревматизмом, будто бы по совету лекаря собирает себе вязать теплые джужрабы¹ из... волос, которые она ежедневно по целому вороху выдергивает из роскошной бороды мужа.

Односельчане Эсефа так и не узнали бы тайны этой трагедии,

¹ Джужрабы — вязанные носки.

окутанной мраком неизвестности, не случись с его бесподобной бородой новая, еще более тяжкая беда.

...Дядя Эсеф страшно переживал, что у него одни дочери и нет сына. Боясь, что на всю жизнь останется хъэолом, он после рождения пятой дочери стал носить, как велит обычай его отцов и дедов¹, красный кушак и отращивать бороду. И вот на зависть всем бородачам за каких-нибудь полгода-год у него выросла такая пышная борода, словно буйная поросль на хорошо ухоженном и щедро унавоженном поле. С тех пор односельчане стали называть его Длинной Бородой.

Эсеф был уверен в том, что, если даже Бог очень стар и по этой причине зрение его ослабло, он все равно заметит его бросающиеся в глаза яркий красный кушак и аршинную бороду и дарует ему долгожданного сына.

Но прошло немало лет, прежде чем дядя Эсеф с сердечным сокрушением понял, что скорее на вершине Шалбуздага свистнет рак, а на голом камне зацветет ландыш, чем его старая жена, которой уже перевалило за пятьдесят, вновь станет матерью. Тревога вселилась в сердце Длинной Бороды. Страстно желая сына, он мысленно уверял себя и других в том, что хочет его вовсе не потому, чтобы тот был ему опорой на старости, — едва ли он доживет до того времени. Кроме того, говорится же: “Один отец может прокормить десять сыновей, а десять сыновей не смогут прокормить одного отца”. Да ему и не нужна помощь от сына. Пусть бы он только родился на свет. Бог свидетель, он хочет сына, чтобы снять с себя скорбное прозвище “хъэмол”, поддержать честь своей папахи. Только ради этого он сблизился с молодой одинокой вдовушкой Аснат и договорился с ней о тайном браке.

Правда, Аснат красоты не ахти какой, зато эта черномазая и лупоглазая молодуха с пухлыми, точно надутыми щеками обладает такой широкой грудью и воловьими бедрами, что Длинной Бороде казалось, что из нее так и посыплются дети, как спелые яблоки с яблони, которую стоит слегка потрясти.

И вот, когда дядя Эсеф поведал жене о своем намерении жениться на толстухе Аснат, она от потрясения долго не могла слова вымолвить, будто у бедняги язык прилип к гортани.

— Эсефджан, да буду я жертвой за тебя, не делай этого, не позорь себя и меня на старости лет, — с дрожью в голосе принялась умолять его несчастная женщина, обретя наконец дар речи. — Ты посмотри получше на себя в зеркало: борода у тебя наполовину седая. Что люди подумают, да и ты сам какими глазами будешь смотреть на детей?..

¹ Среди дагестанских народов этот обычай существовал только у татов.

— Родила бы сына — не женился бы! — взорвался Эсеф. — Для отца настоящие дети те, которые носят на голове папаху, а не платок!..

...Вторая жена Эсефа жила далеко, на самой окраине села. Он этому был и рад, и не рад. Рад потому, что соперницы меньше будут попадаться друг другу на глаза, а то, чего доброго, может разразиться скандал — еще вцепятся друг другу в волосы. С другой стороны, Длинной Бороде было не по душе то, что Аснат живет далеко и ему, человеку уже немолодому, во избежание пересудов и сплетен приходится ходить на свидание к молодой жене поздно вечером, когда совсем темно и на улицах никого нет. Но как говорится: “Сидя на верблюде, в отаре не скроешься”. Как дядя Эсеф ни старался пройти к Аснат никем не замеченным, по дороге нет-нет да и сталкивался с кем-нибудь из своих односельчан, слыша за спиной их двусмысленные шуточки и насмешки. И вот вчера, в канун народного праздника весны “Шаами васал”¹, поздно вечером, когда, казалось, все спали и видели третий сон, Длинная Борода, прихватив заранее приготовленный тайком от старой жены узелок с подарками для Аснат, тихо выскользнул на улицу. Оставалось каких-нибудь сто шагов до ее дома, когда вдруг, откуда ни возьмись, из-за угла, точно шайтан из-под земли, вынырнула сгорбленная фигура старухи Саадат, направляющейся куда-то. При виде Саадат, известной в селе болтуньи и сплетницы, Эсеф невольно вздрогнул и помрачнел. Длинная Борода, сразу надвинув на глаза папаху и спрятав узелок за спину, поспешно отошел в сторону и прижался спиной к забору чужого дома, авось старуха не заметит или не узнает его. Но Саадат, увидев застывшего у забора человека с низко надвинутой на лоб папхой, сначала очень испугалась, приняв его за ночного разбойника или просто злоумышленника, нарочно избегающего открытой встречи с людьми, и чуть было не подняла крик. Но через минуту она, узнав в “разбойнике” своего односельчанина, сразу воспряла духом, осмелела. Она не спеша подошла к Эсефу, остановилась перед ним и принялась бесцеремонно разглядывать его застывшую фигуру. Затем Саадат, точно мстя Длинной Бороде за только что пережитый ею страх, вдруг, к ужасу двоеженца, заговорила с ним таким неестественно громким голосом, словно обращалась к глухому или их сейчас разделяла шумная река.

— Ай, Эсеф! Добропорядочные мужья, склонив свои головуш-

¹ *Шаами васал* — свеча весны. Татский народный праздник. В этот день в селе разжигали костры. Парни и девушки прыгали через костер, заводили хороводы, просили у огня предохранять их от дурного глаза, посевы — от засухи, скот — от падежа. Сельчане ходили друг к другу в гости, молодежь веселилась до позднего вечера.

ки на одной подушке со своими женушками, давно спят и видят приятные сны, а ты чего мотаешься ночью по селу, как неприкаянный?!

“Знает же, карга старая, зачем и куда я иду, но нарочно кричит, чтобы люди слышали...” — с возмущением и страхом подумал Длинная Борода и поспешил убраться подальше от назойливой старухи, бормоча проклятия в ее адрес.

Встреча с Саадат настолько испортила праздничное настроение Эсефа, что он, придя к молодой жене, без всякого воодушевления поздравил ее и тут же, после второй чарки вина, усталый и угрюмый, сбросив верхнюю одежду, сразу повалился спать.

Как только Эсеф уснул, наполняя комнату своим храпом, Аснат по обыкновению принялась “приводить в порядок” его бороду. Ей, молодой женщине, было не по душе, что у мужа борода наполовину седая и что это сильно старит его. Всякий раз, когда он приходил, чтобы провести с ней ночь, и засыпал, положив голову ей на колени, Аснат начинала выдергивать седые волосы из его необычайно густой бороды. Но пышная борода мужа хоть и таяла непрерывно за счет потери седых нитей благодаря ее систематической “обработке”, однако, как на грех, несмотря на все старания Аснат, в ней седых волос становилось почему-то больше, чем черных. И она, вконец отчаявшись “омолодить” основательно потрепанную бороду мужа, которая теперь начинала сильно раздражать ее, решила разом покончить с ней.

В эту праздничную ночь, как только усталый и захмелевший Эсеф смежил веки, ему приснился странный сон: одна половина его бороды белая, как белоснежное облако, а другая черная, как грозовая туча. Обе его жены как клещи вцепились в нее, и каждая изо всей силы тянет ее к себе. Молодая пытается вырвать с корнем белую половину и оставить черную, чтобы муж выглядел моложе, а старая, наоборот, силится вырвать черную половину и оставить белую, чтобы муж был похож на седобородого старца. Эсеф орет благим матом, потрясая кулаками, грозит пересчитать им ребра, если они не отпустят его бороду. Но женщины, точно взбесившиеся, не зирая на его истошные крики и угрозы, продолжают рвать ее. И когда наконец половина вырванной бороды оказалась в руках торжествующей молодой жены, а старая, потерпев неудачу в попытках добиться того же, всей своей тяжестью повисла на оставшейся черной половине, двоеженец вдруг проснулся от нестерпимой боли. Открыв глаза, он, к своему изумлению, увидел склоненную над ним полураздетую Аснат с большими ножницами в руках, точно коварную Далилу у изголовья богатыря Самсона. Тревожная догадка молнией обожгла сознание Эсефа. Он инстинктивно потя-

нул рукой к лицу и, не ощутив на нем бороды, содрогнулся душой. В ту же минуту Эсеф с ужасом заметил у себя на груди и на подушке ворохи черно-белых волос, того, что составляло еще совсем недавно его основательно потрепанную многострадальную бороду. Взмешенный вероломным поступком молодой жены, он резко оттолкнул ее и как ужаленный вскочил на ноги. Поспешно схватив в охапку одежду вместе с кушаком, он как угорелый выбежал на улицу, но тут же сгоряча врезался в стаю собак, собравшихся чуть ли не со всего села на “собачью свадьбу”. Вспокоившиеся и рассерженные неожиданным его вторжением, псы, обнажив клыки, с дружным лаем набросились на Эсефа. Одной рукой прижимая к себе одежду, а другой размахивая кушаком, он пытался как мог отбиться от нападавших на него собак. Но два здоровых пса, видно, наиболее злые и свирепые из всей стаи, мертвой хваткой вцепились зубами в кушак, как жёны Эсефа во сне в его несчастную бороду. Под дружный лай остальных собак, плотным кольцом окруживших двоеженца, они, злобно рыча, изо всей силы старались вырвать у него кушак.

...На следующий день рано утром, когда старуха Саадат и другие женщины выгоняли своих коров в стадо, они, к своему немало удивлению, увидели красный кушак Эсефа, который, точно дохлая змея, валялся на земле, истерзанный, мокрый и загаженный ночными псами. При виде оскверненного кушака двоеженца старуха Саадат сразу вспомнила свою вчерашнюю встречу с “ночным разбойником”, и ехидная довольная улыбка скривила ее тонкие морщинистые губы. И в тот же день благодаря ее “достоверной информации” все в селении до “малейших подробностей” узнали о вчерашнем происшествии с дядей Эсефом, о том, как он оставил остаток своей некогда могучей бороды у молодой жены, а в острых зубах рассвирепевших псов — скорбный кушак бездетности...

КАК МУЗА СТАЛА МАРУСЕЙ

У МЕНЯ есть друг. Зовут его... А впрочем, не буду называть его имени. Сами потом увидите, что я поступил правильно. Назову его просто Шарапилом — какая вам разница?

Мой друг Шарапил — поэт. Несмотря на это, человек он степенный, уравновешенный, как две чаши весов у честного продавца. Но все же в душе он немного восторженный и, конечно, влюбленный, хотя ему уже под пятьдесят (поэт все-таки).

И вот недавно Шарапил решил провести свой творческий отпуск в одном из маленьких и очень отдаленных высокогорных аулов, который стоит ближе к небу, чем к земле.

Скажу прямо: чудесное место выбрал он для этого. Я сам несколько лет назад был в этом ауле. В ясный безоблачный день отсюда как на ладони видна бескрайняя величественная панорама родных гор, окутанных легкой сиреневой дымкой и напоминающих издали неприступные замки-крепости сказочных дивов¹, в которых томятся плененные ими прекрасные царевны в ожидании своих избавителей, не менее прекрасных царевичей или просто удачливых героев. Гордые орлы парят у самых твоих ног. А ночью звезды такие яркие и крупные и бархатно-синее небо так близко висит над головой, что кажется, стоит тебе протянуть руку, и ты без труда дотронешься до них.

К тому же в этом ауле мой друг может подкрепить свое здоровье в Доме отдыха, рядом с целебным источником, построенном его жителями на собственных средства на живописном склоне горы, поросшей сонами.

За несколько дней до того, как Шарапил, полный творческих замыслов и радужных надежд, полетел в этот аул, я отправил туда письмо на имя председателя аульского Совета. Даю вам слово, у меня и в мыслях не было, что оно может сыграть злую шутку с моим другом, в чем я очень каялся потом. Письмо было простое, совсем безобидное, правда, написанное в шутиливом тоне. Написал я его с самым благим намерением: чтобы моему другу Шарапилу оказали должное внимание, создали для него необходимые условия для работы и отдыха. И ничего больше.

В письме, как уже было сказано, составленном в тоне добродушной шутки, я написал главе местного Совета о том, что мой друг Шарапил, пожелай только он этого, мог бы провести свой творческий отпуск на знаменитом Рижском взморье или золотых песках

¹ Див — великан.

Ялты, в живописных Гаграх, где витает дух прекрасной царицы Тамары, или на заграничном, всемирно известном курорте Карловы-Вары. Но он захотел провести его именно у них. И что он этим оказывает своего рода честь их маленькому, далекому и затерянному в дебрях гор, но замечательному, доброму и гостеприимному аулу.

В заключение я просил председателя аульского Совета оказать моему другу хороший прием, выделить ему отдельную комнату в Доме отдыха и, если, конечно, его не затруднит, поинтересоваться иногда, посещает ли его Муза — эта капризная, взбалмошная, свое нравная красавица, которая любит дразнить, а нередко сводит с ума поэтов. Если посещает, то в какое время дня и ночи она является к нему, чтобы зажечь в нем огонь любви и вдохновения?..

В конце письма, соблюдая обычные формальности, я указал свою фамилию и место работы — Союз писателей Дагестана.

Написав это письмо, я, разумеется, совершенно не рассчитывал на то, что получу ответ, да и на второй же день забыл о нем. Поэтому я был немного удивлен и смущен, когда через несколько дней получил от председателя местного Совета того самого аула, куда полетел мой друг Шарапил, длинное и пространное письмо, которое полностью привожу здесь.

“Ассалам алейкум, тов. (следует моя фамилия)! Вы, пожалуйста, не обижайтесь, если я сообщу Вам о том, что никакого такого торжественного приема или почестей я Вашему поэту не оказал, поскольку расходы на такие мероприятия по “бюджету” аульского Совета не предусмотрены. Но Вы (опять следует моя фамилия) не беспокойтесь за своего друга. Поверьте мне, ему будет житься у нас не хуже, чем на курорте царицы Тамары или господина Карала-Варла. Ему выделена отдельная комната, он обеспечен питанием по первой категории.

А что касается этой самой женщины — Музы, то я сразу же по получении Вашего письма хотел ответить Вам, что женщина или девушка под таким именем у нас не проживает и никогда не проживала. Но поскольку сигнал серьезный, можно сказать, тревожный (я Вас понимаю: под угрозой находится целостность и сохранность советской семьи), думаю, одним таким формально-бюрократическим ответом нельзя, да и не имею права, отмахиваться. И я решил во что бы ни стало выследить эту опасную вертихвостку, которая любит кружить голову мужчинам, в особенности поэтам, и даже доводит их, как Вы пишете, до сумасшествия. Но когда все мои усилия найти, выследить эту Музу оказались напрасными и я готов был написать Вам, что, слава Богу, нет у нас женщины или девушки ни с таким именем, ни с таким нравом, как вдруг, тов. (опять следует моя фамилия), меня осенило: ведь это же Маруся!.. Да-да! Есть у

нас такая, действительно, как Вы пишете, своенравная и взбалмошная особа, на вид, можно сказать, довольно приятная и пригожая собой девушка. Ее не так давно из Махачкалы прислали, зав. аульской аптекой работает. Правда, девушки в ауле между собой называют ее немного иначе, не Музой, как Вы пишете, а Мусей. Но это не имеет никакого значения. У нас говорят: “Что Али-Хужа, что Хужа-Али — один черт”. Сам потом удивлялся: как мне сразу это не пришло в голову?! О том, что эта женщина, о которой Вы пишете в своем письме, именно и есть наша Маруся, у меня никакого сомнения не вызывает. Иначе с чего бы она больше всех хлопотала, чтобы мы организовали встречу с Вашим другом поэтом, и первая пронохала о его приезде? Наверняка заранее знала об этом.

Или взять, к примеру, другой факт из ее поведения, который утверждает меня в этой мысли. Недавно у нас в аульском клубе показывали какой-то заграничный фильм. Молодой мужчина в коротких штанах и полураздетая женщина так целовались, так целовались, казалось, они, как две голодные хищные щуки, вот-вот проглотят друг друга. Когда это было, чтобы у нас мужчина и женщина, если даже очень любят и страстно желают друг друга, так безобразно целовались?.. Если и целовались (не без этого, конечно), то в щечку. Я сразу вскочил с места и дал команду: немедленно прекратить эту непристойность! А как же иначе?! После таких фильмов, должен Вам сказать, даже меня, семикратного дедушку, по ночам посещают легкомысленные сны. А что говорить о людях помоложе?!

Многие начали шуметь, выражая недовольство, как, мол, это так, деньги заплатили, а досматривать картину до конца не разрешают... Больше всех возмущалась, громче всех протестовала эта самая Муся-Маруся. А через несколько дней смотрю и глазам своим не верю: в нашей районной газете напечатан фельетон. “Унтер-офицер Пришибеев в роли председателя аульского Совета”. Это критиковали меня за то, что я своей властью запретил показывать людям этот безобразный фильм, сорвал, так сказать, “культурное мероприятие”. А под фельетоном стояла подпись этой самой Муси-Маруси, пес ее возьми!

Редактор, конечно, тоже хорош — нечего сказать. Вместо того чтобы поддержать мои правильные действия, направленные против безнравственности, позволил этой сумасбродной и бессовестной девчонке сравнить меня с каким-то Пришибеевым, о котором я слыхом не слыхал, и подрывать мой авторитет. Ничего, они мне за это ответят перед судом. А Вас хочу спросить: может, Вы слышали про этого самого Пришибеева? Насколько я знаю, у нас даже чина или звания такого нет. Но не буду задерживать Ваше внимание на этом возмутительном факте, послушайте дальше о Вашем друге.

Я несколько раз заходил, будто невзначай, к нему. Но, к сожалению, не застал у него Маруси. А позавчера я нарочно зашел к Вашему другу очень поздно, когда в ауле уже прокричали первые петухи. Он сидел и не то что-то пописывал, не то читал. На этот раз мой приход в такое позднее время его очень удивил и, как мне показалось, даже напугал немного. Это меня еще больше насторожило.

— Вижу, у вас свет горит, дай-ка, думаю, зайду на огонек, — опускаясь на его койку и внимательно оглядывая углы комнаты, сказал я, оправдывая таким образом свой поздний визит. Потом нагибаясь, вроде чтобы поправить голенище своего сапога, а сам одним глазом заглядываю под койку. Но и там ничего подозрительного. На этом я, конечно, не успокоился. Встал, подошел к шкафу и рывком открыл дверцы.

— Что вы там ищете? — спросил меня Ваш обеспокоенный друг.

— Ничего особенного, — отвечаю я, пряча улыбку. — Смотрю, не водятся ли у вас в шкафу крысы, тараканы, клопы и прочие паразиты.

— Нет, не водятся, — говорит он, а сам на меня смотрит так, будто по моему лицу хочет узнать, догадываюсь я или нет о его сердечных отношениях с аптекаршей, — хитрый какой!

Но Вы, тов. (опять следует моя фамилия), не беспокойтесь: я за два-три дня обязательно все выясню. Я человек настойчивый, дотошный. Если мне удастся застать их на месте, то я, будьте покойны, предприму все меры и не допущу, чтобы по вине какой-то Муси-Маруси разрушилась хорошая советская семья, а ее глава повредился рассудком".

Письмо председателя аульского Совета меня больше рассмешило, чем озадачило. Я, конечно, не придал никакого значения его подозрениям и угрозам, трезво рассуждая: поскольку Муза — это не молодой фармацевт, насоливший председателю аульского Совета, а мифологическая личность, богиня поэзии и искусства, обитающая, согласно легендам древних греков, на вершине священной горы Олимп, я был абсолютно уверен: что бы ни предпринял рьяный глава местной власти — все окажется напрасной и смешной затеей.

Но я жестоко ошибся. На четвертый день после получения письма от председателя аульского Совета я совершенно неожиданно столкнулся на улице нос к носу со своим другом Шарапилом. Он шел медленно, устало, низко опустив голову, и, всплескивая руками, вслух разговаривал сам с собой, как лунатик, чего раньше я никогда не наблюдал за ним. Мой друг был явно чем-то удручен, между пальцами у него дымила сигарета, хотя уже три года, как он бросил курить по совету врача.

Я, тепло поздоровавшись с ним, спросил:

— Ты чего, Шарапил, такой мрачный? Ходишь сам с собой разговариваешь? Ты же ездил на месяц, а побыл всего две недели!

Шарапил, прежде чем ответить на мой недоуменный вопрос, резким движением бросил недокуренную сигарету на землю и, сплюнув, в сердцах раздавил ее каблуком.

— Ты знаешь, — громко и запальчиво начал он, забыв, видимо, что находится на улице и его могут услышать прохожие, — какой-то идиот написал моей жене, будто я специально поехал в тот аул, чтобы встретиться там с какой-то Марусей и завести с ней шашни. И жена (она у меня очень подозрительная и ревнивая до сумасшествия), как ведьма на метле, сразу прилетела туда и учинила грандиозный скандал, заставила уложить чемодан и немедленно вернуться домой... А мне надо срочно сдать рукопись в издательство. Иначе она, моя запланированная книга, полетит вверх тормашками. Да еще жена продолжает злиться, ест меня поедом. Вот такая неприятная история!..

Мне теперь все стало ясно. Как мне ни было досадно и грустно за друга, я невольно засмеялся.

— Может, все-таки был у тебя какой-то мимолежный “курортный роман” с этой Марусей? — нарочно спросил я, еле сдерживая предательский смех.

— Вах! И ты, что ли, с ума сошел?! — взорвался мой друг. И тут же, клятвенно приложив руки к груди, с горячностью воскликнул: — Я не только не знаю ее, эту Марусю, клянусь тебе, даже в глаза ни разу не видел и не слышал о ней. А жена не верит!..

Вот теперь вы, наверно, поняли, почему я решил держать имя моего друга в секрете?..

КАВЕРЗНЫЕ ШУТКИ ПРОКАЗНИЦЫ ВЕСНЫ

БЫЛ конец апреля. Недавние грозы, сопровождаемые шумными ливневыми дождями, очистили небо от хмурых туч, отполировали его до зеркального блеска и вдоволь напоили землю живительной влагой. По утрам из-за моря, весело играя огненными ресницами, вставало огромное солнце и весь день заливало все вокруг золотистым сиянием. Деревья вдоль тротуаров, в парках и загородных садах, еще совсем недавно совершенно голые, темные, казалось вымершие, сейчас ожили, оделись в яркий весенний наряд. Повсюду слышалось веселое щебетание птиц, и все кругом сверкало, зеленело, цвело и благоухало.

Рано утром Исапи́л Худовердиев, главный бухгалтер крупного магазина культтоваров, плотный, плечистый мужчина, как обычно в это время, неторопливой походкой шел на работу. Лицо у него было спокойным, но немного задумчивым и рассеянным. Из-под широких полей зеленой фетровой шляпы выглядывали жесткие, курчавые, густо посеребренные волосы.

Дорога к его конторе лежала мимо городского парка. Но в весенние и летние дни Исапи́л предпочитал пройти этот отрезок пути не по скучному асфальту, а по узкой извилистой тропинке в тенистом парке с зеленой сочной травой и яркими цветами, высокими деревьями с пышными, развесистыми кронами.

Глядя на обновленную природу, вдыхая пьянящий воздух, пронизанный теплыми лучами утреннего солнца, напоенный ароматом цветов и влажным запахом пробужденной земли, Исапи́л чувствовал, как это обновление происходит и в нем самом. Какая-то сладкая истома разливается по всему телу, пробуждая в сердце волнующее чувство. Он испытывал сейчас состояние удивительной легкости и окрыленности.

В то утро по той же тропинке, по которой он шел, навстречу ему бодро шагала молодая светловолосая девушка с ясными, будто омытыми утренней росой васильковыми глазами. На ее белом, круглом и очень симпатичном лице с ямочками на щеках блуждала мечтательная улыбка.

Случилось так, что, когда между Исапи́лом и незнакомой девушкой оставалось расстояние в каких-нибудь два-три шага и один из них должен был посторониться, чтобы дать пройти другому, они одновременно взглянули друг на друга и... весело улыбнулись. Главбух, галантно уступив ей дорогу, проводил ее долгим теплым взглядом.

То же самое, на том же месте и в то же самое время повторилось и на следующее утро. А вечером, возвратившись домой, glavбух долго рассматривал себя в зеркало. Ему вдруг стало грустно оттого, что у него голова почти седая и он не молод — пошел пятьдесят первый год. А казалось, совсем недавно это было — когда он был озорным мальчишкой, учился в школе, а потом в институте, влюблялся в девушек, женился, будучи студентом второго курса экономического факультета; как чертовски быстро летит время, уходит жизнь!..

Но когда Исрапил вспомнил о жене, лицо его сразу приняло хмурое и мрачное выражение, и он, совсем расстроенный, отошел от зеркала. Заведя руки за спину — привычка немолодых мужчин, — он начал ходить по комнате, все больше погружаясь в свои мысли, воспоминания. Из кухни донесся обращенный к нему крикливый и бездушный голос жены, который всегда возбуждал в нем неприятное чувство:

— Эй!.. Иди есть, пока ужин не остыл! Слышишь?..

Исрапил на минуту остановился и, недовольно поморщившись, опять стал ходить по комнате, не обращая внимания на приглашение супруги.

“Странная женщина! — горько усмехаясь, сказал он себе, сердясь на жену. — Она думает, что самая главная обязанность у жены перед мужем — это вовремя накормить его, заботиться о его желудке. А он, муж, за это должен быть ею весьма доволен и чувствовать себя счастливым с ней...”

Исрапил давно был убежден, что ему не повезло в личной жизни и что он обманулся в своей жене. Когда он это твердо понял, было уже, как он считал, поздно, непоправимо поздно. К этому времени у него было уже двое взрослых детей, в которых Исрапил, по натуре человек очень чадолюбивый, души не чаял и ради которых он терпел постылую, холодную и бесчувственную жену, как бы принося им себя в жертву.

Когда Исрапил женился на ней, ему казалось, что прекраснее и милее ее нет девушки на свете. Но что скрывается за этой внешней красотой, он тогда не разглядел: был слишком опьянен своей любовью и очень молод к тому же, чтобы разобраться в таких тонкостях.

Не имея ни образования, ни специальности, она всю жизнь провела на кухне, за плитой, огрубела, отупела, ничем не интересовалась, кроме домашних дел, никогда не брала в руки книгу или журнал. И то немного, что она усвоила в школе когда-то, давно позабылось, начисто выветрилось из головы, как скудная влага из почвы во время суховея. Считая себя уже “старухой”, несмотря на то что

“Каверзные шутки проказницы весны”

была моложе мужа на несколько лет, а его — “стариком”, она очень мало заботилась о своей внешности, одевалась как попало, не проявляла интереса к делам супруга, его заботам, кроме как вовремя подать ему завтрак, обед и ужин. К тому же жена имела привычку к месту и не к месту постоянно жаловаться ему: как она устает ходить на базар каждый день, таскать на себе полные корзины, принимать гостей, друзей мужа. И что на базаре спекулянты, перекупщики, чу-ма на их головы, опять взвинтили цены... И все в этом роде.

Он, конечно, понимал, что ей, уже немолодой, отяжелевшей с годами женщине, нелегко каждый день ходить на базар, стоять в очереди, таскать тяжелые корзины; дочь замужем, у нее теперь своя семья, свои заботы, сын учится в институте в другом городе — некому помочь. Да и на рынке нет должного порядка, контроля — большое место всех домохозяек. Но почему она все это повторяет ему изо дня в день, притом именно тогда, когда он садится есть? Другого разговора для него у нее нет, как и нет давно ни одного ласкового слова, теплого взгляда, приятной улыбки.

Но разочарованный в своей жене главбух почему-то вдруг стал особенно остро ощущать свои обиды и недовольство ею именно сейчас, после второй мимолетной встречи на знакомой топинке с красивой девушкой, чья чудесная улыбка так глубоко запала ему в душу и взбудоражила его.

На третий день, прежде чем выйти из дому, Худовердиев тщательно побрился, надушился, навел глянцевоый блеск на туфлях, оделся в новый костюм, японский легкий плащ, долго вертел в руке шляпу, внимательно и придиричиво осматривая ее со всех сторон, сдувая невидимые пушинки.

На этот раз Ибрапил, поскольку сегодня против обыкновения он шел ускоренным шагом, встретил девушку не на середине тропинки в парке, а в самом ее начале, у входа в него. При виде девушки он сразу засиял и почтительно поклонился ей, как все равно давно и хорошо знакомой, как бы давая этим понять красавице, что встреча с ней ему очень и очень приятна. А та в ответ, изящно откинув головку и кокетливо встряхнув светлыми кудрями, подарила ему одну из своих лучезарных улыбок.

Войдя в свой кабинет, узкую и маленькую комнату с низким зарешеченным окном, выходящим в глухой тесный дворик с одиноким деревом — старой, но еще крепкой и цветущей яблоней посредине, Ибрапил не спеша снял плащ, шляпу, повесил их на вешалку, затем сел за свой рабочий стол. Открыв лежавшую перед ним внушительных размеров счетную книгу, он принялся читать, но тщетно. Он смотрел на цифры и буквы, занесенные в нее его же собственной рукой, но, как ни странно, первый раз за долгие годы служ-

бы не понимал ни их смысла, ни их назначения, точно на него нашло какое-то затмение. На страницах книги медленно, но упрямо, заслоняя все, что там написано, явственно проступали, точно в волшебном зеркале, узкая извилистая тропинка в парке, очаровательное лицо и стройная фигурка незнакомой молодой женщины, которая смотрела на него своими ясными, обворожительными васильковыми глазами и призывно улыбалась ему.

Исрапил раза два энергично встряхнул головой, точно стараясь сбросить с себя это наваждение, но видение продолжало неотвязно стоять перед глазами, мешая ему думать, сосредоточиться, усыпляя мозг, погружая его в какой-то теплый, дурманивший туман.

В этот самый момент дверь в кабинет открылась, и в него бодрым, уверенным шагом вошел старый друг Исрапила, Аслан Кадиев, полный, розовощекий, улыбающийся мужчина с пышными черными усами и смеющимися черными глазами, держа в крепких, ровных и белых, как у молодой лошади, зубах дымящуюся трубку. Друзья с чувством обменялись крепким рукопожатием, преданно и радостно глядя друг другу в глаза.

В отличие от сдержанного, суховатого и немногословного Исрапила Аслан был человек жизнерадостный, общительный, отчаянный шутник и большой выдумщик. Он был актером, очень известным и популярным в республике, успешно выступал в разных ролях, снимался не раз в кино. Но лучше всего удавались ему веселые, комические роли. Один его острый, лукавый, прищуренный взгляд маленьких, черных, с хитринкой глаз, обращенный к публике, уморительная мимика сразу вызывали у нее оживление и смех. С неподдельным мастерством, не впадая в фальшь или крайность, он копировал жесты, позы, голоса и речь разных своих знакомых из числа видных актеров, драматургов, композиторов и писателей, вызывая неудержимый хохот и громкие одобрительные аплодисменты у слушателей.

За время короткой беседы с другом, который зашел к нему по дороге в театр, чтобы просто поговорить с ним, расспросить о здоровье, семье, Исрапил в порыве откровенности, стараясь скрыть волнение, рассказал ему о незнакомой девушке, о своих переживаниях вызванных ее образом. Аслан, свободно развалившись в кресле и не вынимая трубки изо рта, слушал его с дружеской улыбкой, молча, пожимая кивая головой.

Лишь спустя полчаса после ухода друга к главбуху наконец вернулось рабочее настроение, и он с головой окунулся в работу. Оставалось меньше часа до конца службы, когда на столе у Худовердиева резко и требовательно затрещал телефон. Он с неохотой поднял трубку.

— Ал-л-ло! — услышал он певучий, приятный, но немного взволнованный молодой женский голос. — Скажите, пожалуйста, это Ху-довердиев?

— Я! — прогудел главбух и не очень вежливо спросил: — Что вы хотели?

— М-м... Как вам это сказать... Это я, я... — Голос умолк, видно, не решаясь говорить до конца.

Исрапил сурово нахмурился, бросив тоскливый, беспокойный взгляд на кучу бумаг, лежавшую перед ним, которые надо было рассмотреть и подписать до ухода домой.

— Ну говорите же, черт возьми, что вам надо! — недовольно, почти сердито произнес Исрапил, и, передразнивая ее, добавил: — “Я” да “я”!..

— Это я... — повторила женщина тем же приятным, взволнованным и извиняющимся голосом, — та девушка, которую вы встречали в парке... Пожалуйста, не подумайте обо мне плохо, если признаюсь вам: вы мне симпатичны, поэтому я поинтересовалась, кто вы, как вас зовут, где работаете. Узнала, что вы не очень счастливы в личной жизни...

В трубке наступила короткая пауза, потом послышался глубокий вздох, и вслед за этим голос продолжил:

— Я хочу поближе познакомиться с вами, если, конечно, вы тоже этого желаете. Извините, что говорю об этом по телефону, сказать вам с глазу на глаз у меня не хватило бы храбрости.

Исрапил замер на месте и покраснел до кончиков волос. От волнения у него перехватило дыхание. Ему вдруг стало очень жарко, а сердцу, которое сладко ныло, тесно, очень тесно в груди. Он машинально вскочил на ноги, ослабил на шее галстук и расстегнул пуговицу на воротнике. “Боже мой, Боже мой, это она, она!..” — мысленно вскрикнул Исрапил, ликуя в душе. Он крепче зажал в руке трубку и одним глазом враждебно покосился в сторону двери: как бы в эту самую минуту черт не принес кого-нибудь из сотрудников или посторонних, не помешал их разговору. Но пока растерявшийся и обалдевший от неожиданно свалившегося на него счастья немолодой главбух собирался с мыслями, чтобы в подходящих словах и выражениях высказать прекрасной незнакомке свои чувства и восторг по этому поводу, на другом конце провода тот же голос мягким, сердечным, но уже несколько самоуверенным и капризно-повелительным тоном передал, чтобы он пришел на свидание в парк, на знакомую тропинку, сегодня вечером. Сказав это, голос умолк; телефон отключился.

До позднего вечера ходил главбух с большим букетом ярких весенних цветов по памятной тропинке, напряженно вглядываясь в

прохладный зеленый полумрак слабо освещенного ночного парка, вздрагивая и замирая при появлении каждой женской фигуры, в которой ему чудилась Она. В ушах все время стоял удивительно нежный, чарующий голос незнакомой девушки, появления которой он с трепетом ожидал каждую минуту.

Но время шло, а она почему-то не появлялась. Несмотря на то что было уже за полночь, Исрапил все не уходил домой, все надеялся, что она, может быть, вот-вот появится. Ушел он только тогда, когда давно вокруг не было ни души, с тяжелым чувством бросив букет в придорожный куст.

Всю дорогу расстроенный Исрапил думал, теряясь в догадках: почему девушка не пришла на свидание? Ведь сама же просила об этом! Неужели она, почувствовав к себе интерес со стороны староватого, конечно, для нее мужчины, решила потехи ради подшутить над ним, разыграть его? Но возможно ли ожидать такой злой шутки от девушки с таким удивительно милым лицом и ангельски нежным, чарующим голосом? Нет-нет, она это говорила всерьез, хотела прийти, а потом в последнюю минуту, видимо, струсилa, не решилась. Конечно, нелегко для молодой красивой девушки, если даже она полюбила его с первого взгляда (в чем он после ее звонка по телефону нисколько не сомневался), пойти на такой риск: связать себя с ним, немолодым, к тому же семейным человеком...

Прошло больше двух недель с того вечера, но Исрапил после этого ни разу не встречал девушку с васильковыми глазами, по которой он тосковал, как влюбленный юноша. Ее отсутствие и то, что она после этого ничем не дала знать о себе, окончательно утвердили его в мысли, что она действительно хотела познакомиться с ним поближе, но потом передумала, отступила от своего решения. Поэтому она теперь старательно избегает даже случайной встречи с ним.

Однажды в воскресный день оба друга, Исрапил Худовердиев и Аслан Кадиев, сидели в загородном приморском павильоне за стаканом вина и мирно беседовали. Летний день тихо угасал, а верхушки высоких тополей, росших возле павильона, еще сверкали в огне заката. Со стороны моря, простиравшегося, как неоглядная зеленая степь, до самого горизонта, тянуло свежей, успокаивающей прохладой. Аслан вынул из кармана трубку, чтобы покурить, но вдруг, вспомнив о чем-то и с лукавой усмешкой поглядывая на Исрапила, приложил ее к уху, как телефонную трубку.

— Ал-л-ло! Скажите, пожалуйста, это Худовердиев? — произнес актер певучим, приятным, но несколько взволнованным голосом молодой женщины, будто разговаривающей по телефону.

— Я! Что вы хотели? — на этот раз точь-в-точь подражая грубоватому басу Исрапила, прогудел он.

Исрапил все понял. Он только что отправил в рот кусок жесткой холодной ветчины, но, услышав голос незнакомой девушки, ее слова, обращенные к нему, и свой ответ ей, он вздрогнул и застыл с вытянутым лицом и вытаращенными глазами.

— Это ты?! — тыча в сторону друга вилкой, сдавленным голосом спросил потрясенный главбух.

В ответ актер, сооротив виноватую смешную мину и хитро улыбаясь, молча кивнул головой.

Кусок застрял в горле бедного Исрапила, и он, задыхаясь, судорожно глотнул воздух, точно рыба, выброшенная на сухой раскаленный песчаный берег...

СОВБОЛ

ВРЕМЯ было за полночь, когда Боби шел со свадьбы, но вид у него был такой, точно возвращается с кладбища, где похоронил близкого человека, — расстроенный, мрачный, подавленный. Он шел медленно, усталый, понурый, опираясь на палку и слегка прихрамывая.

— Ах, Гавхар, Гавхар, да чтоб сгорел твой отец! — с сердцем выругал он жену вслух, горестно покачав головой. — Опозорила, оскрамила ты меня на весь свет!..

Ему вдруг представилась жена, которая сейчас спит без задних ног и не ведает, как он из-за нее оскандалился, опозорился перед людьми, хоть сквозь землю провалился. Думая об этом, он громко застонал, как от внезапной нестерпимой боли, и в его взбудораженной памяти промелькнули все события сегодняшнего вечера...

— Ты знаешь, Боби, — сказала ему жена, когда он пришел с работы и сел пить чай, — сегодня нас пригласили на свадьбу.

Боби, неторопливо поставив стакан на блюдец, вопросительно посмотрел на жену, полнеющую женщину лет сорока пяти с черными, тронутыми сединой густыми волосами.

— Чья свадьба?

— Рахмон, друг твоей юности, женит сына, — с видимой неохотой ответила жена.

— Очень хорошо! — бодро воскликнул Боби. — Раз пригласили — надо идти.

Гавхар ничего не ответила. Она отвела глаза и молча опустила голову. Боби, угадав ее настроение, недовольно уставился на жену.

— Ты чего так?! — сердито спросил он. — Не идти, что ли?

— Не знаю, — пожимая плечами, тихо проговорила жена. — С деньгами туго у нас... Да и...

— Что “да и”?! — сразу вспыхнул Боби и, резким движением отодвинув от себя стакан с недопитым чаем, запальчиво добавил: — Надоели эти твои бесконечные хныканья, сетования: “Денег не хватает. Денег не хватает...”

Боби, не вставая с места, с шумом повернул стул, на котором сидел, и, демонстративно повернувшись спиной к жене, замолчал. Молчала и Гавхар, с укором глядя на мужа, незаслуженный упрек которого больно кольнул ее в самое сердце. “Как ему только не стыдно говорить такое?..” — думала она про себя, готовая расплакаться от возмущения и обиды.

Хотя ее муж и хороший маляр, зарабатывает вроде неплохо, но все же не столько, чтобы хватало на жизнь. Тем более он пока единственный работник в доме. И ей, Гавхар, приходится нелегко,

очень нелегко на одну его зарплату накормить целую семью из пяти человек, одеть, обуть... А он, вместо того чтобы войти в положение жены, пожалеть ее, быть ей благодарным, еще позволяет себе упрекать... В городе у них много знакомых, близких и дальних родственников. Не проходит и месяца, а то и недели, чтобы у кого-нибудь из них не женился сын или не вышла замуж дочь — не справляли свадьбу. Пусть справляют, в добрый час, разве она против? Пусть ослепнет тот, кто не желает счастья ближнему. Но ей уже невозможно терпеть то, что муж уносит на каждую свадьбу пятую часть своей зарплаты, рублей двадцать пять — тридцать, на совбол для родителей невесты или жениха и рублей пять-десять на шабош¹ музыкантам. На эти деньги при ее умении и бережливости она может целую неделю кормить семью. А иные ради того, чтобы собрать большой совбол, созывают на свадьбу не только близких и дальних родственников, но и случайных знакомых по пятьсот и тысяче человек. А ее муж, собираясь на свадьбу, на какую только его ни приглашают, то уговорами, то угрозами, а то и силой забирает у нее деньги, иногда последние. Почему она должна лишать детей этих денег, чтобы ее неразумный муж с легким сердцем кидал их на свадьбах?..

Через несколько минут Боби, продолжая сидеть в той же недовольной позе, чуть повернув голову, украдкой посмотрел на жену, на этот раз не столько сердито, сколько испытующе. Он, конечно, догадывался, о чем сейчас думает жена. В глубине души Боби понимал, что Гавхар права, но, несмотря на это, все же продолжал дуться на нее: где это видано, чтобы у нас на свадьбу ходили без денег на совбол и шабош? Не он же, Боби, выдумал этот обычай, и не ему его отменять. Не пойдешь — обидятся, скажут: не почтил, мол, нас, может, не по душе ему наша радость или пожалел денег, скряжничает, пятое-десятое... А он не хочет, чтобы о нем так думали и говорили. Ему его мужской намус, честь папахи дороже этих денег, если даже из-за этого его семье придется сидеть на хлебе и воде.

Между тем время шло. На дворе становилось темно. Боби, еще раз взглянув на мрачное, непроницаемое лицо жены, с сожалением понял: нет, на этот раз не только лаской, уговором, но и палкой не выколотишь из нее деньги.

Боби молча встал, подошел к вешалке, надел на голову мятую кепку и, захватив свою палку, вышел из дому. “Ладно, пойду поздравлю Рахмона со свадьбой сына и, сославшись на здоровье, тут же вернусь обратно домой”, — подумал он про себя.

На дворе, где играли свадьбу, широким полукругом, были рас-

¹ *Шабош* — деньги для музыкантов на свадьбе.

ставлены длинные скамьи, множество столов, еще не накрытых, но за которыми уже сидели празднично одетые гости. Под звуки тары, кеманчи¹ и бубна парень и девушка отплясывали лезгинку. В отдаленном полуосвещенном углу двора в огромных закопченных медных котлах варился вкусный свадебный суп, на высоких железных мангалах жарились шашлыки, наполняя воздух аппетитными запахами.

Боби, войдя во двор, сразу начал искать глазами Рахмона. Но в это время серпой, худощавый, подвижный молодой человек с усами, в чью обязанность входило развлекать и обслуживать гостей, заметив Боби, приплясывая на ходу, подошел к нему.

— О Боби-джан, душа моя! — с преувеличенным радушием и восторгом воскликнул он, церемонно отвешивая ему низкие поклоны, словно падишаху. — Очень и очень рады вас видеть. Дай Бог и вашим детям, внукам и правнукам такую же свадьбу! — И, сделав широкий приглашающий жест, добавил: — А теперь пожалуйста с гостями за стол!

Серпой, продолжая осыпать Боби благими пожеланиями, фамильярно обнял его за плечи и, пропуская мимо ушей какие-то робкие возражения и объяснения Боби, потащил его к гостям. А сказать ему, что у него нет денег на совбол и шабош и поэтому он пришел только для того, чтобы поздравить Рахмона со свадьбой сына, и сразу же вернуться домой он, конечно, не решился — стыдно. Поэтому вопреки своему твердому намерению он был вынужден подчиниться серпой и занять место среди приглашенных.

С трудом скрывая смущение и чувство неловкости, Боби старался держаться среди гостей незаметно, как безбилетный заяц среди пассажиров, не вступая ни с кем в разговор. Но как на зло соседом его за столом оказался очень шумный и беспокойный человек, на которого все поневоле обращали внимание. Это был смуглый коротыш с круглыми, точно надутыми щеками и большими черными глазами навывкате, работавший снабженцем на каком-то крупном предприятии. Несмотря на свою чрезмерную полноту и тугой живот, стянутый черным блестящим ремнем, точно бочка об ручем, снабженец был по-мальчишески шустр и вертляв. Как только на майдан выходила танцевать очередная пара, он, словно заводной, моментально вскакивал на свои короткие ноги и, неистово хлопая в пухлые ладоши, азартно кричал:

— Харцо-о-о! Харц! Харц!..

Время от времени толстяк энергично запускал руку в карман широких штанов, доставал десятирублевые бумажки, выбегал на

¹ Тары, кеманчи — музыкальные инструменты.

майдан, совал их в руки танцующим для шабоша музыкантам и, выпучив глаза, тут же громко и радостно выкрикивал:

— Ай шабош! Ай шабош!..

Время подходило к полуночи. Танцующие бросали деньги на стол музыкантам в широкий поднос. Перед ними образовалась целая гора смятых, замусоленных ассигнаций. Люди уже устали, один лишь серпои бодро ходил по кругу, обводя своими веселыми, нагловатыми глазами гостей и громко восклицая:

— Больше жизни! Не давайте скучать ни себе, ни музыкантам!..

Иногда серпои, извиваясь и приплясывая, подходил к кому-нибудь из гостей и чуть ли не силком вытаскивал его в круг танцевать. И танцующий не только сам кидал на поднос музыкантам деньги, но вкладывал еще их и в руку танцующей с ним женщины или девушки, которая перед выходом из круга отдавала деньги музыкантам.

Один раз улыбающийся во весь рот серпои той же приплясывающей походкой подошел и к Боби, предлагая ему выйти на майдан танцевать, но тот так энергично покачал головой, показывая при этом на свою палку: не могу, мол, хромяю, что он больше не стал его беспокоить. Но когда наконец накрыли столы, расставили на них напитки и разнообразные кушанья, закуски, а проголодавшиеся гости жадно накинулись на еду, налегая на выпивку, Боби, после того как пропустил пару стопок водки, сам позвал серпои и неожиданно для него велел заказать музыкантам танец “Наз-нази”. К своей несказанной радости, Боби только что вспомнил, что у него в кармане со вчерашнего дня лежат две трешки, которые он утаил от жены и о которых он просто-напросто забыл.

Как только музыканты начали играть, Боби встал, распрямил плечи, поправил на себе пиджак и, слегка прихрамывая, без палки, не спеша, с достоинством вышел на майдан. Тотчас же услужливый серпои вывел танцевать с ним бойкую миловидную девушку с живыми черными глазами. “Вот бы моему сыну такую невесту”, — с удовольствием подумал про себя совсем расхраб्रившийся и развеселившийся Боби, с нескрываемой симпатией разглядывая ее стройную фигуру.

Неутомимому серпои удалось раскатать уставших, но уже захмелевших гостей. По его примеру они тоже начали дружно хлопать танцующим. Сосед Боби по столу вскочил с места и, усердно хлопая в ладоши, уже несколько охрипшим голосом принялся опять кричать:

— Харцо-о-о! Харц! Харц!..

Ноги сами легко понесли Боби по майдану, как в молодые годы. Возбужденный вином, музыкой, общим весельем, возможно-

стью пожертвовать, как и другие, музыкантам на шабош, он сразу почувствовал прилив сил и юношескую гибкость в теле. Во время танца Боби гордо запустил руку в правый карман штанов, где, по его предположению, должны были находиться деньги, чтобы одну из этих трешек кинуть музыкантам, а другую вложить в руку своей юной напарницы. Но, не обнаружив их в правом кармане, в то же мгновение другая его рука очутилась в левом кармане. Продолжая кружиться в танце и держать руки в карманах, Боби принялся судорожно обшаривать их, но — о ужас! — в них не было денег. На лице Боби сразу появилось выражение крайнего испуга и тревоги, ноги стали подкашиваться, спина покрылась испариной. Ему пришлось сделать над собой огромное усилие, чтобы не выдать свое состояние, не сбиться с ритма. Музыка, дружное хлопанье гостей, которые только что воодушевляли, бодрили его, сейчас нагоняли на него панический ужас. А гости, как нарочно, вошли в азарт, начали, как ему показалось, еще сильнее хлопать, подзадоривая танцующих. Пузатый снабженец продолжал кричать свое неизменное “Харцо-о-о! Харц! Харц!”. А музыканты в надежде на шабош, потные от усердия и усталости, играли с нарастающим воодушевлением.

Куда же девались эти проклятые деньги?.. О горе! Что подумают о нем люди? Вот скажут: “Без гроша в кармане, как все равно уличный мальчишка-сорванец ворвался в круг, еще танцевать вздумал...” Догадаются, обязательно догадаются, что он пришел на свадьбу, не захватив с собой денег не только на шабош, но и на собол. Осрамлены его мужская честь и достоинство...

От сильного волнения и расстройства, забыв, где он находится, Боби внезапно остановился посреди круга как вкопанный и машинально на виду у всех вывернул пустые карманы наизнанку. Тот час же раздался дружный оглушительный хохот присутствующих на свадьбе гостей, который, словно ошеломляющий гром, прозвучал в ушах дрогнувшего в страхе Боби. Его напарница со смущенной улыбкой поспешила покинуть круг. Пьяный толстяк снабженец, схватившись руками за живот, визжал, надрываясь от смеха. Музыканты, вопреки традиции не дожидаясь выхода танцора из майдана, прекратили играть, тем самым нанеся ему публичное оскорбление. Да еще бубнист, холера его возьми, опустив бубен на колени и скорчив на своей обезьяньей физиономии притворно-скорбную, жалостливую мину, “горестно” покачал головой и пронзил растерянного, ошеломленного Боби презрительным и уничтожающим взглядом шельмоватых глаз, чем вызвал новый взрыв смеха со стороны многих гостей.

Под насмешливые взгляды и улыбки собравшихся Боби, пряча глаза, весь покрытый потом, разбитый, удрученный, хромая силь-

нее обычного, сразу покинул свадьбу. Какой-то мальчишка догнал его, когда он уже был на улице, и вручил палку, которую он забыл от волнения, а может, после всего случившегося ему просто не хотелось встречаться с гостями.

И вот он идет сейчас по пустынным и безмолвным улицам мирно спящего города, глубоко переживая свой позор и мысленно ругая жену на чем свет стоит...

ЧЕРНЫЕ СЛЕЗЫ

-Э-ЭХ, бабка, бабка, да будь ты трижды неладна! Что ты натворила, безобразница?! А еще говорят: “Уваж-жжай, мол, их, стариков, почита-а-ай, склоняй свою голову перед ними!..”

— А что она сделала тебе плохого, эта бабка?

— Что сделала? Хуже, чем разбойник с большой дороги! Без ножа зарезала, без ружья убила! И кого? Родного же внука, причем единственного! Вот что она сделала!..

Понимаете, наша контора “Заготрогатскот”, где я работаю заведующим ветеринарной службой, построила на берегу моря десятиквартирный дом со всеми удобствами. И в каждой квартире по два больших балкона: один выходит на море, а другой — в парк, где по вечерам играет оркестр. Словом, не дом, а мечта. Скоро его должны заселить. Но как бы я ни мечтал попасть в этот дом, у меня было столько же шансов, сколько у грешника войти в рай. У нас сженой, правда, есть квартира из двух комнат, но без удобств. Да и семья у меня — я да жена. Детей у нас, слава Богу, нет и не хотим. Живем для себя. Положа руку на сердце, скажу: на кой ляд современному человеку дети?.. Они только мешают ему жить в свое удовольствие. Забот, хлопот и тревог с ними хоть отбавляй, а проку от них родителям ни на грош. А живем-то один раз... Да, но как подумаю, что не я, а кто-то другой будет жить в том доме, — меня сразу бросает в жар. Если уж на то пошло, что мне до тех наших работников, которые вовсе не имеют жилья? Всякая рука к себе загребает. Как говорится: “И пророк за свою голову молится”. Так жизнь устроена. Хорошо это или плохо — не мое дело.

Я долго думал, мучился: что бы такое предпринять, чтобы влезть в этот дом? Но как я ни ломал голову, ничего путного не мог придумать. Как-никак хоть и называется наша контора “Заготрогатскот”, но руководят ею не быки и коровы с рогами и хвостами, а обыкновенные люди, понимающие, что к чему. Я уже готов был волком выть, когда жена, разделявшая вместе со мной мои переживания и тревоги, неожиданно подкинула самую верную мысль.

— Слушай, чего ты так терзаешься? — говорит мне на днях моя жена, видя, как я мучаюсь, страдаю так, что, поверите ли, у меня последнее время пропало даже всякое желание миловаться с ней. — У тебя, кажется, в селении живет столетняя бабка?

— Правда, живет! — радостно вскрикнул я и сразу бросился обнимать, целовать жену. — Умница, — говорю ей. — Вот это идея!..

Честное слово, не вру, как только я вспомнил про свою бабку, меня вдруг охватило такое волнение, такая нежность и такая тоска

по ней, что вижу: без нее я, как рыба без воды, и часу прожить не смогу. Не смогу — и все! Вот что значит родная кровь! Я даже чуть не заплакал от жалости, представив себе горькую участь моей бабушки. Ведь она, бедная, как круглая сирота, одна-одинешенька: ни мужа, ни сыновей, ни дочерей у нее нету, один я. И живет моя бабушка, можно сказать, у чужих — у двоюродной сестры, тогда как у нее есть прямой потомок — я, родной внук, черт меня подери.

Недолго думая я в тот же день помчался в селение, чтобы привезти бабулю в город. Пусть, думаю, теперь руководители нашей конторы “Заготрогатскот” посмеют не дать мне квартиру в новом доме. Таких старожилов Земли, как моя столетняя бабушка, ученые на учет берут, носятся с ними, как курица с яйцом. Они, словно исторические памятники далекого прошлого, находятся под особой охраной государства. Кроме того, моя бабушка — что не менее важно — мать погибшего на войне партизана, то есть моего родного дяди.

Как бы там ни было, я не сомневался: если бабуля будет с нами, ордер на новую, четырехкомнатную квартиру с балконами на море и в парк, где по вечерам весело гремит оркестр, у меня в кармане.

Но меня теперь беспокоило другое: жива ли моя бабушка? Не скрою, я давно, лет, наверное, десять, а может, и больше, не видел ее и ничего о ней не слышал. Среди городской суеты и будничных забот я, грешным делом, забывал о ней, не справлялся о ее здоровье.

Но опасение мое, к счастью, оказалось напрасным. К своей несказанной радости, я застал бабусю живой и здоровой. Да и она, моя бедная старушка, была рада-радехонька встрече со мной — своим единственным внуком. Это же естественно.

За эти годы, что я ее не видел, она, представьте себе, нисколько не изменилась. Такая же маленькая, сухонькая и шустрая. И все тот же у нее кальян с аршинным чубуком, который она редко выпускает изо рта. Несмотря на свой древний возраст, она, как это ни удивительно, сохранила острое зрение и хороший слух. Единственная перемена, которую я в ней заметил, — это то, что бабушка, как мне показалось, стала еще меньше ростом, как бы сократилась в размере.

Сначала она и слышать не хотела о переезде в город, чем меня, можете себе представить, здорово напугала. Потом, когда я ласково обнял бабусю за плечи и шутливо пригрозил, что если она добровольно не захочет поехать со мной, то я ее непременно украду, как в свое время поступил мой дед, когда она была девушкой, она расчувствовалась, прослезилась и в конце концов согласилась.

На другой день я целой и невредимой доставил бабусю в город. Мы с женой сразу начали кружиться вокруг бабки, как мотыльки во-

крут горящей свечи, от которой исходит свет и тепло. Мы из кожи лезли вон, чтобы создать праздничную атмосферу в доме, угодить ей во всем. Чтобы лишний раз сделать ей приятное, я на второй же день вечером после ее приезда повел ее в театр. Купил два билета в первом ряду, чтобы ей хорошо было видно и слышно. Но сейчас я каюсь, ох как каюсь, наверно, всю жизнь буду локти кусать, что допустил такую оплошность. Кто знал, что моя столетняя бабка в театре на виду у всей публики выкинет такой безобразный номер?!

Короче говоря, в тот вечер в театре показывали какую-то пьесу о наших партизанах в годы Великой Отечественной войны. Бабушка, задрав худой морщинистый подбородок, чинно сидела на своем месте и внимательно следила за ходом спектакля. Видно, ей было интересно. Все вроде было хорошо, пока двое вооруженных немецких солдат не втащили в свой полевой штаб пленного партизана с забинтованной головой и окровавленным лицом, со связанными за спиной руками. Сначала бабушка беспокойно ерзала на стуле и вслух всячески ругала фашистов. Но когда немецкий офицер, разъяренный упорным молчанием пленного, не желавшего отвечать на его вопросы, приставил к его груди пистолет, бабушку мою вихрем сорвало с места. В одно мгновение на сцену полетела ее резиновая калоша, густо облепленная грязью, и угодила прямо в гладко выбритую, надменную и свирепую физиономию фашистского офицера.

— Не смей, душман¹ проклятый! — топая в ярости ногами и трясясь всем телом, срывающимся голосом закричала на весь зал бабушка. — Иначе я тебя, донгуза² поганого!.. — И, разойдясь вовсю, бабушка дрожащей рукой тут же потянулась за второй калошей. Вид у моей бабки, если бы вы видели, был такой грозный, устрашающий, что, окажись у нее под рукой в этот момент вместо калоши бомба, она не колеблясь швырнула бы ее в немецкого офицера.

Все это произошло так неожиданно и быстро, что я не успел вовремя спохватиться и удержать разбушевавшуюся старуху. Под недовольные возгласы одних, требовавших “наказать хулигана и дебошира”, и веселый хохот и пронзительные свисты других я не мешкая схватил бабушку за руку и силой поволок ее к выходу с одной калошей на ноге. Но она еще продолжала бушевать, то и дело поворачиваясь назад, угрожающе размахивала сжатым кулачком и всячески пыталась вырваться из моих рук. Только на улице она вдруг смолкла, утихомирилась, но шла уже как в воду опущенная.

Мне, конечно, как человеку культурному, с образованием, бы-

¹ Душман — враг.

² Донгуз — дикий кабан, свинья.

ло очень стыдно за бабкину дикую, скандальную выходку. Я был крайне возмущен, поэтому сразу после выхода из театра принялся безжалостно распекать ее, стыдить, вгонять в краску. Что делать! Хотя и старый человек, но надо воспитывать, выколачивать дурь из головы, как пыль из старого сумагъ¹. Она слушала меня, низко опустив голову, всю дорогу до дома угрюмо молчала и тихо всхлипывала, краем старого рваного платка украдкой вытирая слезы: видно, мои слова пробрали ее как следует.

На следующий же день я сочинил большое заявление на имя администрации и профсоюзной организации конторы “Заготрогатскот”. Ссылаясь на то, что со мной живет моя столетняя бабушка, притом мать партизана, замученного фашистами, у которой, кроме меня, единственного внука, никого нет из близких, я потребовал, чтобы мне в первую очередь предоставили четырехкомнатную секцию в новом доме.

Вернулся я в тот день с работы, как все равно со свадьбы, — в самом веселом настроении. Я уже представлял нашу жизнь с женой в новенькой квартире, как мы с ней на балконе, выходящем в парк, обнявшись и прильнув щекой к щеке, танцуем под звуки оркестра.

Но, придя домой, я был крайне удивлен, застав жену в сильном расстройстве, с красными, воспаленными глазами. Стекая с накрашенных ресниц, по ее щекам катились черные слезы. Я вначале подумал, что жена плачет из-за бабки. Ее пребывание у нас ей, конечно, не очень приятно, можно сказать, в тягость, доставляет лишние хлопоты. А я, как порядочный человек и настоящий муж, жалю свою жену. И это естественно. Она у меня, прямо скажу, женщина аппетитная. Но не только этим она меня прельщает. Жена приносит домой денег больше, чем я, — заведует дамским салоном в большой престижной парикмахерской.

Я, конечно, сделал вид, что все это пустяки. Ласково улыбнувшись жене, тихо, чтобы бабка в другой комнате не слышала нас (я не сомневался в том, что она там или дремлет, как курица на насесте, или сосет свой кальян, наполняя комнату едким табачным дымом), прошептал ей на ушко, украшенное изящной бриллиантовой серьгой:

— Моя дорогая, потерпи еще немного, вселимся, в добрый час, в новую квартиру, а потом, а по-о-том вежливенько выпроводим бабку в селение, к сестре. Ведь та все-таки ближе ей, чем ты — чужой человек, тем более, как я вижу, ей трудно привыкать к нашему городскому образу жизни. Одно то, что выкинула эта старая дикарка в театре, до сих пор вызывает у меня чувство стыда и ужаса.

¹ Сумагъ — ковер ручной работы без верхнего ворса.

А жена с внезапно прорвавшимся громким рыданием отвечает:

— В том-то и дело — уехала-а-а!..

— Как — уехала?! — Мне показалось, что почва ускользает у меня из-под ног и я неудержимо лечу в пропасть. — И ты не смогла удержать ее?!

Жена, глотая черные слезы (о, как они сейчас меня раздражали!), с убитым видом качает головой и говорит:

— Нет, не смогла. Я ее и так и эдак просила, на коленях умоляла, чтобы она еще немного осталась, пожила у нас, иначе не видать нам четырехкомнатной квартиры в новом доме...

— А она что?! Что она ответила?! — кричу я, вне себя от расстройства и возмущения.

— Валлах, говорит, раз такое дело, тем более не останусь ни одного дня. Мне, говорит, у вас не нравится, я чувствую себя у вас точно птица в клетке и очень жалею, говорит, что приехала. Если, говорит, вам с мужем при вашей бездетности обязательно хочется четырехкомнатную квартиру, приезжайте жить к нам в селение. Там его отцовский дом пустует. А хороший сын, говорит, не должен дать погаснуть огню в отцовском очаге...

Одним словом, чего тут затягивать, наша надежда получить новую квартиру с балконами на море и в парк, где по вечерам играет музыка, лопнула как мыльный пузырь. И все это из-за стариковского эгоизма, ослиного упрямства и примитивного стародедовского мышления моей чертовой бабки. А еще говорят: “Уважа-а-ай, мол, их, стариков! Почита-а-ай!..”

“Черные слезы”

“БРИЛЛИАНТОВЫЙ МУЖЧИНА”

ПОЧЕМУ каждый человек наделен собственным именем? Наверное, чтобы не путали, допустим, Гасана с Гусейном, Шарпа с Шурпом или Ашура с Башуром. Но как быть, если в таком маленьком, с воробьиный нос селении, как наше, где всего-то несколько десятков дворов, этих Ашуров, чтоб не сглазить, чертова дюжина? Как узнать, о каком Ашуре спрашивают или ведут речь, если в разговоре у нас не принято называть человека по фамилии и даже по отчеству?

Может, поэтому у нас в селении каждый из этих Ашуров, кроме собственного имени, имеет еще и прозвище. Одного из них, например, из-за ярко-рыжей бороды прозвали Ашуром Огненной Бородой, другого за его любовь к яичнице — Ашуром Яичницей, третьего за буйный нрав — Ашуром Сумасшедшим, четвертого за узкие глаза — Ашуром Японцем. Есть у нас Ашур Пехливан, Ашур Тракторист, Ашур Хажилеглег¹...

Единственный среди ныне здравствующих Ашуров, один завселямаг, не имел прозвища. И того, говорят, мои односельчане хоть и с большим опозданием, но все же окрестили соответствующим прозвищем. Теперь его зовут Ашур Бриллиантовый Мужчина.

Почему ему дали такое прозвище, об этом рассказал мне во время одного из своих приездов в город мой односельчанин Ашур Соловей, прозванный так за свою неутомимую словоохотливость и дипломатическое красноречие, навестивший меня в редакции, где я тогда работал.

— Только все, что я расскажу тебе, — просительно взглянув на меня, произнес Ашур Соловей, — должно остаться между нами.

— Если не доверяешь, можешь не рассказывать, — притворился я обиженным.

Мой собеседник смущенно поскреб затылок и, как бы оправдываясь, доверительно промолвил:

— Видишь ли, земляк, в чем дело... Ашур Бриллиантовый Мужчина — мой приятель. Когда в магазин поступает дефицитный товар или вроде этого, он всегда находит меня и тайком от других шепчет на ухо: загляни, мол, ко мне в магазин в такое-то время, есть кое-что подходящее, припрятал...

Не скажу, что он мне делает такое одолжение ради одной нашей дружбы. Переплачивать все равно приходится. Другое дело, мой тезка за этот самый дефицит с другого дерет в два-три раза больше, чем с меня. А вот не предупреди тебя, э-э-э! — Он многозна-

¹ Хажилеглег — аист.

чительно щелкнул языком и, хитро улыбаясь, недоверчиво покосился на меня и на кучу корреспондентских писем, лежавших на моем столе. — Вы же, журналисты, писатели, народ известный: у вас что на уме, то и на... бумаге, возьмешь и накатаешь про это самое дело какой-нибудь фельетончик или смешную историю, а потом нашей дружбе с Ашуром Бриллиантовым Мужчиной, считай, конец. То-то!..

Ашур Соловей на минуту умолк, чуть опустив голову, затем, взглянув на меня, добавил со смущенной улыбкой:

— Не поэтому только, земляк, я не хочу, чтобы ты о нем написал...

Почему именно я первым должен заявить во всеуслышание, что Ашур Бриллиантовый Мужчина — хапуга, вор, бабник и все такое прочее, а другие — молчать, точно воды в рот набравши? Кроме того, разве один он такой?..

Я промолчал. Молчал и Ашур Соловей. Но по выражению его хитроватого лица и по тому, как он беспокойно ерзал на стуле, то и дело бросая на меня выжидательные взгляды, я понял, что он томится желанием рассказать мне новость, но не решается. И когда я дал ему слово, что ничего об этом писать не буду, Ашур Соловей, сразу повеселев, начал свой рассказ так:

— Я, земляк, хорошо помню, когда наш односельчанин Ашур Бриллиантовый Мужчина был видным, можно сказать, из себя мужчиной: стройным, с густой шевелюрой, белозубым. Но это было давно. Теперь, если бы ты его видел... Он совсем лысый, вместо зубов — рот полон золота, живот — точно бурдюк с вином. Ничего не поделаешь — годы, к тому же излишества... Но речь сейчас не об этом. Вздумал, дурень, на старости лет выкинуть номер — обзавестись то ли ошне, то ли второй женой. Есть у нас в селении молодая красивая вдовушка Беневше. Ты ее знаешь. И вот он не дает ей проходу, юлит вокруг нее, как лиса вокруг мышиной норки. “Давай, говорит, раз ты есть молодая вдова, в полном расцвете женщина, а я хоть и староват, но еще, можно сказать, в соку мужчина, притом не просто так себе, а... бриллиантовый, поженимся...” Ты, конечно, догадываешься, на что намекает старый ловелас, называя себя “бриллиантовым”...

— А как Беневше? — спросил я собеседника.

— Беневше? Да никак! Ее, скажу тебе, тошнит от любовных излишаний плешивого поклонника. Однажды она даже пригрозила, что пойдет жаловаться на него куда надо, если он не оставит ее в покое. А мой тезка, говорят, выслушав это, в ответ соорудил этакое несчастное, страдальческое лицо и запел дребезжащим, как старая телега, голосом печальную песню о том, что он готов из-за нее пре-

терпеть какие угодно страдания, как пламенный Меджнун из-за прекрасной Лейли!.. Хе-хе! Ничего себе, старый толстопузый завмаг в роли юноши Меджнуна! — съязвил Ашур Соловей и тут же продолжил свой рассказ.

— В селе, тем более маленьком, как наше, любой хабар, как ты знаешь, расходится быстрее телеграфа. Дошел этот хабар и до ушей старой Пери — жены завмага. И стала она мрачнее тучи, злее сатаны. “У твоего сына, — говорит она мужу, — на голове седина пробивается, а ты, такой-разэтакий, на старости лет беситься вздумал, хочешь мне соперницу завести? И не стыдно тебе?!” А Аштуру слова жены, что слону дробинки. Он их в одно ухо впускает, а из другого выпускает.

Вот теперь, дорогой земляк, послушай самое уморительное в этой истории. Случилось это в ночь на Восьмое марта. В тот день в магазине шла бойкая торговля. Понятное дело: мужчины хотят поднести подарки дорогим женщинам: мы хоть и сельские люди, но тоже не лыком шиты. И вот поздно вечером, перед тем как закрыть магазин, Ашур Бриллиантовый Мужчина, сосчитав выручку, положил ее в карман накинутой на плечи новенькой дубленки, взял тонкий шерстяной платок в ярких розах, завернул в него дорогой шелковый японский отрез, золотые модные подвески, разные сласти, пару бутылок шампанского и, завязав все это в узелок, вышел во двор, предварительно залпом опрокинув стаканчик армянского коньячку. И куда бы, ты думал, направил старый петух свои стопы? Домой, к старой жене? Чего захотел! К молодой вдове. Пришла ему, дурню, блажная мысль: может, сегодня, в праздничный вечер, повезет ему; ласковым словом, дорогими подарками, обещанием золотых гор удастся завоевать неприступное сердце красавицы.

Вот идет наш Ашур под хмельком. Кругом тишина. На небе звездочки перемигиваются. А в воздухе пахнет весной, такая пора, “когда на деревьях лопаются почки, а в груди — сердце”¹. Беневше живет на противоположном берегу реки, которая, как ты знаешь, пересекает наше селение посередине и протекает по глубокому оврагу. Ашур бодренько спускается с высокой горки к мосту, перекинутому через реку, то и дело поправляя на ходу сползающую с плеч дубленку, и мурлыкает свою любимую песенку:

Был бы я мотыльком,
Ты была бы огнем,
Ах, спалила бы меня
В объятии своем...²

¹Поговорка.

²Автор, к сожалению, не помнит, кому из поэтов или ашуггов принадлежат эти строки.

В тот самый момент, когда влюбленный “мотылек” ступил на мост, продолжая распевать песню, и уже видел себя мысленно в объятиях молодой вдовы, откуда ни возьмись, с противоположной горки неожиданно выскочила чья-то легковая машина. Ослепляя Ашура светом фар, она падающим метеором мчалась прямо на него, словно небесная кара спешила настичь греховодника. Растерявшийся завмаг, опасаясь за свою жизнь, испуганно шарахнулся в сторону и тут же, сорвавшись с моста (он у нас узкий и без перил), вместо того чтобы попасть в жаркие объятия знойной вдовушки, с шумом плюхнулся лысой головой вниз в холодную воду.

Дальше Ашур Соловей, даваясь от разбивавшего его смеха, не мог членораздельно говорить. Все же кое-как пересилив себя, он довел свой рассказ до благополучного конца. Оказывается, дубленку с вырубкой, узел с подарками и папаху вмиг унес бурлящий поток. Очутившись в ледяной воде, перепуганный насмерть завмаг, как за якорь спасения, ухватился обеими руками за один из деревянных столбов, поддерживающих мост, и кричал так, что в ту праздничную ночь на все селение были слышны его отчаянные вопли о помощи.

Пока наши односельчане бежали к мосту, люди, ехавшие на машине, с большим трудом извлекли из воды еле живого, всего посиневшего и трясущегося, как в лихорадке, от страха и холода завмага.

На следующий же день все селение только и говорило об этом ночном происшествии, и с тех пор односельчане стали величать завмага Ашура Бриллиантовым Мужчиной.

Рассказав эту историю и вдоволь нахохотавшись над оскандалившимся приятелем, Ашур Соловей, довольный и веселый, встал и на прощание пожал мне руку. Но прежде чем уйти, он, точно в раздумье, на минуту остановился у дверей, а потом с внезапно вспыхнувшими в его темно-карих глазах озорными огоньками махнул рукой и решительно произнес:

— Знаешь, земляк, черт с ним, с этим дефицитом, и с самим завмагом! Напиши о нем, разрази его, хороший фельетон или что-нибудь в этом роде. Только назови свой фельетон или хабар — тебе виднее — “Ашур Бриллиантовый Мужчина”.

“ПРОКЛЯТАЯ ИСТОРИЯ”

ВСТРЕТИЛ я недавно своего друга Салара, механика авторемонтного завода. Последний раз я его видел месяц с лишним назад, перед моим отъездом в санаторий. На днях я, к своему большому удовлетворению, узнал, что он получил квартиру из трех комнат, притом в центре города, и сразу представил себе радость моего друга, его семьи, которая долгое время ютилась в одной комнате коммунальной квартиры. Но когда я увидел Салара, вопреки моему ожиданию он выглядел весьма озабоченным, мрачным и взвинченным. Мне даже показалось, что за время, что я его не видел, он несколько постарел и осунулся. На мое приветствие и поздравление с новосельем Салар ответил вяло, без всякого воодушевления, словно ему это было не по душе. Я невольно насторожился.

— Салар, дорогой, скажи честно, что-нибудь случилось?

— Нет, все в порядке, — угрюмо буркнул он в ответ.

Но я чувствовал, его что-то гнетет, гложет.

С минуту мы шли молча. Салар шел, опустив голову, задумавшись. Потом он поднял серые, грустные глаза и, взяв меня за локоть, спросил:

— Ну ладно, скажи: у тебя есть время?

— Да я никуда не спешу.

— В таком случае давай посидим вот тут, — указал он глазами на стоявшую в сквере рядом скамейку, — и я тебе расскажу все.

Мы сели. Погода стояла осенняя, пасмурная, под стать настроению моего друга. Салар вынул из кармана портсигар, угостил меня сигаретой и закурил сам, потом, словно забывшись, долго смотрел куда-то перед собой. Я осторожно тронул его за руку.

— Ах да, извини меня, пожалуйста, — встрепенулся он. И, словно оправдываясь, добавил: — Знаешь, все эти последние дни, и на работе и дома, все думаю об этой проклятой истории. Никак она у меня не выходит из головы.

Салар сделал несколько глубоких затяжек, потом, бросив окурок, начал рассказывать.

— Неделю тому назад я получил новую квартиру. Мне незачем объяснять тебе, какая это радость для нас, — сам знаешь... На следующий день после того, как мы заселились, — это было в субботу — кто-то робко постучался к нам в дверь. Открываю, смотрю, в подъезде стоит незнакомый мне человек, какой-то высокий, плечистый парень с круглым лицом. На нем замасленная кожаная тужурка, яловые сапоги с подвернутыми голенищами, помятая кепка, сдвинутая на затылок. С виду похож на шофера. У его ног лежит боль-

шой плоский закрытый ящик, а на ящике — огромный живой откормленный индюк со связанными ногами. Рядом с ящиком стоит большой баллон с красным вином.

“Вы к кому?” — спрашиваю.

Он, приветливо поздоровавшись, почтительно улыбается.

“К вам, — уверенно отвечает он с такой же почтительной улыбкой. — Мне приказали, чтобы я все это, — он с деланной небрежностью указал на привезенные вещи, как бы желая подчеркнуть, что ничего, мол, особенного здесь нет, — доставить вам”.

Выслушав его, я очень удивился и стал объяснять ему, что он наверняка ошибся, спутал меня с кем-нибудь другим.

“Нет-нет, что вы! — вежливо запротестовал незнакомец. — Именно вам велели доставить”.

— А ты не спросил у него, кто прислал тебе эти подарки? — перебил я Салара, заранее догадываясь, что “проклятая история”, которая вывела из равновесия моего друга и о которой он собирается рассказать, по всей вероятности, связана с ними.

— Как — не спрашивал?! Спрашивал, — словно удивленный и даже немного обиженный моим вопросом, воскликнул Салар. — Говорит: “Узнаете потом, сам хозяин напишет вам”. Он так и сказал — “хозяин”.

И, не дав мне опомниться, шофер легко поднял двухпудовый ящик и без моего разрешения занес на кухню. Туда же перенес баллон и индюшку.

Как только неизвестный мне шофер неизвестного “хозяина” ушел, на кухню с шумом вбежали мои дети. Когда я на их глазах вскрыл ящик и они увидели аккуратно сложенные в нем виноградные кисти с чуть сморщившимися желтыми ягодами, то радостно запрыгали. Я каждому из них дал по кисти винограда и отправил назад. Вскоре вернулась жена — ее не было дома, когда приходил шофер. Дети, сразу обступив мать и размахивая перед нею гроздьями, сообщили о подарках.

Жена тоже, скажу тебе, была удивлена этому не меньше моего. Она смотрела на меня, я на нее, как бы стараясь с помощью друг друга угадать, кто мог бы сделать нам такой неожиданный сюрприз. Мы перебирали в памяти всех наших родственников, но среди них не находили ни одного, кто мог бы послать нам в ноябре целый ящик винограда, большой баллон вина и такого откормленного индюка. Да и родственников как у меня, так у жены раз-два и обчелся. Ты же знаешь, мы сироты, детдомовцы, у меня и у жены отцы погибли на фронте, а матери умерли от голода во время войны, когда мы были еще подростками.

“Не надо было принимать подарки, коли не знаешь, от кого

они, кого надо благодарить за это”, — говорит мне жена почти с упреком.

По ее голосу я чувствую, что она скорее огорчена, чем обрадована. В душе я, конечно, был согласен с ней, но уже ничего не мог исправить. Чтобы как-нибудь успокоить ее, а заодно и себя, я принялся уверять жену в том, что это все прислал кто-то из наших друзей, желая на новоселье сделать нам приятный сюрприз.

Жена наконец как будто поверила этому. А через час, между нами говоря, мы были даже рады подарку и решили на следующий день пригласить самых близких наших друзей и устроить небольшой пир. Ты тогда находился в санатории. И хорошо, что тебя не было.

Салар глубоко вздохнул. Сердито нахмурив брови, он беспокойно заерзал на скамейке и опять полез в карман за сигаретами.

— На следующий день, — заговорил опять мой собеседник, держа между пальцами дымящуюся сигарету, — пришли мои гости. Жена, радостно возбужденная, приветливая, счастливая, быстро накрыла на стол, налила полные графины вина, подала соус, горячий плов с жареным индюком. Только подняли первые бокалы, чтобы произнести тост, по радио, точно по нашей заявке, запели застольную песню “Налейте бокалы!..”. Это еще больше подняло общее настроение за столом. Но вот в самый разгар песни, словно гром с ясного неба, кто-то громко и нетерпеливо стал барабанить кулаками в дверь, заглушая песню. Пораженные, застыв с бокалами в руках, все невольно повернули головы в сторону двери. Я быстро побежал и открыл ее. Смотрю, на пороге стоит тот самый шофер и как будто не тот. Рожа злая, красная, вызывающая. Он окинул меня свирепым взглядом, точно своего заклятого врага, виноватого перед ним Бог знает в чем, и закричал сердито и требовательно:

— Где ящик с виноградом?! Где баллон с вином?! Где индюк?!

Я обмер, ноги у меня подкосились. Не дожидаясь ни моего приглашения, ни моего ответа, он, громяхая своими сапожищами, устремился на кухню. А я, точно во сне, поплелся за ним. Шофер, не найдя там ничего из того, что оставил вчера, заговорил с отчаянием и злостью в голосе:

— Понимаешь, произошла ошибка, досадная ошибка. То, что я вчера привез, наш директор совхоза велел отнести одному начальнику, который оказывает ему услуги. Но я, дурак, перепутал номер дома... Теперь хозяин съест меня с потрохами. — Он с досадой плепнул себя по широкому плоскому лбу, а потом, бросив сердитый, возмущенный взгляд на сквороду, стоящую на плите с остатками индюшки, и кривя губы в злой усмешке, с ехидством прибавил: — А ты, — он уже не называл меня на “вы”, — а ты вместе со сво-

ими гостями, конечно, постарался поскорее сожрать, выпить все, что я привез, наверняка понимая, что я спохвачусь и вернусь. Ведь на чужое, дармовое аппетит всегда хороший. “Чужой уксус и тот сладким кажется”...

Я думал, сойду с ума. Радио перестало петь, и гости, конечно, все слышали, тем более что от расстройства и растерянности я забыл закрыть дверь комнаты, где они сидели. Вне себя от негодования, потеряв над собой контроль, я вплотную приблизился к нему и потребовал, чтобы он немедленно сгинул отсюда.

— Ну-ну, папаша, тихо! — крикнул он на меня, угрожающе подняв руку со сжатым кулаком.

Жена и дети с криком выбежали в коридор, а вслед за ними и гости. Шофер, с шумом захлопнув за собой дверь, удалился, а все они, видя, в каком я возбужденном состоянии, принялись меня успокаивать. От незаслуженной обиды и бессильной ярости, от того, что мне было стыдно перед моими гостями, я кипел, как котел на сильном огне, и готов был провалиться сквозь землю.

Настроение у всех было испорчено. Очень скоро мои гости, каждый сославшись на какую-нибудь уважительную причину, ушли один за другим, почти не отдавая ни вина, ни плова, ни винограда. После их ухода мы с женой долго сидели одни за пустующим накрытым столом, молчаливые и подавленные, словно после похорон. Потом я разом встал, схватил баллон, вынес на кухню и вылил в раковину все вино до последней капли. А ящик с виноградом отнес в общежитие интерната, которое находится недалеко от нашего дома. Ребятам я сказал, что виноград прислали им в подарок рабочие совхоза.

— С тех пор прошло больше недели, а я, как видишь, никак не могу успокоиться, прийти в себя... — такими словами закончил свой печальный рассказ об этой... “проклятой истории” мой друг Салар.

МАСТЕР КРАСОТЫ

ЗНАЕТЕ, каждому хочется быть красивым, — поднося бритву с блестящим лезвием к моему намыленному горлу, убежденно говорит мне парикмахер.

У него мощная круглая бритая голова, отливающая синевой, неторопливые, но уверенные движения, плотная, коренастая фигура. На широком, немного скуластом, смуглом энергичном лице торчат, словно пучки тонких прутьев, длинные, прямые черные усы. Когда он говорит, его левый ус то и дело шевелится и вздрагивает, а большие темно-карие глаза смотрят на клиента с какой-то затаенной печалью, которая не очень вяжется с его бодрым и суровым видом.

— Так оно и должно быть, — не отрываясь от дела, продолжает добровольно просвещать меня уста¹, — на то он и есть человек, как говорится, венец природы, чтобы любить и ценить красоту. Это, извините за выражение, обезьяне или верблюду все равно, как они выглядят: красивыми или уродами. Вот взять, к примеру, того же верблюда. Оттого, что у него шея кривая или горб торчит на спине, он, думаете, хоть сколько-нибудь чувствует себя несчастным, обиженным? Наоборот. Если вы заметили, верблюд держится очень даже высокомерно, как чванливый лорд или высокородный бек. Он настолько безразличен к тому, что в его фигуре все криво, что на этот счет существует даже поговорка. Вы, наверное, тоже слышали. Спросили у верблюда: “Почему у тебя шея кривая?” Он: “А что у меня прямое, чтобы шея была ровная?” А вот у моей супруги, к слову сказать, — в голосе усты сразу прозвучали грустные нотки, — на мою беду, на кончике носа вскочила маленькая бородавка, величиною всего с божью коровку. Теперь из-за этой ничтожной штучки у нас в доме нет спокойствия: жена вечно хнычет, ворчит, по пустякам раздражается. Видите ли, эта злополучная бородавка портит ей красоту...

На минуту парикмахер перестал орудовать бритвой, задумчиво опустил глаза и шумно вздохнул, а на лицо его легла тень. Должно быть, ему в эту минуту представился женин нос. Я от души пожалел его.

— Не нужна красота еще знаете кому? — продолжал философствовать мой уста, но без прежней грусти в голосе. — Не про нас с вами будь сказано, красота не нужна еще и покойнику, как не нужны ему освещение, отопление, водоснабжение, канализация и прочие, так сказать, коммунальные удобства...

¹ Уста — мастер.

Меня начал разбирать смех.

Уста, резко убрав бритву от моего лица и нахмутив лохматые брови, недовольно поморщился, шевельнув усами.

— Смеяться, гражданин, во время бритья категорически воспрещается, — строго произнес он, сердито поглядывая на меня. — Пока вы сидите у меня в кресле, я отвечаю за вашу жизнь, как хирург за жизнь своего пациента на операционном столе... Кроме того, гражданин, — мастер укоризненно покачал бритой головой, — ничего, по-моему, смешного нет в том, что я сейчас рассказываю вам, наоборот, совсем наоборот.

Справа от нас, на широком низком подоконнике, стояла маленькая зеленая елка, украшенная разноцветными игрушками. В ярком свете электрических ламп они таинственно блестели, переливаясь всеми цветами радуги. За окном в зимних сумерках редкими, крупными, пушистыми хлопьями лениво падал снег, спешили нагруженные покупками прохожие — был канун Нового года.

Когда я с трудом подавил смех, парикмахер, после минутного молчания, как ни в чем не бывало, заговорил вновь:

— Вот к нам ходят клиенты: мужчины, женщины, молодые, пожилые. А почему они ходят? Конечно, чтобы выглядеть красивыми. А как же иначе? Вот попробуй, к примеру, вас не брить, не стричь три-четыре месяца, так родная жена и та, извините, испугается... Тем более, как я посмотрю на вас, не в обиду вам будет сказано, красотой вы не блещете. Правильно я говорю?

Парикмахер отодвинулся на полшага и в ожидании ответа воспитательно уставился на меня. Я опять чуть не разразился смехом, но сдержал себя и в знак полного согласия с ним молча кивнул головой.

Уста, видимо довольный, слегка улыбнулся.

— То-то! — весело воскликнул он и с нескрываемой гордостью за свою профессию добавил: — Но красота вещь тонкая. Ее надо наводить умеючи. Знаете, сделать человеку хорошую прическу, аккуратно подстричь, подправить ему волосы — это вам, извините, не траву в поле косить или шерсть с барана снять. Вот расскажу вам про такой случай из моей практики. Приходит ко мне одна полная дама в летах (я тогда работал в дамском салоне парикмахерской) и просит, чтобы я сделал ей прическу “офицеры, за мной”, а на лбу — кокетливые завитушки. Но я прекрасно вижу, что такая прическа не для ее возраста и комплекции. Мне, конечно, ничего не стоило взять да исполнить ее желание. Но брать деньги с человека, да еще уродовать его, я, как честный гражданин и член профсоюза коммунальных работников, не могу и не имею права. Это, знаете, брак, хуже, чем брак на производстве. Я имею дело с живыми людьми, а

не, извините, с болванками и сковородами. “Мадам, — вежливо говорю ей, галантно приложив руку к сердцу, — такая прическа, которую вы хотите, подойдет только молоденьким...” Но дама не дала мне договорить, с жаром схватила меня за руку и, благодарно прижав ее к груди, радостно говорит: “Вот-вот, сделайте меня, пожалуйста, молоденькой!.. А то мой муж — он моложе меня на двадцать лет — все на молоденьких заглядывается, негодник, боюсь, не удержу...” — разоткровенничалась дама. Я, конечно, могу ей посочувствовать, но понять... нет!

Парикмахер вздохнул и грустно улыбнулся.

— Не без труда, гражданин, я убедил ее, что такая прическа будет ей не к лицу. Она не делает ее привлекательной, скорее наоборот. И предложил ей другую, подходящую для ее возраста и типа лица. Она после некоторого колебания все же согласилась и ушла, как мне кажется, довольной. Но удастся ли ей даже с помощью самой ухищренной прически удержать молодого мужа, я, гражданин, затрудняюсь сказать.

Уста прервал свою речь и, слегка прихрамывая, исчез за серой полотняной перегородкой. Через минуту он вынырнул оттуда с мокрой, горячей салфеткой, от которой валил густой пар, и сделал мне компресс. Покончив с этой процедурой, он, вооружившись ножницами и металлическим гребешком, начал поправлять мои усы.

— Вы, наверное, слушаете меня, а про себя думаете: зачем, мол, я все это рассказываю? — словно угадав мои мысли, многозначительно улыбнулся уста. — А я это говорю к тому, что и среди нас, парикмахеров, есть свои, так сказать, “маяки” — люди, с любовью, творчески относящиеся к своей работе, профессии. Но почему-то нашего брата никто надлежащим образом не ценит.

— Как — не ценит? — спросил я с преувеличенным удивлением. — Разве вам плохо платят за ваш труд?

Парикмахер поморщился так, словно проглотил кислую алычу.

— Да разве все дело в оплате, дорогой товарищ? — с укоризной произнес он. — Есть пословица: “Не нужен мне твой плов, нужно твое внимание”. Доброе слово нередко ценнее дорогой монеты... А вот сейчас я задам вам один вопрос: вы хоть раз слышали, чтобы кто-нибудь из наших писателей сделал героем своего рассказа, поэмы или романа нашего брата парикмахера? Конечно, нет. А ведь никто из них без наших услуг не обходится. Разве не обидно?

Рассказчик на минуту умолк, но продолжал стрекотать ножницами перед моим носом, поправляя усы. Потом тем же обиженным тоном заговорил вновь:

— Вот я знаю одного писателя, он земляком мне приходится,

мы с ним из одного селения. Он часто пишет о жизни села, о сельских тружениках, а сам в сельском хозяйстве разбирается так же, как я, извините, в китайской грамоте.

— Не может этого быть, — попытался я заступиться за незнакомого мне собрата по перу.

— Вы послушайте дальше, — не обращая внимания на мое возращение, дергая левым усом, проговорил уста. — Этот самый писатель, мой земляк, о котором я вам говорю, почти мальчиком уехал из села и с тех пор все время живет в каком-то большом городе. Ездит в свое селение от случая к случаю, раз в пять-шесть лет, и то на свадьбу или на поминки. Мне кажется, что он сейчас с трудом отличает камыш от кукурузы, осоку от риса. Если он еще что-то помнит, знает о сельском хозяйстве, то это то, что огурцы, дыни, тыквы и арбузы в отличие от черешни и груши растут не на деревьях, а на грядках, на самой земле. Этот мой земляк, надо полагать, как и все мужчины, по меньшей мере хотя бы раз в неделю или в месяц ходит к парикмахеру! А вот писать о нем ничего не пишет. Я давно его не видел, но, попадись он мне под руку, даю слово, я ему такое устрою, такое... — В его голосе прозвучали сердитые нотки, и он злорадно ухмыльнулся.

Я беспокойно заерзал в кресле.

— А что бы вы ему сделали?

— Что бы я ему сделал? То же самое, что сделал цирюльник с моллой Насретдином, — с мстительной усмешкой произнес он в ответ.

Я как-то слышал про эту историю. Говорят, однажды молла Насретдин пришел к цирюльнику брить голову. У того бритва оказалась очень тупой. Едва он проложил первую “борозду” на голове моллы, тот весь стал корчиться от боли, а на глазах выступили слезы. Цирюльник, желая развлечь разговором своего клиента, вежливо осведомился: “Сколько вас братьев, молла?” — “Было пятеро, дорогой уста, — всхлипнул молла, — но с той роковой минуты, как моя несчастная голова попала под твою бритву, считай, что осталось четверо...”

Я невольно начал с беспокойством разглядывать в зеркале усащенное лицо своего собеседника и вдруг... похолодел от ужаса. Это был мой земляк — я узнал его, хотя мы давным-давно не виделись. Это он обо мне говорил...

Салфетка, обернутая вокруг шеи, стала душить меня, точно петля. Я резким движением сорвал ее, разом вскочил с кресла и поспешно кинулся к вешалке. Схватив пальто и шапку, я, от волнения и спешки едва не сбив с ног ошеломленного парикмахера, выбежал на улицу.

А ночью мне снились кошмары. Усатый парикмахер, размахивая большой бритвой, точно ножом мясника, и прихрамывая, долго преследовал меня по открытому полю, залитому горячим солнцем. Вдруг я, к своей несказанной радости, увидел перед собой кукурузное поле, похожее на густой лес. Я недолго думая решил укрыться в нем от своего преследователя, который хотел насильно сбрить мне бороду тупой бритвой. Но, немного придя в себя, я обнаружил, что это вовсе не кукуруза, а камыш. Мстительный парикмахер искал меня в камышах. По соседству с камышовыми зарослями раскинулось ярко-зеленое рисовое поле. Я незаметно бегом перебрался туда. Но, лишь изрядно поранив себе лицо и руки, сообщил, что это вовсе не рис, а осока...

С трудом оторвавшись от гнавшего за мной парикмахера, потный, усталый, запыхавшийся, я очутился у высокого орехового дерева и с наслаждением растянулся в его густой прохладной тени, широко раскинув руки. Где-то в кроне дерева заливался неугомонный соловей. Забыв об опасности, которой мне только что удалось избежать, я с улыбкой стал слушать вдохновенного певца. Но в эту минуту один орех, упав с дерева, угодил мне прямо в лоб. Прижав ладонь к ушибленному месту, я сразу проснулся и тут же ощутил у себя на подушке игрушечный орех, который сорвался с новогодней елки, стоявшей у изголовья моей кровати. Я в ту же минуту вспомнил про свой сон и вчерашний случай в парикмахерской и решил, не откладывая дела в долгий ящик, написать рассказ о парикмахере и отдать этим дань глубокого уважения и признательности его древней и очень нужной людям профессии, которая делает нас красивыми...

ТЕЛЕФОН

ЧЕРТ меня дернул поставить у себя дома телефон! Зачем я вбил себе в голову, что он мне необходим? Ведь обходился же я, слава Богу, без него все эти годы. И ничего. А вот с тех пор, как появился телефон, пошли одни неприятности, я вконец извелся, потерял покой, меня даже чуть не хватил удар.

А впрочем, так мне и надо! Говорили же добрые люди из конторы связи, особенно один там, пожилой, с удивительно спокойным и приятным голосом:

— Зачем вам, дорогой писатель, телефон? Ваше дело — писать и писать, а не растрачивать свое драгоценное время на всякие телефонные звонки и хабары.

Честное слово, говорил! А я вот уперся, как осел: “Поставьте мне телефон — и никаких гвоздей! Дом телефонизирован, у моих соседей есть телефон, а почему мне нельзя?”

Мой довод, видимо, сразил самого главного, и мне наконец поставили телефон, такой модный, красивый и блестящий, хоть погладь рукой. Но одно лишь огорчало меня: телефон молчал, точно воды в рот набравши. Через неделю я позвонил (из квартиры соседа, конечно) самому главному и робко пожаловался.

— Телефон вам не патефон, чтобы он “запел” сразу, — ласково упрекнул меня обладатель невозмутимого приятного голоса.

— Ведь целая неделя, как его поставили, а он молчит.

— Пусть молчит. Хлеба у вас не просит?

— Это верно, но...

— Простите, дорогой товарищ, у нас нет пока свободных номеров! — И положил трубку.

Спустя три месяца я опять позвонил самому главному (опять из квартиры соседа).

— Телефон молчит...

— Пусть молчит. Хлеба у вас не просит? — слышу я тот же самый ответ.

— Зачем тогда поставили телефон?

— Вы сами просили.

— Правильно, просил, но мне нужен телефон, который говорит, а не... В конце концов фельетон, что ли, о вас написать? — разозлился я.

С минуту в трубке слышалось напряженное сопение, потом многозначительное предупреждение:

— Как вам угодно. Но фельетон — это не телефон!..

И разговор оборвался. Наутро следующего дня мне сообщили

номер моего телефона, и через минуту у меня на столе вдруг весело затрещал телефон. Я с радостью взял трубку.

— Алло-о? Алло-о! Как там самочувствие моей жены? — спрашивает мужской голос.

Мне показалось, что я ослышался, поэтому попросил повторить, что он хотел сказать.

— Я спрашиваю: как самочувствие моей жены?

— Откуда я знаю? — отвечаю я, крайне удивленный его вопросом. — Простите, почему о здоровье своей жены вы спрашиваете у меня?

— Как — почему? Это разве не родильный дом? Я разве не с дежурным врачом разговариваю? — уже несколько другим, озадаченным тоном спрашивает незнакомец.

— Нет-нет, это квартира.

— Ах, тогда, пожалуйста, извините!

Я положил трубку, вновь взялся за ручку, но через минуту опять раздался звонок, а в трубке — тот же голос:

— Скажите, пожалуйста, как самочувствие моей жены?

Я, не произнося ни слова, в сердцах бросил трубку. Немного погодя — опять звонок, опять тот же голос и опять тот же самый вопрос. Я схватился за сердце и глубоко страдающим голосом взмолился:

— Слушай, дорогой мой, я же сказал вам, что это не родильный дом, а квартира, ква-а-ртира! Не туда звоните!

— А какой номер вашего телефона?

Я назвал. Но незнакомец вдруг словно взбесился, услышав номер.

— Как вам не стыдно? Зачем вы врете? — громко заорал он в трубку. — Я и вчера, и позавчера звонил по этому самому номеру. И мне все время отвечали как положено... Вы просто нахал! Я...

Я швырнул трубку, взял ручку, но уже не мог сосредоточиться. Мысли мои разлетелись в разные стороны, как потревоженные пчелы, сломя голову, удирающие из улья, в котором ворошили палкой. Дрожащими пальцами я достал из открытой пачки сигарету, закурил, но тут мой телефон вновь заверещал.

Я поднял трубку.

— Скажите, пожалуйста, кто у меня родился: мальчик или девочка? — спрашивал уже другой мужчина, в голосе которого чувствовалось нетерпение и волнение. И он, назвав имя и фамилию своей жены, добавил: — Я целую неделю был на кутане¹, поэтому ничего не знаю.

¹ Кутан — отгонное пастбище.

Я понял: опять звонят в родильный дом, а почему-то попадают ко мне.

— А кого бы вы хотели? — усталым, но доброжелательно-шутливым тоном спросил я.

— Мне все равно, — услышал я короткий смех. — Но желательно, конечно, мальчика. У меня две девочки-двойняшки.

— У вас мальчик, — произнес я и тут же положил трубку: по крайней мере теперь не скоро позвонит.

Не прошло и пяти минут — о Боже! — опять звонок. На этот раз звонила какая-то старушка. Спрашивает:

— Доктор, не скажете, как там моя невестка, разрешилась? — и она назвала фамилию своей невестки.

Я с полминуты молчал размышляя: если сказать, что “не разрешилась”, будет опять звонить и звонить, поэтому ответил, что разрешилась, чувствует себя хорошо, передает привет и прочее.

— Ай, спасибо, сынок, спасибо! — слышу я радостный, взволнованный голос старухи. — Не скажете, кто у нас родился?

— А кого бы вы хотели? — с деланной веселостью спрашиваю я.

— Хочу внучку, милый, мечтаю. У меня одни мужики...

— Ваша мечта сбылась — у вас родилась великолепная внучка, поздравляю! — И сразу повесил трубку.

Я взял с кровати подушку, накрыл ею телефон и больше к нему не подходил. Но самая большая неприятность из-за этого телефона, как оказалось, ждала меня вереди.

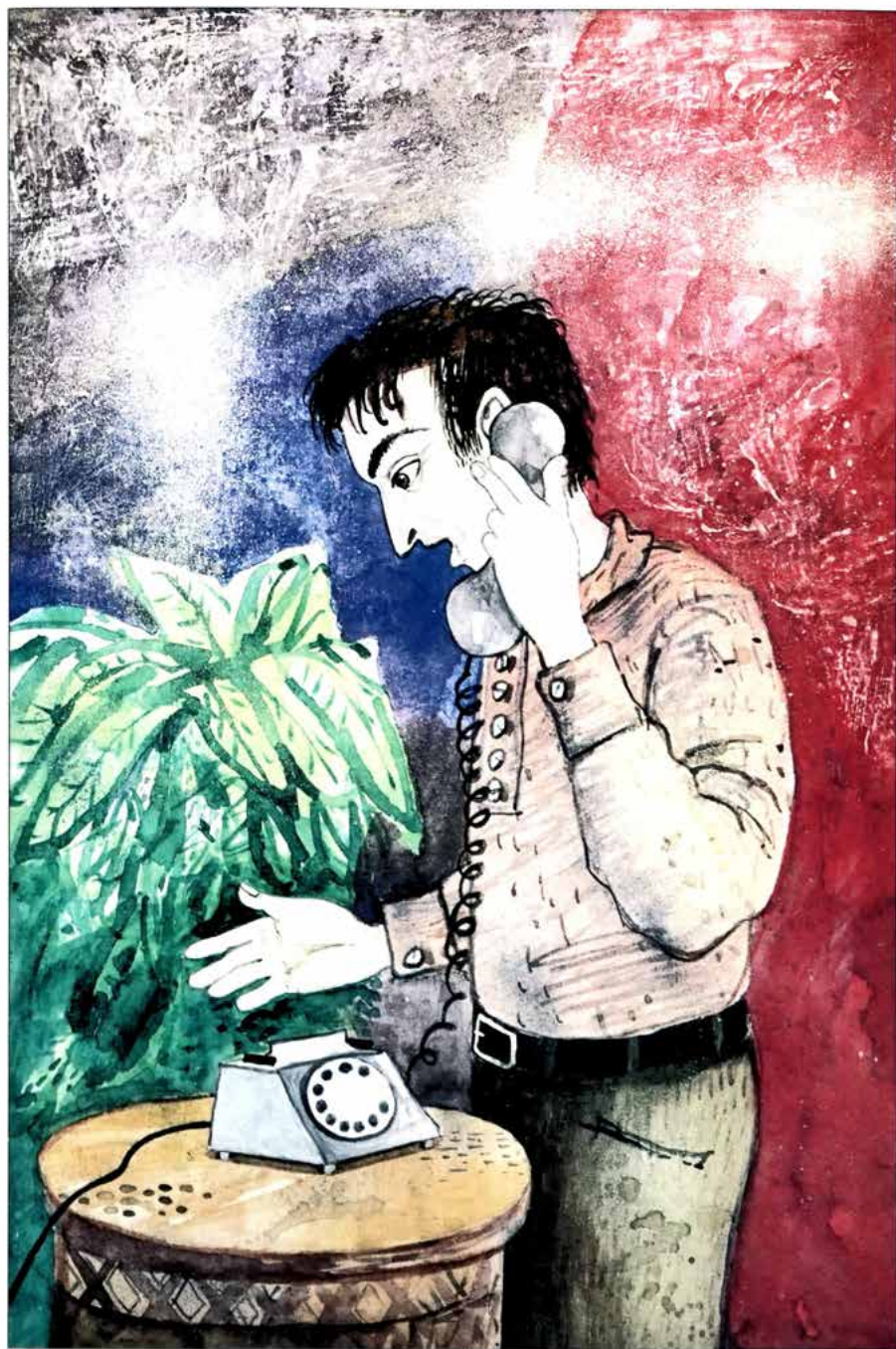
На следующий день, несмотря на то что у меня есть звонок, кто-то начал бить ногой в нашу входную дверь, да с такой яростной силой, что она вот-вот сорвется с петель. Я, крайне удивленный и возмущенный, быстро подбежал и открыл дверь. У порога стоял незнакомый мне мужчина с тремя белыми свертками на руках. Два свертка он держал на правой руке, один — на левой. Незнакомец был коренастым мужчиной средних лет, с суровым, обветренным лицом, черными усами, одетым в пиджак, брюки галифе с широкими клиньями и хромовые сапоги. Голову его украшала высокая каракулевая папаха.

— Я узнал, это вы, оказывается, вчера говорили мне по телефону, что у меня родился сын, — окинув меня сердитым, почти враждебным взглядом, запальчиво произнес он, как только я показался перед ним.

Я сразу догадался, что это тот самый человек, который говорил, что был целую неделю на кутане и у него две девочки-двойняшки и что он хотел бы сына...

— Да, я.

— А почему вы мне наврали?! У меня родилась тройня — и все

“Телефон”

девочки. Вот они у меня на руках, — показал он глазами на свертки.

— Я-то тут при чем? Я, что ли, виноват? — не найдя сразу, что сказать, пробормотал я.

— Конечно! — гневно нахмурив брови, с горячностью воскликнул он. — Почему вы сразу не сказали, что у вас квартира, а не больница, морочили мне голову?!

Я, понятно, не знал, что дело так обернется. В душе я сейчас очень жалел о своем поступке, независимо от причины, побудившей меня к этому. Но в то же время было бы глупо и бессмысленно оправдываться, поэтому я промолчал.

Однако отец новорожденных девочек, продолжая кричать и браниться, начал ставить мне в вину и то, чего у меня и в мыслях не было.

— Вы хотели разыграть меня за то, что у меня две девочки-двойняшки, а теперь вместо желанного сына разом стал отцом еще трех девочек-тройняшек? И это, видно, показалось вам очень смешно и забавно. Не так ли?! — Он на секунду умолк, шумно вздохнул и бережно поправил на руках свертки, затем, смерив меня с ног до головы злым презрительным взглядом, добавил: — Вы этим самым нанесли оскорбление не только мне как отцу, но и моим новорожденным девочкам, всему женскому полу в их лице, если хотите!..

— Поверьте, я совсем не имел такого намерения, — пытался я его успокоить, но незнакомец, не дав мне договорить, еще больше распалаясь, продолжал осыпать меня упреками.

— У меня на руках три маленькие горянки! — Он гордо вскинул голову. — Сейчас горянка — инженер, ученый, министр, актриса, поэтесса. О горянках книги пишут. А вы, скажу вам, просто-напросто отсталый противный тип и пустой насмешник. Вот кто вы!..

Пока отец новорожденных малюток поносил меня вовсю, я вдруг с ужасом заметил, как незнакомая старуха, пыхтя и отдуваясь, с трудом поднимается по нашей лестнице с таким же свертком на руках. Лицо ее показалось мне таким сердитым и злющим, что могло смутить и напугать самого Азраила. “Может, это та самая старуха, которую я вчера поздравил с рождением внучки, о которой она мечтала, а у нее родился внук? А может, не дай Бог, с ее невесткой случилось что-то неладное или с ее ребенком?..” — тревожно пронеслось у меня в мозгу. Поспешно закрыв за собой дверь, крайне взволнованный и расстроенный, я подошел к телефону и позвонил в контору связи самому главному.

— Слушайте, почему мне все время звонят и спрашивают роддом?..

— А-а-а! — услышал я в трубке веселое восклицание и сдержанный смех. — Это очень просто: мы дали вам номер телефона, при-

надлежащий роддому. У них несколько телефонов. Ничего, обойдутся без этого номера. А вы не волнуйтесь.

— Как — не волнуйтесь?! — вспыхнул я. — Люди не знают, звонят без конца. У меня из-за этого большие неприятности. Не могу работать. Голова горит.

— Вполне возможно, — сочувственно произнес самый главный, — будут звонить, пока не будет издан новый телефонный справочник, в котором точно укажут, у кого какой номер. — И чтобы меня совсем “успокоить”, добавил: — Но это произойдет не раньше чем через год-два.

Услышав это, я в отчаянии схватился за голову, взмолился:

— Тогда дайте мне, ради Бога, другой номер!

— Не можем.

Я вышел из себя, стал грозить, что перережу провод, выброшу телефон в мусорный ящик... На это самый главный ответил мне своим обычным невозмутимым и приятным голосом:

— Как вам угодно. Но писать о нас фельетон из-за того, что вам не установили телефон, у вас нет оснований. Мое почтение!

СОСЕД МОЙ – ВРАГ МОЙ

АССАЛЯМ алейкум, уважаемый редактор!

Прошу Вас, напечатайте о моем соседе Сары¹-Самеде, который проживает в селении Узун-Бурни², напротив водяной мельницы (чтоб он угодил своей рыжей головой под ее тяжелые жернова), один острый, как уксус с перцем, “фильетун”. Хотя и говорят: “Близкий сосед лучше далекого брата”, а вот мой сосед Сары-Самед – злой враг мне. Он до того извел, измучил меня, что, клянусь всеми святыми, если можно было бы уложить все свое хозяйство: дом, двор, сад, скотину вместе с женой – в один большой чувал, ни одной минуты не остался бы жить рядом с ним. Взвалил бы все свое добро на спину и, несмотря на свои пятьдесят восемь лет бежал бы от него без оглядки, как от самого шайтана (чтоб шайтан изуродовал его, окаянно-го). Не зря говорили блаженные деды-прадеды: “Прежде чем строить дом, узнай, кто твой сосед”...

Жить с ним по соседству, поверьте мне, несколько не лучше, чем очутиться в яме один на один со змеей (чтоб она ужалила его злой язык).

Я слышал, что раз пишешь в газету – давай факты. А фактов у меня против Сары-Самеда хватило бы не только на один “фильетун”, а на все четыре страницы Вашей газеты, но я приведу всего несколько из них, памятуя, что “веревка хороша длинная, а речь короткая”.

Начну хотя бы с того, что он, мой сосед Сары-Самед, ходит по селу и распространяет обо мне всякие хабары-небылицы, будто я нарочно огородил свой двор и сад высоким каменным забором, потому что ревную молодую жену, прячу ее от любопытных взоров, как купец свою мошну.

Как поворачивается у него язык сказать обо мне такое, если моя жена почти каждый день на виду у тысяч людей торгует в городе на рынке ягодами, фруктами и овощами из моего сада и огорода? А когда она не успевает за день продать все привезенное, даже остается ночевать там у какого-то своего, как она говорит, у дальнего родственника, которого я знаю столько же, сколько Вас или Вы меня, то есть хочу сказать, что совсем его не знаю и в глаза ни разу не видел.

Со своей старой женой я был вынужден развестись, потому что от нее не было ни толку, ни проку ни мне лично, ни моему хо-

¹ Сары – Рыжий (азерб.).

² Узун-Бурни – Длинный Нос.

зайству. Женщина она хилая, слабая, к тому же бесплодная. Кроме того, заставить ее отправиться в город на рынок было так же невозможно, как сдвинуть с места каменную скалу, несмотря на то что от нашего селения Узун-Бурни до города рукой подать.

Не отрицаю, я действительно огородил свой сад и двор высоким забором. Но я это сделал, чтобы не вводить в соблазн посторонних, как говорится: “Глаз не увидит, сердце не захочет”. Но жена моя, я Вам скажу, тут совсем ни при чем. У меня, чтоб не сглазить, самый красивый и самый богатый сад в Узун-Бурни. Поэтому все, кому вздумается, тащатся ко мне в сад полюбоваться на него, а главное, поестъ всласть фруктов-ягод, насорить, как будто это общественный или колхозный сад. А ведь как капля к капле образует ручеек, так и ягодка к ягодке образует кучку. А жена моя за каждую такую кучку берет на рынке с покупателя рублик, а то и подороже. Да и для мальчишек-сорванцов, охотников совершать разбойные вылазки в чужие сады, эти стены — надежное препятствие.

Потом, если разобраться, женщину в тридцать лет разве можно считать молодой? В былые времена, говорят, некоторые женщины в нашем селении в возрасте моей жены ходили в бабушках. А ему, Сары-Самеду, лишь бы почесать язык, послетничать обо мне.

Наберитесь, пожалуйста, терпения, послушайте дальше. Недавно мой сосед Сары-Самед кем и чем только меня не обзывал: и сорняком, и жадиной, и злостным нарушителем трудовой дисциплины, притом при всей бригаде. Из-за чего, спрашивается, он так при людях, так сказать, “бублично” оскорбил меня, невинного человека?

Во время работы на прополке овощей ребята устроили перекур. Сам я не балуюсь табаком. Курить — прожигать не только здоровье, но и деньги... И вот, пока ребята курили, хабарничали, меня начало клонить ко сну. Чтобы не помешать им своим храпом (а я когда сплю, сильно храплю), я потихоньку отполз подальше, забрался под куст, росший около дороги, у прохладного арыка, и под его монотонное журчание заснул, и, видимо, крепко. Проснулся, когда уже солнце садилось за лесом, вернее, не я проснулся, а меня разбудил Сары-Самед, мой сосед. Оказывается, в это самое время стадо возвращалось в селение, а быки и коровы, приближаясь к кусту, под которым я похрапывал, с громким мычанием и ревом шаркались в сторону, сбивая друг друга с ног, или пугливо обходили его. Этим они привлекли внимание Сары-Самеда, который в это время возвращался домой с саженью на плечах (он у нас работает учетчиком).

Говорят: “На хромого козла и скала рушится”. Обычно животные боятся, если в кустах (не про нас с вами будь сказано) лежит по-

койник или затаился зверь. А с чего они, глупые создания, испугались меня, здорового, мирно спящего человека, понять не могу. И вот на следующий день мой сосед в присутствии всей бригады, мешая быль с небылицей, правду с ложью, стал чернить меня.

Он говорил, что я будто бы весь день проспал в кустах, когда другие не жалели сил в работе, что это не первый случай с моей стороны. По его словам, меня будто бы не однажды находили спящим в разгар рабочего дня в Донгуз-Камыше, под стожком сена, и будто бы я днем на колхозной работе отсыпаясь, чтобы потом всю ночь корпеть в своем саду.

Почти на все его клеветнические наветы у меня есть опровержения. Во-первых, я проспал в кустах не весь день, а три четверти дня, то есть после первого перекура, — надо быть точным. Если сосед недолюбливает соседа — это вовсе не значит, что ему позволено безнаказанно говорить про него все, что взбредет на язык. Во-вторых, я в зарослях Донгуз-Камыша никогда не спал, зная, что это — излюбленное место свирепых диких кабанов. Не такой я глупый, чтобы по своей охоте подставлять голову под их острые клыки. Пусть это делает сам Сары-Самед, если ему надоело носить на плечах свою дурную голову.

То, что я по ночам, а иногда до самого рассвета работаю на своем приусадебном участке, а потом отсыпаясь на колхозной работе, — это верно. Врать не буду — я человек честный. Но и на это у меня есть свое оправдание. В колхозном хозяйстве, дай Бог бережет, семьсот трудоспособных членов, а в моем хозяйстве я один. Жена моя, как я уже сказал, целыми днями торгует на рынке в городе (а продавать со своего приусадебного хозяйства, как вы знаете, никому не запрещено).

Теперь коротко о вчерашнем случае, который больше всего побудил меня написать Вам это письмо. Вчера мой сосед Сары-Самед чуть не подтолкнул меня на смертоубийство и не свел с ума. И вот как это было.

Поздно вечером я возвращался со свадьбы, а жены, как на грех, и на этот раз не было дома (опять осталась ночевать в городе у своего дальнего родственника). Когда я открыл калитку, смотрю, что за черт! У меня в саду под большой черешней стоит какой-то незнакомый человек, видно, не из нашего селения. Был бы он мальчик-сорванец, еще куда ни шло, а то солидный мужчина в соломенной шляпе, с почтенной бородкой и в больших очках. На вид вроде приличный: человек, “энтигент”, а ведет себя Бог знает как. Он тянет рукой к себе тяжелую ветку со спелыми ягодами, смотрит без всякого смущения в мою сторону и нахально смеется. Я, конечно, был очень возмущен его поведением, но, сдерживая свой гнев,

остановился в десяти шагах от него и кричу ему: пусть то, что он слопал, будет ему халол и пусть сейчас же убирается вон из моего сада. А он, представьте себе, и в ус не дует, по-прежнему держит ветку и бесстыдно смеется мне в лицо. Кровь ударила мне в голову, тем более что я был сильно под хмельком. А пьяный человек, сами знаете, сродни сумасшедшему, особенно когда он зол. Я забежал в дом, вынес заряженное ружье и в запальчивости спустил курок.. И как только я выстрелил, он упал как подкошенный, не издав ни звука. Сперва я (не скрою от Вас) даже обрадовался, что одним выстрелом вышиб из него дух, так, мол, ему и надо. Но потом, потом, как только опомнился, сообразил, что натворил, мне стало так страшно, что весь холодным потом покрылся. Бросив ружье, я сразу кинулся бежать куда глаза глядят, чтобы скрыться, спрятаться от людей, исчезнуть совсем. Я с ужасом понял, что в одно мгновение потерял все, ради чего жил, трудился, страдал, копил, изворачивался. Жизнь для меня сразу не только наполнилась страхом, но и потеряла свой смысл. Добежав до калитки, я вдруг сослепу ударился о свой каменный забор и в кровь расшиб себе лоб. Вначале с перепугу мне показалось, что это он, мертвец, вернее его призрак, догнал меня и хватил камнем по лбу. Тогда я, совсем потеряв голову, чтобы спастись от него, бросился в дом и наглухо закрыл за собой дверь. О, сколько страху я натерпелся за вчерашнюю ночь — не дай Бог врагу Вашему.

Еще хорошо, что на мой выстрел не прибежал никто из моих односельчан. Это потому, что вчера вечером стрелял из ружья не я один. В нашем селе издавна существует обычай: когда жених впервые переступает порог комнаты, где его ждет невеста, наши односельчане выходят на окраину села или в свой двор и палят из ружей, приветствуя этим зарождение, так сказать, новой семьи. Поэтому на мой выстрел никто не обратил внимания, даже мой сосед Сары-Самед.

Рано утром, едва дождавшись рассвета, я, весь измученный, еле живой, дрожа от страха, приполз к тому месту, где вчера ночью стоял незнакомец, убитый мною, и... остолбенел от изумления: под черешневым деревом лежал не человек, а... чучело, обыкновенное чучело, но с козлиной головой без рогов. Губы сверху и снизу были подрезаны, и от этого казалось, что оно смеется во весь рот, обнажив зубы... Возле чучела валялись соломенная шляпа и очки.

Когда я это увидел, меня охватила такая бурная радость, которую я не могу выразить словами. Я плакал и смеялся одновременно. Но очень скоро моя радость сменилась яростным гневом на моего соседа Сары-Самеда, порази его чума! И вот почему. Я понял, что эта дьявольская шутка — дело его рук. Да и клетчатый пиджак, кото-

рый был на чучеле, я года два-три назад видел на нем. И еще я вспомнил, как он однажды меня упрекнул в том, что я, мол, такой-сякой скряга, алчный, могу из-за пары ягод выстрелить в человека.

Завернув козлиную голову вместе с соломенной шляпой и очками в клетчатый пиджак соседа, я сегодня же утром отправился в райцентр к “пулкурору”. Но вот что обидно и возмутительно, уважаемый редактор: “пулкурор” отнесся с полным невниманием к моей жалобе, да еще посмотрел на меня так неласково, неприветливо, скорее всего, с неприязнью, словно во всем случившемся виноват не мой сосед Сары-Самед, а я, невинно пострадавший человек.

Будьте справедливы, посудите сами: разве после всех тех пакостей, которые причинил мне мой сосед Сары-Самед, он не заслуживает, чтобы Вы о нем написали один острый, как уксус с перцем, “фильетун”, да чтобы фил¹ раздавил его вместе с нашим “пулкурором”!

¹ Фил — слон.

КАК Я СТАЛ “НЕИСПРАВИМЫМ ПЬЯНИЦЕЙ”

ЧТО БЫ там ни говорили, я верю в кисмат¹. Правильно говорят: что у тебя написано на роду, то и будет. Иначе как изволите объяснить, что один цветет и пахнет, жизнь для него, что называется, разлили малина, сплошное везение, живет как в раю. На другого посмотришь, пусть он не такой, о котором можно сказать, что родился в рубашке, но все-таки по-своему счастлив. А вот я, прямо скажу, родился под несчастливой звездой. У меня в жизни одни обиды, неприятности и неудачи. Вот взять хотя бы недавнее происшествие со мной. А чтобы вы поняли, о чем идет речь, придется рассказать по-порядку.

У меня, как у многих других в нашем городе, есть дача. Пока я занимался ее оборудованием, пока сажал саженцы, примерно года три-четыре, я вел, можно сказать, более-менее спокойную жизнь. Но с тех пор как начал собирать виноград и давить вино, дача стала для меня сущим наказанием, Божьей карой. Кому-то с пьяных глаз понравилось мое вино, и пошел слух среди моих сослуживцев (работаю я помощником главного бухгалтера на ремонтном заводе), что у Гадаша (то есть у меня) не вино, а вроде бы райский напиток зем-зем².

И это сразу снискало мне “популярность”, привлекло повышенное внимание и интерес к моей скромной персоне, особенно тех, кто понимает толк в хорошем вине, но кто раньше меня вообще не замечал: ни тебе “салам алейкум”, ни тебе “алейкум ассалам”. Теперь от них, жаждущих испробовать моего “зем-зема”, жизни нет. Нередко они шумной компанией и без всякого предупреждения вторгаются ко мне домой среди ночи, порядочно нахлеставшись в ресторане или еще где-то.

— Э-эй, Гадаш! Принимай гостей, подавай свой зем-зем, хе-хе! — еще с порога кричат они хмельными голосами, будто пришли не в чужой дом, где все давно улеглись спать, чтобы завтра, едва продрал глаза, спешить на работу, а в ночной кабак.

Я встаю (что делать), бужу жену, велю ей подавать на стол вино и закуски. Не выгонишь же из дому — гости вроде. Ну, коли пришли, свалились как снег на голову, так и пейте уж сами, меня не трогайте. Нет, они и меня заставляют, принуждают. А я человек слабого здоровья. От долголетней сидячей работы страдаю, извините, геморроем. У меня к тому же больная печень, постоянно мучит из-

¹ Кисмат — судьба, удел.

² Зем-зем — чудесная вода, возвращающая молодость, исцеляющая раны.

жога. Да и сон у меня чуткий, куриный. Стоит, например, моему соседу по квартире в своей комнате громко храпнуть или чихнуть, я тут же вздрагиваю, как от выстрела, и уже не могу уснуть.

— Ты, дорогой Гадаш, если рад нашему приходу, должен выпить с нами этот бокал. — Очень часто с такого провозглашения начинается тост за столом.

Чтобы мои гости не подумали, упаси Бог, что я не рад их приходу, я с принужденной улыбкой “бодро” чокаюсь с их дружно протянутыми ко мне бокалами. А за первым тостом, как это водится, следуют другие.

— Ты, дорогой Гадаш, настоящий мужчина. А настоящие мужчины пьют до дна!

Я человек с намусом, горжусь своей принадлежностью к мужскому полу. Не хочу, да и не позволю, чтобы обо мне говорили, что я не настоящий мужчина. Пусть лучше лопнет моя больная печень, изжога, как огонь, прожжет мои внутренности, чем я дам повод подумать обо мне такое. Но говорить гостям: “Друзья любезные, если бы достоинство мужчины определялось его способностью поглощать винно-водочные изделия, то самый заядлый пьяница, забулдыга сошел бы за самого настоящего мужчину” — неудобно, да и бесполезно. Поэтому я пью и этот бокал до дна, конечно.

— Ну, дорогой Гадаш, пусть в твоём доме будет столько горя, слез, болезней и смертей, сколько капель вина останется в твоём и нашем бокалах!

Не скрою, я немного суеверен. Это осталось у меня еще с детства. Покойные мои родители тоже были суеверными, это передавалось и мне. Когда, например, по дороге мне встречаются две женщины, я никогда не решаюсь пройти между ними — вроде это дурная примета. Я обхожу их стороной, как норовистого коня, который, не ровен час, лягнет... И чтобы моя семья, мои милые дети, упаси Бог, миновали все эти беды и напасти, которые призывает на их головы мой пьяный сослуживец, я, собравшись с духом, до последней капли втягиваю в себя содержимое бокала.

— Дорогой Гадаш, пусть не пьет с нами тот, кто не любит нас!.. — И человек, который произносит этот тост, — здоровенный детина с разбитым носом, в недавнем прошлом боксер, — точно сердитый, буйный бык, косится глазом на мой стакан.

И я пью, чтобы не подумали, что я не люблю их. Но эта “любовь” очень часто после ухода таких гостей кончается для меня катастрофически. А не на шутку перепуганной жене приходится будить кого-нибудь из соседей, имеющих дома телефон, и со слезами в голосе просить, чтобы срочно вызвали “скорую”.

— Продай дачу! — пристает ко мне каждый раз жена, как толь-

ко я начинаю приходить немного в себя после очередного приступа печени. — Ни к чему она нам. Загубишь себя, изведешь меня, и дети наши останутся сиротами...

А знакомый, старый, добрый, но чудаковатый врач из “Скорой помощи”, вытаскивая шприц из моего бедра, тоже каждый раз в свою очередь грозит мне:

— Сколько раз я предупреждал вас, уважаемый Гадаш, воздержитесь от чрезмерного употребления алкоголя, возьмите себя в руки, иначе мы будем вынуждены насильно водворить вас в больницу для лечения, как, извините, неисправимого пьяницу.

Конечно, в моем положении лучше бы расстаться с дачей, но не могу. Дача стала для меня вроде как несчастная любовь, которую проклинаешь, но с которой не можешь расстаться. Да и шутка ли сказать: каждое деревце, каждый кустик здесь посажены и взлелеяны моими руками. И когда я бываю на даче, моя душа молодеет, радуется. Я испытываю такое удивительное чувство, которое трудно передать словами: будто каждое дерево, каждый кустик знают и любят меня как родного и, словно малые дети, ждут ласкового прикосновения моих рук, моего внимания, ведут со мной немой разговор, понятный только нам. Но поскольку жене незнакомо подобное чувство, мое упорное нежелание распрощаться с дачей она начинает истолковывать по-своему.

Дело в том, что соседка моя по даче — одинокая хорошая женщина моих лет. И как добрые соседи мы нередко встречаемся (не прятаться же нам друг от друга), иногда вместе хабарничаем, пьем чай, оказываем друг другу различные мелкие услуги. Жена же моя вбила себе в голову, что именно из-за нее я не хочу расстаться с дачей. И я теперь как между молотом и наковальней: с одной стороны, меня продолжают донимать назойливые поклонники моего “зем-зема”, а с другой — жена своей глупой ревностью. Раньше, когда муж ревновал жену, он точил кинжал, а когда жена ревновала — точила язык. Клянусь вам, он острее любого кинжала, если даже этот кинжал сделан из прославленной кубачинской стали. Уфф! Уфф! Не дай Бог никому из мужчин попасть под его лезвие.

И вот во избежание семейных раздоров я теперь не отваживаюсь идти на дачу один, без жены, если даже там все горит. Она сопровождает меня туда и обратно, как все равно конвоир безоружного пленного или арестованного. Это, конечно, меня глубоко возмущает. Но опять-таки: что делать?

Говорят, в неудачника и палка стреляет, а у невезучего лошадь в хлеву превращается в осла. Так и у меня.

Однажды утром в воскресный день приезжаю я на дачу (на этот раз без жены — у нее волдырь на языке), смотрю и глазам сво-

им не верю: группа молодых парней с лопатами в руке вырывают с корнем лозы в моем винограднике. Я, вне себя от ярости, кидаюсь на них с поднятыми кулаками, кричу:

— Что вы делаете, разбойни-и-ки?!

— Полегче, папаша! Мы не разбойники, а студенты-практиканты, — отвечает мне таким недовольным баском высокий толстощекий парень в дорогой коричневой дубленке и блестящей норковой шапке. Он, несмотря на свой юный возраст, держался важно и самоуверенно — наверное, сынок, какой-нибудь важной птицы.

— Плевать! — продолжая кипеть от негодования, как бурлящий котел на сильном огне, ору я на них не своим голосом. — Мне какое дело, кто вы? Какое вы имеете право?!

— Имеем! — отвечает мне тот самый парень начальственным баском и добавляет: — Мы должны узнать, не болеют ли ваши лозы филлоксерой.

— Это что еще за черт?! — на этот раз больше удивленный, чем возмущенный, спрашиваю у него.

— Филлоксера? Это, дядя, чума, виноградная чума, — отвечает мне другой, какой-то белобрысый, тощий, очень скромно одетый парнишка, видно, один из тех горемычных студентов, которые нередко ложатся спать на голодный желудок или без завтрака утром бегут на занятия.

По правде говоря, я до сих пор, грешным делом, думал, что чумой могут болеть только человек или курица, хотя между ними нет ничего общего. Но о том, что виноградная лоза — неодушевленный предмет — может тоже схватить эту заразу, я слышал сейчас впервые, чем, конечно, был крайне удивлен.

— Сынки мои, — сразу смягчив тон, с беспокойством говорю я студентам-практикантам, — если, допустим, человек заболел чумой, его, понятно, сразу изолируют и положат в больницу лечиться. Заболеет чумой курица или петух — это не такая уж беда, пойдут на суп. Но что надо делать с лозами, если они заболели этой самой филлоксерой?

Их ответ точно гром поразил меня в самое сердце: все лозы, если хоть одна из них заражена этой опасной болезнью, должны быть выкорчеваны и уничтожены. Таков приказ. Видя, что я начинаю бледнеть, белобрысый парень принялся успокаивать меня.

— Вы, дяденька, заранее не сокрушайтесь. Мы эти вырванные лозы подвергнем лабораторному анализу. Если они не заражены, ни одной больше вырывать не надо.

На мою беду, виноградник на моей даче, как мне сообщили из лаборатории, оказался заражен чумой, то есть филлоксерой. И я с тяжелым сердцем был вынужден выкорчевать лозы все до единой.

А любители моего “зем-зема” на днях выпили у меня последнее вино и, узнав, что мой виноградник вырублен под корень, на второй же день потеряли ко мне всякий интерес и уважение, вроде даже обиделись на меня, вместо того чтобы посочувствовать моей беде. И опять, как в прежние времена, ни тебе “салам алейкум”, ни тебе “алеійкум ассалам”.

Раз под вечер, когда я, добив последнюю лозу, возвратился домой, как с похорон, жена, встречая меня у ворот, еле ворочая языком (у нее по-прежнему волдырь на языке), говорит:

— Ты знаешь, оказывается, произошла ошибка.

Я не понял, о чем она, спрашиваю:

— Какая ошибка? О чем ты говоришь?

— Проверяющие, — отвечает она, — ошиблись. Они у себя в лаборатории случайно перепутали чужие лозы с нашими. Прислали письмо, извиняются, пишут...

Что говорила дальше жена, я уже не слышал. Очнулся я в постели. И первое, что я увидел, это знакомого доктора и двух молодых здоровых ребят в белых халатах, которые перекладывали меня с кровати на носилки, чтобы понести к карете “скорой помощи”.

— Куда-а? — с трудом приподняв голову, еле слышно спросил я старого доктора.

— Надо, так надо, — печально кивая головой, мягко произнес он и тут же добавил: — Коли вы, любезный мой, при вашем слабой здоровье и болезни печени не можете воздержаться от злоупотребления алкоголем...

Я сразу понял, что доктор решил: мне плохо потому, что вопреки его неоднократному предупреждению я, будучи больным, опять напился в стельку со своими “друзьями-собутыльниками” и что я впрямь неисправимый пьяница, поэтому, ради моего же собственного спасения, должен подвергнуться принудительному лечению. Я жестом остановил его, чтобы сказать: то, что он сейчас думает обо мне, — ошибка, такая же ошибка, как злополучная история с филлоксерой, как ничем не оправданная ревность не в меру подозрительной моей жены к соседке по даче, как то, что каждый из нас думает, что идет по правильной дороге, а на самом деле блуждает по бездорожью и никто твердо не знает, куда она его приведет. И что вся наша жизнь — это сплошная цепь ошибок и заблуждений, надежд и разочарований, маленьких радостей и больших огорчений... Но, к сожалению, я ничего не успел сказать доктору. Едва я снова открыл рот, как моя голова, точно у сильно опьяненного человека, вдруг опять пошла ходуном, и все передо мной закружилось, завертелось, как карусель. Тем временем карета “скорой помощи” мчала меня в больницу для лечения от алкоголизма...

ОПАСНЫЙ ГОСТЬ

Когда плачет ребенок, мне кажется, что плачет вся Вселенная.

Кайсын Кулиев

РАНО утром старый бауэр Ганс Гаммер вышел во двор. Только что выглянувшее из-за ближнего леса большое румяное солнце весело брызнуло ему в лицо золотистыми лучами. Гаммер приятно зажмурился, и едва приметная улыбка тронула его губы, почти спрятанные под обвислыми, моржовыми, прокуренными усами. Он был доволен, что погода с утра выдалась ясной, солнечной. Такое не часто случается у них в осеннюю пору. А ему как раз везти в город с десятком откормленных кроликов для продажи знакомому мяснику и купить кое-что для дома.

Но прежде чем погрузить ящики с кроликами и вывести лошадь из хлева, где она содержалась вместе с двумя пятнистыми коровами голландской породы, старик прошел на середину двора. Остановившись у большого бревна, возле которого копошились куры, он медленно опустился на него. Направо, у широких дверей хлева, стояла телега с большой охапкой сена. В дальнем углу двора, высунув из конуры острую коричневую морду и положив ее на передние лапы, тихо скулила собака, преданно и умильно глядя на своего старого хозяина. В прохладном утреннем воздухе стояли знакомые запахи сырой земли, сена, навоза и конской мочи.

Гаммер неторопливо достал из кармана полотняной куртки трубку и плоскую круглую жестяную коробочку с табаком. Набив трубку, он с наслаждением закурил и рассеянно огляделся вокруг. Дом его стоял на пологом холме, недалеко от небольшого озера с густыми камышовыми зарослями на берегу, на самом краю хутора, в котором было всего домов пять с красными черепичными крышами, расположенных в низине. Несмотря на то что стояли они на почтительном расстоянии друг от друга, отсюда весь хутор был виден как на ладони. Вокруг, насколько хватало глаз, простирались зеленые луга и густые леса, от которых веяло дремучей, первозданной тишиной и покоем. У человека, впервые посетившего эту местность, невольно возникало ощущение, будто она находится в самой глухой и отдаленной части света и что за этими безмятежными полями и безмолвными лесами ничего больше не существует. Даже старому Гаммеру временами казалось странным, что это место — один из уголков его беспокойной родины — Германии, ввергнувшей мир в опустошительную войну.

Старик лениво смотрит, как из трубки легкими синими зави-

тушками поднимается вверх горьковатый табачный дым и медленно тает, а сам думает и думает о войне, о том, когда она, проклятая, кончится. Если сказать правду, ему не жаль ни англичан, ни американцев, а тем более русских, с которыми немцы воюют. Англичане захватили полмира и превратили его в свою вотчину. Говорят, у американцев столько золота, хоть ковшом греби. А у русских много, очень много земли, чего не хватает немцам... Так говорит фюрер. Гитлер-то, наверное, лучше знает, чем он, старый Ганс Гаммер, простой крестьянин из глухого, забытого Богом хутора. Когда Германия победит, у немцев всего будет вдоволь...

Но сомнение, как червь, давно грызет душу Гаммера. Война как игра ва-банк — не знаешь, чем она для тебя кончится. В прошлую мировую войну он был солдатом. Германия тогда тоже одерживала одну громкую победу за другой. Но что получилось потом? Проиграли, потерпели сокрушительное поражение. Не случится ли то же самое и в этой войне?..

Гаммер старается отогнать от себя эти мрачные, тревожные думы. Но как отмахнуться от них, если они, как кошмар, преследуют тебя повсюду, не дают покоя? Ведь позапрошлой зимой немцы проиграли битву под Сталинградом. Погибла целая армия, да и какая — самая прославленная, победоносно промаршировавшая по Европе! Сам фельдмаршал фон Паулюс, командовавший ею, вместе со своими уцелевшими генералами угодил к русским в плен. Русские гонят теперь “доблестных воинов фюрера” на запад, приближаются к границам Рейха. Если, не приведи Господи, они, обозленные и разъяренные, вторгнутся в Германию (а это не исключено), что будет тогда с ней, с самими немцами? Может, не надо было Гитлеру с самого начала заваривать эту кашу, чтобы потом не расхлебывать ее... немцам? Говорят же: “Если ошибается правитель, то спотыкается вся страна”.

Кроме того, Гаммер на своем горьком опыте знает: неудачи на фронте автоматически влекут за собой неудачи и в его личной жизни. С него теперь берут больше налога, чем год-два назад. После того как единственный сын Гаммера разделил “славу” воинов Паулюса, жена его, человек с большим сердцем, очень скоро отправилась к ангелам. Он остался один как перст в целом мире. И что еще ждет его впереди — один Бог знает.

Старик сокрушенно вздыхает, горестно качает седой головой и делает одну глубокую затяжку за другой. Но неожиданное появление у него во дворе незнакомого странного смуглолицого мальчонки прерывает горькие размышления старого бауэра. Мальчик, низко опустив голову, тихо подошел и молча остановился перед ним. Брови Гаммера поползли вверх, он бросил на него изумленный

взгляд. На вид ему от силы четыре-пять лет. Всклощенные, давно не мытые темные волосы, лицо бледное, бескровное, с набухшими болезненными мешочками под большими черными глазами, босые грязные ножки со следами свежих царапин. Из-под рваной рубашонки выглядывает тощее тело — кожа да кости...

Смешанное чувство удивления, неприязни и почти страха охватило Гаммера при виде этого мальчика. Быстро засунув в карман горячую, но уже потухшую трубку, он машинально встал с места. Двумя пальцами брезгливо взяв за волосы малыша, приподнял его голову и пристально посмотрел в худое серое лицо, черные, затуманенные, как у сонного или умирающего, глаза. Кто он, этот неизвестный мальчик? Цыганенок, еврейчик или какой-нибудь черномазенький азиатик? Как он сюда попал?!

— Ты кто? — дергая его за волосы, грубо спросил Гаммер.

На лице мальчика не отразилось никаких чувств. Он будто и не слышал голоса, обращенного к нему, и еле стоял на ногах. Как только Гаммер отпустил его, ребенок медленно осел на сырую землю и растянулся у его ног. Бауэр кинул недоуменный взгляд в сторону собаки. Его удивило, что она ничем не проявила своего отношения к появлению незнакомого мальчика, не издала ни звука, точно не хотела помешать ему подойти к хозяину. Старик подумал, что мальчика, наверное, вынесли из концлагеря бежавшие оттуда лагерники. Может, уже ищут беглецов и его тоже?..

Гаммер знал отношение немецких властей к заключенным в лагерях пленным, интернированным, особенно к евреям, цыганам, русским, полякам. Он невольно вспомнил, как совсем недавно, около месяца назад, жители хутора были разбужены среди ночи стрелкотанием мотоциклов, беспорядочной стрельбой, неистовым лаем собак и душераздирающими криками. Когда к утру все затихло, в хутор на мотоциклах примчались вооруженные эсэсовцы со своими овчарками, напоминающими свирепых волков. Собрав всех взрослых жителей, они приказали взять лопаты и следовать в лес за озеро, чтобы вырыть яму и закопать в ней убитых ими, бежавших из лагеря русских и польских военнопленных.

До сих пор как кошмарный сон стоит перед глазами Гаммера зрелище, которое он увидел там. Трупы убитых пленных в полосатых робах были собраны в одно место, но лежали отдельно друг от друга. На них нельзя было смотреть без содрогания: изрешеченные пулями, растерзанные овчарками тела, проломленные черепа, обезображенные лица...

Воспоминание об этом не на шутку встревожило старого бауэра. Кой черт принес к нему этого непрошеного гостя?! Надо сейчас же посадить его в телегу и как можно скорее отвезти в город и

сдать в полицию. От волнения он на какое-то время даже забыл, зачем собирался ехать в город. Он окинул мрачным взглядом маленького опасного гостя. Мухи ползли по его лицу, копошились вокруг рта, жужжали над ухом, но мальчик даже не шевелил рукой. Старик нагнулся и дотронулся до него: не умер ли? Но ребенок, не открывая глаза, тихо, едва слышно застонал. Может, прежде чем отвезти его в город, сначала лучше покормить? Ведь он еле-еле душа в теле. Все-таки живого легче везти, чем умирающего.

Гаммер настороженно оглянулся: не видит ли его кто-нибудь из хуторян? Но вокруг не было ни души. Он легко поднял мальчика на руки, поспешно отнес его в дом и посадил за стол, где со вчерашнего вечера лежала раскрытая Библия, которую старый бауэр имел обыкновение читать на сон грядущий. Он принес стакан молока и большой кусок черного ржаного хлеба и положил перед мальчиком. Голодный ребенок при виде еды сразу ожил, шумно засопел и беспокойно задвигался на стуле, но не протянул руку к пище, с тревогой и надеждой глядя на Гаммера широко открытыми глазами, в которых, казалось, навсегда застыла невыразимая тоска и страх. Тогда старик, ближе придвинув к нему стакан, неласково буркнул:

— Пей!

Мальчик схватил стакан и дрожащими руками поднес ко рту. После первого же глотка глаза его странно заблестели, округлились. Стуча зубами о стекло и прерывисто дыша, он принялся жадно пить. Едва покончив с молоком, ребенок в одно мгновение, точно кошка мышонка лапой, накрыл своей грязной ручонкой хлеб и, словно боясь, что его отнимут, обеими руками прижал кусок к тощей груди, недоверчиво и почти враждебно косясь на хозяина. Гаммер невольно усмехнулся, но тут же, нахмутив брови, отнял у него хлеб.

— Нельзя! — строго произнес старик.

От грубого прикосновения и резкого голоса хозяина ребенок испуганно вздрогнул, но не заплакал. Видимо, его внимание было слишком поглощено безжалостно отнятым у него хлебом, который бауэр держал в своей большой, огрубевшей и потемневшей от повседневного тяжелого крестьянского труда руке. Гаммер задумчиво повертел хлеб перед собой, затем нерешительно отломил половинку и протянул ее мальчику.

— Хватит тебе и этого, — стараясь не смотреть ему в глаза, угрюмо сказал он. — Тебе сразу нельзя столько есть, понимаешь, нельзя. Умрешь!

Старый бауэр знал, что не только дни, но и часы маленького беглеца сочтены. Он все равно умрет голодной или насильственной смертью. Но старик не хотел, чтобы истощенный мальчик

“Опасный гость”

умер на его глазах от его честно заработанного хлеба. Гость не понял ни слова из того, что сказал ему хозяин дома, но протянутый хлеб взял и стал есть с торопливой жадностью, почти не прожевывая.

Увидев, что мальчишка молниеносно справился с хлебом, Гаммер, со сдержанной улыбкой подхватив его чуть выше локтей, слегка приподнял над стулом, на котором тот сидел, и поставил на пол.

— А теперь — айда! — кивнул головой Гаммер и тут же направился к двери, уверенный, что мальчик, как послушный песик, последует за ним.

Но ребенок, никуда не оборачиваясь, тяжело сопя, шатающейся походкой направился прямо в угол комнаты, где в беспорядке лежали пустые мешки из-под муки и отрубей, и завалился на них. Старику не понравился этот своевольный поступок несмысленного гостя. Он подошел к нему с намерением поднять его и увезти, но мальчик уже спал. “Ну, Бог с ним, пусть спит, завтра отвезу, — после короткого раздумья, неожиданно смягчившись, произнес про себя Гаммер и, как бы успокаивая себя, добавил: — Ведь сюда почти никто не заглядывает”.

А на следующее утро, к большой досаде старика, пошел дождь, сильный, частый. Не было никакой надежды, что он скоро прекратится. Небо было сплошь покрыто серыми, набухшими дождевыми облаками. В другой раз в такую погоду Гаммер ни за что не выехал бы из дому. Но во избежание неприятных для себя последствий он должен сегодня, сейчас же отвезти и сдать маленького беглеца.

Решив так, Гаммер вывел из хлева лошадь, слегка погладив ее гриву, надел на нее хомут и поставил в оглобли. Дождь с шумом заливал его брезентовый плащ, хлестал по лицу. Гаммер злился на погоду, на себя и особенно на этого чужого грязного мальчишку. В душе он жалел, что вчера, поддавшись чувству, не отвез его, живого или умирающего. А мальчик в этот хмурый дождливый утренний час лежал в своей убогой постели и сквозь тяжелую дрему беспорядочно, но отчетливо видел свою коротенькую жизнь, которая теперь висела на волоске и должна вот-вот оборваться.

Вот он идет с матерью по широкой и длинной-длинной улице. На ней стоят такие огромные, высокие дома, что даже мама, такая большая, кажется на их фоне совсем маленькой. Улица полна людей, шума, движения. Вот и их квартира. Папа, склонившись, сидит за швейной машиной и что-то строчит, тихо напевая себе под нос. Он часто сидит за этой машиной, иногда целыми днями. Потом папа куда-то собирается уходить, видимо, надолго, где его, наверное, ожидает не очень приятная жизнь. За спиной у него маленький, туго набитый мешок. Когда это было, мальчик не знает, но зато хоро-

шо помнит, что, перед тем как уходить, папа поднял его высоко-высоко на руки и, поцеловав в обе щеки, долго держал в объятиях, а мама все это время плакала и плакала навзрыд.

Помнит еще, как с улицы доносится громкая песня: “Вставай, страна огромная!..” Поют ее хором большие дяди в серых шинелях и с винтовками за плечами. Он это видит из окна высокого дома. Говорят, они идут бить каких-то фашистов-разбойников, напавших на нас. Но что такое страна, к которой они, эти дяди, в один голос обращаются, он не знает, как-то забыл спросить у мамы, хотя он сейчас смутно догадывается, что это такое.

Но вот однажды к ним в дом с шумом и грохотом ворвались эти самые фашисты с глубоко нахлобученными на головы железными котелками и с автоматами на шее. Они, схватив его и маму, потащили куда-то вниз по лестнице. Потом они долго-долго ехали в закрытом вагоне. В нем было много людей, тесно и очень душно, а колеса под вагоном все время стучат и стучат. И почему-то в нем почти всегда была ночь. Он много-много раз засыпал, потом просыпался, а утро не наступало. А совсем-совсем недавно, кажется, вчера это было, тоже ночью, колеса вдруг перестали стучать, и вагон остановился. Все те, кто находился в нем, разом хлынули во внезапно открывшуюся вагонную дверь. Очутившись на земле, где кругом было темно и пустынно, они, как стая испуганных птиц, сразу разбежались в разные стороны. Мама, быстро схватив его на руки, тоже побежала через какое-то открытое поле к черному лесу. Небо в ту ночь было густо усыпано звездами. Он никогда не видел столько звезд. Где-то не очень далеко позади них раздаются устрашающие звуки. При каждом таком звуке мама испуганно вздрагивает и еще крепче прижимает его к груди. Он догадывается: это те самые фашисты в глубоких железных котелках гонятся за мамой, за ним и хотят убить их, а за что — он не знает, наверное, потому, что они злые, как волки, а может быть, и не люди вовсе, а настоящие волки, но принявшие обличье людей...

Постепенно одна за другой начали гаснуть на небе звезды. А когда они с мамой вышли на опушку леса у зеленого поля, далеко на горизонте расцвела заря. В деревьях и кустах весело защелкали птицы, радуясь наступающему дню, и вскоре все вокруг заблестело, засверкало в лучах восходящего солнца. Первый раз в жизни видит он, как на смену ночи приходит утро, рождается новый день.

Уставшая и совсем выбившаяся из сил, мама опускает его на землю. Но трава, по которой он ступает, мокрая и холодная как лед, и от этого у него стынут ноги. Неподалеку, на пологом холме, из-за деревьев выглядывает кирпичный дом с красной черепицей. Мама то плачет, то улыбается ему, то прижимает к сердцу и неисто-

во целует в лоб, глаза, щеки, то, осторожно толкая в спину, негромко, но настойчиво говорит: “Беги, беги, сынок, вон к тому красивому дому, может, там кто тебя пожалеет!” И показывает рукой в сторону дома, что виднеется на холме.

Что это мама такое говорит? Куда он пойдет без нее? Соображает ли она? Нет, наверно, не очень, потому что ведет себя очень странно. У нее сейчас такие глаза, такой голос, что он даже начинает немного побаиваться ее. Он очень голоден, ужас как хочется есть и спать тоже. Если там, куда мама посылает его, дадут покушать и поспать, он хоть и очень устал, но побежит с радостью, так что даже собака не смогла бы его догнать. Но без мамы он все равно никуда не пойдет.

Мама, сказав опять, чтобы он шел к незнакомому, чужому дому, на этот раз сильно толкнула его сзади. От толчка он ничком упал в мокрую траву. Вот-вот готовый расплакаться, он встал, резко повернулся, чтобы сказать матери что-то сердитое, обидное, но ее уже не было. Она исчезла, точно испарилась. Сердечко его тревожно забилось в страхе, как у пойманной птички. Как только матери не стало рядом, ему показалось, что все-все, что окружает его, сразу приняло пугающий, угрожающий вид. Оно грозно надвигается на него со всех сторон, чтобы раздавить, проглотить его, маленького, слабого, беззащитного, покинутого всеми в мире. И не в силах сдерживаться, он опять падает на землю и, в страхе закрыв лицо ручонками, отчаянно, во все горло кричит:

— Ма-а-ма!.. Мамочка! Я боюсь! Где ты?! Мамочка, милая! Я боюсь!..

Гаммер нагнулся над спящим ребенком, чтобы поднять его и отвезти в город вместе со своими кроликами. Но, услышав громкий плач и крики мальчика, он на минуту растерялся, а потом, быстро прикрыв его рот мокрой холодной ладонью, со злобой произнес:

— Перестань кричать! Перестань... гаденыш!..

Но мальчик, который все еще находился под впечатлением только что пережитого во сне, беспокойно заметался в своей убогой постели под его тяжелой рукой. Содрогаясь всем телом, он надрывно, с мольбой продолжал звать свою маму... Горький, отчаянный плач ребенка смутил душу старого бауэра, заставил поспешно убрать свою ладонь с его рта и отойти в сторону. Он понял без слов, кого с такой тоской и мольбой зовет мальчик. Минуту спустя маленький беглец привстал. Осмотревшись вокруг себя, он, видно, сообразил, где находится, поэтому тотчас же притих, но продолжал беззвучно всхлипывать, повторяя чуть слышно бесконечно дорогое для каждого ребенка слово...

— Боже мой, Боже мой, что мне с ним делать? — забормотал старик, не отводя растерянного и испуганного взгляда от безутешно плачущего мальчика. — Откуда он взялся на мою голову?!

Вдруг ему стало совестно и стыдно за свое жестокое намерение отвезти и отдать этого беззащитного ребенка в руки его палачей с такой же готовностью и желанием, как своих кроликов, предназначенных для продажи мяснику. Что он сделал плохого? Какую угрозу он представляет для немецкого народа? Неужели от того, умрет этот ребенок или останется в живых, зависит судьба Германии, ее победа или поражение, величие или падение, слава или позор? Дети есть дети. У них нет ни к кому ни злобы, ни зависти. Они одинаково беззащитны и доверчивы. Даже невинных ангелов рисуют в образе детей. Да и где, в какой главе, в каком стихе Евангелия сказано, что Бог велит уничтожить или поработать всех тех, кто не является немцем, арийцем?... Только Бог, и никто другой, может даровать жизнь своим созданием или отнять ее...

Но мысли Гаммера опять и опять возвращаются к маленькому беглецу. Он чувствует, что душа его раздвоена, он не знает, как ему быть. С одной стороны, его мучает совесть: как можно взять грех на душу и передать его в руки полиции только потому, что ребенок родился евреем (в том, что его родители — иудеи, он уже не сомневался: крайняя плоть удалена)? А с другой стороны, если он будет скрывать у себя этого мальчика и об этом разнюхают в гестапо (сами соседи могут донести), его непременно сочтут за предателя и упекут в концлагерь. Тогда он потеряет свое добро, нажитое долгим, тяжелым трудом, а возможно, лишится и жизни. Кроме того, ему, одинокому, старому, усталому человеку, и так нелегко справляться с повседневными делами дома, в хозяйстве, а с этим малышом и вовсе голова пойдет кругом. Да и мальчик, как назло, ни бумбум по-немецки. Терзаемый противоречивыми мыслями, старый Гаммер вышел во двор, оставив мальчика наедине с собой, с его необъятным, как Вселенная, безутешным горем, и долго стоял в тяжелом раздумье, не обращая внимания на дождь и непогоду. Потом вдруг с видом человека, решившегося на что-то смелое, отчаянное, он, тряхнув головой, точно сбрасывая с себя оцепенение, медленным, но твердым шагом направился к телеге и принялся распрягать лошадей...

Германия.

1945

ПРУЖИНЫ ЛЮБВИ

ИОГАНН Курт сидел с полузакрытыми глазами у себя дома, откинувшись на мягкую спинку кресла, когда в коридоре прозвенел звонок. Он сразу встал и, на ходу поправляя галстук, поспешно направился к двери. Но, увидев перед собой незнакомую худую женщину с пигментными пятнами на усталом лице и огромным животом, очень удивился. Та посмотрела на Иоганна с мягкой, чуть грустной улыбкой и, с трудом переводя дыхание, еле слышно поздоровалась. Удивление на лице Иоганна внезапно сменилось выражением глубокого сочувствия и готовностью прийти сейчас же на помощь.

— Проходите, пожалуйста, в комнату, я сейчас... — с ласковой учтивостью торопливо проговорил он, пропуская гостью в комнату.

Он был уверен что беременная женщина шла по своим делам, но вдруг почувствовала, что у нее начинаются родовые схватки, и зашла в первый попавшийся дом, чтобы ей срочно вызвали машину и доставили в родильный дом. Поэтому, едва незнакомка успела сесть в кресло, Иоганн быстро подошел к телефону и снял трубку. Но прежде чем набрать нужный номер, он обернулся к ней и ободряюще произнес:

— Не волнуйтесь, милая фрау, все будет хорошо... Я сейчас вызову машину, и она отвезет вас прямо в больницу, то есть...

— Не надо! — прервав на полуслове хозяина дома, протестующе замахала рукой женщина. — Я не затем пришла... — И в голосе ее слышались недовольные нотки.

Иоганн, озадаченный и сконфуженный, медленно положил трубку, подошел к гостье и, опустившись напротив нее в кресло, вежливо, но холодно спросил:

— В таком случае не скажете ли мне, чему обязан?..

Беременная женщина не спеша открыла сумочку, которую держала на коленях, достала из нее вчетверо сложенную газетную страницу и протянула хозяину дома.

— Это ваше объявление в газете? Я его отметила красным карандашом...

Хотя Курт знал наизусть каждое слово этого короткого объявления, не хуже, чем молитву "Отче наш", которую твердил ежедневно, он еще раз пробежал его глазами. "Иоганн Курт, — говорилось в нем, — 40 лет, рост 1 м 70 см, шатен, владелец небольшого галантерейного магазина, ищет себе подругу жизни в возрасте 25 — 35 лет, блондинку, обладающую ровным, спокойным характером и небольшим капиталом. Ребенок не помеха. Можно ежедневно обращаться по адресу..."

Иоганн вернул газету женщине. Их взгляды встретились, и они теперь, поняв друг друга, молча улыбнулись.

— Прошу прощения, фрау, как вас зовут?

— Эльфрида¹.

— О, чудесное имя! — повеселевшим голосом негромко воскликнул Иоганн.

Поглаживая лысую макушку, он принялся с нескрываемым интересом разглядывать беременную невесту.

— От вас на самом деле веет миром, таким спокойствием, добротой. Я и сам по натуре добрый, миролюбивый. — Он приятно улыбнулся и сразу же сделал признание: — Вы мне определенно подходите, не знаю, как я вам...

— О, что вы, что вы, — закудаhtала обрадованная невеста, с откровенной симпатией глядя на владельца галантерейного магазина. — Вы, господин Курт, интересный мужчина.

Курт был польщен. Подвинувшись ближе к Эльфриде, он заговорил интимным голосом, бросая почтительные взгляды на ее живот и слегка касаясь ее колена.

— Ребенок — радость в доме. Он укрепляет брачные узы между супругами. Если у вас родится девочка, назовем ее Эльфридой в вашу честь, если мальчик — дадим ему мое имя.

Лицо Эльфриды расплылось в довольной улыбке. Она подняла на него глаза, полные нежности и благодарности. В приятном волнении невеста вновь щелкнула замочком сумочки, достала из нее сигарету, зажигалку и закурила.

— А теперь разрешите спросить вас, дорогая фрау, гм... — скромно произнес Курт со своей неизменно вежливой улыбкой.

— Пожалуйста, спрашивайте, — с готовностью проговорила Эльфрида, выпуская изо рта и ноздрей струю сизого дыма и внимательно оглядывая потолок и стены комнаты.

— Каким капитальцем вы располагаете?

Она, конечно, ожидала этого вопроса и встретила его спокойно, даже весело. Эльфрида сказала, что у нее на счете девятнадцать тысяч марок, а в груди — золотое сердце.

Галантерейщик, хмыкнув, задумчиво коснулся рукой голой макушки.

— Хе-хе, из сердца, если даже оно золотое, монеты не отечканишь, — сострил он.

Хотя это было произнесено в виде шутки, невеста уловила в голосе жениха нотки разочарования и иронии. Она неуклюже подавалась вперед и чуть дрожащей рукой потушила недокуренную сига-

¹ Фриден — покой, мир (нем.).

рету в пепельнице, затем с некоторым недоумением посмотрела на Иоганна.

— Могу наскрести еще тысячу, — после короткого молчания проговорила она и, изобразив на лице улыбку, добавила: — Будет как раз кругленькая сумма — двадцать тысяч.

Иоганн, принужденно улыбаясь, молча покрутил головой.

— Мне очень жаль, фрау, — извиняющимся тоном произнес он, беспомощно разводя руками, — но сумма, которой вы располагаете для вступления в брак со мной, меня не устраивает. — И, точно забыв о своих словах, сказанных ей несколько минут назад, добавил: — Кроме того, скажу вам откровенно, когда я указывал в своем объявлении, что ребенок для меня не помеха, я имел в виду вовсе не такого, который еще не родился, а который уже семенит ножками. — И он, заливаясь тихим смешком, стал двигать по столу двумя пальцами, изображая нетвердую походку малыша.

...Час спустя после ухода Эльфриды Курту пришлось бежать к двери на звонок очередной невесты. На сей раз это была женщина лет тридцати пяти. Ее сопровождал высокий угловатый мальчик-подросток, лицом очень похожий на нее. На несколько секунд задержавшись у дверей, гости переглянулись между собой. Незнакомка своей внешностью произвела на Курта очень приятное впечатление. Она была выше среднего роста, стройная, лицо открытое, нежное, с мягкими чертами; большие ясные голубые глаза с густыми ресницами смотрели приветливо, а кокетливо выющиеся белокурые локоны красиво обрамляли белый, чистый лоб.

Хозяин любезно пригласил ее с сыном в дом и тут же гостеприимным жестом указал на кресло, в котором за час до этого сидела Эльфрида. Затем он с разрешения матери провел парня в другую комнату, где находилась личная библиотека хозяина дома, чтобы в непринужденной обстановке с глазу на глаз поговорить с невестой.

Когда Иоганн вернулся, женщина, мило улыбаясь ему, первой протянула руку, назвавшись Магдалиной. Иоганн не произнес своего имени, зная, что оно хорошо известно ей по объявлению, но с большим удовольствием прильнул губами к ее белой, пахнущей духами тонкой ручке.

— О, Магдалина! Чудесное имя! — с нарочитым воодушевлением воскликнул галантерейщик. — Этакое романтическое, библейское. Помните Марию Магдалину — близкую подругу Христа?..

После короткой беседы, когда выяснилось, что они симпатичны друг другу, Иоганн решил, что пора говорить о самом главном — о приданом невесты, вернее, о деньгах.

— Правда, я не богата, — в ответ скромно произнесла Магдалина, но тут же не без гордости добавила: — Но и не бедна.

– Точнее?.. – сдерживая волнение и нетерпеливо ерзая в кресле, коротко спросил Иоганн.

– У меня тридцать пять тысяч чистыми.

Иоганн, резко подавшись вперед и напряженно вглядываясь в лицо Магдалины, тихо, с надеждой в голосе спросил:

– Могу ли я узнать: что это у вас за “тридцать пять чистыми”, марки или... доллары?

– Нет, марки, – коротко произнесла Магдалина, с некоторым удивлением глядя на жениха.

Рука Иоганна вновь потянулась к лысой макушке. Он медленно поднялся с кресла и с озабоченным видом прошелся взад-вперед по комнате. Затем, остановившись перед ней, неловко улыбаясь, сказал:

– К сожалению, я не могу жениться на вас, фрау, хотя, не скрою, вы мне очень нравитесь. Но дело в том, что когда я указывал в своем объявлении, что ребенок для меня не помеха для вступления в брак, то я имел в виду не такого, как ваш сын...

– Чем же плох мой сын? – с недоумением и почти с обидой спросила Магдалина. – Если мы поженимся, от него никаких забот и хлопот нам не будет. Он уже почти взрослый парень, ему пошел семнадцатый год.

Иоганн, улыбаясь, покрутил головой в знак того, что он на этот счет с ней не согласен.

– Это вы так думаете, фрау Магдалина, – вежливо, но твердо возразил Иоганн. – А я думаю совсем наоборот. Не знаю, как там в Восточной Германии, а у нас, в ФРГ, сейчас одна беда с такими юнцами. Очень многие из них после поражения нашей несчастной родины совсем отбились от рук. Ночи напролет проводят на танцульках, в сомнительных развлечениях, увлекаются наркотиками, занимаются мордобоем, попадают в полицию... О нет-нет, меня это очень пугает...

Иоганн был почти искренен, когда говорил, что не может жениться на Магдалине, хотя она тронула его сердце. Но помехой этому был вовсе не возраст ее сына, а нависшая над его магазинчиком, как дамоклов меч, угроза полной катастрофы. Два месяца назад его жена, молодая, взбалмошная красотка, сбежала за океан с одним американским офицером, с которым, видно, состояла в связи, о чем муж-рогоносец ничего не знал. Вдобавок, убегая с этим донжуаном, она захватила все деньги из сейфа – пятьдесят тысяч марок наличными. Большая часть этой суммы состояла из займа, который он взял в коммерческом банке под проценты для покупки большой партии товаров для своего почти пустующего магазина. Теперь он с содроганием думал о том, что если в самое ближайшее

время у него не окажется этих денег, то ему грозит полное разорение, а может, и тюрьма.

Вот уже четвертый день по его объявлению в газете ходят к нему разные “невесты-блондинки”, предлагая себя в жены. Но он каждый раз вынужден находить какой-нибудь благовидный предлог, чтобы отказать им: ни у одной из невест не было нужной сейчас до зарезу суммы. Правда, вчера приходила одна сильно накрашенная и разряженная экстравагантная молодая особа. Едва переступив порог, она сразу налетела на него, как муха на мед, и тут же с жаром чмокнула его в губы, уверяя при этом Иоганна, что влюбилась в него по уши с первого взгляда и что она “невеста с богатым приданым”. Целых два часа “невеста” ела, пила у него, играла с ним в прятки, кричала “ку-ку”, дурачилась, морочила ему голову, а на поверку оказалась, что она вовсе не невеста с богатым приданым, а бедный как церковная крыса, безработный, хотя и талантливый молодой актер, выгнанный из театра за чрезмерное пристрастие к спиртному и дебошам.

...После ухода очередной невесты галантерейщик сидел один, хмурый, озабоченный, печальный, и смотрел в окно, выходящее в маленький дворовый садик. Холодный осенний день клонился к вечеру. Порывы ветра срывали с темных оголившихся деревьев последние листья, предвещая скорую зиму.

Поглощенный своими невеселыми думами, Иоганн не заметил, как в комнату вошла его жена-беглянка. Услышав ее голос, он невольно вздрогнул, точно человек, которого напугали во сне. А она стояла в нескольких шагах от него, одетая по последней моде, держа в руке маленький блестящий чемоданчик из крокодиловой кожи, и смотрела на мужа весело, но чуть со смущенной, виноватой улыбкой. Наверно, если бы его жена скончалась, а затем каким-то чудом вернулась с того света, это не так поразило бы Иоганна, как ее неожиданное появление. Прошла целая минута, пока он пришел в себя. Потом Иоганн вскочил с места. Сверля ее ненавидящим взглядом и показывая рукой на дверь, он крикнул истошным голосом:

— Убирайся с моих глаз, дрянь, шлюха!.. Убирайся вон!..

Но она подошла еще ближе и сказала тихо, почти шепотом:

— Иоганн, милый, прости меня! Поверь мне, мое сердце всегда было с тобой.

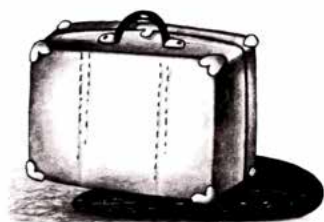
— Простить тебя? — Горькая, злая усмешка искривила губы Иоганна, а лицо, искаженное гневом, все побагровело. — Мало того, что ты, будучи моей законной супругой, бессовестно изменяла мне, сбежала с чужим мужчиной, да еще ограбила меня подчистую, пустила по ветру! Убирайся вон, пока я не вызвал полицию!.. — На глазах у Курта выступили злые слезы.

— Иоганн, милый, — произнесла она громче, весело и ласково глядя ему в мокрые глаза, уже без тени смущения и сознания собственной вины, — не волнуйся и не сердись. Твои деньги никуда не делись, здесь все до последней марки. — Она приподняла чемоданчик и слегка трянула им перед мужем. — Больше того, здесь еще пачки зелененьких — американских долларов, которых...

Но того, что говорила дальше жена, Иоганн не слышал. С округлившимися глазами он мигом выхватил чемоданчик из ее руки и быстро устремился в другую комнату, точно голодная кошка, которая держит в зубах трепещущего мышонка и спешит в угол, чтобы насладиться своей добычей.

Когда Иоганн вышел к жене, медленно потирая лысую макушку, на которой блестели крупные капли пота, он был радостно возбужден, а на еле заметно вздрагивающих тонких губах блуждала растерянная, но бесконечно счастливая улыбка...

ПОСЛЕДНИЙ БОКАЛ

АССАЛАМ алейкум, го... го... то... то... Ах, прошу прощения, профессор. Я в затруднении. Как называть вас теперь, когда у нас в стране другие порядки: по-новому — “господин”, или по-старому — “товарищ”, чтобы ненароком не смутить или, не дай Бог, не обидеть? “Товарищ”? Баракалла! Между нами говоря, это слово мне тоже нравится.

Вы, товарищ профессор, ради Бога, не сердитесь на меня, что я ввалился к вам домой непрошеным гостем, как снег на голову, да еще в вечернее время, а не пришел со своим делом днем в поликлинику или к вам на кафедру. Ничего, говорите? Присаживаться? Премного благодарен.

У меня такое горе, такая тоска на сердце... Вы, конечно, знаете не хуже моего, что у нас не принято хвалить жену, тем более при посторонних. Считается неприличным. Я с этим согласен. Но на этот раз, пренебрегая обычаем, скажу вам: хорошим человеком была моя супруга. За сорок лет, что я с ней прожил, я не видел, чтобы она хоть раз с кем-нибудь поругалась, поссорилась, о ком-нибудь говорила дурное или кому-нибудь желала зла. А меня как жалела!.. Вот какая была моя бедная жена! Что?! Не дай Бог! Вы меня не совсем правильно поняли. Если я о ней говорю в прошлом, это вовсе не означает, что она ушла в лучший мир. Нет-нет! Моя супруга не умерла, но и живой назвать ее тоже нельзя. Сейчас объясню почему. Но прежде чем рассказать о своем горе, не дадите ли мне немножечко выпить? Да, предпочитаю водку. Нет-нет, кушать не буду. Последнее время, когда пью, почему-то ничего есть не хочется. Плохо, говорите? Сам знаю, хуже не может быть. Соленый огурчик на закуску? Огурчик можно. Рюмку, пожалуйста, уберите. Принесите стакан. Ничего, ничего, налейте полней. Я мужик еще крепкий. Ваше здоровье! Кхе!.. Кхе!.. Ух, шайтаново зелье! Кто только его выдумал!

Последний раз пью. Надо завязывать. Иначе хана, пропаду, а жена останется одна, тем более что у меня здесь никого из близких. Дочь с зятем живут в Баку, сын с невесткой — в Казахстане. У них свои дети, свои заботы.

Вы спрашиваете, что с ней, моей супругой? Сейчас расскажу. А сначала прошу прощения, профессор, что до сих пор не поинтересовался спросить: как вас теперь, когда у нас в стране другие порядки, изволите называть? По-новому — “господин”, или по-старому — “товарищ”? “Товарищ”, значит? Баракалла!

Должен вам сказать, товарищ профессор, в болезни моей же-

ны виноват базар-азар¹. Да-да! Именно он. То, что цены на базаре если раньше, несколько лет назад, просто кусались, то теперь прямо убивают наповал. Последние годы каждый раз, когда жена возвращалась с базара домой с покупками, у нее сразу резко поднималось давление. Раньше никогда с ней такого не случалось. И вот однажды, примерно год назад, пришла она с базара и, едва переступив порог, тут же грохнулась на пол и лишилась сознания. Я, ни жив ни мертв, побежал к соседу вызвать по телефону “скорую помощь” — у меня телефона нет. Приехал врач и признал у жены инсульт, вроде мозговой инфаркт. Сами лучше меня знаете, что это такое. С тех пор ей день ото дня хуже и хуже. Ходит как тень, а память начисто отшибло, ничего не помнит и совершенно ни бум-бум, беззащитна, как маленький ребенок.

Но беда не приходит одна. Месяц спустя меня на заводе уволили, вернее, сократили. И это несмотря на то, что я, скажу без бахвальства, мастер на все руки: и слесарь высшего разряда, и токарь, и сварщик, и сантехник. Кстати, если вам потребуется в доме что-то отремонтировать, сварить, я к вашим услугам. Сделаю честь честью и без всякой оплаты. Дайте мне, пожалуйста, листок бумаги, напишу вам свои координаты, имя и фамилию... Вот. Возьмите, не потеряйте.

Да! На чем я остановился? Ага! Вспомнил. Сократили меня на заводе, где я тридцать лет трудился не за страх, а за совесть. А три года назад, во время разгрузки большой партии арматуры, получил травму головы — краном по башке трахнуло. Сотрясение мозгов заработал. Отлежался с месяц в больнице, вроде поправился. Но с тех пор все же голова часто болит, и с памятью плохо. Раньше я много читал и все запоминал, а сейчас она у меня дырявая стала. Все забываю. Вот, к примеру, сколько времени уже беседую с вами, а все забываю спросить, уважаемый профессор: как теперь, когда у нас в стране другие порядки, называть вас — “господин” или “товарищ”? “Товарищ”? Баракала!

Но прежде чем я продолжу свой рассказ, прошу вас, товарищ профессор, налейте еще стакан. Поверьте мне, пью последний раз. Надо завязывать, иначе хана! Кхе! Кхе! Ух, шайтаново зелье! Кто только его придумал!.. Да! На чем я остановился? Совершенно верно подсказали... Сократили меня не потому, что я плохой работник и все такое. Нет. Последнее время до сокращения я даже мастером был назначен в бригаде. Дело в том, что завод загружен только наполовину — нет сырья, материалов и все такое прочее... Вот и сократили половину работающих. В первую очередь, конечно, тех, у

¹ *Азар* — зараза, болезнь.

которых пенсионный возраст, вроде меня. А мне в прошлом году аккурат шестьдесят стукнуло. Но и многие другие, сравнительно молодые рабочие и служащие, особенно женщины, у которых дети, тоже попали под “ножницы”, оказались за воротами завода. Я-то, мало ли, много ли, пенсию получаю, а они?..

Честно говоря, я очень хотел поработать еще несколько годиков в родном коллективе, я еще крепкий мужик. Посмотрите на мои руки. Как камень... И вот от того, что меня, мастера на все руки, против моей воли отправили на так называемый заслуженный покой, я совсем потерял этот покой. И дома никакой радости. С женой не перемолвишься и словечком, не понимает ничего. На этой почве пристрастился я к этому захриману-водке. Организм мой, к несчастью, оказался очень восприимчивым к алкоголю. Не могу теперь без нее, проклятой.

Вот вчера пошел на почту дать телеграмму в Баку поздравить внука с днем рождения. Написал всего несколько слов: поздравляю, мол, желаю... дедушка... А с меня за эту телеграмму требуют... Сколько, вы думаете? Требуют тысячу триста пятьдесят рублей. Ни больше ни меньше.

“Что ты, девка, очумела? — говорю я молодой женщине, которая принимает телеграммы. — Где это видано, чтобы за такую маленькую телеграмму сдирали с человека такие деньги?!”

“Зарубежье! — отвечает она. — Телеграмма в зарубежье в несколько раз дороже, чем внутри России”.

“Ну и пусть зарубежье! — закипая от злости, кричу я на нее, хотя понимаю, что она тут ни при чем. — Не в далекую же Африку или на край света, в Австралию, посылаю, а в Азербайджан, в Баку, куда рукой подать и где немало наших друзей, родственников и братьев!...”

А у меня, как на грех, не больше тысячи в кармане. Вышел я с почты злой, расстроенный вконец, иду по улице, а кругом на витринах частных лотков, магазинчиков, на столиках, а то и прямо на тротуарах бесстыдно красуются бутылки со спиртными напитками и разнообразными этикетками. Они, как шайтаны, вводят меня в искушение. Не удержался. За тысячу рублей, что у меня была, купил самое дешевое — бутылку “самопала” и один пирожок — и потопал к морю. Здесь я забрался между высоких камней, чтобы меня никто не видел, и выпил все прямо из горлышка. Но, странное дело, вместо того чтобы немного отвлечься, развеселиться, я впал в такое уныние, в такую черную тоску, что заплакал навзрыд, как баба. А я, сколько себя помню, ни разу в жизни не плакал. Нет, вру! Первый раз я плакал, когда почтальон принес нам извещение о том, что отец погиб на войне. Я тогда мальчишкой был.

Конечно, если бы в тот день мне удалось дать телеграмму внуку, на душе не было бы так скверно, а в глаза назойливо не лезли бы эти проклятые бутылки, я наверняка воздержался бы от выпивки.

Ладно уж, не буду морочить вам голову своим невеселым рассказом. Ах, профессор, будь я неладен! Я уже почти кончил свою повесть, а мне только сейчас пришло в голову спросить: как теперь, когда у нас в стране другие порядки, называть вас — “господин” или “товарищ”? “Товарищ”? Баракалла! Мне тоже это слово нравится.

Погодите, я, кажется, о чем-то хотел попросить вас, товарищ профессор. На языке вертится, но хоть убей, не вспомню. Вот досада!.. Вспомнил наконец! Ведь я ради этого и пришел к вам. Если не возражаете, я хотел бы завтра вечером привести к вам свою старуху, чтобы вы ее посмотрели. Может, удастся вам ей помочь, если не здоровье, то хоть частично восстановить ее угасшую память? Хоть и невелика моя пенсия, но денег ради своей больной жены не пожалею. Что? Не надо денег? Будете так лечить?.. Очень тронут. Премного благодарен. Век не забуду вашу доброту.

Ладно, пора и честь знать. На дворе уже совсем темно, да и небезопасно нынче на улицах, особенно в такое время. Надо идти... Одну минуту! Ай, дорогой мой профессор! Я вижу, в бутылке еще осталась водка. Зачем ей томиться там? Налейте ее мне. Не смотрите, пожалуйста, на меня так строго. Премного благодарен. Клянусь вам жизнью своих детей и внуков, пью последний раз. Иначе хана! Пропадет без меня моя старуха. Считайте, что я держу в руке бокал, который пью за ваше здоровье, го... то... то... то... Прошу прощения, профессор! Я еще в самом начале нашей встречи хотел спросить вас, но забыл: как теперь, когда у нас в стране другие порядки, называть вас: “господин” или “товарищ”? “Товарищ”? Баракалла! Итак, товарищ профессор, за ваше здоровье! Кхе! Кхе! Ух, шайтаново зелье! Кто его только придумал!.. Ладно, ухожу. До скорой встречи!..

На следующий вечер вчерашний гость “с дырявой памятью” не явился к профессору со своей больной женой, как обещал. Не пришел он ни на второй, ни на третий день. После этого у профессора сложилось о нем твердое мнение как об опустившемся пьянице. И то, что он рассказал ему при своем посещении, профессор счел сплошным враньем, нарочно придуманным, чтобы вызвать к себе сочувствие и оправдать свой визит. При мысли об этом в душе у профессора вместо прежнего сострадания росли раздражение и неприязнь к гостю.

На четвертый день вечером, прежде чем ложиться спать, про-

фессор, водрузив на нос очки, принялся просматривать местную газету. Вдруг в разделе криминальной хроники он случайно наткнулся на сообщение, от которого сразу екнуло сердце: три дня назад, примерно в десять часов вечера, гражданин такой-то, шестидесяти одного года от роду, живущий по такому-то адресу и до недавнего ухода на пенсию работавший мастером на заводе, возвращаясь домой в нетрезвом состоянии, подвергся нападению хулиганов с целью ограбления. Пострадавший с проломленным черепом был доставлен в больницу, где и скончался через два часа, не приходя в сознание.

Адрес, имя, фамилия, профессия, возраст, время и состояние, в котором находился потерпевший в момент нападения на него грабителей, — все совпадало с тем, что было известно профессору о его недавнем госте.

Бросив газету, профессор, словно ошпаренный, вскочил со стула и стал нервно шагать по комнате. Потом, схватив первый попавшийся ему на глаза “подходящий предмет” как орудие самозащиты от возможного нападения ночных бандитов — изящную и легкую, как перышко, унцукульскую палочку, подаренную ему коллегой месяц назад, в день его пятидесятилетия, — без плаща и шляпы, несмотря на прохладную осеннюю погоду, помчался во весь дух на улицу. Он спешил скорее отправиться по адресу, оставленному ему покойным.

1993

НА БЕЛОМ КОНЕ – В БЕРЛИН

(Рассказ-быль)

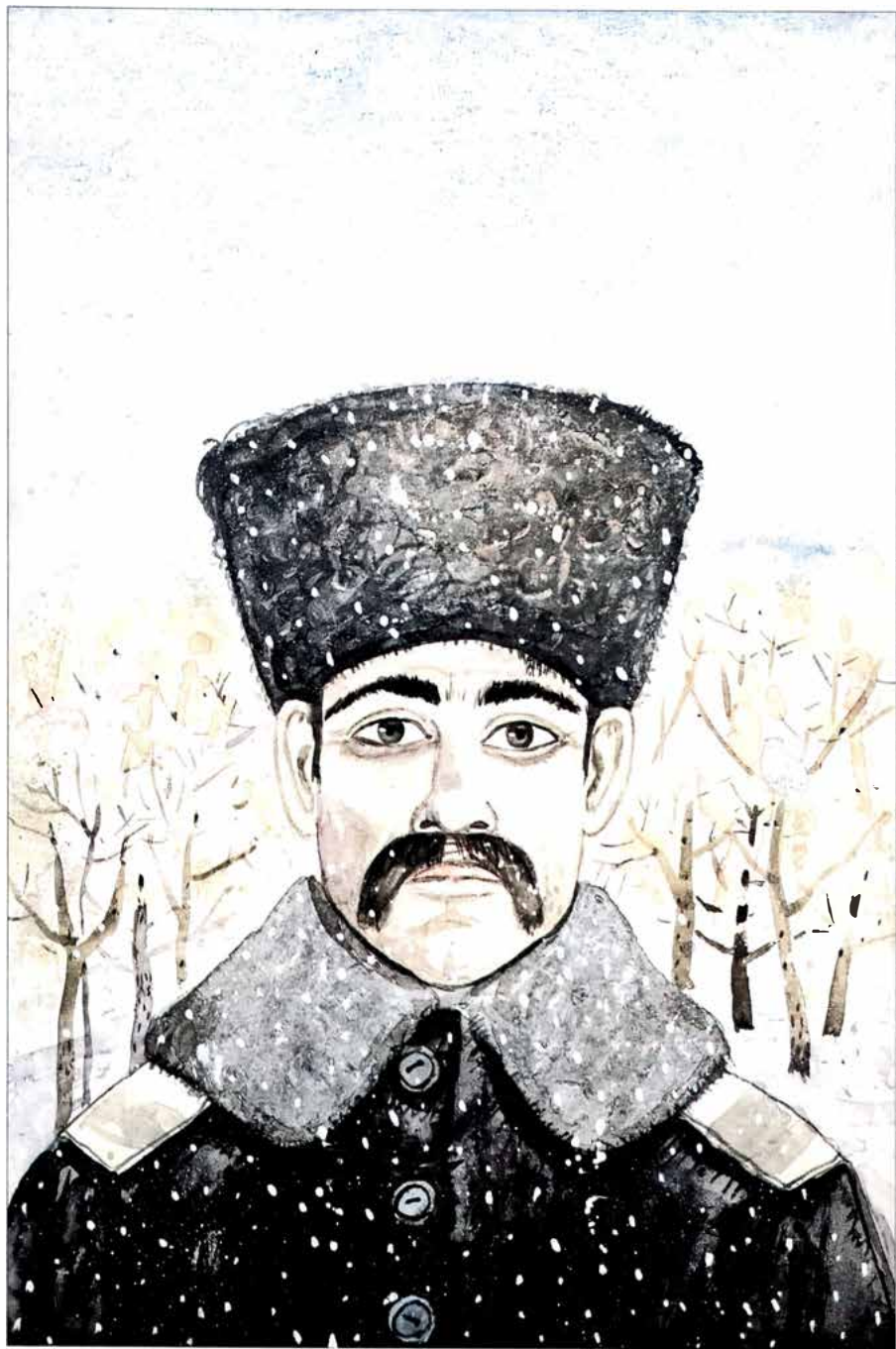
ИСТОРИЯ, которую я хочу поведать, похожа на сказку. Ее, и впрямь как веселую сказку, с шуткой и смехом часто рассказывали друг другу наши однополчане, при этом каждый нередко прибавлял к ней что-то свое. Поводом к ее возникновению послужила...”лошадиная фамилия”, вернее, кличка одного из коней в нашем казачьем кавалерийском полку, куда я после окончания военного училища по ускоренной программе был направлен для дальнейшего прохождения службы на шестом месяце Великой Отечественной войны. Полк стоял в одной крупной станице на Дону – Ново-Аненкове.

Но сперва маленькая “присказка” к этой необычной “сказке”.

Чтобы представить себе серьезность и в то же время весь комизм истории, о которой ниже пойдет речь, надобно сказать, что в кавалерийских частях каждый конь имеет свой “паспорт”, куда заносится в первую очередь кличка, затем следует его масть, возраст и, конечно, за кем он закреплен. Во время полковых смотров боец, ведя своего коня на поводу и браво вышагивая перед полковым начальством, по-военному громко и четко рапортует на ходу: боец такой-то, такого-то эскадрона и такого-то взвода, конь под такой-то кличкой и такой-то масти, возраста такого-то...

Надо, чтобы ни одна кличка не повторяла другую. Поэтому на этих смотрах каких только не услышишь лошадиных имен, начиная с грозных, важных, серьезных, ласковых, лирических и кончая смешными и даже нелепыми: Гроза, Молния, Ураган, Орел, Атаман, Богатырь, Платон, Философ, Азов, Ласточка, Маруся, Ягодка, Ромашка, Наливка и т.д.

Наш полк был сформирован из ополченцев – казаков-станичников. В основном это были немолодые уже люди, но еще крепкие, бодрые и выносливые, к тому же прекрасные наездники. Почти все они служили при царе. А когда в стране произошла революция и вслед за этим разразилась гражданская война, многие из них без колебания подались в белую гвардию, что было понятно, учитывая особое, привилегированное положение казачества при царе-батюшке. Но было немало и таких, которые отчаянно рубились с белыми в армии Буденного и Ворошилова. Однако все они испытывали гордость от того, что вновь надели традиционную казачью форму, а самое главное – им доверили защищать Отечество. Забегая вперед, скажу, что в первых же сражениях с наступающими фашистскими войсками наш полк отличился и удостоился почетного звания гвардейского.

“На белом коне — в Берлин”

Теперь перейдем к самой “сказке”.

Когда мы стояли в станице, из штаба дивизии прислали к нам в полк на должность командира одного из эскадронов старшего лейтенанта по фамилии Мирин. Это был молодой, крепкий, стройный красавец с синими лучистыми глазами и черными бархатными ресницами, родом из этих же мест. В полк он прибыл прямо из военной академии. О нем у нас ходили разные слухи. Одни говорили, что его просто отчислили из академии за любовные похождения, поскольку он больше занимался амурами, чем военной наукой. Другие, считая это досужими вымыслами, утверждали, что Мирин сам попросился в нашу дивизию, узнав, что на его родине формируют-ся казачьи полки для сражения с немцами.

Хотя старший лейтенант Мирин провел в стенах академии, как говорится, без году неделю (вместо пяти лет проучился всего год), себя, однако, он считал образованнее всех нас, младших командиров, и при любом удобном случае старался продемонстрировать свои знания по военной истории и тактике, особенно перед подчиненными. Любимым выражением его, ставшим притчей во языцех, было: “Надо смотреть в корень”. Но все это, по правде сказать, не мешало ему быть хорошим, требовательным и справедливым командиром.

На третий день после прибытия в полк Мирин построил личный состав своего эскадрона на покрытой снежными сугробами окраине станицы, освещенной неярким, холодным зимним солнцем. Сначала он провел строевой смотр, строго выговаривая и предупреждая каждого, кто одет не по форме и не подтянут, как подобает бойцу в строю. Покончив с этим, Мирин произнес короткую и зажигательную речь, в которой в общих чертах рассказал казакам о тяжелом положении на фронтах и о том, что каждый из них за время, что находится в тылу, должен на занятиях по боевой и конной подготовке не жалеть сил, чтобы научиться метким выстрелом, без промаха разить фашиста-злодея или одним точным молодецким ударом острого клинка снести ему меднолобую башку, начиненную, как мина взрывчаткой, опасными для мира и всего человечества бредовыми идеями.

Затем Мирин, отойдя на несколько шагов назад, неожиданно вызвал старшину и задал ему вопрос:

— А вы знаете, товарищ старшина, кто такой Македонский?

Старшина, рослый, несмотря на свои сорок пять лет, подтянутый, статный и очень смуглый мужчина с восточным типом лица (говорят, что его дед был пленный турок), по простоте душевной решил, что командир хочет проверить, знает ли он на память клички лошадей в эскадроне. А он по долгу своей службы обязан был

знать не только каждого казака в лицо и по фамилии, но и кличку и масть его коня. Поэтому он не моргнув глазом бодро, почти весело отвечивал:

— Так точно, товарищ старший лейтенант! Это конь в первом взводе у казака Есаулова!

Мирин покачал головой и тихо засмеялся.

— Экая темнота, необразованность, — произнес он с легкой досадой. — Македонский, брат, не конь, а полководец, царь древней Македонии!..

— Правильно! — держа руки по швам, поспешил подтвердить старшина. — Есть и такие кони во втором эскадроне!

В это время время кто-то из казаков, стоящих на левом фланге, с места подал голос:

— Вот какое дело, товарищ старший лейтенант. У нас тут, в третьем взводе, есть один чудной, который дал своему коню белой масти кличку Фашист, хотя по паспорту он значится Таханрог.

— Кто он?! — грозно спросил Мирин.

— Казак Свиридов, — виновато произнес старшина, стыдливо отводя глаза в сторону.

Мирин приказал казаку Свиридову выйти из строя.

Свиридов, уса́тый, кряжистый мужик лет под пятьдесят, с хмурым квадратным лицом и кустистыми бровями, одетый в черную папаху и темный полушубок, стянутый широким ремнем, на котором висела длинная шашка, в синих брюках с красными лампасами, предстал перед грозными очами Мирина и, не дав Свиридову и рта раскрыть, сердито выпалил:

— За то, что вы, казак Свиридов, называете своего боевого друга фашистом, оскорбляете бедное животное, объявляю вам три наряда вне очереди. И еще! Прика-а-зываю просить у своего коня прощения в присутствии старшины и выразить это поклоном ему в пояс и трехкратным поцелуем в морду. Об исполнении приказа сегодня же доложить мне!

Необычный приказ командира эскадрона, обязывающий казака Свиридова поцеловать лошадиную морду, вызвал у всех оживленный смех.

Расстроенный Свиридов, козырнув, хотел было просить разрешения вернуться в строй, но Мирин велел стоять на месте.

— Ай-я-яй, Свиридов! — недовольно покачал головой Мирин, окидывая осуждающим взглядом коренастую фигуру казака. — Как можно своего коня, с которым ты завтра пойдешь воевать против фашистов, называть этим поганейшим именем — “фашист”? Ведь прежде чем что-нибудь делать, надо думать, смотреть в корень.

Свиридов помялся, поводя крутыми плечами, и, нервно шевеля усами, вдруг, набравшись духу, начал оправдываться.

— Он у меня даже злой, товарищ старший лейтенант, — с обидой произнес казак. — Как только кладу ему в кормушку овес или ячмень, звереет сразу. Без всякого почтения поворачивается ко мне задом — и давай всю больно хлестать меня хвостом по физиономии или норовит лягнуть куда ни попадя: думает, что и я собираюсь сунуть голову в его кормушку. Однажды, не поверите, так саданул меня в бок, чуть на тот свет не спровадил, еле откачали. Поэтому я его так...

— А ты воспитывай его, чтобы он тебя уважал, любил, — уже наставительным тоном проговорил Мирин, смягчившись. — Ведь к лошади, как и к человеку, подход нужен, нужны ласка, внимание. Вот, к примеру... За что женщины любят нашего брата? Думаете, только за силу? Сила у медведя тоже есть. Женщины больше всего любят нас за ласку, внимание! Надо, товарищ Свиридов, смотреть в корень, вот что!

С минуту Мирин молчал, сосредоточенно глядя на свои добротные яловые сапоги, утопавшие в искрящемся снеге, точно что-то обдумывая, а потом, опять посмотрев на своего подчиненного, сказал так, будто на этот раз давал ему дружеский совет:

— Знаете, товарищ Свиридов, давайте вместо клички Таганрог назовем вашего коня Берлин, а? Слава Таганрога, родины великого писателя Чехова, ей-богу, от этого не убудет. Зато вы на своем белом коне гордо въедете в Берлин, как раньше победители в завоеванный или освобожденный город. А наши воины обязательно будут там и над самой канцелярией атамана фашистских разбойников — Гитлера — водрузят знамя Победы. Надо смотреть в корень!

Казаки сейчас, слушая Мирина, и верили, и не верили ему. Да и как верить, если за каких-нибудь семь-восемь месяцев фашисты, захватив чуть ли не полстраны, равной всей Европе, все больше продвигаются в ее глубь, сея смерть и разрушение?! Самое большее, во что сейчас они верили, — это то, что ценой невероятных усилий и огромных жертв удастся в конце концов остановить вооруженных до зубов захватчиков, а затем изгнать их с нашей земли, ради чего они готовы положить жизнь свою. А что до того, что мы будем в Берлине, то это бабушка еще надрвое сказала. Тем более что никто, даже сам Сталин, об этом ни разу не заикался, чтобы потом не сконфузиться перед честным народом...

А Мирин, словно читая мысли казаков, продолжал свое:

— Вы думаете, спятил ваш эскадронный или сказку вам рассказывает? Но завтра эта сказка станет былью. Это я точно вам говорю. Почему я в этом уверен? Потому, что мы ведем войну — какую?

Отечествен-ну-ю! Священ-ну-ю! И вы, Свиридов, — он указал пальцем в сторону набычившегося казака, стоящего перед ним по стойке “смирно”, — на своем боевом коне въедете в Берлин, где мы отпразднуем нашу Победу. Как пить дать отпразднуем. Поэтому я и говорю вам: надо смотреть в корень. — И Мирин, гордо подбоченившись, обращаясь к строю, громко, весело-задорным голосом спросил: — Ну как, по-вашему, товарищи казаки, правильно я гутарю или неправильно?!

В ответ — громкий хор с радостным смехом:

— Правильно гутарите, товарищ старший лейтенант, правильно!

Вслед за этим, без какой-либо команды, в едином порыве в звонком морозном воздухе, окрашенном лучами предзакатного солнца, прокатилось дружное троекратное “ура!”, словно все те, кто сотрясал его своими громовыми голосами, видели себя сейчас не на пустынной снежной окраине донской станицы с курчаво дымящимися печными трубами на белых заснеженных крышах хат, а далеко-далеко, за тридевять земель, в покоренном Берлине, на параде победителей...

В сентябре 1942 года я был тяжело ранен осколком немецкого снаряда. После довольно долгого лечения в госпитале я обратно в свою часть не попал. Не знаю, остался ли жив гвардии старший лейтенант Мирин. Удалось ли казаку Свиридову на своем белом коне по кличке Берлин въехать как победитель в поверженную столицу фашистской Германии? Но то, о чем говорил старший лейтенант (и что многим казалось тогда сказкой), действительно сбылось. Что ни говорите, а Мирин умел смотреть в корень...

1995

КАИНОВА ПЕЧАТЬ

(Быль)

МИНОВАВ окрестные сады, она вступила в родное селение, бережно неся на руках новорожденного сына, завернутого в теплое потрепанное одеяльце. Тонкая и хрупкая, с виду похожая на подростка, несмотря на прохладную осеннюю пору, одета она была в летнее серое платье из дешевого ситца, голову покрывал темный, полинявший платок.

Ребенок спал. При каждом взгляде на безмятежно спящего сына смуглое, продолговатое, в редких оспинках лицо молодой женщины освещалось безграничной материнской нежностью. Но, увидев людей, стоявших возле своих глинобитных домов со слепыми стенами и невысокими плетеными заборами в каких-то ста шагах от нее, она остановилась в нерешительности, словно наткнувшись на неожиданное препятствие, а в расширенных темно-карих глазах ее сразу вспыхнули беспокойство и тревога. Юная мать поняла, что в селе, куда она хотела бы проскочить как можно незаметнее, уже знали о том, что она возвращается с младенцем: кто-то, видно, “успел” сообщить.

Большинство собравшихся составляли женщины да еще с пару десятков молодых мужчин и дети-подростки. Они стояли молча: одни — в каком-то замешательстве, другие — настороженно, с внутренним напряжением, а некоторые мужчины — с гадливой, развязной ухмылкой на лице.

Вдруг среди этой безмолвной тишины раздался чей-то удивленный, неприязненный и насмешливый голос:

— Ха! Гляньте! Она в самом деле со своим бижом¹ идет!..

Этот возглас прозвучал в ушах собравшихся односельчан словно гром во время грозы, и они заговорили разом тревожными голосами, точно куры в курятнике, почуявшие приближение подкрадывающейся к ним лисицы.

— Боже мой! Что это такое творится на белом свете?!

— Как?! Она, окаянная, решила вернуться в село со своим бижом и будет после этого смотреть людям в лицо?!

— Выходит, что мы должны ее ублюдка терпеть среди наших чистых, законнорожденных детей?!

Кому-то, видимо, от всего этого стало очень смешно и весело, и он громко захихикал, мотая головой, как лошадь.

Молодая женщина не слышала их разговоров. Но она чувство-

¹ Биж — незаконнорожденный.

вала настроение односельчан, догадывалась, что они сейчас думают и говорят о ней, о ее ребенке, и у нее сразу упало сердце.

Постояв несколько минут в мучительном колебании, она прикрыла лицо краем платка, словно “держа шерм”¹, и, крепче прижав к груди спящего ребенка, медленно, будто ступая по скользкой тропке у самой пропасти, пошла вперед, низко опустив голову. И как только она прошла мимо собравшихся людей, те с шумом и гвалтом двинулись за ней, точно за дрессированным медведем, ведомым хозяином к месту представления.

Не сворачивая никуда, она направилась в противоположный конец села и остановилась на краю небольшой площадки у старого тока, возле канала с обрывистыми берегами. Дальше, за каналом, лежал широкий овраг, где, в окружении высоких стройных топей с пожелтевшей листвой, виднелась мельница, откуда доносился глухой монотонный шум работающих мельничных жерновов.

С. теперь слышала, что говорят за ее спиной женщины, мужчины, которых она легко узнавала по голосу, до нее ясно доносились их упреки, брань и насмешки. Дети, чувствуя настроение старших, скаля зубы и подпрыгивая вокруг нее, как вокруг ряженого, нестройным хором кричали во все горло: “Биж! Биж! Биж! С. родила бижа! Биж! Биж!” А она, растерянная, удрученная и подавленная, продолжала стоять неподвижно с младенцем на руках, все ниже опуская голову, не осмелившись ни разу взглянуть в их сторону.

Вдруг произошло то, чего никто не ожидал и не мог даже предположить. Молодая женщина быстро, словно в беспамятстве, развернула одеяльце и бросила младенца в канал. На какую-то долю секунды перед глазами у всех промелькнула крохотная фигурка внезапно проснувшегося ребенка в белой коротенькой распашонке, с голыми пухлыми ножками, раздался его тихий, жалобный голос, который тут же умолк, как только он с глухим шумом, точно брошенный камень, упал в воду.

Мать не закричала, не забилась в истерику, не упала в обморок, не издала ни единого звука, а продолжала стоять в той же неподвижной позе, как соляной столб, тупо, бессмысленными глазами глядя в то место, где только что холодная, мутная, илистая вода поглотила ее младенца.

Ужасное зрелище произвело отрезвляющее действие на односельчан, в сущности, добрых, простосердечных и сострадательных

¹ *Шерм* – стыд (татск. “держат шерм”). По обычаю, сосватанная девушка при встрече с родителями своего жениха, другими его близкими родственниками, а также с его друзьями должна была краем платка закрывать лицо.

Этим она выражала к ним свое уважение и в то же время показывала, что ей неловко, стыдно ходить перед ними с открытым лицом.

людей. Сначала все, потрясенные увиденным, сразу замолкли, точно язык присох к гортани. Даже дети, которые неистово кричали: “Биж! Биж!”, остановились в каком-то оцепенении. А потом, так же вдруг, перекрикивая друг друга, стали раздаваться совсем иные голоса:

- Вай, что ты наделала, безумная?!
- Хоть и биж — живая душа ведь!
- Ребенок-то тут при чем!.. Разве он виноват?!

Все дружно кинулись к обрыву. Двое парней тотчас же прыгнули в воду и вытащили ребенка, но он был уже мертв.

...С. была круглой сиротой. Родители ее умерли давно, когда она была еще совсем маленькой. У нее был единственный брат, года на три или четыре старше. Они выросли на тех крохах, которые подбрасывали им сердобольные соседи. И как-то выжили, несмотря на постоянное недоедание и отсутствие родительской заботы, тепла и ласки. Голодная сиротская жизнь все же сказалась на здоровье брата. Он вырос щедрым, к тому же был слабоумным и слабобольным.

Еще совсем недавно в селе ожидали свадьбы шестнадцатилетней девушки-сиротки С. и Ш., парня из нашего села, которого она сильно любила. Это был невысокий, коренастый и крутоплечий юноша, отличавшийся грубой бычьей силой и надменным, неприятным характером. Однако свадьба не состоялась. По селу пополз слух, взбудораживший всех от мала до велика, о том, что С. не девушка. Одни винили в этом ее возлюбленного, который, не дожидаясь свадьбы, насильно овладел ею во время одного из их тайных свиданий за селом. Другие, особенно родственники парня, считали, что виновата-де С., сама вешалась ему на шею. А некоторые из них в своем родственном рвении, желая всячески выгородить Ш., не останавливались даже перед клеветой на девушку: мол, кто знает, может, С. потеряла свою девичью честь в объятиях другого человека, а вовсе не их родственника.

Как бы там ни было, отец Ш., который вообще был против женитьбы своего единственного сына на безродной сироте, после этого категорически запретил ему встречаться с “потаскухой”. И угрожающе предупредил: если тот вопреки его родительской воле будет настаивать на женитьбе и девушка не докажет своей невинности, то он ради сохранения своего намуса и чести семьи прогонит ее с позором, а может, даже отправит ее с “Обратным маршем”¹ в дом брата.

¹“Обратный марш” (“Ошгуновое говол”). — По старинному обычаю нюгдинцев, если в брачную ночь у невесты не окажется доказательства ее невинности, то ее должны были посадить на осла лицом к хвосту и под глумливые звуки зур-

Ш. то ли не посмел ослушаться своих родителей, то ли С. вдруг перестала нравиться ему, а может, струсив, он не решился признаться в том, что случилось с С. (виноват он, и только он), и подчинился их воле. А чтобы окончательно и навсегда разорвать связь своего сына с “негодной” С., отец и мать поспешно сосватали ему родственницу.

С. оказалась в положении. Тщедушный и слабохарактерный брат и не подумал заступиться за поруганную сестру и отомстить соблазнителью и насильнику, как это сделал бы каждый брат на его месте. Больше того, как только он узнал, что сестра ждет ребенка, он под влиянием своей жены выгнал несчастную девушку из дома. Никто теперь с ней не общался, не разговаривал. Даже постоять с ней рядом, подышать одним воздухом считалось чуть ли не смертным грехом. То, что она носила в своем чреве бийца, внушало людям какой-то брезгливый ужас и суеверный страх, точно она несла в себе опасную заразу, чуму или бомбу.

Только одна наша односельчанка М., женщина богатырского сложения, которая была чуть ли не на целый аршин выше ростом и почти на столько же шире в плечах по сравнению со своим худым, поджарым мужем, пренебрегая мнением других, разрешила С. жить в своем дворе под открытым навесом, где находился ее тону¹, в котором она по пятницам выпекала хлеб.

Однажды соседка подозвала меня к себе и, протянув мне желтый и круглый, как голова подсолнуха, свежееиспеченный чурек, сказала:

— Отнеси, сынок, этот хлеб несчастной, да смотри не подходи к ней близко. Брось ей хлеб и тут же беги назад.

С тех пор прошло много лет. Но эта картина во всех подробностях сохранилась в моей памяти. Когда я пришел к С., она, сгорбившись, неподвижно сидела на голом земляном полу, опустив ноги в холодный тону. С. была в легком платье, которое туго обтягивало

ны и барабана (“Обратного марша”) отправить в дом ее родителей, чтобы отец или брат совершили над ней расправу, омыть ее кровью позорное пятно, которое она наложила на честь семьи и всего рода своим поступком. Если и даровали ей жизнь, она жила в доме родителей не как раноправный член семьи,

а как безропотная служанка, с сознанием вечной вины перед ними и перед людьми. Самым страшным проклятием в адрес незамужней девушки было: “Эриту ошгуновое говол кудфе биёво!” (“Да чтоб тебе сыграли “Обратный марш!”). Подробности этого таринного обычая описаны мною в повести “Возмездие”.

О нем я впервые слышал, будучи еще юношей, от своей старой тетки, известной в Нюгди сказительницы и плакальщицы. Но сам я, выросший в родном селении, подобного случая не встречал и не помню. Как правило, все наши девушки выходили замуж, будучи девственницами.

¹ Тону — специальная яма для выпечки хлеба.

“Сказание о любви”

ее выпяченный круглый живот, голова была низко опущена на грудь.

Двор был открытый, без забора. Все проходившие мимо, в большинстве своем женщины, шедшие с кувшинами к роднику, увидев ее, начинали судачить о ней.

У меня, тогда одиннадцатилетнего мальчика, было какое-то смешанное чувство, когда я с чуреком в руке подходил к С.: мальчишеское любопытство, жалость и безотчетная боязнь чего-то, которая овладевала мною тем сильнее, чем ближе я подходил к ней. Как и предупредила меня соседка, я, не дойдя до нее нескольких шагов, прямо на ходу бросил ей хлеб и тут же, сверкая пятками, без оглядки побежал назад. Ни мое появление, ни то, что я кинул ей хлеб, не вызвали у нее никакой реакции. Она ни разу не посмотрела в мою сторону, а продолжала сидеть в той же неподвижной позе, как извятие.

Через некоторое время С., видимо, чувствуя приближение родов, незаметно исчезла из села. Она, оказывается, уехала в город, в больницу, откуда вскоре вернулась со своим новорожденным.

За это время ее бывший возлюбленный женился и вел себя так, словно он проявил доблесть, поступив подло с бедной, беззащитной сиротой.

Вспоминая об этой трагедии, я все время думаю: почему С. совершила такой страшный, противоестественный для матери поступок? Может, под влиянием всего пережитого ею, особенно того, с каким недружелюбием, отчуждением, оскорблениями и насмешками встретили ее появление с незаконнорожденным ребенком в родном селении, она решила, что ее сыну будет трудно, невыносимо трудно жить среди своих сверстников-односельчан с позорным клеймом бижа — этой несмываемой каиновой печатью? Что его всю жизнь, за глаза и в глаза, по поводу и без повода, будут упрекать, дразнить, оскорблять этим страшным словом. И что он всю свою жизнь будет страдать, мучиться, проклиная тот день, тот час и миг, когда мать зачала его в своем чреве от незаконного отца-подлеца; чувствовать себя чужим среди своих. Поэтому не лучше ли для него сейчас один ужасный конец, чем ужасы без конца в будущем в этом странном, жестоком и безумном мире?

Но она не могла не знать, что и ее ждет нелегкая судьба отверженной среди погрязших в предрассудках односельчан и что никто из земляков ни под каким видом не пожелает взять ее себе в жены с этим несмываемым пятном. Но, как говорится, в семье не без урода. Нашелся такой странный, необычный нюгдинец, который женился на С. И вот как это произошло.

За пять лет до описываемого события, в 1922 году, один из на-

ших односельчан, молодой батрак Т., приревновав свою красавицу жену к сыну своего хозяина, зарубил парня кинжалом. Убийцу осудили и отправили в Сибирь. С тех пор прошло ни много ни мало девять лет. И в один прекрасный день, в середине лета 1931 года, бывший ссыльный, пренебрегая опасностью быть убитым своими кровниками — близкими родственниками убитого им человека, появился в родном селении в форме милиционера. Дети с восхищением смотрели на милицейскую форму, которая ладно сидела на его подтянутой фигуре, на блестящие ремень и портупею. Он пробыл в селении всего несколько дней. И за это время успел покорить сердца всех наших ребятишек. Они сопровождали его повсюду. А он держался с ними просто и доступно, ходил с ребятишками на прогулки за село, сам залезал на тутовник и тряс его. Дети заворованно, точно волшебную сказку, слушали его рассказы о далеком сибирском крае, о его людях, о царственной тайге, ее обитателях, о своей службе...

Но за время своего пребывания в селении он ни разу не был у своей жены, которая все эти годы честно ждала его. За день до отъезда он пришел в сельсовет вместе с С. и... зарегистрировал свой брак с ней, а на следующий день увез ее с собой.

Их уже давно нет в живых. Но живут их сыновья и внуки. А что касается первого возлюбленного С., предавшего ее и причинившего ей так много страданий, то он, как я слышал, в первый же год войны, в возрасте тридцати трех лет, погиб при неизвестных обстоятельствах...

1949

СКАЗАНИЕ О ЛЮБВИ

(Татская легенда¹)

Ай Табасаран, джан Табасаран!

Абумуслим Джафаров

В ТРИДЦАТИ — тридцати пяти километрах к югу от древнего Дербента, среди объятых чуткой тишиной задумчивых лесов, зеленых полей и глухих оврагов, приютилось мое родное селение Нюгди. Название села происходит от сочетания двух татарских слов — “нюге дигь”, что означает “новое селение”. Кто и когда основал его, почему селение получило такое название — об этом рассказывал мне отец, когда я был еще мальчиком, да и от убежденных сединами односельчан не раз потом слышал об этой трагической и вместе с тем прекрасной истории.

С незапамятных времен предки наших односельчан, нюгдинцев, жили в одном из табасаранских аулов вместе с табасаранцами и вели одинаковый с ними образ жизни.

Прекрасны горы Табасарана. Если в раю есть горы, должно быть, они похожи на табасаранские. Склоны их, покрытые изумрудной травой, пестреющей разноцветными полевыми цветами, напоминают чудесные, украшенные узорами ковры, вытканные руками искусных табасаранских ковровщиц. А леса там в весеннюю пору трудно отличить от цветущих садов, столько в них плодовых деревьев. Не потому ли здесь в это время года так звонко раздаются соловьиные трели с зари и до поздней ночи и так много вдохновенных певцов и ашугов?

Говорят, когда Бог создал первых людей — Адама и Хеву, райский сад находился не на небе, а на земле. Кто знает, может, это были сады, привольно раскинувшиеся в живописных долинах Табасарана?

И душа народа под стать прекрасной природе родной земли. Она щедра, как плодоносное дерево, чиста, как бесчисленные родники, которыми богат этот край. А необыкновенное гостеприимство табасаранцев вошло в поговорку. Самое страшное проклятие на устах их: “Да чтоб гость не постучался в дверь твоего дома!”...

Хотя предки наших односельчан-нюгдинцев и табасаранцы, жившие в этом ауле, принадлежали к разным народам и исповедовали разную религию, но судьбы их были схожи: одно и то же омра-

¹ В народе эта легенда бытует под названием “Визирь табасаранского хана”.

чало жизнь их всех — жестокое иго ханов, которым они были подвластны.

Случилось это давно, несколько столетий назад. У одного из табасаранских ханов был приближенный — наш единоплеменник по имени Довид. Он был человеком начитанным и мудрым, немало странствовал по свету и немало повидал и испытал на своем веку. Знал много историй из жизни разных народов и минувших поколений, многое мог рассказать о чужих странах, об обычаях и нравах их жителей. А сколько Довид знал сказок и песен, легенд и притчей — никто сосчитать не мог.

По вечерам Довид развлекал властелина занимательными повествованиями, услаждал его слух песнями и игрой на сазе¹. Он владел также искусством врачевания, знал, из какой травы какое лекарство изготовить, чтобы исцелить рану, изгнать из тела болезнь, по расположению звезд мог предсказать судьбу человека, его будущее. Да и внешность он имел самую благородную: высокий, статный, с пышной, великолепной бородой патриарха, учтивыми манерами. За эти достоинства и приблизил его хан к себе. В народе его знали и любили, называли “визирем”, хотя на самом деле он им не был.

Однажды хан, красный и веселый от выпитого вина, возлежал на топчане с золотыми ножками, покрытом ярким ковром, и, облокотившись на мягкую подушку, слушал сказку, которую рассказывал Довид. Когда он закончил, была уже глубокая ночь. Попросив позволения у хана, Довид встал. Отвесив поклон и пожелав хану спокойной ночи, он направился к двери, но хан вдруг остановил его.

— Стой, Довид! — сказал он. — Я слышал, что ты хочешь сыграть свадьбу своей дочери? Еще я слышал, что она у тебя, иншалла², прекрасна, как Лейли?.. Правда ли это?

Да, это была правда. Единственная дочь Довида была так красива и нежна, что от нее невозможно было оторвать глаз. Все называли девушку гурией — райской красавицей. Но и жених ее, Джумшуд, был под стать своей невесте: красив лицом и строен, как молодой тополь, отличный наездник и смелый джигит. Он не был ни одноаульчанином, ни единоплеменником Довида, а был рожден табасаранской женщиной. Но Довид любил его как родного сына. Родители Джумшуда умерли во время какой-то свирепствовавшей в горах повальной болезни, когда он был еще ребенком. Отец его был близким другом Довида. А у нас чего только не сделает человек ради кунака! Отец Джумшуда, умирая, завещал Довиду заботиться о

¹ Саз — струнный музыкальный инструмент.

² Иншалла — слава Аллаху.

его мальчике-сироте. И с тех пор Джумшуд жил в доме друга своего отца вместе с его маленькой дочерью — Шушен.

В детстве они относились друг к другу как брат и сестра. Как и Шушен, Джумшуд называл Довида отцом. А когда они стали взрослыми и узнали, что они не брат и сестра, их дружба и привязанность переросли в нежную и пламенную любовь.

Хотя Джумшуд и Шушен пытались скрыть от Довида свою любовь, но не таков он был, чтобы не заметить, что творится в душах детей. И вот однажды вечером Довид позвал к себе Джумшуда и Шушен и, взяв их руки в свои и с любовью глядя им в лицо, сказал:

— Дети мои! Я вижу, что вы любите друг друга. Из всех Божьих милостей, дарованных человеку, любовь — высший дар. Могу ли я пойти наперекор чувству, внушенному вам самим Богом? — И Довид после короткого молчания, молитвенно подняв глаза вверх, взволнованным голосом добавил: — С этой минуты перед Всевышним я объявляю вас женихом и невестой. Да дарует он вам счастье и долгие годы жизни!..

И вот теперь, когда Шушен собиралась стать женой своего избранника, хан неожиданно спросил о ней.

— Да, мой хан, если на то будет воля Бога, я собираюсь сыграть свадьбу моим детям этой осенью, — учтиво произнес Довид.

— Самое хорошее время для свадьбы: мука от нового урожая в кенду¹, а молодое вино в хюмах², — одобрительно отозвался хан и, внимательно оглядывая стоявшую в почтительной позе высокую фигуру своего приближенного, добавил: — Но не забывай, мой Довид, Бог, о котором ты только что упомянул, творит свою волю на небесах, а я, твой хан и господин, — на земле.

Смутная тревога, точно лед, коснулась сердца Довида. Но он, стараясь ничем не выдать ее, с внешним спокойствием спросил:

— Да простит мне мой хан: годы, видно, притупили мой ум. Я не совсем понял, что ты имеешь в виду, напоминая сейчас о своей ханской воле?

Хана будто бы позабавили слова приближенного. Недоверчиво косясь на него, он засмеялся громким пьяным смехом. Потом, сразу замолчав, строго и испытующе глядя на Довида, сказал:

— Говорят: “Что умному — намек, то глупому — объяснение”. Но ты же умный. А что я имел в виду? Я хочу, иншалла, твоей дочери-красавице оказать честь... Пусть первую брачную ночь она проведет на моем ложе...

Довид сразу изменился в лице. Пол дрогнул и качнулся под его

¹ Кенду — глиняная бочка для хранения муки дома.

² Хюм — огромный глиняный сосуд для хранения воды или вина.

ногами, в глазах померк свет. Но огромным усилием воли он устоял на ногах. Гордый, честный, смелый, Довид никогда ни перед кем не преклонял голову, кроме как перед ханом, своим повелителем. А на коленях не стоял даже перед ним. Сейчас, глубоко потрясенный и страшно испуганный услышанным, он упал на колени перед ханом и, схватив рукой свою седеющую бороду, горячо взмолился:

— Мой хан, прошу тебя, пощади мои седины, не покрывай их позором, хотя бы ради того, что я столько лет верой и правдой служил тебе. Дочь моя предпочтет броситься со скалы в пропасть, чем пережить такой позор. А Джумшуд, который дорог мне, как родной сын, тоже скорее погибнет, чем согласится на поругание своей чести.

Хан, который не привык, чтобы ему перечили, если он даже намеренно творит злое дело, вскипел гневом.

— Другому я сейчас же велел бы жоллоду¹ отрубить голову за такие дерзкие слова и непокорность, — вскочив с топчана и возбужденно шагая по комнате, освещенной ровным желтоватым пламенем чирака², громко произнес он с налитыми кровью глазами. — Я дарю тебе жизнь, но помни: желание мое должно быть исполнено!

Домой Довид вернулся сильно встревоженный и бледный как смерть. В ушах как приговор осужденному на казнь звучали последние слова хана: "...помни: желание мое должно быть исполнено!.."

Джумшуд первый раз видел его таким.

— Отец! Скажи, что с тобой? Почему у тебя такой вид? — с тревогой спросил он его. — Случилось что-нибудь? А может, ты просто болен?

— Ах, сын мой, — громко, как от боли, простонал Довид, хватаясь рукой за грудь и медленно опускаясь на подушку. — Лучше бы я трижды заболел и трижды умер... У этих ханов и падишахов, развращенных и ослепленных властью, видно, нет ни сердца, ни жалости...

— О чем ты говоришь, отец?! — вскричал Джумшуд, чувствуя что-то недоброе.

Довид немного помедлил, а потом, закрыв глаза ладонью, чтобы не смотреть в лицо Джумшуду, прошептал, как в бреду:

— Хан хочет твою невесту...

То, что услышал Джумшуд, огнем обожгло его душу. Он мигом вскочил на ноги и, резким движением выхватив кинжал из ножен, произнес в ярости:

¹ Жоллод — палач.

² Чирак — керосиновая лампа.

— Я ворвусь во дворец хана и убью своей рукой этого насильника и злодея! Один из нас в эту же ночь должен погибнуть!..

Довид, крайне встревоженный намерением Джумшуда, тоже поднялся с места и удержал его за руку.

— Стой! — закричал он на бушующего, как пламя на ветру, юношу. — Ты молод, горяч и не думаешь о последствиях своего поступка. Никогда не делай сразу того, что в горячности диктует сердце: оно слепо. Допустим, ты этой ночью убьешь хана, а завтра его место займет его сын или брат. Все останется по-прежнему. А ты и твоя невеста погибнете...

— Не уговаривай меня, отец! — прервав Довида, с мольбой и отчаянием вскрикнул Джумшуд, корчась, словно от нестерпимой боли. — Я скорее положу голову на плаху, чем смирюсь с таким бесчестьем!..

Да, Довид знал это. Будь он на месте Джумшуда, поступил бы так же. Но, с трудом удерживая распаленного гневом Джумшуда от непоправимой ошибки, он поклялся, что не отдаст ни при каких обстоятельствах на поругание развратному хану его невесту и что тому не видать Шушен, как летучей мыши ясного неба.

Прошло три дня после того памятного вечера. Хан послал одного из своих нукеров за Довидом, который за эти три дня ни разу не появился во дворце.

Войдя в ханские покои, Довид отвесил хану глубокий поклон и, словно между ними ничего не было, приветствовал владыку. Тот, кивком головы ответив на приветствие приближенного и испытующе глядя на него, спросил с нарочитой любезностью:

— Наверно, мой Довид все еще продолжает хранить обиду на своего повелителя, а?..

— О нет, мой хан, — принужденно улыбаясь и склоняясь в поклоне, произнес Довид. — Смею ли я, твой подданный и раб, обижаться на тебя, если желание господина — закон для раба?

— Ай, машаллах, Довуд, машаллах! — похвалил его хан, довольный его ответом. — А теперь, иншалла, давай посидим, выпьем вина, и ты расскажешь мне какую-нибудь занимательную историю.

Поев и выпив много вина, хан в самом веселом расположении духа растянулся на топчане, приготовившись слушать своего приближенного.

— Слушай, о повелитель! Жил-был один богатый и именитый купец, — начал Довид свой рассказ. — Он часто отлучался из дому на два-три года, водил свои караваны верблюдов, груженных ценными товарами, в разные страны.

Однажды, прежде чем отправиться в долгое путешествие, ку-

пец подошел к своим четырем женам и многочисленным домочадцам, чтобы узнать у каждого, кому какой подарок привезти из чуждальных стран.

В спальне купца висела золотая клетка, а в ней жила красивая разноцветная птица попугай, которая умела петь и говорить по-человечьи. Он и ее спросил, какой подарок ей привезти.

Птица жалобно посмотрела на своего хозяина, потом промолвила:

— Благодарю тебя, о господин, мне подарок не нужен. Если хочешь выполнить мое желание, прошу тебя об одном: в Индостане среди большого моря есть маленький островок. Называется он Остров роз. Там живет мой брат. Передай ему от меня поклон и скажи, что я жива и здорова, живу в золотой клетке.

— Хорошо, мой попугай, — сказал купец, — если доберусь туда, непременно выполню твое желание.

С того дня прошло более двух лет. Вернулся купец благополучно, выгодно продав свои товары, раздал всем обещанные подарки, а птице не сказал ничего. Она молчала день, другой, наконец не выдержала, спросила купца:

— О господин, который уж день, как ты, слава Богу, благополучно вернулся из странствия, а меня почему-то стараешься избегать, ничего не говоришь мне! Был ли ты на том острове? Удалось ли тебе увидеть моего брата?

— Не хотел я огорчать тебя, моя певунья, — скорбно вздохнул купец. — Был я на Острове роз, видел твоего брата, но, как только я передал ему то, что ты просила, он тут же замертво упал с дерева.

Услышав это, попугай в клетке издал жалобный крик и тоже испустил дух. Удивленный и опечаленный, купец открыл клетку. Увидев, что птица мертва и что тело ее одеревенело, он пожалел ее, но делать нечего — выбросил в сад.

А сад у купца был прекрасный. Как только он выбросил птицу, на его глазах произошло чудо: она вдруг ожила и, взмахнув крыльями, взлетела на самую высокую ветку ближайшего дерева.

— О птица, что все это значит? — воскликнул изумленный купец. — Зачем ты так поступила? Вернись обратно в свою клетку. Я привык на заре и в полночь слушать твое пение, любоваться твоим ярким оперением, переливающимся всеми цветами радуги. Без тебя я буду скучать.

А попугай ему говорит в ответ:

— О купец, я знал, что ты меня не выпустишь из клетки. А для птицы живая ветка дороже золотой клетки. Оттого что тюрьму выстроишь из золота и серебра, она разве перестанет быть тюрьмой? Мне природа дала крылья, чтобы я могла летать на свободе под яс-

ным небом, купаться в лучах солнца; сердце — чтобы наслаждаться жизнью, любовью. Но разве тебе есть дело до всего этого? Для тебя я только игрушка, забава — не больше. А ведь я хоть и маленькая птица, но тоже живое существо, рожденное для радости и счастья. Брат мой, которого ты видел на острове, не умер. Он только притворился мертвым, чтобы ты потом об этом рассказал мне. Я поняла его знак и тоже притворилась мертвой, чтобы ты выбросил меня. Теперь прощай, но знай, что птица, вкусившая сладость свободы, никогда не захочет вернуться в неволю.

С этими словами она расправила крылья и, счастливо запев, улетела высоко в небо.

Хану очень понравилась сказка. Он долго смеялся над одуроченным купцом.

— А смотри-ка, маленькая птичка-невеличка околпачила много видевшего и много знающего купца, — весело хохоча, проговорил пьяный хан. Затем, обращаясь к своему приближенному, сказал: — А тебе, мой Довид, за такую чудную сказку я завтра прикажу выдать новую черкеску с золотыми газырями.

Отяжелев от обильного ужина и выпитого вина, хан, как только ушел Довид, сразу уснул.

Под утро ему приснился странный сон. В ауле свадьба. Слышны веселые пронзительные звуки зурны и барабана. Он один в своей опочивальне. Кто-то снаружи толкает дверь, и к нему впускают Шушен в подвенечном платье. Обуреваемый страстью, он подходит к ней, дрожащими руками сбрасывает с ее лица перде¹ и, пораженный необыкновенной красотой девушки, говорит с волнением:

— Твоя красота выше всяких похвал, моя пери! Отныне ты будешь для меня самой желанной из всех моих жен и наложниц в моем гареме.

Хан, точно в лихорадке, срывает с девушки одежду и порывисто обнимает ее, обнаженную, прекрасную. Но на глазах изумленного хана девушка вдруг превращается в яркую пеструю птицу, которая с шумом выпархивает из его объятий. Она подлетает к окну, сильным ударом крыла открывает его и стрелой устремляется в небо, навстречу утренней заре.

Хан просыпается весь в поту, сам не свой. Едва придя в себя, он, злой, взбешенный, нетерпеливый, отправляет в аул двух вооруженных нукеров, чтобы немедленно доставили к нему дочь “ви-зиря”.

Дворец хана, окруженный высокой стеной с башнями и бойни-

¹ Перде — длинное покрывало, которым закрывают лицо невесты.

цами, стоял на вершине утеса. От него до аула, где жил Довид с семьей, было полчаса езды верхом. Но не прошло и часу, как нукеры примчались назад без девушки, растерянные и взволнованные.

— О повелитель! — падая ниц перед ханом, воскликнули они. — В ауле нет ни одной живой души, точно всех его жителей от мала до велика поглотила земля!..

Тревожная догадка, точно огненная стрела, прожгла сердце хана. Только сейчас он с неумолимой ясностью понял, к чему его приближенный вчера вечером рассказывал историю про купца и его попугая. А он, глупец, еще смеялся от души над одураченным купцом, обещая за сказку, которая ему так понравилась, подарить этой хитрой лисе новую черкеску с золотыми газырями!

— Ты обманул меня, старый пес, как та птица в клетке — своего хозяина, купца, и ушел из под-моей власти! — закричал он в бешенстве. — Но я найду вас всех, даже под землей, и месть моя будет страшна. Ты не птица, Довид, а я не купец!..

На другой день после того, как Довид поклялся избавить Джумшуда и его невесту от грозящего им бесчестья и гибели, он втайне от хана и его нукеров созвал в своем доме совет аксакалов, среди которых были таты и табасаранцы.

— Почтенные аксакалы! — обратился к ним Довид. — Мы, жители этого аула, люди разных народностей и разной веры, представляем один джамаат. Веками живем вместе, ходим по одной земле, под одним небом, дышим одним воздухом. У нас одни и те же обычаи, одни и те же радости и горести. И прах наших отцов покоится в одной земле, и дети наши растут и мужают вместе. Одно и то же иго давит нас. Хан-злодей, его беки-мюлкодори¹ угнетают и грабят нас жестоко и безжалостно. До каких пор мы будем терпеть и молчать?..

— Все то, что ты говоришь, о визирь, верно, — сказали в один голос старейшины аула, — но власть хана сильна. У него вооруженные нукеры, злые, как цепные псы, с которыми нам не справиться. Против хана и его нукеров мы бессильны.

— Нам надо уйти туда, куда не простирается власть хана, где не достанут нас его нукеры, — горячо убеждал их Довид. — Далеко отсюда, на равнине, в поймах рек Самур и Григоринчай, среди девственных лесов, немало свободных земель. Уйдем тайком от хана и его кровожадных нукеров. Начнем там новую жизнь.

Долго думали аксакалы. Нелегко было жителям аула согласиться на то, что предлагал им визирь: оставить свои дома, насиженные

¹ *Мюлкодори* — помещики, феодалы.

места, поля, политые их потом. Но еще труднее и невыносимее было для них ханское иго. И в тот вечер, когда Довид развлекал пьяного хана сказкой о купце и его попугае, население аула, погрузив все свои вещи на арбы, лошадей и ослов, завязав морды животным, в строгой тишине покинуло аул.

Когда Довид вышел от хана, стояла глубокая ночь. Небо было чистым, синим. Оттуда, точно бесчисленные глаза, изумленно глядели на землю, где живут неразумные люди, далекие звезды.

Раньше Довид, возвращаясь за полночь от хана, любил прислушиваться к бойкой перекличке петухов, раздававшейся из разных концов погруженного в глубокий сон аула, к встревоженному лаю собак, слабому плачу проснувшегося в люльке ребенка. А сейчас его аул, где он родился, вырос и состарился, где покоится прах многих поколений его предков, где каждая тропинка, улочка, каждый камень, каждая сакля до боли знакомы и дороги его сердцу, хранят их память, — был пуст и безмолвен, как покинутое гнездо. Над ним, как над кладбищем, висит гнетущая могильная тишина, от которой пронзительно звенит в ушах, а сердце наполняется скорбью и печалью.

Склонив голову на грудь, со слезами на глазах, в последний раз медленно ехал Довид по узким, кривым и пустынным улицам родного аула, мысленно прощаясь с ним. Потом, очнувшись от своих тяжелых дум, прищипорил коня и во весь опор помчался вслед за беглецами.

Долго шли люди в поисках свободной земли, подальше от ханской неволи, пробираясь в густых, диких, незнакомых лесах. Никто не роптал, не жаловался на тяготы и лишения. Непреклонное желание жить свободными, без ханского гнета, без издевательств злых нукеров, придавало им силу и бодрость.

Наконец они нашли среди обширных лесов на берегу реки Григоринчай подходящее место для поселения. Земля здесь была щедрая, леса богаты дичью, река изобиловала рыбой. Люди обосновали селение, обнесли его защитной стеной и назвали его Довид-Кала в честь своего серкеле¹.

Прошел год, как беглецы обосновались на новом месте. Был снят с полей первый урожай. Вскоре после этого в селе справили первую свадьбу — свадьбу Джумшуда и Шушен. Это было одновременно и общим праздником односельчан — годовщиной освобождения от ханского ига. Три дня и три ночи вольные люди на вольной земле, мужчины и женщины, юноши и девушки, под звуки зур-

¹ Серкеле — глава, предводитель.

ны и барабана веселились, пели, танцевали — бурно выражали свою радость. Но на третий день, последний день всеобщего торжества, в разгар веселья, словно гром среди ясного неба, на селение обрушилась ханская дружина, вооруженная мечами и копьями. Целый год люди хана искали беглецов и наконец напали на их след.

— Джамаат! Братья! — крикнул Довид, обращаясь к односельчанам. — Если мы не прогоним ханских нукеров, нас вновь ожидает ханское иго и произвол, а многих — ханская месть и жестокая расправа. Защитим нашу свободу!..

Веселые звуки музыки, задушевные песни любви, радостные голоса сменились звоном мечей, плачем детей, криками раненых, тревожным ржанием испуганных коней, словами проклятий. Все от мала до велика, вооруженные чем попало: кинжалами, копьями, топорами, железными вилами, косами, кольями, выдернутыми из заборов, — вступили в смертный бой с ханской дружиной.

Силы были неравны. Многие сельчане сложили головы в жестоком бою. Пал с рассеченной грудью Джумшуд, который дрался как разъяренный лев. Весь обгаренный кровью, он упал на руки своей невесты, успев только крикнуть Довиду, сражавшемуся во главе своих односельчан, чтобы стояли насмерть, берегли Шушен, не отдавали ее на поругание хану-насилънику.

Немало и ханских нукеров было убито в ожесточенной схватке. Но они всё еще были сильны. Хорошо вооруженные, обученные военному ремеслу, привыкшие к насилию и жестокости, нукеры, точно свирепая стая бешеных волков, бросались с мечами и копьями на беглецов, стойко и мужественно защищавших свою жизнь, честь и свободу. И вот, когда победа явно стала клониться на сторону ханских карателей и обессиленные и обескровленные жители села едва могли сопротивляться, вдруг между сражавшимися пронеслась, словно видение, девушка в черном платье, с развевающимися черными волосами, верхом на черном коне. Лицо ее было гневно и прекрасно. В руках молнией сверкал острый меч. То была невеста Джумшуда — Шушен. Великая любовь и беспредельная ненависть придали ей, обыкновенной сельской девушке с застенчивым характером, невиданную смелость и бесстрашие. Она неслась навстречу врагам, подобно грозовой туче, гонимая ураганом, выкрикивая имя своего возлюбленного:

— Джу-у-умшу-уд!!!

Крик ее могучим эхом прокатывался по лесам и полям, со стокающей силой повторяя его.

Увидев девушку, оглушенные ее нечеловеческим голосом, суеверные ханские нукеры остолбенели от ужаса. Она показалась им черным ангелом смерти — Азраилом, сошедшим с неба в образе

прекрасной девушки, чтобы покарать их за кровь и слезы невинных людей. Обессиленные, потерявшие было надежду на спасение, беглецы вновь воспрянули духом, с новой яростью и отвагой вступили в бой и прогнали ненавистных нукеров.

Шушен не надолго пережила смерть своего жениха. Дни и ночи она проводила на его могиле. Горе и слезы скоро иссушили ее, превратив в каменную статую безутешно скорбящей девушки на могиле своего возлюбленного. Говорят, много-много лет, пока могила не сровнялась с землей и не заросла травой и кустарником, стояла эта каменная девушка. Такой видели ее днем. А в тревожные грозовые ночи, перед рассветом, к каменной девушке возвращался ее первоначальный облик. Одета в черное платье, с развевающимися черными волосами, с лицом гневным и прекрасным, она неслась на черном коне, выкрикивая имя своего возлюбленного, повторяемое эхом. Да и сейчас, спустя столетия, все еще встречаются люди, которые утверждают, что видели своими глазами, как ночью, перед рассветом, словно стрела, пущенная из лука, неслась девушка на черном коне среди старых развалин, где некогда происходило жестокое сражение с ханскими нукерами, в котором погиб ее жених.

Вскоре после позорного бегства ханских нукеров оставшиеся в живых люди во главе с Довидом, опасаясь нового нашествия ханской дружины, перешли реку, спустились по ней дальше вниз и основали среди дремучих лесов и глухих оврагов новое селение и назвали его Нюнди”.

Вот так возникло наше селение.

1941

Хизгил Авшалумов
ПОХОЖДЕНИЯ ХИТРОУМНОГО
ШИМИ ДЕРБЕНДИ

Юмористические
и сатирические новеллы

Рассказы

МАКЕТ И ОФОРМЛЕНИЕ
Сергей Стулов

ИЛЛЮСТРАЦИИ
Василий Власов

КОРРЕКТОР
Ирина Леонтьева

Хизгил Авшалумов

Похождения хитроумного Шими Дербенди: Юмористические и сатирические новеллы. 1998. — 328 с., ил.

ISBN 5-88149-030-4

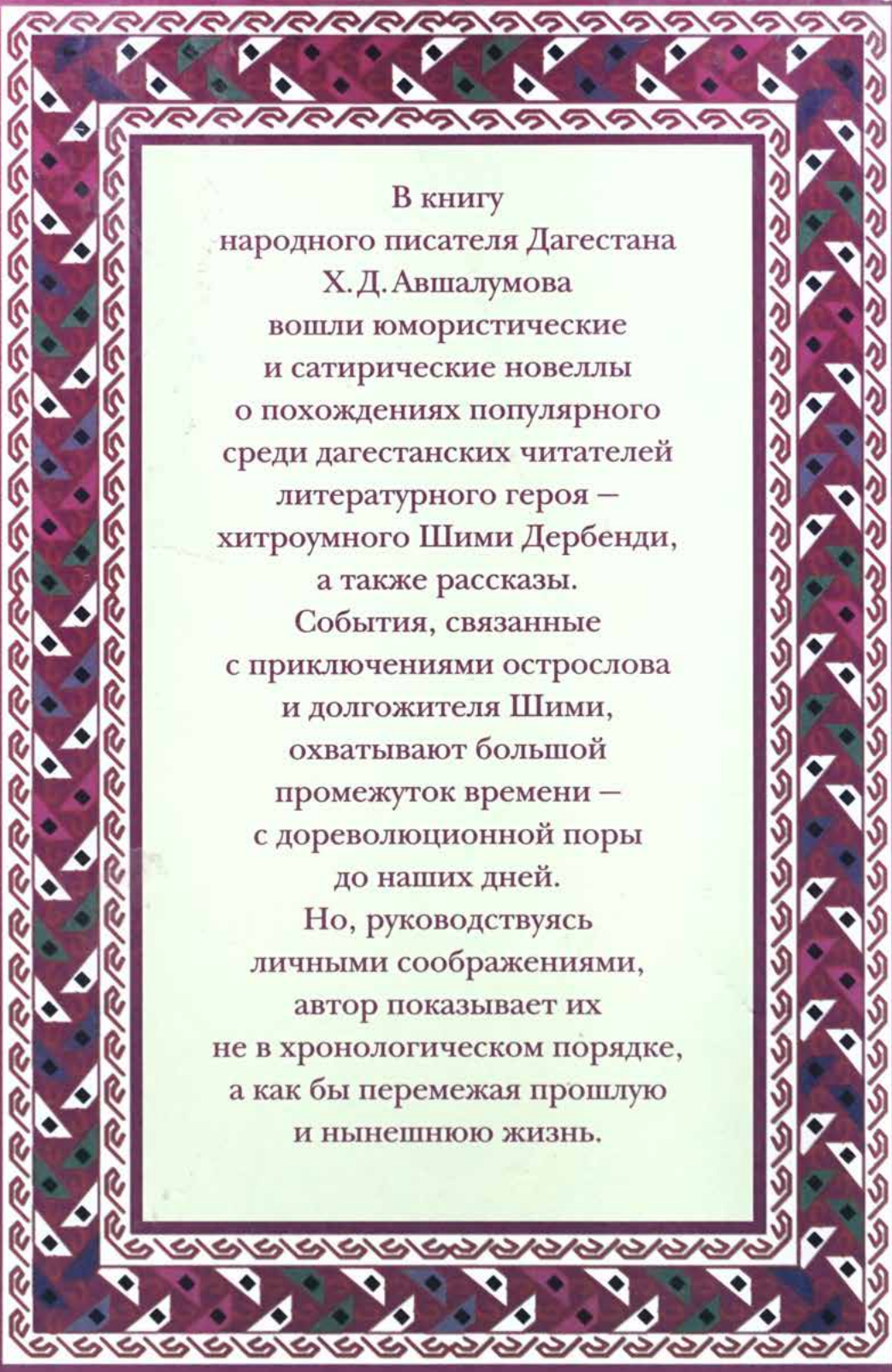
В книгу народного писателя Дагестана Х. Д. Авшалумова вошли юмористические и сатирические новеллы о похождениях популярного среди дагестанских читателей литературного героя — хитроумного Шими Дербенди, а также рассказы.

События, связанные с приключениями остролова и должителя Шими, охватывают большой промежуток времени — с дореволюционной поры до наших дней. Но, руководствуясь личными соображениями, автор показывает их не в хронологическом порядке, а как бы перемежая прошлую и нынешнюю жизнь.

ЛР № 010304 от 08.07.93 г.
Формат 70х100/16. Бумага офсетная.
Печать **офсетная**. Печ. л. 20,5.
Тираж 1000 экз. Заказ № 812

ОАО «Типография «Новости».
107005, Москва, ул. Фр. Энгельса, 46.

В книгу
народного писателя Дагестана
Х. Д. Авшалумова
вошли юмористические
и сатирические новеллы
о похождениях популярного
среди дагестанских читателей
литературного героя —
хитроумного Шими Дербенди,
а также рассказы.

События, связанные
с приключениями остролова
и долгожителя Шими,
охватывают большой
промежуток времени —
с дореволюционной поры
до наших дней.

Но, руководствуясь
личными соображениями,
автор показывает их
не в хронологическом порядке,
а как бы перемежая прошлую
и нынешнюю жизнь.